ISSN 1726-3247

Т. 18. № 4. Сентябрь 2017 www.ecsoc.msses.ru; www.ecsoc.hse.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL OF ECONOMIC SOCIOLOGY = EKONOMICHESKAYA SOTSIOLOGIYA

Читайте в номере:

Interview with **Ashwini Deshpande**: “Sticky Floors are Becoming Stickier for Women in the Indian Labor Market”

Сизова И. Л., ЛеоноваЛ. А., Хензе А. Прекаритет занятости и доходов в России и Германии: самовосприятие наёмными работниками

Ярошенко С. С. Лишние люди, или О режиме исключения в постсоветском обществе

Бурдьё П. Homo Academicus

Экономическая социология
Т. 18. № 4.
Сентябрь 2017

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 20, комн. 406
тел.: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Электронный журнал «Экономическая социология» издаётся с 2000 г. Учредителями являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (с 2007 г.) и Вадим Валерьевич Радаев (главный редактор).

Цель журнала — утверждать международные стандарты экономико-социологических исследований в России, представлять современные работы российских и зарубежных авторов в области экономической социологии, информировать профессиональное сообщество о новых актуальных публикациях и исследовательских проектах, а также вовлекать в профессиональное сообщество молодых коллег.

Журнал представляет собой специализированное академическое издание. В нём публикуются материалы, отражающие современное состояние экономической социологии и способствующие развитию данной области в её современном понимании. В числе приоритетных тем: теоретические направления экономической социологии, социологические исследования рынков и организаций, социально-экономические стратегии индивидов и домашних хозяйств, неформальная экономика. Также публикуются тексты из смежных дисциплин — неоинституциональной экономической теории, антропологии, экономической психологии и других областей, которые могут представлять интерес для экономсоциологов.

Журнал публикует пять номеров в год: в январе, марте, мае, сентябре и ноябре. Доступ ко всем номерам журнала постоянный, свободный и бесплатный по адресу: http://www.ecsoc.hse.ru. Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).

Журнал входит в список ВАК России, индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), Emerging Sources Citation Index (ESCI) из Web of Science Core Collection и Scopus.

Требования к авторам изложены по адресу: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

В журнале применяется двойное анонимное рецензирование статей. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры.

Плата с авторов журнала не взимается. Ускоренные сроки публикации статей не предусмотрены.

Journal of Economic Sociology
Vol. 18. No 4.
September 2017

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

20 Myasnitskaya street,
room 406
101000, Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Journal of Economic Sociology was established in 2000 as one of the first academic e-journals in Russia. It is funded by the National Research University Higher School of Economics (HSE).

Journal of Economic Sociology promotes international standards of research in economic sociology, presenting new research carried out by Russian and international scholars, introducing new books and research projects, and attracting young scholars into the field.

Journal of Economic Sociology is a specialized academic journal representing the mainstreams of thinking and research in international and Russian economic sociology. Journal of Economic Sociology provides a framework for discussion of the following key issues: major theoretical paradigms in economic sociology, sociology of markets and organizations, social and economic strategies of households, informal economy. Journal of Economic Sociology also welcomes research papers written within neighboring disciplines — new institutional economics, anthropology, economic psychology and related fields, which can be of interest for economic sociologists.

Journal of Economic Sociology has a wide Russian speaking audience, living both in Russia and abroad. Its main target group comprises research scholars, university professors, policy-makers, post-graduates, undergraduates and others who are interested in economic sociology.

Journal of Economic Sociology is indexed by Emerging Sources Citation Index (ESCI) from Web of Science™ Core Collection and Scopus.

Journal of Economic Sociology is a bimonthly journal released in five issues (January, March, May, September, and November). Journal of Economic Sociology provides permanent free access to all issues in PDF. Journal of Economic Sociology applies blind peer-review procedures (two referees for each research paper). All papers are subject to editing, proofreading, and professional design layout.

Guidelines for authors: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

Экономическая социология
Т. 18. № 4.
Сентябрь 2017

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Журнал выходит пять раз в год

Учредители:

- Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- В. В. Радаев

Издаётся с 2000 года

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Редакция

Главный редактор:	Радаев Вадим Валерьевич (НИУ ВШЭ, Россия)
Редактор выпуска:	Соколова Татьяна Виленовна (НИУ ВШЭ, Россия)
Вёрстка:	Мишина Мария Евгеньевна (Россия)
Корректор:	Андрианова Надежда Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)
Ответственный секретарь:	Котельникова Зоя Владиславовна (НИУ ВШЭ, Россия)
Сотрудники редакции:	Назарбаева Елена Алексеевна (НИУ ВШЭ, Россия) Конрой Наталья Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Международный редакционный совет

Ашвин Сара (Ashwin, Sarah)	Лондонская школа экономики и политических наук (Великобритания)
Гербер Тед (Gerber, Ted)	Висконсинский университет в Мэдисоне (США)
Гусева Аля (Guseva, Alya)	Университет Бостона (США)
Зависка Джейн (Zavisca, Jane)	Университет Аризоны (США)
Линднер Петер (Lindner, Peter)	Университет Франкфурта-на-Майне им. И. В. Гёте (Германия)
Сводер Кристофер (Swader, Christopher)	Лундский университет (Швеция)
Якубович Валерий (Yakubovich, Valery)	Бизнес-школа ESSEC (Франция)

Редакционный совет

Богомолова Татьяна Юрьевна	Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Россия)
Веселов Юрий Васильевич	Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)
Волков Вадим Викторович	Европейский университет в Санкт-Петербурге (Россия)
Гимпельсон Владимир Ефимович	НИУ ВШЭ (Россия)
Лапин Николай Иванович	Институт философии РАН (Россия)
Малева Татьяна Михайловна	Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС (Россия)
Овчарова Лилия Николаевна	НИУ ВШЭ (Россия)
Радаев Вадим Валерьевич (главный редактор)	НИУ ВШЭ (Россия)
Хахулина Людмила Александровна	Аналитический центр Юрия Левады (Россия)
Чепуренко Александр Юльевич	НИУ ВШЭ (Россия)
Шанин Теодор	Московская Высшая школа социальных и экономических наук (Россия)
Шкаратан Овсей Ирмович	НИУ ВШЭ (Россия)

Journal of Economic Sociology
Vol. 18. No 4.
September 2017

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Journal of Economic Sociology is a bimonthly journal released in five issues in annual volume

Establishers

- National Research University Higher School of Economics
- Vadim Radaev

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

Editors

Editor-in-Chief:	Vadim Radaev (HSE, Russia)
Editor:	Tatyana Sokolova (HSE, Russia)
Design and Layout:	Maria Mishina (Russia)
Proofreader:	Nadezda Andrianova (HSE, Russia)
Managing Editor:	Zoya Kotelnikova (HSE, Russia)
Editorial Staff:	Elena Nazarbaeva (HSE, Russia) Natalia Conroy (HSE, Russia)

International Editorial Council

Sarah Ashwin	The London School of Economics and Political Science (UK)
Ted Gerber	University of Wisconsin-Madison (USA)
Alya Guseva	Boston University (USA)
Peter Lindner	Goethe University Frankfurt (Germany)
Christopher Swader	Lund University (Sweden)
Valery Yakubovich	ESSEC Business School (France)
Jane Zavisca	The University of Arizona (USA)

Editorial Council

Tatyana Bogomolova	Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)
Alexander Chepurenko	HSE (Russia)
Vladimir Gimpelson	HSE (Russia)
Lyudmila Khakhulina	Yuri Levada Analytical Center (Russia)
Nikolay Lapin	Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences (Russia)
Tatyana Maleva	Institute of Social Analysis and Forecasting, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia)
Lilia Ovcharova	HSE (Russia)
Vadim Radaev (Editor-in-Chief)	HSE (Russia)
Theodor Shanin	Moscow School of Social and Economic Sciences (Russia)
Ovsey Shkaratan	HSE (Russia)
Yuriy Veselov	Saint Petersburg State University (Russia)
Vadim Volkov	European University at Saint Petersburg (Russia)

Содержание

Вступительное слово главного редактора *(В. В. Радаев)* 9

Тексты на русском языке

Новые тексты

И. Л. Сизова, Л. А. Леонова, А. Хензе
Прекаритет занятости и доходов в России и Германии:
самовосприятие наёмными работниками. 14

С. С. Ярошенко
Лишние люди, или О режиме исключения в постсоветском обществе. 60

Новые переводы

П. Бурдьё
Homo Academicus 91

Расширение границ

В. А. Аникин
Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки 120

Профессиональные обзоры

Д. В. Сальникова
Источники несогласованности результатов исследований взаимосвязи
объективного и субъективного благополучия 157

Новые книги

А. А. Поплавская
Дезорганизация трудового ритма жизни и непостоянство в работе
как скрытые черты системы гибкого капитализма.
Рецензия на книгу: Snyder B. H. 2016. *The Disrupted Workplace:*
Time and the Moral Order of Flexible Capitalism. Oxford: Oxford University Press. 175

Тексты на английском языке

Interviews

Interview with Ashwini Deshpande: “Sticky Floors are Becoming Stickier
for Women in the Indian Labor Market” (interviewed by *Natalia Soboleva*) 188

Conferences

A. Mica, M. Olcoń-Kubicka, K. M. Wyrzykowska
Workshop Review: New Economic Sociology and Sociology:
Where Do They Meet? Where Do They Diverge? Warsaw 22–23 May, 2017..... 194

P. Kozyreva, E. Blagodeteleva
The 3rd Russia Longitudinal Monitoring Survey of Higher School of Economics
User Conference, 19–20 May 2017, Moscow, Higher School of Economics: Conference Report..... 199

Contents

Editor's Foreword (*Vadim Radaev*) 9

Texts in Russian

New Texts

Irina Sizova, Liudmila Leonova, Andrea Hense
The Precariousness of Employment and Labor Incomes in Russia and Germany:
Self-Perception of Wage Workers 14

Svetlana Yaroshenko
Surplus People, or About the Regime of Social Exclusion in Post-Soviet Russia 60

New Translations

Pierre Bourdieu
Homo Academicus (excerpts) 91

Beyond Borders

Vasiliy Anikin
Human Capital: Genesis of Basic Concepts and Interpretations 120

Professional Reviews

Daria Salnikova
The Reasons for Conflicting Results on the Relationship
between Objective and Subjective Well-Being 157

New Books

Anita Poplavskaya
Disruption of Labor Regime and Precarious Work as Hidden Features of Flexible Capitalism
Book Review: Snyder B. H. (2016) *The Disrupted Workplace:*
Time and the Moral Order of Flexible Capitalism, Oxford: Oxford University Press 175

Texts in English

Interviews

Interview with Ashwini Deshpande: "Sticky Floors are Becoming Stickier
for Women in the Indian Labor Market" (interviewed by *Natalia Soboleva*) 188

Conferences

Adriana Mica, Marta Olcoń-Kubicka, Katarzyna M. Wyrzykowska
Workshop Review: New Economic Sociology and Sociology:
Where Do They Meet? Where Do They Diverge? Warsaw May 22–23, 2017..... 194

Polina Kozyreva, Elizaveta Blagodeteleva
The 3rd Russia Longitudinal Monitoring Survey of Higher School of Economics
User Conference, May 19–20, 2017, Moscow, Higher School of Economics: Conference Report..... 199

VR ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Мы рады сообщить вам о замечательном продвижении НИУ ВШЭ в «Академическом рейтинге мировых университетов 2017» (Academic Ranking of World Universities — ARWU), больше известном как Шанхайский рейтинг. ВШЭ вошла в списки топ-100 мировых университетов по социологии, топ-200 по математике и политическим наукам, топ-300 по экономике. Особенно приятно, что университет теперь располагается на 51–75 местах по социологии, к которой наш журнал имеет прямое отношение.

На этой радостной ноте разрешите представить текущий номер журнала.

В рубрике **«Новые тексты»** мы публикуем две статьи. Авторы первой из них — д. соц. н. *И. Л. Сизова* (профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета), к. э. н. *Л. А. Леонова* (доцент кафедры математической экономики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Нижний Новгород) и *А. Хензе* (PhD, доцент Института социологических исследований, Гёттинген, Германия). Статья называется «Прекаритет занятости и доходов в России и Германии: самовосприятие наёмными работниками». Феномен прекаритета стал приоритетной темой в обсуждении трудовой сферы обществ. Причина этого заключается в росте напряжённости на рынках труда и в системах занятости населения в самых разных странах. Статья начинается с изложения теоретических основ. Затем представляется модель изучения субъективного восприятия неравенства А. Хензе, в которой интегрированы концептуальные положения методологического индивидуализма З. Линденберга и методологического релятивизма П. Бурдьё. Используются данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE) и немецкой социоэкономической панели (SOEP). Установлено, что прекаритет занятости и доходов характерен для обеих стран, но захватывает бóльшую долю наёмных работников в России, особенно среди женщин и возрастных работников.

В статье канд. соц. н. *С. С. Ярошенко* (доцент кафедры сравнительной социологии Санкт-Петербургского государственного университета) «Лишние люди, или О режиме исключения в постсоветском обществе» рассматривается специфическая форма социального исключения, сформированная в процессе рыночной трансформации и обусловленная двумя способами управления бедностью. Во-первых, на фоне деиндустриализации 1990-х гг. появляется крайняя бедность, а адаптация к рынку происходит через защитные стратегии выживания за рамками рабочих мест. Во-вторых, в ситуации формирования рыночной сферы обслуживания в 2000-е гг. бедность становится застойной и усиливается её администрирование через конструирование усечённого социального гражданства и принуждение к низкооплачиваемому труду. Используются данные лонгитюдного качественного исследования 1999–2010 гг., среди зарегистрированных бедных одного российского региона проводится сравнение изменений в структурах возможностей, практиках их использования и достигаемых результатах.

В рубрике **«Новые переводы»** нас ожидает первая глава книги классика социологии *П. Бурдьё* «Homo Academicus», в которой анализируется устройство академического мира. В фокусе внимания находится исследование оснований и форм власти в поле гуманитарных факультетов в контексте трансформации высшего образования во Франции в 1968 г. В публикуемой главе «Книга для сожжения?» автор разъясняет методологические основания своего исследования и рассуждает о возможностях и ограничениях

социолога изучать социальный мир, к которому он непосредственно принадлежит. Переводили книгу с французского С. М. Гавриленко, О. М. Журавлёв, Д. Ж. Кондов, Е. В. Кочетыгова, О. О. Николаева, Н. В. Савельева. Научные редакторы перевода — Е. В. Кочетыгова и Н. В. Савельева.

В рубрике **«Расширение границ»** мы публикуем статью канд. экон. н. *В. А. Аникина* (доцент НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Института социологии РАН) «Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки». Работа посвящена генезису теории человеческого капитала, её операционализации и внутреннему развитию. На широком материале классических и современных исследований показано, как изменения в экономиках развитых стран приводили к развитию теории человеческого капитала и расширению индикаторов этого понятия. Дана периодизация становления теории человеческого капитала и представлена критика её узкой трактовки, доминирующей в работах экономистов.

В рубрику **«Профессиональные обзоры»** вошёл аналитический обзор, подготовленный *Д. В. Сальниковой* (преподаватель кафедры высшей математики НИУ ВШЭ), — «Источники несогласованности результатов исследований взаимосвязи объективного и субъективного благополучия». Автор обращается к известному парадоксу Истерлина, согласно которому в долгосрочной перспективе экономический рост не оказывает значимого эффекта на уровень счастья в обществе. В статье представлено краткое описание того, каким образом развивалась дискуссия о разрыве между объективным и субъективным благополучием, показана основная аргументация сторон, выявлены главные причины несогласованности результатов исследований, изучающих эффект воздействия экономических показателей на их оценку индивидами.

В рубрике **«Новые книги»** *А. А. Поплавская* (аспирантка факультета социальных наук НИУ ВШЭ) предлагает рецензию на книгу Бенджамина Снайдера «Дезорганизованное рабочее место: временной и моральный порядки гибкого капитализма» («The Disrupted Workplace: Time and the Moral Order of Flexible Capitalism», 2016). Книга посвящена вопросу субъективного восприятия временных затрат на трудовую деятельность работниками современной системы гибкого капитализма, в ней описывается количественное восприятие времени, выраженное в желании придерживаться чётких расписаний и планов, и его качественное восприятие, проявляющееся в умении быстро реагировать на внешние изменения и быть в постоянной готовности действовать. Исследование основано на интервью с тремя группами респондентов — с финансовыми аналитиками, водителями-частниками и высококвалифицированными работниками, ставшими безработными.

В разделе на ***английском языке*** в рубрике **«Интервью»** публикуется беседа с *Ашвини Деспанд* (профессор Школы экономики Дели, Университет Дели), которая представила почётную лекцию «Стеклянный потолок или липкий пол: гендерная дискриминация на рынках труда» на XVIII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, прошедшей в НИУ ВШЭ, в Москве, 11–14 апреля 2017 г. Профессор Деспанд охарактеризовала специфику рынков труда и гендерной дискриминации в Индии. Она акцентировала проблему «липкого пола», которая означает увеличение разрывов в уровне заработной платы в нижней части распределения заработных плат и более остра для развивающихся стран, нежели проблема «стеклянного потолка». А. Деспанд также подчеркнула важность различения между объяснёнными и необъяснёнными элементами гендерной дискриминации. Интервью записано *Н. Соболевой* (НИУ ВШЭ).

В разделе также анонсируется серия семинаров «Новая экономическая социология и социология: где они сходятся и расходятся», организованных Университетом Варшавы. Первый семинар уже состоялся в мае 2017 года, два других планируются на 2018 и 2019 гг. Обзор подготовили участники семинара *Адриана Мица* (Университет Варшавы), *Марта Олкон-Кубицка* и *Катаржина Выржиковска* (обе из Института философии и социологии Польской академии наук).

Обзор Третьей Международной научной конференции пользователей Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), которая прошла в Москве 19–20 мая 2017 г., подготовили *П. Козырева* (заместитель директора Института социологии РАН) и *Е. Благодетелева* (научный сотрудник Центра лонгитюдных исследований НИУ ВШЭ). Конференция привлекла более сотни участников из России, США, Великобритании и стран Европейского союза, проводящих исследования в сферах экономики, демографии, социологии, политических наук, психологии и здравоохранения.

VR INTRODUCTORY REMARKS

Dear colleagues,

We are pleased to inform you that the Higher School of Economics (HSE) has made tremendous progress in the 2017 Academic Ranking of World Universities (ARWU) known as the Shanghai Ranking. HSE has moved to the top 100 in sociology, top 200 in math and political sciences, and top 300 in economics. We are particularly proud that sociology is ranked among the 51–75 best universities in the world.

Now let us introduce a new issue of the journal.

Dr. *Irina Sizova* (Doctor of Sociology, Professor, Department of Sociology at St. Petersburg State University), *Dr. Liudmila Leonov*a (Assistant Professor, Department of Mathematical Economics, NRU HSE), and Dr. *Andrea Hense* (Senior Researcher, Sociological Research Institute, Göttingen, Germany) present the paper "The Precariousness of Employment and Labor Incomes in Russia and Germany: Self-Perception of Wage Workers." The topic of "precarity" has become more relevant in recent times. The reasons for this interest are the growing tensions in labor markets and problems of employment systems in various countries. The paper starts with an examination of the theoretical foundations as a modern interpretation of the sociological theory of the social structure of society, the development of resources, and actor theories. The A. Hense's model of the subjective perception of inequality integrates the conceptual provisions of methodological individualism of S. Lindenberg and P. Burdieu's methodological relativism. The data of the Russia Longitudinal Monitoring Survey—Higher School of Economics (RLMS-HSE) and German Socio-Economic Panel Study (SOEP) were used for multivariate analysis. Determinants (production, legal, contextual) were studied using generalized ordered probit models with random effects. The authors conclude that the precariousness of employment and incomes in Russia captures a large proportion of wage earners and is fixed throughout the observation period.

Dr. *Svetlana Yaroshenko* (Assistant Professor, Department of Comparative Sociology, St. Petersburg State University) presents the paper "Surplus People, or About the Regime of Social Exclusion in Post-Soviet Russia." A specific form of social exclusion, formed in the process of market transformation and conditioned by two ways of managing poverty, is considered. First, against the backdrop of deindustrialization in the 1990s, extreme poverty appears, and adaptation to the market occurs through defensive survival strategies from places of employment. Second, in the situation of the formation of the market service sector in the 2000s, poverty becomes persistent and its administration is strengthened through the construction of a truncated social citizenship and coercion to low-wage labor. Data were collected from longitudinal qualitative research from 1999 to 2010 among the registered poor in one Russian region, and a comparison is made between structures of opportunities, the practices used, and the achieved results.

We publish the first chapter of a new Russian translation of the book by *Pierre Bourdieu* "Homo Academicus." In this book, Bourdieu explains how the academic world is constituted. Seeking foundations and forms of power in the humanitarian field, he analyzes the evolution experienced by the higher education system in France leading up to 1968. In the presented chapter "A Book for Burning?" the author discusses methodological foundations of his research, reflecting on opportunities and restrictions for a sociologist that he meets when studying the social world to which he belongs. The book is translated by *S. Gavrilenko*, *O. Zhuravleva, D. Kondova, E. Kochetygova, O. Nikolayeva* and *N. Savelieva*.

In the section *"Beyond Borders,"* we publish the paper by *Vasiliy Anikin* (Associate Professor of NRU HSE, Senior Research Fellow of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences), "Human Capital:

Genesis of Basic Concepts and Interpretations." The paper is aimed at considering the evolution of human capital theory. Drawing on the wide range of classical and recent studies, the author shows the link between changes in the economies of industrially-developed countries and the development of the human capital theory revealed in the extended list of indicators measuring human capital. The author proposes a periodization of the human capital theory and reassesses narrow interpretations, which still widely exist among applied economists.

Daria Salnikova (Department of Higher Mathematics, NRU HSE) presents the paper "The Reasons for Conflicting Results on the Relationship between Objective and Subjective Well-Being." She addresses the results known in academic literature as the Easterlin paradox, which states that economic growth does not have any significant effect on happiness in a society in the long term. This paper traces the discussion about the gap between objective and subjective well-being, both on national and individual levels. The author explores the origins of the academic discussion on subjective well-being, briefly describes the key stages of the discussion to expose the main arguments, and reflects on the research strategies that explain why the effects of economic indicators on subjective well-being varies in different studies.

Anita Poplavskaya (PhD Student, Faculty of Social Sciences, NRU HSE) reviews *Benjamin Snyder*'s book "The Disrupted Workplace: Time and the Moral Order of Flexible Capitalism." The book is devoted to the subjective perception of time spent at work by the employees who work under the system of flexible capitalism. The author describes the quantitative time perception, expressed in the desire to adhere to clear schedules and plans, and qualitative time perception, marked by the ability to respond quickly to external changes and be constantly ready to act. The interviews were conducted with three groups of respondents, including financial analysts, truck drivers, and highly skilled unemployed job seekers. They demonstrate the dilemmas and contradictions of flexible capitalism.

Texts in English

Ashwini Deshpande (Professor at the Delhi School of Economics, University of Delhi) was interviewed at the XVIII April International Academic Conference on Economic and Social Development, which took place at the Higher School of Economics on April 11–14, 2017. Deshpande gave the honorary lecture "Glass Ceiling or Sticky Floor? Gender Discrimination in Labour Markets," in which she discussed the specificity of labor market and gender discrimination in India. She emphasized the problem of "sticky floor," meaning higher wage gaps at the lower end of the wage distribution, which is a more acute term for developing countries than "glass ceiling." She also pinpointed the importance of differentiating explained and unexplained components of gender discrimination. The interview was recorded by *Natalia Soboleva*.

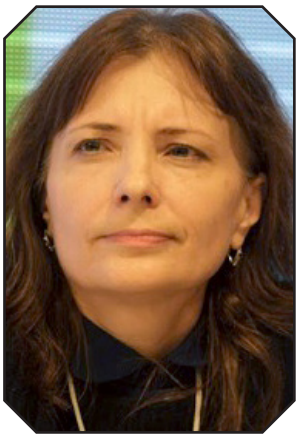
Adriana Mica (Assistant Professor, University of Warsaw), *Marta Olcoń-Kubicka* and *Katarzyna M. Wyrzykowska* (both from the Institute of Philosophy and Sociology of Polish Academy of Sciences) review the workshop series "New Economic Sociology and Sociology: Where Do They Meet? Where Do They Diverge?" that was started in Warsaw. The first meeting was May 22–23, 2017, and two other meetings are planned for 2018 and 2019.

Polina Kozyreva (Vice Director, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (IS RAS) and *Elizaveta Blagodeteleva* (Centre for Longitudinal Studies, Institute for Social Policy, NRU HSE) present a review of the 3rd Russia Longitudinal Monitoring Survey of Higher School of Economics User Conference that was held May 19–20, 2017 in Moscow as a forum for the discussion of the research projects based on RLMS-HSE. It brought together nearly one hundred scholars from Russia, the United States, the United Kingdom, and the European Union, whose research interests spanned various fields of economics, demography, sociology, political sciences, public health, and psychology.

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

И. Л. Сизова, Л. А. Леонова, А. Хензе

Прекаритет занятости и доходов в России и Германии: самовосприятие наёмными работниками



Сизова Ирина Леонидовна — доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: 191124, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3. 9-й подъезд. Старший научный сотрудник Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (ИТМО). Адрес: 197101, Россия, Санкт-Петербург, Кронверкский пер., д. 49.

Email: isizova@hse.ru

Проблематика социального неравенства всегда находилась в центре внимания социологического знания. Между тем перемены конца XX — начала XXI века вызвали в науке широкие дискуссии о новых формах неравенства и социального участия (эксклюзии). Феномен прекаритета[1] *в последние годы является «топовой» темой в обсуждении трудовой сферы обществ, которая привлекает внимание средств массовой информации. Само слово, обозначающее данный феномен, входит в повседневный язык. Причины такой популярности заключаются в росте напряжённости на рынках труда и в системах занятости населения в самых разных странах. Целью данной статьи является изучение потенциала прекаритета у наёмных работников в контексте их субъективных оценок рисков будущих потерь в занятости и трудовых доходах, а также сопоставление этого самовосприятия у занятых в России и в Германии. Цель сравнительного анализа состоит, во-первых, в выявлении социальных факторов развития прекаритета занятости и доходов в рыночных экономиках. Во-вторых, в получении представления о существующей в России степени социального неравенства между участниками трудовой жизни. Специально для российского читателя, ещё мало знакомого с дискурсом прекаритета, статья открывается изложением теоретических основ в его изучении. Эти основы являются современной версией социологической теории о социальной структуре общества, развитием идей ресурсной и акторной теорий. Затем представляется модель изучения субъективного восприятия неравенства А. Хензе, в которой интегрированы концептуальные положения методологического индивидуализма З. Линденберга и методологического релятивизма П. Бурдьё. Для тестирования гипотез, предложенных А. Хензе, а также объективных и субъективных факторов, влияющих на развитие самовосприятия прекаритета занятости и доходов у наёмных работников, задействованы базы данных Российского мониторинга экономического положения и здо-*

[1] Используемое для описания явления слово имеет латинское происхождение (*precarium*). Изначально обозначало что-то, что может быть отдано (вещь) и в любой момент потребовано назад. Прекаритет, таким образом, выражает своеобразные возвратные отношения или условия, отличающиеся нестабильностью и незащищённостью, при которых получатель попадает в зависимость от дарителя. В настоящее время в социологической литературе термин употребляется в связи с изучением неравенства, понимаемого как дифференциация в социальной вовлеченности людей в различных сферах жизни. Прекаритет обозначает опасность потери такой вовлечённости (в пределе — социальной изоляции), последствиями которой на индивидуальном уровне являются ухудшение стандарта жизни, маргинализация; на коллективном — социальная напряжённость, ресентимент и конфликты.

Леонова Людмила Аркадьевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры математической экономики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12.

Email: lleonova@hse.ru

Хензе Андреа — доктор социологии (PhD), доцент Института социологических исследований. Адрес: 37085, Германия, Гёттинген, Фридлэндер Вег, 31.

Email: andrea.hense@sofi.uni-goettingen.de

ровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)[2] *и немецкой социоэкономической панели (SOEP)*[3]*. Значимые факторы — производственные, правовые, контекстные — изучались при помощи обобщённых пробит-моделей упорядоченного выбора со случайными эффектами. В итоге установлено, что прекаритет занятости и доходов характерен для обеих стран, но захватывает бóльшую долю наёмных работников в России. Ослабляет беспокойство наличие образования, которое в России должно быть более значительным, чем в Германии. Рабочие являются группой риска в самовосприятии прекаритета, но картина меняется, если оцениваются дифференцированные профессиональные группы. Многое в трудовой жизни зависит от системы социальной поддержки и от социального капитала трудящихся (семейная поддержка и происхождение работника). Однако сами семьи хуже защищены от превратностей рынка труда. Размер предприятия оказывает различное влияние на идентификацию рисков работниками в России и в Германии. В нашей стране женщины и возрастные работники наиболее подвержены восприятию прекаритета, тогда как в Германии подобные эффекты не фиксируются. В целом, как показало исследование, сокращение неравенства в вовлечённости граждан на рынке труда и в системе занятости населения в современной рыночной экономике напрямую связано с проактивной ролью государства в социальной защите трудящихся.*

Ключевые слова: прекаритет; наёмные работники; занятость; трудовые доходы; безработица; социальное государство.

Изучение прекаритета занятости и трудовых доходов в социологии

В настоящее время в рыночных экономиках активно дискутируются вопросы о том, как труд и занятость способны обеспечить индивидуальные (и семейные) доходы, социальную (само)идентификацию и развитие. Особенно обсуждение характерно для стран, в которых после Второй мировой войны были реализованы программы по защите трудящихся и их семей от социальных рисков (бедности, безработицы) и по созданию равных прав для всех в системе образования, на рынке труда, в материальном обеспечении. В социологии эта тема стала частью дискурса о проблемах социального неравенства и эксклюзии [Solga, Powell, Berger 2009]. С 1980-х гг. неравенство и эксклюзия понимаются как последствия недостатков или трудностей вовлечённости людей в социальную жизнь. Наряду с исследованием групп маргиналов, андеркласса (см., например: [Gordon, Townsend 2000]), увеличился поток литературы о проблемах развития неравенства в заработных платах и доходах, о появлении «новых бедных» или «работающих бедных».

[2] Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» ведётся Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии РАН; см. сайты обследования RLMS-HSE http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms и http://www.hse.ru/rlms

[3] German Socio-Economic Panel Study (SOEP); см.: http://dx.doi.org/10.5684/soep.v32.1

В последнее время как в научном, так и в общественном дискурсе на первый план выдвигается понятие «прекаритет»[4]. Оно отличается от понимания бедности тем, что охватывает, кроме проблемы нехватки материальных благ, многочисленные дефициты в социальной интеграции. Тем самым акцентируется неравный доступ к значимым благам в обществе.

Само понятие разработано в рамках современной французской социологии [Bourdieu 2000; Paugam 2000; Кастель 2009] и без перевода используется в иных языковых пространствах[5]. До сих пор отсутствует полное содержательное разграничение между понятиями «эксклюзия» и «прекаритет», которые выражают худшие условия для социальной интеграции индивидов [Barbier et al. 2002; Damitz 2007; Bartelheimer, Kädtler 2012; Mayer-Ahuja et al. 2012], хотя после выхода публикаций Р. Кастеля [Кастель 2009] и С. Погама [Paugam 2000] появилась некоторая теоретическая ясность. Если термин «эксклюзия» указывает, скорее, на состояние или риски развития социального исключения индивидов в целом [Kronauer 2002], то «прекаритет» относится только к области труда и занятости. Кроме того, «эксклюзия» выражает состояние исключения, конечности, печального итога жизни; «прекаритет» же — это явление длительной неопределённости, нестабильности, комплексных проблем в трудовой жизни [Gallie, Paugam 2002; Castel, Dörre 2009; Manske, Puhl 2010]. Иначе говоря, прекаритет — это вся область неустойчивой профессиональной активности, которая расположена между крайними состояниями полной трудовой

4 Поскольку существует значительная путаница в терминологии, объясним неточности при использовании понятия «прекаритет» и уточним его значение в нашей работе.
Во-первых, в исследованиях отождествляются прекарные и так называемые атипичные трудовые отношения, или занятость. До сих пор в русскоязычном научном дискурсе прекаритет часто идентифицируют через атипичные формы труда или занятости, а также используются как синонимы слов «прекарный», «флексибильный», «атипичный». Однако в настоящее время существуют ясные разграничения между понятиями. Атипичными трудовыми отношениями или занятостью называют аспекты, которые отклоняются от индустриальной — или «фордистской» — модели наёмного труда. Созданные после окончания Второй мировой войны трудовые законодательства и фонды социального страхования (в России — фонды потребления) связали труд и занятость с получением определённого набора стандартных благ, таких как бессрочный наём, нормированный труд, отпуск, выход на пенсию, материальное обеспечение, карьерный рост, степень трудоспособности и т. д. Хотя в действительности далеко не для всех индустриальная модель реализовывалась (особенно в связи с проблемами женского труда и занятости), она стала восприниматься как желаемый стандарт для наёмных работников. Соответственно «атипичными» трудовыми отношениями или занятостью называют все формы, которые хотя бы в одном пункте отклоняются от нормативных. Например, срочные трудовые контракты, низкооплачиваемая и (или) малоквалифицированная работа. В русскоязычной литературе к таким отклоняющимся формам трудовых отношений причисляют чаще самозанятость, телеработу, заёмный труд и даже привычную занятость, осуществляемую нелегальным образом, то есть теневую деятельность. Поскольку «прекаритет» означает все-таки наличие отклонений в худшую сторону, осложняющих жизнь трудящихся и их семей, то факт атипичной занятости (в Германии —до одной трети работающих [Hense 2017: 21]) ещё не свидетельствует о прекарности. Для молодёжи, женщин, мигрантов, высококвалифицированных специалистов и проч. такая занятость может, наоборот, принести определённые (и искомые) преимущества. Кроме того, если синхронизировать оба понятия и изучать включённых в прекарные и атипичные отношения в совокупности, то надо признать, что обычный труд или занятость не могут быть прекарными, что не соответствует действительности. Чтобы не затруднять исследование прекаритета занятости и трудовых доходов, в теоретической части статьи не анализируются работы, посвящённые атипичной (или нестандартной) занятости в России.
Во-вторых, в настоящее время большая часть российских работ посвящена изучению последствий прекаритета для индивидов и социально-структурным проблемам общества. В этом отношении наиболее обсуждаемой в российской науке является тема прекариата [Голенкова, Голеусова 2015; Тощенко 2015; Шкаратан, Карачаровский, Гасюкова 2015]. Однако классовый подход критикуется, поскольку угрозы и риски в трудовой жизни, положение трудящихся, последствия уязвимого состояния могут быть различными. Вместо одной, всеобщей формы прекаризации труда и занятости, существуют многообразные варианты, в которые включены разные группы. Это объясняет, почему в западной литературе дискурс о прекариате быстро прекратился [Hense 2017: 11]. Мы используем в работе распространённую в западной литературе лингвистическую форму понятия «прекаритет», которая указывает на ухудшения в трудовых отношениях и занятости у любых профессиональных групп и в актуальных моделях труда и занятости.

5 В англоязычной литературе, которая,прежде всего нацелена на изучение типов обществ и хозяйств, называемых либеральными, долгое время использовалась иная терминология. Чаще в публикациях встречались понятия flexible work (гибкий труд) или contingent work (контингентное действие) [Gibb 2009: 17]. Однако в настоящее время термин «прекаритет» становится общеупотребительным (см., например: [Vosko 2006; Kalleberg 2009]).

интеграции (стабильные трудовые отношения, защищённые законом, приемлемая заработная плата, лёгкий поиск новой работы и т. д.) и абсолютного исключения (например, длительная и безнадёжная с точки зрения трудоустройства безработица). Такое участие в трудовой жизни может иметь различные проявления и опасно (прекарно) только тогда, когда устанавливаются дефициты (текущие или будущие потери), которые способны существенно осложнить и (или) ухудшить положение трудящегося. К бесспорным потерям относятся принудительное увольнение, понижение в должности, невысокие зарплаты, неприемлемые условия труда и т. д. [Hense 2017: 13, 15, 51]. В зависимости от ситуации или индивидуального восприятия остальные изменения в трудовой жизни могут быть разными. Например, отсутствие мобильности и карьерного роста, гибкий труд, занятость на частичной основе, работа на дому, заёмный труд и др. В более отдалённой перспективе последствиями прекаритета оказываются осложнения в семье, ухудшение здоровья работника и политическая несостоятельность [Nolan 2002; Wichert 2002; Flecker, Krenn 2004; Dörre 2006; Hübler, Hübler 2006: 20–25; Kreyenfeld 2008]. Таким образом, прекаритет выражает удаление чего-то, что было нужно и имело значение. Он предполагает ухудшение достигнутого статуса и стандарта трудовой жизни, в результате чего осложняется доступ к ресурсам и правам, получаемым через трудовую деятельность [Damitz 2007: 75; Hense 2017: 14]. В отличие от дихотомического анализа структуры неравенства (инклюзия — эксклюзия) или теорий дуальной сегментации рынка труда (внутренний — внешний; первичный — вторичный; основной и переменный персонал; общая и специальная классификация и др.) использование понятия «прекаритет» позволяет изучить многообразные возможности ломкости трудовых отношений, занятости и трудовых контекстов и составить дифференцированные картины происходящего.

Если в ранних работах чаще анализировались формы, сущностные черты и различные проявления прекаритета [Сеннет 2004: Brinkmann et al. 2006; Кастель 2009; Kalleberg 2009; Paugam 2009; Стэндинг 2014], то сейчас более важно понять, какие факторы или механизмы способствуют развитию потенциальных угроз в трудовой жизни для широких групп трудящихся. При изучении объективных факторов выдвигаются две возможные альтернативы. Первая представлена в известной работе Р. Кастеля [Кастель 2009: 11–13, 357–360], и часть современных авторов придерживается такого взгляда. Считается, что прекаритет — это абсолютно новый феномен, следствие отклонения от индустриальной модели наёмного труда и связанной с ней системы социальной защиты. Рост безработицы и сокращение трудовых доходов в западных индустриальных странах с 1970-х годов являлись следствиями структурных и технологических изменений в экономике. В результате потребовались новые качества рабочей силы (то есть иные характеристики, способности, знания и компетенции), организация труда, отмена или сокращение некоторых защитных механизмов (например, либерализация законов об увольнении или внедрение гибких трудовых контрактов). Однако часть трудоспособных лиц оказывается в положении аутсайдеров на рынке труда. Особенность заключается в том, что в эти процессы были вовлечены группы, которые до 1980-х гг. находились под полной защитой социального государства, могли в долгосрочной перспективе намечать и реализовать жизненные планы. Для них работа и связанные с ней действия (например, учёба) выполняли функцию интеграции в общество, она же обеспечивала защиту от основных рисков участия в рыночном хозяйстве (остаться без обеспечения вследствие болезни, старости и проч.). В основном, речь идёт о тех, кто пользовался социальными благами, то есть возможностью получить образование, найти подходящую работу, оттачивать своё профессиональное мастерство долгое время на одном рабочем месте, получить в итоге пенсию, позволяющую поддерживать жизненный стандарт. К таким людям относились широкие слои наёмных работников. Их коллективная зашита в настоящее время сильно осложнена или невозможна. Повсеместно отмечаются дефициты фондов страхования от безработицы, пенсионного страхования, нерентабельными оказываются традиционные программы профессионального переобучения. Поскольку опыт уязвимости на рынке труда и в системе занятости для масс работающих по найму является новым (незначительные социальные пособия, принудительное включение в низкооплачиваемую занятость, увольнения после окончания сроков трудовых соглашений и проч.), тема прекаритета стала основной для медийного и повседневного дискурса.

Само слово является своеобразным шифром для выражения значимой социальной проблемы западных обществ наёмного труда и постановки нового вопроса о защите прав трудящихся в индустриальных странах в XXI веке [Castel, Dörre 2009; Сизова 2015; Hense 2017: 1–9]. Нельзя поэтому предполагать, что прекаритет — это негативное следствие первоначального рыночного развития. При развитии капитализма наёмный работник также оказывается незащищённым и уязвимым, но для большинства такое положение не является непривычным или новым. Изучение данной темы в развивающихся странах, в которых никогда не существовало эффективных государственных систем социальной защиты наёмных трудящихся, считается неуместным.

Альтернатива предложена П. Бурдьё в его ранних работах об изучении алжирского общества [Bourdieu 1998; Bourdieu 2000: 28, 32–60, 65, 72–76]. Он указывает на то, что работа только при капитализме становится дефицитным благом. Страх потери работы (и, как следствие, обеспечения), с одной стороны, а с другой — высокая конкуренция за получение рабочего места, которое помогает преодолеть незащищённость, характерны для всех стран с рыночным хозяйством, где работодатель стремится стимулировать трудовые отношения к своей выгоде. П. Бурдьё указывает также, что работники не в состоянии преодолеть незащищённость и строить планы на будущее, если рабочее место не гарантирует минимум безопасности (например, реальный прожиточный минимум) [Bourdieu 2000: 20, 87–103]. Словом, минимальная стабильность и трудовые права необходимы, чтобы работники могли совершать действия, направленные на решение возникающих проблем (например, в трудовой жизни), а не расценивать происходящее как результат случайности и произвола.

Аналитическая модель А. Хензе: изучение самовосприятия прекаритета занятости и трудовых доходов

Исследование самовосприятия прекаритета занятости и трудовых доходов у российских наёмных работников основано на разработках Андреа Хензе[6], которая изучала влияние социальных и структурных условий на восприятие прекаритета наёмными работниками в Германии. Немецкое исследование содержит теоретическую модель и её проверку на эмпирическом материале. Представим вначале основные допущения данной модели. Наиболее значимыми являются три исходные предпосылки [Hense 2016a; 2016b; 2017]:

— прекаритет рассматривается как опасность исключения из трудовой жизни. В целом он имеет значительный потенциал, поскольку выражается не только в реальных потерях, но и в угрозах наступления негативных последствий, которые значимы для наёмных работников, поскольку для них работа — фактор индивидуального обеспечения и общественного признания. В итоге, положение трудящегося может быть названо прекарным, если возникает опасность изменения трудовой жизни в худшую сторону;

— признание многоуровневого характера прекаритета [Hense 2017: 15–19]. В литературе упоминается одна из классификаций прекаритета, предложенная С. Погамом, в которой он выделяет прекаритет труда и занятости [Paugam 2009]. Если прекаритет труда связан с логикой развития производительности труда, с символическими аспектами, трудовыми задачами и профессионализмом, то содержание прекаритета занятости сводится к вопросам социальной защищённости труда и особенностям занятости населения. Прекаритетом занятости [Hense 2017: 17, 20–33, 35–40] считается всё то негативное, что препятствует протяжённости включения индивидов в трудовую жизнь и меняет значимость такого включения для них (например, сокращения, затруднённый наём, низкие зарплаты или незначительные пенсионные накопления).

6 Данная статья представляет результаты, продолжающие исследования А. Хензе. Она входит в серию публикаций, посвящённых теме изучения потенциала прекаритета занятости и трудовых доходов в Германии. Полученные А. Хензе результаты раскрыты в следующих публикациях: [Hense 2016a; 2016b; 2017].

— придерживаясь позиции Р. Кастеля [Кастель 2009] о том, что прекаритет представлен как следствие рекоммодификации труда и либерализации трудовых отношений в постиндустриальную эпоху, изучение самовосприятия прекаритета занятости и трудовых доходов в немецкой модели сводится только к следующим аспектам [Hense 2016b; 2017]:
    - объектом внимания является наёмный (зависимый) труд, поскольку негативные изменения в регулировании занятости, а также в формах занятости коснулись именно этой группы работников;
    - важными для самовосприятия прекаритета считаются социально-правовые формы и способы защиты трудящихся (например, в системе страхования, через профсоюзное движение и трудовое законодательство);
    - особую роль играют доходы наёмных работников, поскольку они обеспечивают существование и защищают от бедности;
    - многое зависит от самих работников, их способности к занятости, что связано с приобретением и поддержанием квалификации, с достигнутым уровнем профессионализма и здоровьем работников.

В модели А. Хензе рассматриваются не только объективные факторы, приводящие к негативным изменениям в занятости, которые независимо от индивидов повышают риски прекаритета. Прежде всего, акцентируется субъективная трактовка опасностей потерь самими трудящимися. Теоретически субъективная оценка выводится из конструктивистской парадигмы, в рамках которой предполагается, что если воспринимать ситуацию как реальную, то и последствия такого восприятия могут быть самыми реальными [Hense 2016a; 2017: 35–62, 80–82].

Субъективная оценка (самовосприятие) прекаритета занятости и трудовых доходов наёмными работниками

Понятие «восприятие прекаритета» раскрывается с помощью ключевого выражения, формировавшегося с середины 1980-х гг. в англоязычной литературе по психологии труда, — «восприятие незащищённости труда» (*job insecurity*) [Burchell, Ladipo, Wilkinson 2002; Schulze Buschoff, Protsch 2008; Mayerl 2009; Munoz de Bustillo, Pedraza 2010 Hense 2016a; 2016b]. По аналогии самовосприятие прекаритета определяется как когнитивный процесс, при котором индивидом оцениваются возможные ухудшения в занятости и предвосхищаются их нежелательные последствия, причём принимаются во внимание все значимые ущербы в работе, а не только потеря самой работы. Если ухудшения рассматриваются работниками как вероятные и значимые, растёт субъективное восприятие прекаритета. Речь идёт не столько об очевидном результате (то есть о самом факте потерь), сколько о будущих перспективах, выводимых из высказываний человека или наблюдений за его поведением, но которых сегодня пока ещё нет. Иначе говоря, работник субъективно производит переопределение своего статуса (*intra-role-transition*), тогда как объективно ситуация все ещё прежняя. Правда, признается, что обычно выше число тех, кто оценивает свою ситуацию как прекарную, чем число тех, кто на самом деле в неё попадает [Hense 2017: 52–54].

Нельзя сказать, что в субъективных оценках много преувеличений (нервных страхов). С одной стороны, положение может измениться, если произойдут какие-то перемены (к лучшему) в системе занятости или в индивидуальной ситуации. С другой стороны, психологи подчёркивают, что в восприятии человека всегда вес возможных потерь выше, чем выигрышей, а также человек испытывает больше страхов именно по поводу наступления невероятных событий [Hense 2017: 52]. Кроме того, если индивид предвосхищает возможную негативную для него ситуацию, это имеет не меньшее воздействие, чем само событие, и даже большее. В целом последствия самовосприятия прекаритета грозят тем, что на индивидуальном уровне будущее воспринимается как непредсказуемое, нестабильное, снижается личный контроль над ситуацией и осложняется выбор правильных стратегий. Для изучения субъек-

тивных оценок у наёмных работников также важно, что значительный внешний контроль на работе убеждает их в том, что события в жизни происходят независимо от их участия [Hense 2017: 66], и это, также способствует развитию восприятия прекаритета.

Следующие два теоретических подхода содержат важные допущения о влиятельных факторах, воздействующих на восприятие прекаритета занятости и доходов.

Вначале подчеркнём укоренённость социальных действий индивидов (и экономического поведения) в текущих социально-структурных условиях. Однако индивиды как активные субъекты, осуществляя выбор и определённые действия, оценивают условия, что, в свою очередь, приводит к трансформации процесса и контингентности в характере индивидуальных действий [Kroneberg 2005]. Для исследования важно, что в современной версии теории рационального выбора подчёркиваются ограниченная рациональность субъекта действий (наёмных работников) и поиск им смысла в неясной и сложной ситуации.

В методологическом индивидуализме, в обработке прежде всего З. Линденберга и Х. Эссера [Lindenberg 2001; Esser 2006; Hense 2017: 83, 85–112;], анализируется производительная деятельность индивидов. Она направлена на создание значимых благ (благосостояние, успех) или расценивается как необходимая для удовлетворения потребностей. Соответственно для осуществления такой деятельности важны контекстные условия производства и инвестируемые ресурсы. Занятость и трудовые доходы — это значимые промежуточные блага на пути к успеху, но принципиально заменяемые, хотя в рыночной экономике их значение велико [Hense 2017: 136, 138, 140–143].

В социологической теории габитуса, капитала и поля П. Бурдьё [Бурдьё 2001; 2005; 2007; Hense 2017: 83–84, 113–134] знаковыми факторами являются прошлый опыт человека и меняющиеся внешние условия. Само восприятие признается частью габитуса, что используется для ориентации в ситуации. Отклик индивидов (эффект социального гистерезиса) зависит как от текущего положения, так и от предыстории. Все капиталы (инвестируемые ресурсы) включены в поле, что ставит их в зависимость от актуальной ситуации (например, насколько востребована на рынке труда определённая квалификация). Также капиталам свойственна инертность, поскольку для их наращивания необходимо время. В итоге восприятие прекаритета различается, если у индивидов разные текущие ситуации, капитал и опыт участия в трудовой жизни. В модели А. Хензе факторами являются реальные условия, в которых используются индивидуальные ресурсы [Hense 2017: 138–139, 143–147]. Кроме того, принимается во внимание практический опыт в занятости, он делает оценку текущих и будущих возможностей менее рациональной.

Исследовательские гипотезы

В представленной модели устанавливается, что индивиды оценивают вероятность и значимость достижения искомых жизненных благ на основании (1) своих ресурсов, (2) различных условий, в которых они эти блага для себя создают или их компенсируют, а также (3) исходя из своего личного опыта. Неравенство в восприятии прекаритета занятости и доходов возникает, если работники по-разному оценивают свои ресурсы и условия для создания и замещения искомых благ. Оценка сопрягается с текущей ситуацией (в хозяйстве и обществе) и с личным опытом работника. Таким образом, в модели выделяются (1) производственные факторы, (2) контекстные условия и (3) личный опыт.

Производственные факторы

Под производственными факторами понимаются те, которые обусловливают оценку вероятности получения и сохранения рабочего места, а также сопряжённых с ним трудовых доходов. Но значение такого успеха воспринимается только с учётом того, какие ресурсы могут заместить работу и доходы в случае

неудачи. Данные ресурсы также, помимо работы и трудовых доходов, индивиды могут использовать для достижения конечных благ (например, иметь жилье, еду, отдых и т. д.). Тем самым эти альтернативные ресурсы также причисляются к производственным факторам, способствующим достижению личного (семейного) благосостояния. Примером альтернативных ресурсов выступают финансовая помощь домохозяйства, социальные пособия. Однако их объёмы должны поддерживать сопоставимый с работающими уровень жизни.

Все производственные факторы имеются у индивидов в различном объёме, что обусловливает разницу в восприятии и значении потерь в трудовой жизни. Самовосприятие прекаритета возрастает у тех, чьи производственные факторы минимизируют будущие шансы (успехи) в трудовой жизни. Альтернативные ресурсы обусловливают значение потерь таким образом, что возникает разница между индивидами в восприятии потенциальных угроз: самовосприятие прекаритета возрастает у тех, кто имеет их в меньшей степени, поскольку в этом случае усиливаются неприятные ощущения от потенциальных потерь в занятости и одновременно вырастает зависимость от текущей работы. В итоге может быть сформулирована следующая гипотеза:

> Гипотеза 1(H 1). *Чем вероятнее или значительнее будущие потери в занятости и в трудовых доходах на основе имеющихся производственных факторов, тем выше самовосприятие прекаритета занятости у наёмных работников*.

Для эмпирического исследования в модели А. Хензе идентифицирован ряд производственных факторов, которые являются социально признанными и используются либо для ведения трудовой деятельности, либо для ее замещения. Все факторы разделены на квалификационные, позиционные (в профессиональной иерархии), правовые, а также альтернативные.

Квалификационные факторы включают дипломы и сертификаты о полученном образовании. Такие документы являются институционально гарантированной и санкционированной формой культурного капитала. Именно они имеют решающее значение для поиска работы и подтверждения своей квалификации (см. подробнее: [Hense 2017: 148]). Соответственно *выделена следующая гипотеза для тестирования влияния такого фактора, как уровень квалификации:*

> Гипотеза 1a(H 1a). *Самовосприятие прекаритета занятости и трудовых доходов сокращается вместе с ростом образования.*

Кроме квалификации важную роль для ведения искомой трудовой деятельности играют позиционные факторы, выполняющие две важные функции: во-первых, положение в профессии делит наёмных работников на категории, по-разному защищённые на рынке труда и в системе занятости; а, во-вторых, оно корреспондирует с качеством трудовых задач, осуществляемых работником. Эмпирические исследования показали, что у рабочих, служащих и чиновников разные ситуации в системе занятости [Hoffmann, Kaldybajewa, Kruse 2006; Klose, Schwarz 2006; Buchholz 2008; Luechinger, Meier, Stutzer 2010; Tepe, Kroos 2010]. Особые различия — между чиновниками и другими категориями наёмных работников. В то же время профессиональный статус наёмного работника сопряжён со сложностью исполняемых трудовых задач и степенью его автономии в работе. Соответственно, сформулирована следующая гипотеза для тестирования воздействия позиционных факторов:

> Гипотеза 1b(H 1b) *Чем сложнее задачи работника и чем больше автономии он имеет, тем выше его шансы в реализации трудовой деятельности и в извлечении лучших доходов, и наоборот*.

Правовые факторы связаны с заключением трудового договора. В этом случае как раз имеют значение атипичные формы занятости, поскольку они предлагают работникам разные условия правовой защиты от увольнений, размеры и гарантии оплаты труда. Срочные трудовые договоры в меньшей степени влияют на размер оплаты, но хуже защищают работников от возможности увольнения. Соответственно, для тестирования воздействия правовых факторов сформулирована следующая гипотеза:

> Гипотеза 1c(H 1c). *У работников, заключивших срочный трудовой контракт, возрастает вероятность потери работы и доходов*.

При занятости на неполный рабочий день ситуация иная. У занятых неполный рабочий день обычно отсутствует возможность отстоять право на увеличение рабочего времени, но у них появляется больше шансов совмещать разные виды деятельностей (например, работу и семейные обязанности, работу и отдых и т. д.). Эмпирические исследования показывают, что такая занятость более гибкая. Соответственно гипотеза для данного случая сформулирована следующим образом:

> Гипотеза 1d(H 1d). *У тех, кто занят неполный рабочий день, сокращается самовосприятие прекаритета занятости.*

Самовосприятие прекаритета доходов предсказать сложнее, поскольку, с одной стороны, в результате улучшения шансов в занятости, должны автоматически возрастать и шансы на получение трудовых доходов. С другой стороны, часто указывается, что фактически почасовая оплата труда у частично занятых ниже, чем у занятых полный рабочий день [Hense 2017: 151]. Такие занятые также рискуют получить в случае необходимости низкие социальные пособия или, в дальнейшем, пенсию. Соответственно гипотеза формулируется следующим образом:

> Гипотеза 1e(H 1e). *Самовосприятие прекаритета доходов у занятых неполный рабочий день будет расти*.

К альтернативным производственным факторам, замещающим трудовую деятельность и доходы, отнесены те, которые находятся в социальном окружении трудящегося. Сюда относятся, во-первых, число занятых в домохозяйстве и, во-вторых, финансовое положение домохозяйства. Соответственно, для тестирования их влияния сформулирована следующая гипотеза:

> Гипотеза 1f(H 1f). *Самовосприятие прекаритета занятости и доходов растёт, если эти ресурсы незначительны и не могут индивиду заместить трудовую деятельность и доходы*.

Контекстные условия

Эффективность использования производственных факторов и сами возможности по созданию благосостояния обуславливаются контекстными условиями. Они воздействуют как на вероятность, так и на значение успешной деятельности. Проблемы на рынке труда и в экономике способствуют росту восприятия вероятности потерь в трудовой жизни, поскольку любые производственные (квалификационные, позиционные, правовые и альтернативные) факторы индивида оцениваются хуже в такое время. Однако если государство в неблагоприятные периоды предпринимает действенные шаги по защите трудящихся в области занятости, финансов, налогов и проч., то страхи должны ослабевать. Доказательств влияния кризисов на самовосприятие прекаритета занятости и доходов пока не существует, поэтому конкретная гипотеза не формулируется. Кроме текущих экономических кризисов в модели А. Хензе, негативное влияние на успешное применение производственных факторов оказывают социально-экономические условия на предприятиях и в отдельных отраслях хозяйства, поскольку

они различаются между собой в использовании рабочей силы. Контекстные условия также влияют на возможность использования альтернативных ресурсов. В этом случае к ним относятся защищённость труда и занятости, социальные услуги, которые создают разнообразные возможности для замещения трудовой деятельности. В результате возникают различия в оценке потенциальных угроз в трудовой жизни: самовосприятие прекаритета растёт, если социальное государство предоставляет мало возможностей по замещению трудовой деятельности, и у работников возрастает экзистенциональная зависимость от работы и трудовых доходов. Особенно здесь важны либеральные реформы на рынке труда и в системе занятости, которые способствуют развитию процесса рекоммодификации труда и, соответственно, рыночно обусловленного неравенства. В итоге формулируется ещё одна гипотеза:

> Гипотеза 2(Н 2) С*амовосприятие прекаритета занятости и доходов повышается в условиях либеральных реформ на рынке труда и в системе занятости, а также при сокращении программ социальной защиты трудящихся.*

Личный опыт

Динамичность рассматриваемой модели придаёт индивидуальная ситуация работника, или его личный опыт, как фактор развития самовосприятия прекаритета занятости и доходов. Через личный опыт индивиды оценивают свои производственные факторы и собственные возможности по созданию благ. Таким образом, наряду с текущими социально-структурными условиями роль играют ещё и прошлые социально-структурные условия. Прошлый опыт трудовой жизни обусловливает восприятие будущих угроз: самовосприятие прекаритета растёт, если в прошлом существовал опыт неудач в трудовой жизни. Это относится ещё и к радикальным переменам в общественной жизни: потери государственных гарантий, массовое высвобождение рабочей силы, скачкообразный рост цен и проч. Такой коллективный опыт способен сильно повлиять на самовосприятие прекаритета. Прошлый опыт воздействует и на восприятие будущих перспектив в использовании компенсирующих производственных факторов: если у индивида существовал опыт замещения трудовой деятельности, это повлияет на его восприятие; самовосприятие прекаритета растёт, если индивид, в прошлом не работая, испытывал нужду. Поскольку для индивида такое положение являлось трудным, увеличивается значение вероятных потерь в трудовой жизни, а также возрастает зависимость от работы и трудовых доходов. Отсюда формулируется следующая гипотеза:

> Гипотеза 3(Н 3)З*начительное самовосприятие прекаритета занятости и трудовых доходов обусловлено прошлым негативным опытом серьёзных потерь в трудовой жизни, ростом необеспеченности и нуждаемости, потерей привычного образа жизни*.

Логика эмпирического анализа самовосприятия прекаритета занятости и трудовых доходов у наёмных работников

Использование национальных обследований социально-экономического развития населения для вторичного анализа

Для изучения самовосприятия прекаритета занятости и трудовых доходов в Германии было использовано общенациональное лонгитюдное обследование домохозяйств (das Sozio-ökonomische Panel, SOEP [Frick et al. 2008; Schupp 2009]), проводимое в Западной Германии ежегодно с 1984 г., а в Восточной Германии — с 1990 г. Оно соответствует требованиям модели, которая предполагает изучение объективных и субъективных индикаторов трудовых отношений и занятости наёмных работников. Немецкое обследование позволяет выбрать данные о ситуации с занятостью и доходами домохозяйств, анализировать динамические изменения в долгосрочной перспективе, что важно с точки зрения охвата

различных этапов трансформаций в экономике и в государственном регулировании труда и занятости населения, в том числе с учётом интеграции информации о безработице по регионам. В обследовании представлены панельные данные, что даёт возможность изучать индивидуальные трудовые биографии и социальное происхождение работников.

В России аналогичного обследования не существует. Наиболее подходящим вариантом для изучения самовосприятия занятости и трудовых доходов является Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Лонгитюдное обследование домохозяйств РМЭЗ НИУ ВШЭ представляет собой серию ежегодных общенациональных репрезентативных опросов на базе вероятностной стратифицированной многоступенчатой территориальной выборки, разработанной при участии ведущих мировых экспертов в этой области. Это практически единственное в России репрезентативное социально-экономическое обследование домохозяйств, имеющее значительную панельную составляющую. Оно позволяет отслеживать повседневную жизнь одних и тех же людей и (или) домохозяйств в течение длительного времени, что открывает возможности не только для статического, но и для динамического анализа.

В RLMS-HSE, по сравнению с немецким обследованием населения, существует ряд ограничений. Во-первых, полноценный анализ объективных и субъективных индикаторов занятости и доходов наёмных работников возможен только начиная с 2000 г. в связи с введением в анкеты новых вопросов. Таким образом, в немецком исследовании были собраны данные за значительно больший промежуток времени. Во-вторых, независимая переменная, характеризующая беспокойство по поводу потери доходов, привязана к небольшому периоду времени в 12 месяцев, тогда как переменная, характеризующая беспокойство по поводу потери работы, не привязана к временному периоду (см. табл. 1). В немецком опросе обе независимые переменные выражают беспокойство без каких-либо ограничений по времени. В-третьих, часть факторов не учитывалась из-за отсутствия соответствующих вопросов в RLMS-HSE по сравнению с немецким обследованием. Так, российские данные о социальном происхождении работников представлены только за два года и отсутствуют в свободном доступе. При оценке самовосприятия прекаритета занятости и трудовых доходов не учитывались лица, заключающие срочные трудовые договоры, поскольку такой вопрос не предусмотрен. Это последнее обстоятельство особенно печально, поскольку оценка форм занятости играет значительную роль в гипотезах (см. табл. 2). Далее, количество отраслей хозяйства, в которых заняты наёмные работники, расширилось начиная с 2012 г. До этого все работники привязывались к 18 отраслям хозяйства, а сам вопрос об отрасли был включён в мониторинг только в 2004 г. Также учитывалось, что данные RLMS-HSE являются нерепрезентативными на уровне регионов России. Был исключён анализ опыта безработицы трудящихся, поскольку количество таких лиц в массиве данных чрезвычайно невелико.

Кроме того, при использовании базы RLMS-HSE принимались во внимание ряд особенностей. В вопроснике отсутствует прямой вопрос о занятости по зависимому варианту (наёмный труд). Для конструирования массива данных использовалась переменная, характеризующая любую занятость лиц в момент опроса, кроме выполнения обязанностей собственника предприятия или самозанятости (см. табл. 1). Некоторые отличия содержатся также в оценке образования работников, их профессионального статуса на предприятии или в фирме, метода определения денежного дохода домохозяйства.

Зависимые и независимые переменные

Логика вторичного анализа самовосприятия прекаритета занятости и трудовых доходов предполагает (см. табл. 1), что в качестве индикаторов субъективных оценок наёмных работников используются две порядковые переменные: (1) беспокойство по поводу потери работы и (2) беспокойство по поводу собственной финансовой ситуации.

Таблица 1

Формирование зависимых переменных при исследовании прекаритета в базах данных SOEP (1985–2011 гг.) и RLMS-HSE (2000–2015 гг.)

Зависимая переменная	SOEP	RLMS-HSE	Формулировка вопроса RLMS-HSE
Беспокойство по поводу потери работы	Нет беспокойства; Некоторое беспокойство; Сильное беспокойство	Идентично	Насколько Вас беспокоит то, что Вы можете потерять работу?
Беспокойство по поводу собственной финансовой ситуации	Нет беспокойства; Некоторое беспокойство; Сильное беспокойство	Беспокойство по поводу финансовой ситуации в следующие 12 месяцев	Насколько Вас беспокоит то, что Вы не сможете обеспечивать себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев?
Выборочные данные (*Unbalanced Panel*)			
Наёмные работники	Лица в возрасте 18–65 лет, которые в момент опроса являлись работающими по найму, исключаются самозанятые и работодатели *N* = 144 323	Лица в возрасте 18–60 лет, которые в момент опроса являлись работающими, но не были собственниками предприятия *N* = 62 378	Под работающими рассматривались индивиды, выбравшие на вопрос: «Давайте поговорим о Вашем основном занятии в настоящее время», — следующие ответы. «Вы сейчас работаете»; «Вы находитесь в любом другом оплачиваемом отпуске»*; «Вы находитесь в неоплачиваемом отпуске». Или выбравшие ответ: «Да», — на вопрос: «Скажите, пожалуйста, у Вас есть ещё какая-нибудь работа?». При этом на вопрос: «А Вы лично являетесь владельцем или совладельцем предприятия, на котором Вы работаете?» — выбрали ответ: «Нет».
	1985–2011	2000–2015	

* Варианты ответов приведены выборочно. Например, индивиды, находившиеся в декретном отпуске, не включались в состав работающих, поэтому их ответы здесь не приводятся.

Самовосприятие прекаритета занятости операционализируется при помощи первой переменной — беспокойство по поводу потери работы. Самовосприятие прекаритета трудовых доходов операционализируется через вторую переменную — беспокойство по поводу собственной финансовой ситуации. Обе переменные изначально (в RLMS-HSE) представляли собой пятиступенчатую ординарную шкалу. Это не соответствовало раскладу по обеим зависимым переменным в немецком мониторинге, поэтому обе переменные для России перекодированы в три аналогичные немецким категории, в соответствии с интенсивностью мнений (см. табл. 1): (1) нет беспокойства (исходные категории: совсем не беспокоит; не очень беспокоит); (2) некоторое беспокойство (исходные категории: и да и нет; немного беспокоит); (3) сильное беспокойство (исходная категория: очень беспокоит).

В качестве независимых переменных выступают факторы, которые обусловливают изменения в самовосприятии прекаритета занятости и трудовых доходов (см. табл. 2).

Таблица 2

Формирование независимых переменных при исследовании прекаритета на материалах SOEP (1985–2011 гг.) и RLMS-HSE (2000–2015 гг.)

Гипотезы	Индикаторы	Переменные SOEP	Переменные RLMS-HSE	Комментарии по определению переменной в RLMS-HSE
1	2	3	4	5
Производственные факторы, влияющие на вероятность потерь в трудовой жизни				
1	2	3	4	5
Восприятие прекаритета сокращается вследствие лучшего образования	Квалификационные	Образование: нет или иное; среднее и (или) профессиональное; высшее	Образование: законченное среднее и ниже; среднее специальное; высшее и аспирантура	В соответствии со сконструированной переменной законченного образования: законченное среднее образование и ниже (исходные категории: окончил 0–6 классов; незаконченное среднее образование (7–8 классов); незаконченное среднее образование (7– 8 классов) + что-то ещё; законченное среднее образование; среднее специальное образование (исходная категория законченное среднее специальное образование); высшее образование и аспирантура (исходная категория законченное высшее образование и выше)
Высокий профессиональный статус лучше защищает от рисков прекаритета занятости и потери доходов	Позиционные	12 категорий профессиональной группы, по 4 для рабочих, служащих, должностных лиц (по критерию автономии в работе)	10 категорий профессиональной группы	В соответствии со сконструированной переменной профессиональной группы, имеющей 10 категорий
		Дамми-переменная наличия подчинённых не используется	Дамми-переменная: наличие подчинённых (да или нет)	Использован вопрос: «У Вас есть подчинённые на этой работе?» (да или нет);
Срочные трудовые контракты повышают вероятность потерь в занятости и доходах	Правовые	Срочные трудовые контракты (да или нет)	Нет	
Частичная занятость сокращает вероятность восприятия прекаритета занятости, но повышает вероятность прекаритета трудовых доходов		Частичная занятость до 20 часов в неделю	Частичная занятость до 20 часов в неделю	Использован вопрос: «Сколько часов в среднем продолжается Ваша обычная рабочая неделя?»
Производственные факторы, влияющие на восприятие значения потерь в трудовой жизни				
1	2	3	4	5
Самовосприятие прекаритета сокращается в результате роста эквивалентных доходов домохозяйств и увеличения числа членов домохозяйств, включённых в занятость	Социальный капитал	Эквивалентные доходы домохозяйств (отношение нетто доходов к величине домохозяйства)	Среднедушевой денежный доход семьи*	Среднедушевой доход равен отношению дохода семьи к числу членов домохозяйства. Доход семьи определялся в соответствии с вопросом: «Каким был денежный доход всей Вашей семьи в течение последних 30 дней? Включите сюда все денежные поступления: заработную плату, пенсии, стипендии, любые другие денежные поступления, в том числе и в валюте». Число членов домохозяйства определяется соответствующим вопросом: «Сколько человек, включая Вас, в Вашей семье, домохозяйстве?»
		Отношение числа занятых членов домохозяйств к величине домохозяйства	Разница числа членов домохозяйства и числа работающих членов домохозяйства	Категория работающих определялась в соответствии с табл. 1

Таблица 2. Продолжение

Гипотезы	Индикаторы	Переменные SOEP	Переменные RLMS-HSE	Комментарии по определению переменной в RLMS-HSE
1	2	3	4	5
Факторы, обусловливающие контекстные условия доступа к занятости и извлечению трудовых доходов				
1	2	3	4	5
Самовосприятие прекаритета растёт, если сокращаются возможности доступа к занятости	Индекс безработицы	Статистические данные по безработице в зависимости от региона	Не использовались	—
Факторы, обусловливающие контекстные условия значения потерь в трудовой жизни				
1	2	3	4	5
Рекоммодификация рабочей силы и растущее неравенство повышают значения потерь в трудовой жизни и усиливают зависимость от работы. Форсированные изменения в законодательстве повышают самовосприятие прекаритета в это время.	Либеральные реформы трудового и социального законодательства за определённые периоды времени	Год опроса (прокси-переменная) Дамми-переменная для 1989, 1997,2001, 2003, 2005, 2008 гг.	Год опроса (прокси-переменная) Дамми-переменная для 2008 г. (да или нет)	В соответствии с графиком волн: переменные для каждого года принимают значение 1 при использовании данных соответствующей волны, и 0 в противном случае
Факторы, основанные на прошлом опыте, обусловливающие вероятность потерь в занятости и доходах				
1	2	3	4	5
Сокращение государственных гарантий, социальных услуг со стороны предприятий, исключение права на работу ведёт к повышению самовосприятия прекаритета	Опыт увольнений	С первого увольнения — 1 Не увольнялся — 0 Житель ГДР (да или нет)	Не использовались	—
Факторы, основанные на прошлом опыте, обусловливающие значение потерь в занятости и доходах				
1	2	3	4	5
У лиц, имеющих опыт безработицы, повышается самовосприятие значения потерь	Длительность безработицы	Сумма всего времени безработицы в годах	Не использовались	—
Контрольные переменные				
1	2	3	4	5
Применение ресурсов для доступа к занятости и трудовым доходам зависит от организационных и отраслевых условий	Отрасль, размер предприятия	Отрасль (28 направлений)	Отрасль (30 направлений)	Использован вопрос: «В какой отрасли Вы работаете на этой работе?» (дамми-переменные сформированы в соответствии с возможными категориями ответа)

Таблица 2. Окончание

Гипотезы	Индикаторы	Переменные SOEP	Переменные RLMS-HSE	Комментарии по определению переменной в RLMS-HSE
1	2	3	4	5
Дискриминация женщин на рынке труда и в системе занятости ведёт к повышению самовосприятия прекаритета	Пол	Женский (да или нет)	Женский (да или нет)	В соответствии со сконструированной переменной «пол респондента»
Возраст обусловливает отдельные аспекты прекаритета труда и занятости	Возраст	18–65 лет	18–60 лет	В соответствии со сконструированной переменной «возраст респондента»

Примечание. Среднедушевой денежный доход семьи использован в реальных величинах, приведённых к ценам 2015 г. с помощью индекса потребительских цен Росстата; см.: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/tariffs/#

Все факторы, которые обусловливают самовосприятие, разделены на несколько групп (см. табл. 2).

Во-первых, выделяются факторы, влияющие на самовосприятие вероятности потерь в трудовой жизни. К ним относятся производственные факторы. Они операционализируются через такие переменные, как:

— образование (см. табл 2). В данном случае существовали различия между учётом образования в России и в Германии, особенно это касается различий в школьном образовании. Так, в Германии полным завершённым школьным циклом считается 13-летний период обучения в школе. Хотя в итоговом кодировании в обоих исследованиях были сформированы условные категории для учёта формального образования, общий уровень образования у наёмных работников в России оказался выше, чем в Германии;

— профессиональная группа демонстрирует деление наёмных работников на квалификационные группы. В немецком исследовании выделялись 12 категорий профессиональных групп для наёмных работников, объединённых в три индустриальные группы: рабочие, служащие и федеральные работники (*beamte*) (см. табл. 2). Следуя этой логике, в российских данных были выделены 10 категорий наёмных работников по профессиональным группам. Возможным вариантом объединения в три группы был следующий: рабочие, служащие и чиновники. В данном случае разница в переменных касалась прежде всего группы лиц, причисленных к чиновникам. В отличие от Германии, где в число федеральных работников включаются, например, учителя и преподаватели вузов, эта группа в российском мониторинге является весьма неопределённой, поэтому в анализе использовались 10 исходных категорий;

— правовые индикаторы статуса занятости. В немецком исследовании была возможность использовать для анализа дихотомическую переменную, указывающую на сроки заключения трудового договора (есть срочный трудовой договор или нет срочного трудового договора). В RLMS-HSE изучалась только занятость на частичной основе. Как занятые на частичной основе в исследовании рассматривались те, кто работает менее 20 часов в неделю (см. табл. 2).

Дополнительно в российском исследовании оценивалась переменная, указывающая на наличие подчинённых у работников, что обеспечивает определённый уровень власти и влияния в организации или фирме.

Во-вторых, значение возможных потерь изучалось при помощи замещающих трудовую деятельность (и трудовые доходы) факторов. К ним относятся индикаторы социального капитала наёмных работников:

— доходы домохозяйств и число незанятых членов домохозяйств. Если в немецком исследовании анализировались эквивалентные доходы домохозяйства, то в российском исследовании анализировался среднедушевой денежный доход семьи работника. Следует указать, что немецкий подход объективнее демонстрирует значение этого фактора, поскольку эквивалентные доходы учитывают структуру домохозяйства;

— число занятых членов в домохозяйстве. Переменная в немецком исследовании конструировалась как общее число занятых, поделённое на общую численность членов домохозяйства. В российском исследовании эта переменная выражает разницу между числом членов домохозяйства и числом работающих членов домохозяйства.

В немецком исследовании значение возможных потерь в трудовой жизни оценивалось ещё с точки зрения влияния такого фактора, как социальное происхождение работника. Поскольку таких данных в RLMS-HSE не представлено, данный фактор опускался при анализе в российском исследовании (см. табл. 2).

В-третьих, представлены индикаторы, характеризующие контекстные условия, в которых происходит применение индивидуальных ресурсов и способностей к труду. Они тестируют гипотезы, относящиеся к теории поля П. Бурдьё. В немецком исследовании такими индикаторами, показывающими условия для осуществления трудовой деятельности, выступили статистические данные по безработице в зависимости от региона (см. табл. 2). Однако данные по безработице в России в анализ не включались, поскольку этот фактор практически не влияет на индивидуальную трудовую жизнь [Гимпельсон, Ощепков 2011].

К контекстным условиям, которые способны изменить значимость потерь в трудовой жизни, в немецком исследовании отнесены годы, в которые происходили значимые реформы в законодательстве о поддержке и защите трудящихся (см. табл. 2). Отдельно оценивался 2008 г. как время наступления финансового кризиса. Считается, что государство должно реализовать ряд мероприятий, направленных на защиту работников наёмного труда. Этот год фигурирует в обоих исследованиях. Выделение этого года на фоне многих других кризисных проявлений в России связано с несколькими причинами. Во-первых, это сделано для сравнения ситуаций в России и в Германии, поскольку в немецком исследовании он также представлен. Во-вторых, в тот раз кризис в России был легитимирован, что, несомненно, отличает его от других событий, которые фактически происходили, но не были заранее объявлены. На наш взгляд, это иначе влияет на самовосприятие событий, в отличие от распространяемых слухов, которым можно доверять или нет. В-третьих, важный вывод был сделан В. Гимпельсоном и А. Ощепковым о том, что у российского населения нет доверия к действующим институтам социальной защиты. Так, в период ожидания кризиса в октябре — ноябре 2008 г. страхи скачкообразно возросли, хотя уровень безработицы был стабильным [Гимпельсон, Ощепков 2011: 296]. Таким образом, интенсивную импульсивную реакцию в России в тот момент удобно сопоставить с развитием страхов в Германии в аналогичное время еще и потому, что немецкое население также находилось в ожидании проявлений кризиса. Другие влияния (например, учёт общей ситуации в стране) не включались в анализ, поскольку их влияние на беспокойство работников уже показаны в российской литературе [Гимпельсон, Ощепков 2011].

В следующую группу факторов вошли независимые переменные, характеризующие теорию габитуса П. Бурдьё. Они указывают, как самовосприятие вероятности и значимости потерь в трудовой жизни связано с предыдущим опытом наёмного работника. В немецком исследовании к ним отнесены (1) имеющийся опыт увольнений у работников, который должен воспроизводить больше беспокойств в отношении стабильности текущего места работы и доходов, а также (2) опыт пережитых периодов безработицы. В российском исследовании эти факторы не тестировались, поскольку количество безработных не допускает возможность проведения полноценного статистического анализа, и в вопроснике отсутствует возможность идентифицировать длительность безработицы.

Последнюю группу факторов составили контрольные переменные (см. табл. 2). К ним относятся прежде всего данные о размере предприятий, на которых заняты работники. Изначально предполагалось, что ситуация найма зависит, прежде всего, от внутрифирменной политики, особенностей регулирования и корпоративной культуры на конкретных предприятиях и в отрасли. Поскольку в агрегированных данных такие сведения отсутствуют, то размер предприятия наряду с отраслью выступали исключительно контрольными переменными. Также контролировались пол и возраст работника (см. табл. 2).

Вторичные данные для изучения эмпирического анализа самовосприятия прекаритета занятости и трудовых доходов у наёмных работников

Поскольку выборочная совокупность и в Германии, и в России представляет собой несбалансированную панель (*unbalanced panel*), то в анализ включались все наблюдения, вне зависимости от того, как долго респондент принимал участие в опросе.

Немецкое исследование охватывает 1985–2011 гг. Данные содержали 144 323 наблюдения и репрезентовали социально-экономическое положение индивидов в возрасте 18–65 лет. Эти люди, по меньшей мере, нерегулярно работали по найму (см. табл. 1). Помимо неработающих, из выборки исключались учащиеся и любые самозанятые. Данные содержали в среднем семь и максимально — 27 наблюдений по одному лицу. Таким образом, для анализа восприятия прекаритета занятости в Западной Германии было использовано 144 323 наблюдения по 20 610 лицам, включённым в выборку в 1985–2011 гг., а в Восточной Германии — 42 688 наблюдений по 6154 респондентам, включённым в выборку 1990–2011 гг. Для анализа самовосприятия прекаритата трудовых доходов в Западной Германии было использовано 146 959 наблюдений по 20 740 респондентам, а в Восточной Германии — 43 392 наблюдения по 6215 лицам (см. табл. 4).

Выбор периода зависел от двух основных причин. Во-первых, изучение самовосприятия прекаритета занятости и доходов возможно на основе анализа наблюдений за длительный отрезок времени, во время которого наёмная работа в Германии была в значительной степени либерализирована через различные реформы. Кроме того, в выборку начиная с 1990 г. были включены лица из Восточной Германии, что позволило сравнивать положение в обеих частях страны с различным социально-экономическим развитием. Во-вторых, с 1985 г. в мониторинге ежегодно стали задаваться вопросы, которые характеризовали самовосприятие прекаритета занятости и трудовых доходов — беспокойство по поводу потери работы и беспокойство по поводу своей финансовой ситуации (см. табл. 1). Данные SOEP для исследователей в Германии на момент проведения эмпирического исследования (2015 г.) были доступны по 2011 г. включительно. Ежегодная выборка в социоэкономической панели регулярно стабилизируется при помощи воспроизведения панельных данных и мероприятий по обновлению респондентов, соотносимых с изменениями в структуре населения страны. Таким образом, в выборке представлены данные, репрезентирующие население на уровне индивидов и домохозяйств, а также достаточное количество случаев, необходимых для тестирования гипотез модели А. Хензе (описательная статистика представлена в приложении, см. табл. П.3).

В российском исследовании были проанализированы 2000–2015 гг. и отобраны 62 378 наблюдений, в среднем — 4000–5000 респондентов в год (см. табл. 1). Описательная статистика по переменным и частотные распределения представлены в приложении (см. табл. П.1, П.2). Согласно частотному распределению уровней образования, наибольшая доля индивидов в выборке имеет законченное среднее образование (41%); среднее специальное и высшее образование примерно у одинакового числа индивидов (по 28%); незаконченное среднее образование — у 3% респондентов. Это согласуется со структурой занятых в экономике РФ в 2015 г. (согласно данным Росстата). Так, 32% занятого населения имело высшее образование; 26% — среднее профессиональное по программе подготовки специалистов среднего звена; 19% — среднее профессиональное образование по программе подготовки квалифицированных рабочих; 19% — среднее общее образование [Труд и занятость в России 2015].

Распределение по профессиональным группам в выборке отличается от общей структуры занятости. Больше всего в выборке оказалось квалифицированных работников сельского, лесного хозяйства и рыболовства (19%) и квалифицированных рабочих, использующих машины и механизмы (18%). Доли неквалифицированных рабочих, специалистов среднего уровня квалификации, чиновников оказались незначительны (менее 1%).

Таким образом, немецкая и российская выборки имеют как сходства, так и значительные различия. Если в немецком исследовании данные строго привязаны к социальному и профессиональному составу населения, то российская выборка по некоторым критериям имеет сдвиги. Кроме того, отличаются объёмы выборок как по волнам, так и в обобщённом (слитом) виде. Это накладывает существенные ограничения как при интерпретации полученных эффектов, так и при проведении сравнительного ана-

лиза. В частности, строгая репрезентативность немецкого обследования позволяет выявить ясные эффекты самовосприятия прекаризации занятости и трудовых доходов. Кроме того, в российской выборке отсутствует важный период времени — 1984–1999 гг. Значительное опоздание в публикации данных немецкого обследования не позволяет, наоборот, проследить актуальную ситуацию в стране.

Мультивариантивный анализ данных RLMS-HSE

В моделях упорядоченного выбора зависимая переменная представляет собой категориальную переменную, которая имеет целочисленное представление с определённым порядком. В частности, в нашем исследовании альтернативные зависимые переменные имеют следующую структуру:

$$y_i = \begin{cases} 1, \textit{нет беспокойства} \\ 2, \textit{слабое беспокойство} \\ 3, \textit{сильное беспокойство} \end{cases}$$

Предполагается, что каждой наблюдаемой зависимой переменной соответствует латентная переменная, которая может рассматриваться как непрерывная, и для неё может быть записано уравнение [Вербик 2008; Wooldridge 2010]:

$$y_i^* = x_i' \beta + \varepsilon_i,$$

где вектор x — вектор объясняющих переменных.

Наблюдаемые дискретные ответы могут быть связаны с латентными переменными, лежащими в их основе, с помощью пороговых значений (*cut points*):

$$y_i = j \leftrightarrow \gamma_{j-1} < y_i^* \leq \gamma_j \ (j = 1, 2, ..., J)$$

В эмпирическом анализе категориальных зависимых переменных необходим учёт независимости несущественных альтернатив. Предположение о «параллельных линиях» подразумевает, что условные по наблюдаемым характеристикам уровни полезности любых двух альтернатив независимы (то есть при сравнении вероятности выбора одной категории относительно другой не принимается во внимание третья категория). Данное предположение приводит к потере информации. В рамках описанной выше модели коэффициент показывает только увеличение или уменьшение волнения о потери работы без более подробного указания влияния на отдельные категории. Это особенно проблематично, когда знаки коэффициентов для отдельных категорий различны, то есть эффекты переменной на разные категории зависимой переменной (отсутствие беспокойства, слабое беспокойство или сильное беспокойство) отличаются. В рамках рассмотрения восприятия прекаритета занятости предположение о том, что некоторые из рассматриваемых показателей могут оказывать разное воздействие на отдельные категории беспокойства, является разумным. Учёт воздействия объясняющих переменных на разные категории способен помочь определить переменные, на которые должны быть наложены ограничения.

В обобщённых моделях упорядоченного выбора пороговые значения не фиксированы (параллельны), они могут различаться между индивидами. Индивидуальная гетерогенность моделируется путём изменения пороговых значений [Pudney, Shields 2000]:

$$\gamma_{ij} = \tilde{\gamma}_j + x_i' \delta_i$$

В случае панельных данных и введения случайных эффектов индивидуальная гетерогенность также специфицируется в уравнении для латентной переменной:

$$y_{ij}^{*} = x_{ij}^{'}\beta + \alpha_i + \varepsilon_{it}$$

Таким образом, кумулятивная функция распределения принимает вид [Pfarr, Schmid, Schneider 2010]:

$$P\ \{y_i \leq j \mid x_i\} = F(\tilde{\gamma}_j - x_i^{'}\beta_j - \alpha_i),$$

где F — функция распределения для e_i.

Эконометрические оценки параметров рассматриваемой модели имеют свои ограничения и могут иметь смещение по ряду причин. При использовании ответов респондентов на вопросы анкеты в исследуемых данных не исключены несистематические ошибки значений регрессоров; учитывая присутствия в модели набора объясняющих переменных направление результирующего смещения отдельного параметра неоднозначно. Также практически все регрессоры в эмпирических моделях в той или иной степени являются эндогенными. Например, переменные, связанные с выбором места занятости, такие как профессиональное положение и размер предприятия, могут быть потенциально эндогенными. Направление смещений связано со знаком коэффициента корреляции объясняющей переменной и случайного слагаемого. К сожалению, метод, который решил бы все методологические проблемы оценивания, пока не создан. Учитывая несостоятельность оценок нелинейных моделей с фиксированными эффектами, полученных методом максимального правдоподобия (см., например: [Fernández-Val 2009]), в рамках данной работы, принимая во внимание все ограничения полученных выводов, для двух различных зависимых переменных (беспокойство по поводу потери работы или потери доходов) на панельных данных оценены обобщённые пробит-модели упорядоченного выбора со случайными эффектами[7]. Применена методология, предложенная К. Пфарром, А. Шмидом и У. Шнайдером [Pfarr, Schmid, Schneider 2011], которая также нашла использование в работе других исследователей (см.: [Avsar, Ham, Tannous 2017]). На первом этапе проводится тест Вальда для ограничения, что все параметры одинаковы для различных категорий зависимой переменной. Затем модель оценивается повторно с наложением ограничения, что наименее значимые параметры в рамках первого этапа одинаковы для всех категорий. После чего повторяются тест Вальда и дальнейшая процедура до тех пор, пока не останутся только параметры, имеющие значимые отличия для различных категорий. В данном виде модели оцениваются два коэффициента, которые отличаются по тому, какие категории зависимой переменной сравниваются. Верхний коэффициент (см. табл. 3) показывает, как регрессор связан с вероятностью выбрать ответ 1 (отсутствие беспокойства) против ответов 2 или 3 (наличие беспокойства). Нижний коэффициент (см. табл. 3) показывает, как регрессор связан с вероятностью выбрать ответ 1 или 2 (отсутствие или слабое беспокойство) против варианта 3 (сильное беспокойство). Если тест показывает, что выбор между ответами (1 и 2) и (2 и 3) равнозначен для индивида, то указывается только один (общий) коэффициент (см. табл. 3). В результате итог выглядит следующим образом: указывается один коэффициент, если независимая переменная идентично воздействует как в целом на восприятие прекаритета, так и на интенсивность восприятия. Предлагаются два коэффициента, если воздействие независимой переменной разное. Верхний коэффициент в этом случае показывает наличие восприятия прекаритета; нижний — интенсивность восприятия прекаритета, то есть сначала — «в целом», а потом — только значительные страхи.

7 Модель оценена с помощью REGOPROB2 [Pfarr, Schmid, Schneider 2010].

Самовосприятие прекаритета занятости и трудовых доходов у наёмных работников

Дескриптивное описание самовосприятия прекаритета занятости и трудовых доходов российскими наёмными работниками

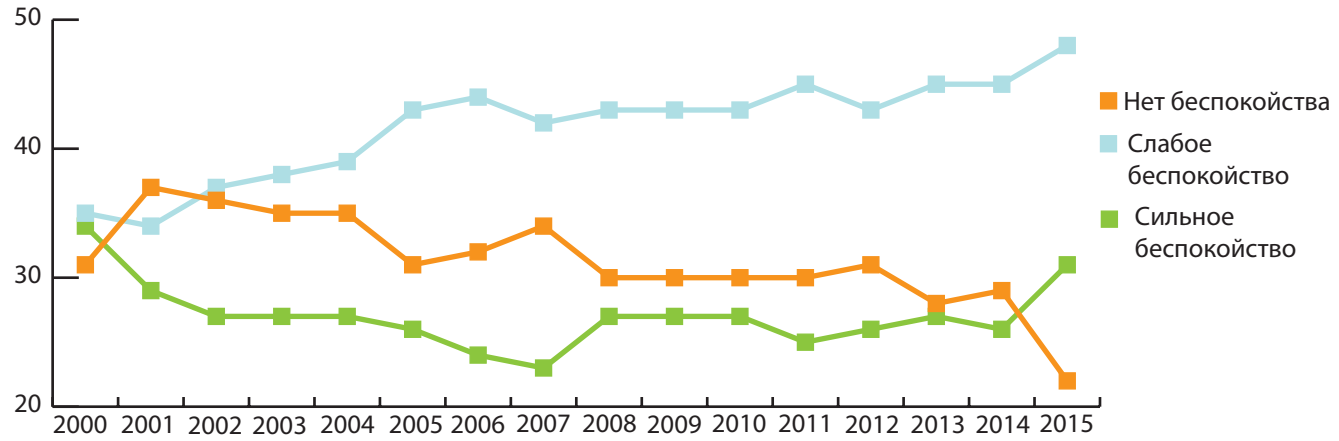


Рис. 1. Беспокойство наёмных работников по поводу потери рабочего места, RLMS-HSE, 2000–2015 гг., в %

Для России характерно, что многие трудящиеся испытывают беспокойство по поводу потери рабочего места (см. рис. 1). Некоторое беспокойство по этому поводу испытывают более 40% трудящихся в течение почти всего периода наблюдений. Если суммировать тех, кто испытывает хотя бы какое-то беспокойство, то их число увеличилось с 69% в 2000 г. до 78% в 2015 г. Хотя число тех, кто испытывает сильное беспокойство в течение длительного времени, было меньше остальных, заметно сокращается доля работников, которые не испытывают беспокойства по поводу потери работы. Таким образом, в среднем слабое беспокойство за весь период имеют 42% работников, а сильное — 27%.

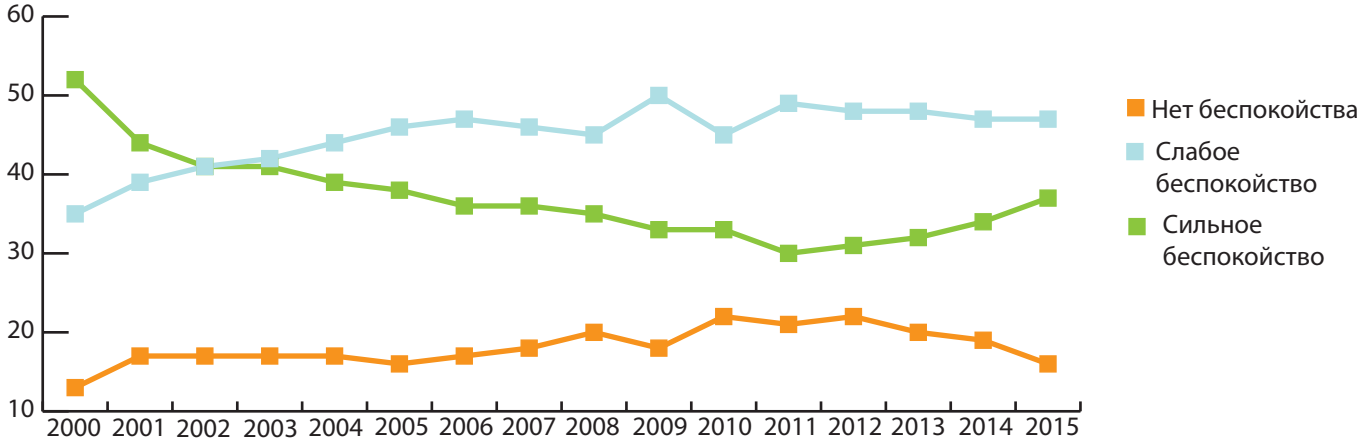


Рис. 2. Беспокойство наёмных работников по поводу потери доходов, RLMS-HSE, 2000–2015 гг., в %

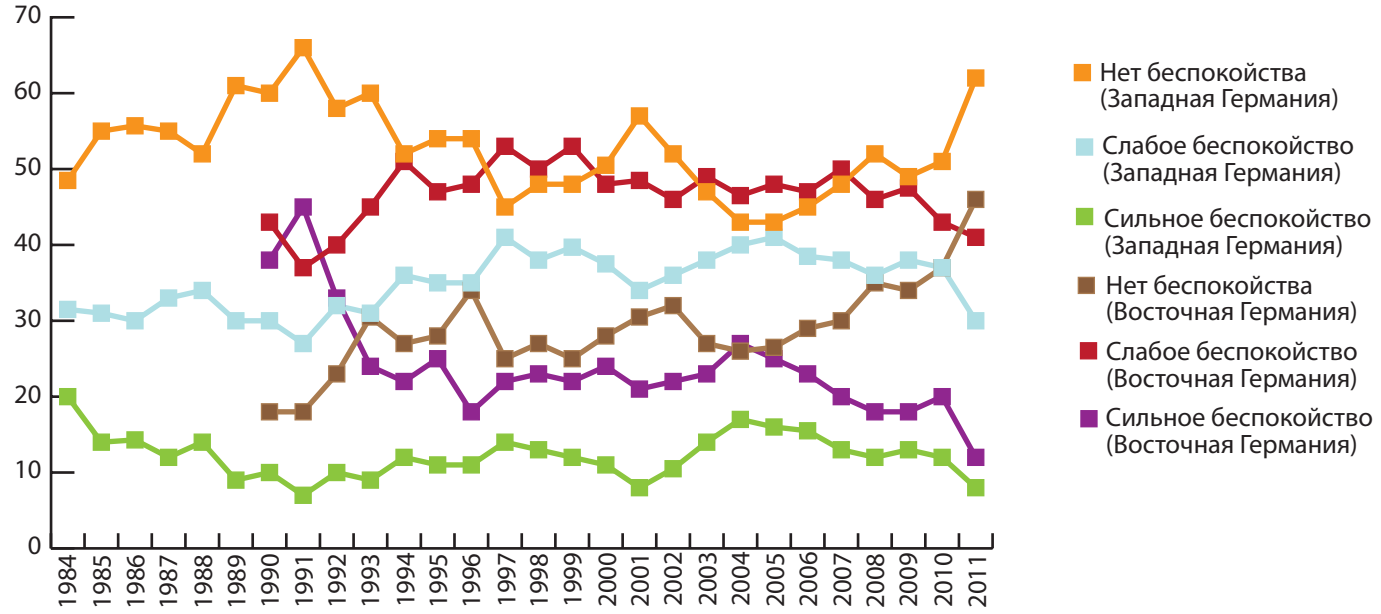
Трудящиеся больше озабочены возможной потерей своих доходов, чем потерей рабочего места (см. рис. 2). Мы считаем, что если бы зависимая переменная, характеризующая беспокойство по поводу своей финансовой ситуации, не была привязана к небольшому периоду времени (один год), беспокойство было бы выражено сильнее. Тем не менее, если объединить тех, кто имеет слабое и сильное беспокойство по поводу потери доходов, их количество варьируется от 78 до 87%. Если в начале периода

доминировало сильное беспокойство (более 50%), то с 2004 г. больше тех, кто испытывает слабое беспокойство по поводу возможной потери доходов. На протяжении всего периода времени практически константной остаётся доля тех, кто такого беспокойства не испытывает.

В целом оба графика (см. рис. 1, 2) демонстрируют, что у наёмных работников восприятие прекаритета занятости похоже на восприятие прекаритета доходов, за исключением тех, кто не испытывает беспокойства. Отсутствие беспокойства по поводу потери рабочего места заметно сокращается со временем, тогда как отсутствие беспокойства по поводу потери доходов даже немного подросло в 2000–2015 гг.: с 13 до 16%.

Сравнительный анализ уровня и динамики самовосприятия прекаритета занятости у наёмных работников России и Германии

На рисунках 3 и 4 визуализированы уровень и динамика самовосприятия прекаритета занятости и трудовых у наёмных работников в Восточной и Западной Германии[8].



Источник. Использованы данные: [Hense 2017: 174,175, 177, 178].

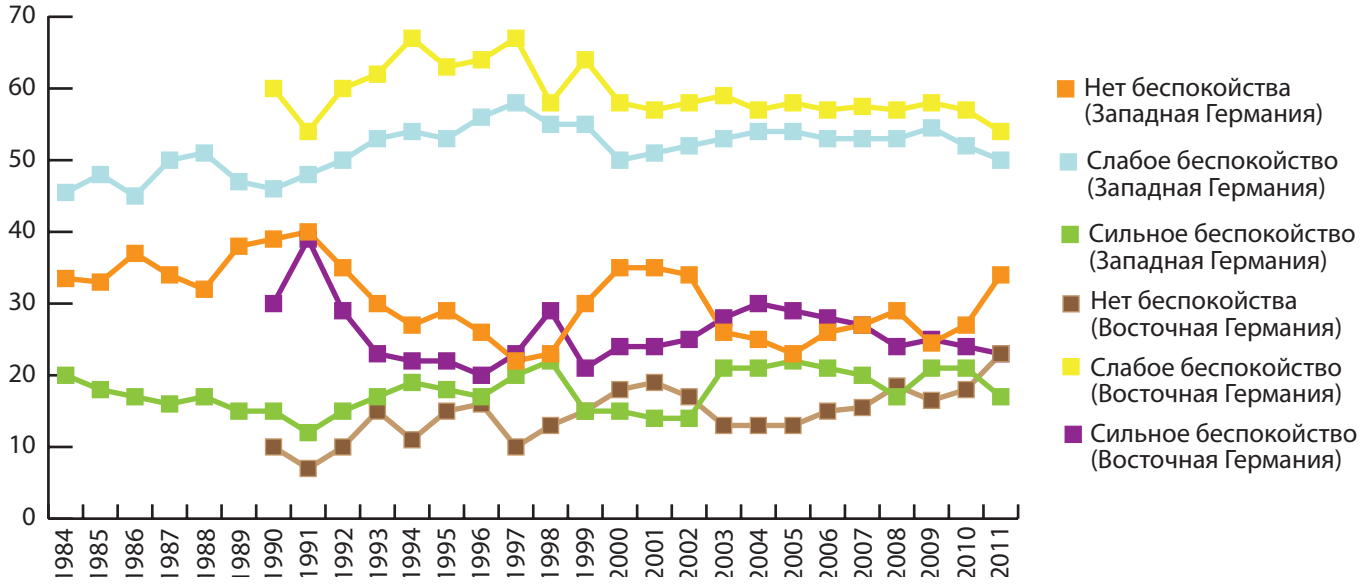
Рис. 3. Беспокойство наёмных работников по поводу потери рабочего места, SOEP, 1984–2011 гг., в %

Беспокойство наёмных работников по поводу потери рабочего места (см. рис. 3) намного выше в Восточной, чем в Западной, Германии. Если в западной части страны большинство (свыше 50%) наёмных работников не обеспокоены потерей рабочего места (за весь указанный период их количество варьируется от 43 до 67%), то в восточной части преобладает в течение всего исследуемого периода слабое беспокойство (в среднем — 47%). Особенно сильным беспокойство было после объединения страны: около 80% восточных наёмных работников тогда испытывали страхи по поводу возможной потери рабочего места.

8 Все данные по Германии приводятся отдельно для западной и восточной частей страны. Это объясняется значительной разницей в социально-экономическом развитии территорий, которая до сих пор не преодолена. Кроме того, в социоэкономической панели данные по Западной Германии собираются с 1984 г., а по Восточной — только с 1990 г.

В сравнении с Россией (см. рис. 1, 3) уровни беспокойства по поводу потери рабочего места в Западной Германии в среднем ниже на 20%. Ситуация в России также существенно отличается и от той, которая сложилась в Восточной Германии. Если со временем страхи потери работы в Восточной Германии ослабевают, то в России они, наоборот, склонны возрастать. Так, если в Восточной Германии в 2000–2011 гг. слабое беспокойство (наиболее выраженное) упало на 10%, то в России за тот же период времени оно выросло тоже на 10%.

На рисунке 4 видна динамика беспокойства наёмных работников Германии по поводу своей финансовой ситуации.



Источник. Использованы данные: [Hense 2017: 174,175, 177, 178].

Рис. 4. Беспокойство наёмных работников по поводу потери доходов, SOEP, 1984–2011 гг., в %

Большинство наёмных работников в Германии (см. рис. 4) обеспокоены своей финансовой ситуацией. В Западной Германии за весь исследуемый период такое беспокойство испытывали 60–78% работников, причём большинство указывали на «слабое беспокойство», которое со временем неровно возрастало. Ещё большее беспокойство характерно для наёмных работников в Восточной Германии. В среднем за весь период его испытывали около 60%. После воссоединения страны страхи возрастали в течение 10 лет, потом сократились только на 2%. Как и в случае с беспокойством по поводу потери работы, с течением времени тенденции для уровня самовосприятия прекаритета трудовых доходов становятся схожими с результатами в Западной Германии.

Сравнение данных в 2000 и 2011 гг. (см. рис. 2, 4) показывает, что сильное беспокойство по поводу потери доходов в России выражено сильнее, чем в Германии. Как раз в 2011 г. оно у российских работников было самым низким, однако всё равно на 10–15% выше, чем в Германии. Существенная разница между странами при оценке самовосприятия занятости и трудовых доходов наёмными работниками ещё заключается в том, что субъективные оценки в Германии сильно меняются в зависимости от текущей ситуации (в хозяйстве, на рынке труда, в политике), тогда как плавная динамика мнений работников в России говорит об устойчивости сложившихся оценок.

Результаты регрессивного анализа социальных факторов, обусловливающих самовосприятие прекаритета занятости и трудовых доходов российскими наёмными работниками[9]

Таблица 3

Факторы, обусловливающие вероятность и значимость потери работы и доходов российскими наёмными работниками

Название переменной	Беспокойство по поводу потери рабочего места		Беспокойство по поводу финансовой ситуации	
	Оценка коэффициента	Стандартная ошибка	Оценка коэффициента	Стандартная ошибка
Уровень образования (референтнаякатегория				
Законченное среднее и (или) иное	– 0,080*	– 0,046	– 0,037	– 0,049
Среднее специальное образование	– 0,059 – 0,125**	– 0,05 – 0,05	– 0,067	– 0,051
Высшее или иное образование	– 0,139*** – 0,305***	– 0,052 – 0,052	– 0,163*** – 0,259***	– 0,055 – 0,054
Профессиональное положение (референтная категория: неквалифицированные рабочие всех отраслей)				
Квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом	0,136	– 0,104	– 0,099	– 0,104
Квалифицированные работники сельского, лесного хозяйства и рыболовства	0,172***	– 0,049	– 0,139***	– 0,05
Квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы	0,105***	– 0,039	– 0,188***	– 0,04
Работники сферы торговли и услуг	0,157***	– 0,036	– 0,083**	– 0,037
Служащие офисные и по обслуживанию клиентов	0,160***	– 0,043	– 0,094**	– 0,044
Специалисты среднего уровня квалификации, чиновники	0,006	– 0,035	– 0,068*	– 0,036
Специалисты высшего уровня квалификации	0,255	– 0,156	– 0,137	– 0,153
Военнослужащие	0,072**	– 0,036	– 0,05	– 0,038
Законодатели, крупные чиновники, руководители высшего и среднего звена	0,136***	– 0,035	– 0,039	– 0,037
Есть подчинённые *(референтная категория: нет подчинённых)*	– 0,121*** – 0,070***	– 0,023 – 0,025	– 0,113*** – 0,057**	– 0,025 – 0,024
Частичная занятость (до 20 часов в неделю) *(референтная категория: полная занятость)*	– 0,351*** – 0,151**	– 0,058 – 0,065	– 0,148***	– 0,053
Число членов домохозяйства	0,011 – 0,034***	– 0,01 – 0,01	– 0,016 – 0,086***	– 0,01
Число незанятых членов домохозяйства	0,004 0,054***	– 0,011 – 0,012	0,018 0,084***	– 0,013 – 0,012
Среднедушевой денежный доход домохозяйства (в ценах 2015 г.)	– 0,129***	– 0,011	– 0,363*** – 0,260***	– 0,015 – 0,013
2008 г. (*референтная категория: 2015*)	– 0,281*** – 0,100***	0,039 0,037	– 0,155*** – 0,038	0,038 0,035
Женщина (*рефереетная категория:* мужчина)	0,127*** 0,269***	– 0,024 – 0,025	0,252*** 0,307***	– 0,025 – 0,024

[9] В процессе оценки факторов было реализовано пять вариантов регрессионного анализа. Устойчивость результатов подтверждена использованием альтернативных мер доходных факторов (логарифмированный доход и доход в денежных единицах, доход домохозяйства, среднедушевой доход, разница дохода домохозяйства и заработной платы индивида). Выбор варианта, предложенного в таблице 3, зависел от полноты и содержания информации, представленной данными RLMS-HSE, в которых информация должна была соответствовать критериям стабильности в представлении данных на протяжении всего периода наблюдений, репрезентативности наблюдений и соответствовать намерениям проверки гипотез.

Таблица 3. Окончание

Название переменной	Беспокойство по поводу потери рабочего места		Беспокойство по поводу финансовой ситуации	
	Оценка коэффициента	Стандартная ошибка	Оценка коэффициента	Стандартная ошибка
Возраст	0,011***	– 0,001	0,009***	– 0,001
	0,014***	– 0,001	0,005***	– 0,001
Размер предприятия (референтная категория: < 20 работников)				
21–199 работников	– 0,013	– 0,016	– 0,02	– 0,016
200–1999 работников	– 0,052**	– 0,023	– 0,079***	– 0,025
	– 0,002	– 0,023	0,015	– 0,023
Больше или равно 2000 работников	– 0,024	– 0,032	– 0,048	– 0,033
Число наблюдений	50 182		50 135	
Log likelihood	– 49 000,02		– 46 373,18	
Wald chi2	1416,33		1970,54	
Prob > chi2	0,000		0,000	

Примечания.

Зависимые переменные: беспокойство по поводу потери рабочего места; беспокойство по поводу финансовой ситуации в следующие 12 месяцев.
RLMS-HSE, 2000–2015 гг., нестандартизированные коэффициенты (верхний — наличие эффекта самовосприятия прекаритета; нижний — интенсивность переживаний, общий — отсутствие разницы в восприятии), стандартная ошибка в скобках.
В качестве контролирующих переменных использованы дамми-переменные для года обследования (*референтная категория: 2015*), отрасли занятости (*референтная категория: сельское хозяйство*), проживание в браке.
*, **, *** — значимость на 10-, 5- и 1-процентном уровне соответственно.
Переменная среднедушевой денежный доход домохозяйства включена в виде натурального логарифма от единицы плюс среднедушевой денежный доход домохозяйства..

Интерпретация производственных факторов и контекстных условий для самовосприятия потерь в занятости и доходах

Образование

Результаты показывают, что гипотеза 1a *(H 1a)* не опровергается: более значительное образование и наличие профессионального образования способны снизить восприятие вероятности и значения потери работы. Такой результат ожидаем, поскольку в целом считается, что образование повышает шансы в поиске и сохранении работы. Характерно, что у тех российских наёмных работников, которые имеют образование не ниже среднего специального, в большей степени понижается интенсивность страхов в отношении возможных потерь в занятости и доходах. Информация о выраженности эффекта прекаризации позволяет обновить дискурс о значении образования в России на рынке труда, поскольку в ранних исследованиях констатируется незначительное влияние образования или даже его отсутствие на самовосприятие ситуации в занятости начиная с 2000 г. [Гимпельсон, Ощепков 2011].

Профессиональное положение

Гипотеза 1b о позиционировании *(H 1b)* предполагала, что работающие на высоких должностях и имеющие больше автономии в труде лучше защищены от рисков потери работы. Если на основе предложенной в RLMS-HSE классификации профессиональных групп оценивать три обобщённые категории (рабочие, служащие и лица, занимающие высокие должности), то действительно рабочие являются наиболее восприимчивыми к рискам прекаритета занятости. Однако ситуация в отдельных профессиональных группах иная. Квалифицированные рабочие, офисные служащие, работники сферы торговли и услуг, а также крупные должностные лица в большей степени подвержены самовосприятию вероятности и значимости потерь в занятости, чем неквалифицированные рабочие. В остальных профессиональных группах по-

лученные вычисления не имеют статистически значимого результата. Также не удалось выявить интенсивность восприятия опасностей потерь в работе. Таким образом, наёмная занятость в России склонна становиться все более прекарной в связи с увеличением сложности труда и уровнем занимаемой должности. Противоречий между оценкой положения индустриальных групп работников — рабочих, служащих, должностных лиц — и отдельных профессиональных категорий нет, поскольку внутри многих профессиональных групп используется разнообразный по сложности и требуемой квалификации труд.

В случае трудовых доходов подтверждается ясная взаимосвязь между ростом сложности выполняемой работы и самовосприятием возможной потери доходов у всех профессиональных групп по сравнению с малоквалифицированными рабочими. Таким образом, если работник получает доступ к занятости, то его доходы будут в большей степени защищёнными, чем само рабочее место.

Наличие подчинённых

Добавив к модели фактор наличия подчинённых (чего нет в немецком исследовании), мы получили ясный эффект сокращения восприятия прекаритета у тех наёмных работников, которые занимают руководящие позиции. Это означает, что руководящая позиция в фирме или на предприятии лучше защищает работника от превратностей трудовой карьеры. Воспринимаемая работниками защищённость трудовых доходов при наличии подчинённых ниже, чем в оценке страхов потери занятости. Иначе говоря, руководящая позиция в данном случае в большей степени гарантирует рабочее место, чем уверенность в стабильности доходов.

Правовые аспекты трудового договора

В российском исследовании тестировалась только гипотеза 1d (о влиянии занятости на неполный рабочий день — *H 1d*). В результате исследования выявлено, что занятость на частичной основе как разновидность нестандартной занятости в России не способствует росту самовосприятия прекаритета. Предполагается, что она позволяет совмещать различные активности в жизни (продвигается в связи с необходимостью сбалансированного соотношения работы и отдыха, работы и ведения семейной жизни) [Vogel 2009]. Даже интенсивность переживаний по поводу потерь в занятости сокращается у тех наёмных работников, которые не заняты на полную ставку. В меньшей степени страхи сокращаются при оценке вероятности потерь в доходах (*H 1e*). Возможно, оплата труда при занятости на неполный рабочий день ниже, чем у занятых на полную ставку.

Реакция на кризис 2008 г.

Контекстные условия в российском исследовании оценивались только в момент объявлений о наступающем кризисе осенью 2008 г. (гипотеза 2 — *H 2*). По сравнению с 2015 г. эффекты самовосприятия прекаритета занятости и доходов показывают, что страхи потерь у наёмных работников были меньшими. Наверное, сейчас люди расценивают ситуацию как ещё более сложную (санкции и резкие скачки валют, застой в экономике и проч.). Поскольку оценки коэффициентов в течение всего исследуемого периода отрицательные, можно сделать вывод о том, что беспокойство по поводу занятости и финансовой ситуации у наёмных работников со временем только нарастает.

Интерпретация факторов, способствующих замещению занятости

Доходы домохозяйства

Тестирование гипотезы об альтернативных ресурсах *(H 1f)* показало, что среднедушевой доход семьи положительно повлиял на восприятие рисков потерь в занятости и доходах у российских наёмных

работников. Если сравнить эффекты самовосприятия рисков потерь в занятости и в доходах, то получается, что доходы домохозяйства оказывают большее влияние на сокращение страхов потерь доходов, чем занятости. Это говорит о том, что, во-первых, важным является не общая сумма доходов наёмных работников, а их распределение внутри домохозяйства [Аткинсон 2017], а, во-вторых, занятость и доходы в России воспринимаются работниками дифференцированно. Оценка самовосприятия прекаритета доходов показывает, что при учёте фактора среднедушевого дохода интенсивность страхов сокращается по сравнению с общим эффектом, то есть страхи в этом случае имеет склонность убывать быстрее, чем их переживание.

Численность домохозяйства и число незанятых членов домохозяйства

В большей степени разъяснить значение потерь занятости и доходов, а также возможности их замещения при помощи поддержки домохозяйства способны численность домохозяйства и число незанятых членов домохозяйства как ещё одни существенные варианты альтернативных ресурсов *(H 1f)*. Если общее число членов домохозяйства оказывает положительное влияние на субъективные оценки своей ситуации, то увеличение численности незанятых членов домохозяйства способствует росту самовосприятия прекаритета занятости и доходов у наёмных работников. Таким образом, повышенная иждивенческая нагрузка является важной причиной роста страхов потерь работников и восприятия их зависимости от места работы. В данном случае обосновано, почему страхи сильнее выражены по поводу беспокойства о своей финансовой ситуации, чем по поводу потерь в занятости.

Оценка контрольных переменных

Контроль размера предприятия

Использование любых ресурсов и инвестиций в трудовой деятельности зависит от ситуации в экономике, в конкретной отрасли и внутри предприятия. Существующие различия обусловливают спрос на определённую квалификацию; отличаются также правовые условия занятости и условия занятия определённой должностной позиции. Для того чтобы понять конкретные условия найма и осуществления трудовой деятельности, необходимы детальные исследования предприятий и отраслей хозяйства. На самих предприятиях требуется различная рабочая сила. От размера предприятия зависит, какие могут быть предложены условия. В результате анализа данных RLMS-HSE мы получаем, что в России ясно более низкие страхи развития самовосприятия прекаритета занятости и трудовых доходов только у работников средних предприятий (200–1999 занятых).

Пол

В России общий потенциал и интенсивность восприятия опасностей потерь в трудовой жизни в большей степени выражены у женщин. Российские женщины, работающие по найму, имеют значительно худшие шансы на рынке труда и в системе занятости, чем мужчины. Ещё более значительное беспокойство, чем по поводу потери работы, работающие женщины в России демонстрируют по поводу потери доходов. В этом случае интенсивность страхов снова более выражена, чем у мужчин. В целом гендерная дискриминация на рынке труда характерна для самовосприятия как страхов потерь в занятости, так и в доходах.

Возраст

Также возрастание страхов потерь в занятости и в доходах как на уровне общего эффекта, так и с точки зрения интенсивности переживаний связано с возрастом: чем старше работник, тем значительнее у него восприятие прекаритета занятости.

Сравнение эффектов самовосприятия прекаритета занятости и трудовых доходов между наёмными работниками России и Германии

Для сравнения самовосприятия прекаритета занятости и трудовых доходов приведём сопоставимые данные, полученные А. Хензе по Германии (см. табл. 4)[10].

Таблица 4

Факторы, обусловливающие вероятность и значимость потери работы и доходов наёмными работниками в Западной и Восточной Германии

Название переменных	Беспокойство по поводу потери работы				Беспокойство по поводу финансовой ситуации			
	Западная Германия		Восточная Германия		Западная Германия		Восточная Германия	
	Оценка коэффициента	Стандартная ошибка	Оценка коэффициента	Стандартная ошибка	Оценка коэффициента	Стандартная ошибка	Оценка коэффициента	Стандартная ошибка
Уровень школьного образования (референтная категория: основная школа — 9 лет обучения)								
Нет образования и (или) иное	0,051	0,287	– 0,161	0,127	0,019	0,028	0,021	0,179
			0,074	0,119			– 0,003	0,119
Средняя ступень (10 лет)	– 0,079***	0,018	– 0,006	0,039	– 0.015	0,019	– 0,044	0,043
	–0,127***	0,021	– 0,217***	0,038	– 0,065***	0,020	– 0,183***	0,037
Полная школа (12–13 лет)	– 0,125***	0,025	– 0,149**	0,053	– 0,119***	0,026	– 0,137*	0,055
	– 0,208***	0,029	– 0,410***	0,053	– 0,179***	0,027	– 0,307***	0,051
Уровень профессионального образования (референтная категория: среднее специальное)								
Нет или иное	0,030	0,017	– 0,122	0,094	0,019	0,019	-0,087	0,057
			-0,072	0,065	0,093***	0,019		
Высшее образование	-0.028	0.025	– 0,070	0,038	– 0,076**	0,024	– 0,072	0,038
Профессиональное положение (референтная категория : неквалифицированные и (или) малоквалифицированные рабочие всех отраслей)								
Квалифицированные рабочие	– 0.062***	0,018	– 0,080*	0,034	– 0,071***	0,020	– 0,107***	0,030
	– 0.118***	0,020	– 0,024	0,033	– 0,112***	0,019		
Прораб	– 0,182***	0,032	– 0,078	0,052	– 0,062	0,037	– 0,215***	0,052
					– 0,173***	0,038		
Мастер или бригадир	– 0.186***	0,037	– 0,099	0,061	– 0,195***	0,041	– 0,243***	0,058
					– 0,329***	0,046		
Служащие с простой деятельностью	– 0,107***	0,020	– 0,207***	0,038	– 0,108***	0,021	– 0,163***	0,034
	– 0,202***	0,024	– 0,104**	0,037	– 0,201***	0,021		
Служащие с квалификацией	– 0,179***	0,020	– 0,176***	0,036	– 0,257***	0,021	– 0,174***	0,041
	– 0,314***	0,023			0,339***	0,021	– 0,253***	0,037
Высококвалифицированные служащие	– 0,230***	0,024	– 0,207***	0,043	– 0,408***	0,025	– 0,335***	0,042
	– 0,396***	0,029			– 0,516***	0,028		
Служащие на ведущих управленческих позициях	– 0,297***	0,042	– 0,296***	0,072	– 0,480***	0,039	– 0,435***	0,073
	– 0,482***	0,029						
Чиновники с простой деятельностью	– 0,752***	0,099	– 0,614***	0,174	– 0,285***	0,082	– 0,762***	0,177
Чиновники среднего уровня	– 0,955***	0,053	– 1,378***	0,110	– 0,606***	0,045	– 0,596***	0,102
			– 1,037***	0,144				

[10] Полное описание модели, эмпирические данные и их анализ представлены в двух основных публикациях: [Hense 2016a: 7–25; Hense 2017: 160–201].

Таблица 4. Окончание

Название переменных	Беспокойство по поводу потери работы				Беспокойство по поводу финансовой ситуации			
	Западная Германия		Восточная Германия		Западная Германия		Восточная Германия	
	Оценка коэффициента	Стандартная ошибка	Оценка коэффициента	Стандартная ошибка	Оценка коэффициента	Стандартная ошибка	Оценка коэффициента	Стандартная ошибка
Чиновники высшего уровня	– 1,469***	0,054	– 1,179***	0,099	– 0,792***	0,044	– 0,610***	0,095
	– 1,218***	0,082					– 0,884***	0,130
Ведущие чиновники	– 1,523***	0,065	– 1,267***	0,148	– 1,049***	0,049	– 1,027***	0,136
	– 1,251***	0,102	– 0,623***	0,256				
Частичная занятость (до 20 часов в неделю) *(референтная категория: полная занятость)*	– 0,255***	0,016	– 0,390***	0,041	– 0,027	0,015	– 0,162***	0,048
			– 0,149***	0,045			– 0,013	0,042
Число занятых членов домохозяйства	– 0.134***	0,020	0,083*	0,041	– 0,170***	0,021	– 0,230***	0,046
	– 0,012	0,024	0,221***	0,042	– 0,050*	0,023	0,024	0,041
Эквивалентные доходы семьи (в 1000 евро)	– 0,099***	0,001	– 0,275***	0,019	– 0,189***	0,008	– 0,328***	0,019
			– 0,400***	0,024	– 0,215***	0,010	– 0,541***	0,024
2008 г. (*референтная категория: периоды без реформ*)	– 0,054**	0,018	– 0,032	0,031	– 0,085***	0,017	– 0,066*	0,032
Женщина (*референтная категория: мужчина*)	– 0,027	0,018	0,198***	0,034	0,119***	0,019	0,192***	0,035
	0,026	0,020	0,259***	0,035	0,076***	0,020	0,109***	0,032
Размер предприятия (референтная категория: < 20 работников)								
20–199 работников	0,049***	0,015	0,115***	0,025	– 0,064***	0,015	– 0,059**	0,022
	0,006	0,017	0,048	0,025	-0,029	0,016		
200–1999 работников	0,043**	0,016	0,215***	0,030	– 0,059***	0,015	-0,038	0,026
	0,001	0,019	0,137***	0,030				
2000 работников или больше	– 0,023	0,016	0,131***	0,029	– 0,130***	0,017	– 0,117***	0,035
					– 0,088***	0,018	– 0,048	0,033
Число наблюдений	144 323		42 688		146 959		43 392	
Log likelihood	– 112 948,25		– 36 754,08		– 120 128,68		– 32 830,34	
Wald chi2	10 241,05(110)***		3284,88(89)***		8247,26(90)***		2382,62(85)***	
P	0,447***		0,459***		0,458***		0,469***	

Источник. Таблица составлена на основании авторских данных А. Хензе; см.: [Hense 2017: 181, 184, 192, 194].

Примечания.
Зависимые переменные: беспокойство по поводу потери рабочего места (1: нет; 2: слабое; 3: сильное); беспокойство по поводу финансовой ситуации (1: нет; 2: слабое; 3: сильное).
SOEP, 1985–2011 гг. (Западная Германия), 1990–2011 гг. (Восточная Германия), нестандартизированные коэффициенты (верхний — наличие эффекта самовосприятия прекаритета; нижний — интенсивность переживаний, общий — отсутствие разницы в восприятии), стандартная ошибка в скобках.
Значимость *p < 0,05;**p < 0,01;*** p < 0,001.

Сравнение полученных результатов о факторах (см. табл. 3, 4), влияющих на самовосприятие прекаритета занятости и доходов у наёмных работников в России и Германии, приводит к ряду выводов:

— на самовосприятие прекаритета занятости и доходов в России и в Германии оказывают воздействие практически все изученные факторы, хотя само влияние неодинаково. Так, образование работника (*H 1a*) является важным заслоном для самовосприятия опасностей в трудовой жизни. Правда, уровень среднего образования в Германии лучше защищает от восприятия прекаритета занятости, чем в России (соответственно в России требуется более значительное обра-

зование, чтобы быть менее обеспокоенным возможной потерей работы) [Hense 2017: 179–180, 181, 190–191];

— гипотеза о том, что работающие на высоких должностях и имеющие больше автономии в труде лучше защищены от рисков потери работы (*H 1b*), подтверждается в Германии, но не совсем в России. Если сравнивать индустриальные группы работников, то ситуация в странах выглядит аналогичной. Однако в отличие от Германии, где профессиональная квалификация работающего должным образом защищена в системе занятости, в России, наоборот, труд становится прекарным в связи с его усложнением [Hense 2017: 180–181]. Менее дифференцированная картина характерна в отношении прекаритета доходов: в данном случае сложность выполняемой работы должным образом оплачивается и в России [Hense 2017: 191];

— ситуация для России и Германии аналогична, когда речь идёт о неполной занятости (*H 1d*). Это связано, скорее всего, с тем, что такая занятость развивается добровольно и создаёт возможности для иной активности (вне профессиональной деятельности) [Hense 2017: 180, 182]. Занятость на частичной основе в Германии не влияет на восприятие прекаритета доходов, хотя существует предположение о неравной оплате труда между полностью и частично занятыми [Hense 2017: 191, 193]. В России самовосприятие прекаритета в этом случае также сглажено (*H 1e*).

Более значимые различия между странами складываются при сравнении влияния факторов, компенсирующих трудовую деятельность и трудовые доходы (*H 1f*).

В Германии изучалась так называемая эквивалентная шкала, которая учитывает структуру домохозяйства и затраты на индивидуальные потребности его членов. Эта шкала предполагает анализ влияния так называемых эквивалентных доходов [Аткинсон 2017: 57–60]. Их рост приводит к сокращению самовосприятия прекаритета занятости и доходов у трудящихся. Аналогично снижается прекаритет, если растёт число занятых членов домохозяйства, которое обусловливает даже интенсивность восприятия прекаритета занятости [Hense 2017: 182, 193]. Оценка среднедушевого дохода в России показала, что страхи также сокращаются. Если не принимать во внимание общую численность членов домохозяйства, то в России увеличение количества занятых в домохозяйстве тоже способствует сокращению беспокойства. В данном случае реакции работников в России аналогичны откликам работников в Западной Германии. Однако в Восточной Германии как общий эффект, так и интенсивность восприятия прекаритета растёт вместе с ростом числа занятых членов домохозяйства (получение такого эффекта было неожиданным, поэтому он не объясняется) [Hense 2017: 182].

Сравнение контекстных условий, в которых осуществляется трудовая деятельность (*H 2*), сильно ограничено из-за недостатка информации в российском мониторинге. В немецком исследовании указывается, что либерализация трудовой жизни повышает восприятие прекаритета. Изменения в законодательствах, приводившие к сокращению государственной помощи в случае потери работы, способствовали росту самовосприятия прекаритета занятости [Hense 2017: 183]. Однако сопоставление ситуаций в момент наступления финансового кризиса 2008 года показывает, что в России и в Германии выявились аналогичные эффекты: восприятие прекаритета у наёмных работников в 2008 г. сократилось [Hense 2017: 186, 195]. В Германии это объясняется тем, что действительно играют роль государственные меры, которые проводятся в сложные периоды для поддержки занятости. Однако в России таких мер не было объявлено в преддверии изменения ситуации в худшую сторону (в октябре — ноябре 2008 г.).

Сопоставление влияния контрольных переменных привело к следующим выводам:

— контроль размера предприятий, на которых заняты наёмные работники, содержат разные результаты в Германии и в России. В Германии в микрофирмах выявилась самая низкая степень восприятия прекаритета; уровень прекаритета растёт у работников средних предприятий и снова сокращается у занятых на больших [Hense 2017: 187, 196]. В России такие опасности в меньшей степени характерны для работников как раз средних предприятий;

— контроль пола демонстрирует, что в самовосприятии прекаритета в Германии нет особой разницы между мужчинами и женщинами при оценке ситуации в целом. Разница появляется, если оцениваются восточные земли, а также если сравниваются между собой занятые на неполный день мужчины и женщины [Hense 2017: 189–190; 198–199]. В России женщины находятся в многократно худшей ситуации в отношении прекаритета занятости и доходов на уровне оценки как общего эффекта, так и интенсивности самовосприятия опасностей;

— если возраст в Германии вообще не играет никакой роли в оценке опасностей занятости и доходов, то в России существует слабая зависимость.

Заключение

Основная цель исследования заключалась в изучении потенциала прекаритета занятости и трудовых доходов с точки зрения выявления субъективных оценок (страхов) наёмных работников в отношении возможных потерь в трудовой жизни. Исходное утверждение, реализованное в немецком исследовании, заключалось в том, что такой потенциал характерен для стран, в которых демонтаж основ социального государства спровоцировал незащищённость и неуверенность работников на рынке труда (гипотеза Р. Кастеля). Воздействие ряда факторов, изученных А. Хензе, подтверждает данное допущение. Так, самовосприятие прекаритета занятости и трудовых доходов сокращается, если у работников высокий уровень образования (*H 1a*) и высокое должностное положение в организации (*H 1b*). Из трёх групп наёмных работников ощущают себя в большей степени незащищёнными простые рабочие. Если человек включается в трудовую деятельность на неполную ставку и делает это добровольно, то такая «атипичная» занятость не влияет на риск развития самовосприятия прекаритета занятости и трудовых доходов (*H 1d*). Социальный (семейный) капитал сокращает восприятие прекаритета у наёмных работников, если он способен компенсировать убытки в трудовой жизни (*H 1f*). Также страхи сокращаются, если в семье трудящегося меньше количество неработающих (иждивенцев) (*H 1f*). Немецкое исследование показывает, что, наоборот, страхи возрастают, если работник занят на непостоянной основе (по срочному трудовому договору) (*H 1c*), имеет низкий статус в трудовой жизни (*H 1b*), происходит из семьи простых рабочих или имеет негативный опыт безработицы (гипотезы не назывались в данной статье из-за отсутствия возможностей сравнения с российской ситуацией). Кроме того, растущий региональный уровень безработицы и либеральные меры на рынке труда усиливают беспокойство трудящихся (*H 2*). Такие условия, как пол, возраст самих трудящихся, никак не влияют на субъективные оценки.

Часть эффектов, зафиксированных в Германии, характерны и для российских наёмных работников. Так, в России всё же необходимо иметь хорошее образование, чтобы чувствовать себя более защищённым на рынке труда и в системе занятости (*H 1a*). Правда, по сравнению с Германией образование в России должно быть намного выше. Занимающие высокие должности на предприятиях в России не защищены от рисков развития восприятия потерь в занятости, но чувствуют себя увереннее с точки зрения своей финансовой ситуации (*H 1b*). От рисков самовосприятия потерь в занятости в России таких работников лучше защищает наличие руководящей позиции (гипотеза, реализованная только в российском исследовании). Как и в Германии, социальный капитал имеет значение как фактор за-

мещения занятости и трудовых доходов (*H 1f*). Среднедушевой доход работника является фактором защиты от рисков самовосприятия потерь в трудовой жизни, однако положение меняется, если возрастает иждивенческая нагрузка в семье. К сожалению, из-за недостаточных данных не удалось сравнить эффекты, связанные с наличием срочного трудового договора (*H 1c*), с социальным происхождением работника и опытом безработицы (*H 3*).

В ходе исследования также выявлены существенные отличия между двумя странами. Мы считаем, что некоторые аспекты социального государства западного типа не характерны для России. Во-первых, не преодолены гендерная и возрастная дискриминации, которые существенно провоцируют эффекты самовосприятия прекаритета занятости и доходов у женщин и возрастных работников. Во-вторых, исследования показывают [Гимпельсон, Ощепков 2011], что меры государственной защиты трудящихся не снижают страхов потерь в трудовой жизни работников, что делает их более уязвимыми перед работодателем и, соответственно, намного более зависимыми от работы. В данном исследовании включение в анализ 2008 года (*H 2*) не подтверждает этот факт, но адекватно оценить сокращение страхов потерь в занятости и трудовых доходах у российских трудящихся в момент мирового финансового кризиса не представляется пока возможным. В-третьих, развитие рыночной экономики в стране и появление безработицы, несомненно, должны со временем привести к естественной реакции (росту страхов) со стороны трудящихся, хотя пока подобные эффекты неочевидны.

Наконец, есть различия, которые мало зависят от социальных факторов. Они, скорее, связаны с особенностями в развитии национальной экономики. Так, в Германии лучше защищёнными оказываются занятые на малых и крупных предприятиях, тогда как в России, наоборот, это характерно для трудящихся на средних предприятиях.

Таким образом, не только влияние социального государства, но и развитие рыночной экономики провоцируют риски прекаритета. Намного более значительное распространение самовосприятия прекаритета занятости и трудовых доходов в России свидетельствует в пользу предположения П. Бурдьё о том, что работа является дефицитным благом в любой стране, вступившей на путь создания рынка. Возможно также, что социальное государство в Германии лучше защищает своих работников от подобных рисков. Об этом свидетельствует сокращение страхов у немецких наёмных работников на протяжении исследуемого периода (1984–2011 гг.), во время которого были приняты беспрецедентные меры по реорганизации регулирования рынка труда и занятости населения (реформы П. Хартца). Это привело не только к сокращению безработицы, но и к гендерному и возрастному равноправию трудящихся. В России стабилизация финансовой системы, своевременные выплаты заработных плат (по сравнению с 1990-ми гг.) также способствуют сокращению беспокойства о своей финансовой ситуации у работников. Напротив, замедленное развитие трудового законодательства, отсутствие мер по преодолению дискриминационных практик на рынке труда и в занятости, как показывает исследование, приводят к росту беспокойства по поводу возможных потерь в занятости у российских работников.

Приложение

Таблица П.1

Описательная статистика по используемым переменным, RLMS-HSE

Название переменной	Среднее	Минимум	Максимум	*N*
Число членов домохозяйства	3,46	1	14	62 378
Число незанятых членов домохозяйства	1,39	0	11	62 378
Денежный доход домохозяйства, руб.	57 275,49	0	3 069 994	62 378
Денежный доход домохозяйства на одного члена домохозяйства, руб.	17 733,02	0	3 069 994	62 378
Возраст	39,53	18	60	62 378

Таблица П.2

Частотные распределения используемых переменных, RLMS-HSE

Название переменной	Процент категории в выборке	*N*
Беспокойство по поводу потери работы		
Отсутствие беспокойства	30,53	62 048
Некоторое беспокойство	42,42	62 048
Сильное беспокойство	27,05	62 048
Беспокойство по поводу своей финансовой ситуации		
Отсутствие беспокойства	18,61	61 988
Некоторое беспокойство	45,55	61 988
Сильное беспокойство	35,84	61 988
Профессиональное положение		
Неквалифицированные рабочие всех отраслей	0,66	62 283
Квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом	4,87	62 283
Квалифицированные работники сельского, лесного хозяйства и рыболовства	18,57	62 283
Квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы	18,16	62 283
Работники сферы торговли и услуг	5,66	62 283
Служащие офисные и по обслуживанию клиентов	15,18	62 283
Специалисты среднего уровня квалификации, чиновники	0,33	62 283
Специалисты высшего уровня квалификации	13,93	62 283
Военнослужащие	15,21	62 283
Законодатели, крупные чиновники, руководители высшего и среднего звена	7,44	62 283
Образование		
Законченное среднее образование и ниже	2,84	62 284
Законченное среднее/иное	41,34	62 284
Среднее специальное образование	27,90	62 284
Высшее/иное образование	27,92	62 284
Размер предприятия		
До 19	28,46	45 267

Таблица П.2. Окончание

Название переменной	Процент категории в выборке	*N*
20–199	40,48	45 267
200–1999	23,62	45 267
2000 и более	7,44	45 267
Наличие подчинённых	19,75	62 287
Частичная занятость до 20 часов в неделю	1,74	62 378
Женщина (референтная категория: мужчина)	53,65	62 378

Таблица П.3

Описательная статистика, SOEP*

Название переменной	Запад		Восток	
	Среднее	*N*	Среднее	*N*
Беспокойство по поводу потери работы				
Нет	0,52	165 422	0,27	46 770
Слабое	0,36	165 422	0,48	46 770
Сильное	0,12	165 422	0,25	46 770
Беспокойство по поводу своей финансовой ситуации				
Нет	0,31	169 346	0,15	47 744
Слабое	0,52	169 346	0,60	47 744
Сильное	0,17	169 346	0,26	47 744
Образование				
Нет образования или иное	0,05	168 241	0,01	47 649
Девять лет обучения	0,42	168 241	0,16	47 649
Средняя ступень (10 лет обучения)	0,28	168 241	0,60	47 649
Полная школа (12–13 лет обучения)	0,24	168 241	0,23	47 649
Уровень профессионального образования				
Нет или иное	0,20	168 930	0,04	47 649
Среднее специальное	0,61	168 930	0,65	47 649
Высшее образование	0,19	168 930	0,31	47 649
Профессиональное положение				
Неквалифицированные или малоквалифицированные рабочие всех отраслей	0,14	170 254	0,24	47 914
Квалифицированные рабочие	0,22	170 254	0,12	47 914
Прораб	0,02	170 254	0,03	47 914
Мастер или бригадир	0,02	170 254	0,02	47 914
Служащие с простой деятельностью	0,13	170 254	0,14	47 914
Служащие с квалификацией	0,24	170 254	0,24	47 914
Высококвалифицированные служащие	0,13	170 254	0,15	47 914
Служащие на ведущих управленческих позициях	0,02	170 254	0,02	47 914
Чиновники с простой деятельностью	0,00	170 254	0,00	47 914

Таблица П.3. Окончание

Название переменной	Запад		Восток	
	Среднее	***N***	**Среднее**	***N***
Чиновники среднего уровня	0,03	170 254	0,01	47 914
Чиновники высшего уровня	0,04	170 254	0,02	47 914
Ведущие чиновники	0,02	170 254	0,01	47 914
Частичная занятость до 20 часов в неделю	0,17	170 254	0,07	47 914
Доля занятых членов домохозяйства	0,66	170 254	0,67	47 914
Эквивалентные доходы семьи (евро)	1582,97	170 254	1320,28	47 914
Женщина (референтная категория: мужчина)	0,45	170 254	0,49	47 914
Размер предприятия				
До 19 чел.	0,22	166 917	0,25	47 353
20–199 чел.	0,28	166 917	0,35	47 353
200–1999 чел.	0,24	166 917	0,22	47 353
2000 чел. и более	0,26	166 917	0,18	47 353

* *Источник данных:* [Hense 2017: 239–242].

Литература

Аткинсон Е. Б. 2017. Что такое «неравенство», и можем ли мы его преодолеть? *Экономическая социология*. 18 (2): 41–79. URL: https://www.hse.ru/data/2017/03/31/1168535199/ecsoc_t18_n2.pdf#page=41

Бурдьё П. 2001. *Практический смысл*. Пер. с франц. А. Т. Бикбова, К. Д. Вознесенской, С. Н. Зенкина, Н. А. Шматко. Отв. ред. пер. и послесл. — Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя.

Бурдьё П. 2005. *Социальное пространство: поля и практики*. Сост., общ. ред., пер. с франц. и послесл. — Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя.

Бурдьё П. 2007. *Социология социального пространства*. Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.

Вербик М. 2008. *Путеводитель по современной эконометрике*. Пер. с англ. В. А. Банникова. Научн. ред. и предисл. — С. А. Айвазяна. М.: Научная книга.

Гимпельсон В. Е., Ощепков А. Ю. 2011. Уровень и страх безработицы: есть ли между ними связь? *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 15 (3): 277–314.

Голенкова З. Т., Голеусова Ю. В. 2015. Прекариат как новое явление в современной социальной структуре. В кн.: Голенкова З. Т. (отв. ред.) *Наёмный работник в современной России*. М.: Новый Хронограф; 121–138.

Кастель Р. 2009. *Метаморфозы социального вопроса. Хроника наёмного труда*. М.: Алетейя.

Сеннет Р. 2004. *Коррозия характера*. Пер. с англ. В. И. Супруна. Новосибирск; М.: ФСПИ «Тренды».

Сизова И. Л. 2015. Прекаризация в трудовой сфере России. *Петербургская социология сегодня: сборник научных трудов Социологического института РАН*. Вып. 6. СПб.: Настор-История; 122–159.

Стэндинг Г. 2014. *Прекариат: новый опасный класс*. Пер. с англ. Н. Усовой. М.: Ad Marginem Press.

Тощенко Ж. Т. 2015. Прекариат — новый социальный класс. *Социологические исследования*. 6: 3–13.

Труд и занятость в России. 2015. М.: Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/trud15.pdf

Шкаратан О. И., Карачаровский В. В., Гасюкова Е. Н. 2015. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2003). *Социологические исследования*. 12: 99–110.

Avsar G., Ham R., Tannous K. W. 2017. Factors Influencing the Incidence of Obesity in Australia: A Generalized Ordered Probit Model International. *Journal of Environmental Research and Public Health*. 14 (2). URL: http://www.mdpi.com/1660-4601/14/2/177

Barbier J.-C., Brygoo A., Viguier F. 2002. *Defining and Assessing Precarious Employment in Europe: A Review of Main Studies and Surveys. A Tentative Approach to Precarious Employment in France*. Noisy-le-Grand: Centre d'études de l'emploi.

Bartelheimer P., Kädtler J. 2012. Produktion und Teilhabe. Konzepte und Profil sozioökonomischer Berichterstattung. In: Forschungsverbund Sozioökonomische Bericherstattung (Hg.) *Berichterstattung zur sozioökonomischen Entwicklung in Deutschland. Teilhabe im Umbruch. Zweiter Bericht*. Wiesbaden: VS; 41–85.

Bernardi L., Klarner A., Lippe H. von der 2008. Job Insecurity and the Timing of Parenthood: A Comparison between Eastern and Western Germany. *European Journal of Population*. 24: 287–313.

Bourdieu P. 1998. *Prekarität ist überall*. In: Bourdieu P. (ed.) Gegenfeuer. Konstanz: UVK; 96–102.

Bourdieu P. 2000. *Die zwei Gesichter der Arbeit. Interdependenzen von Zeit- und Wirtschaftsstrukturen am Beispiel einer Ethnologie der algerischen Übergangsgesellschaft*. Konstanz: UVK.

Castel R., Dörre K. (Hg.). 2009. *Prekarität, Abstieg, Ausgrenzung. Die soziale Frage am Beginn des 21. Jahrhunderts*. Frankfurt a. M.; NY: Campus.

Brinkmann U. et al. 2006. *Prekäre Arbeit. Ursachen, Ausmaß, soziale Folgen und subjektive Verarbeitungsformen unsicherer Beschäftigungsverhältnisse*. Bonn: Friedrich-Ebert-Stiftung.

Buchholz S. 2008. *Die Flexibilisierung des Erwerbsverlaufs. Eine Analyse von Einstiegs- und Ausstiegsprozessen in Ost- und Westdeutschland*. Wiesbaden: VS.

Burchell B., Ladipo D., Wilkinson F. (eds). 2002. *Job Insecurity and Work Intensification*. London; New York: Routledge.

Damitz R. M. 2007. Prekaritat. Genealogie einer Problemdiagnose. *Mittelweg.* 36: 67–86.

Dörre K. 2006. Prekäre Arbeit. Unsichere Beschäftigungsverhältnisse und ihre sozialen Folgen. *Arbeit.* 1: 181–193.

Esser H. 2006. Eines für alle(s). Das Weber-Paradigma, das Konzept des moderaten methodologischen Holismus und das Modell der soziologischen Erklärung. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie.* 58: 252–363.

Fernández-Val I. 2009. Fixed Effects Estimation of Structural Parameters and Marginal Effects in Panel Probit Models. *Journal of Econometrics.* 150: 71–85.

Flecker J., Krenn M. 2004. Abstiegsängste, verletztes Gerechtigkeitsempfunden und Ohnmachtsgefuhle — zur Wahrnehmung und Verarbeitung zunehmender Unsicherheit und Ungleichheit in der Arbeitswelt. In: Zilian H. G. (Hg.) *Insider und Outsider*. München, Mering: Rainer Hampp. URL: http://www.forschungsnetzwerk.at/downloadpub/SR%203-2004.pdf

Frick J. et al. (Hg.). 2008. 25 Wellen Sozio-ökonomisches Panel. *Vierteljahrshefte zur Wirtschaftsforschung*. 77: 6–8.

Gallie D., Paugam S. 2002. Soziale Prekaritat und soziale Integration. Bericht für die Europaische Kommission Generaldirektion Beschäftigung. *Eurobarometer 56.1*. Brüssel. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/ebs/ebs_162_de.pdf

Gibb E. 2009. Precarious Employment. Causes, Drivers, Challenges and Responses. A Literature Review. In: Evans J., Gibb E.(eds). *Moving from Precarious Employment to Decent Work*. Genf: ILO; 15–69.

Gordon D., Townsend P. (eds.) 2000. *Breadline Europe. The Measurement of Poverty*. Bristol: Polity Press.

Hense A. 2016a. *Subjektive Prekaritätswahrnehmung: Soziale Ursachen und Folgen*. In: Forschungsverbund Sozioökonomische Berichterstattung (Hg.) Berichterstattung zur sozioökonomischen Entwicklung in Deutschland. Exklusive Teilhabe — ungenutzte Chancen. Dritter Bericht. Bielefeld: W. Bertelsmann Verlag. DOI: 10.3278/6004498w010

Hense A. 2016b. Bedrohung durch Prekarität. Subjektive Wahrnehmung und sozialstrukturelle Ursachen. *Mitteilungen aus dem SOFI*, Jg. 10, Ausgabe 25: 13–14.

Hense A. 2017 (im Erscheinen). *Wahrnehmung der eigenen Prekarität: Grundlagen einer Theorie zur sozialen Erklärung von Ungleichheitswahrnehmungen.* Wiesbaden: Springer VS.

Hoffmann H., Kaldybajewa K., Kruse E. 2006. Arbeiter und Angestellte im Spiegel der Statistik der gesetzlichen Rentenversicherung. Ruckblick und Bestandsaufnahme. *Deutsche Rentenversicherung*. 61: 24–53.

Hübler D., Hübler O. 2006. Is There a Trade-off between Job Security and Wages in Germany and the UK? *IZA Discussion Paper.* No. 2241.

Kalleberg A. 2009. Precarious Work, Insecure Workers: Employment Relations in Transition. *American Sociological Review.* 74: 1–22.

Klose M., Schwarz N. 2006. Einkommen soziookonomischer Haushaltsgruppen. Ergebnisse der Volkswirtschaftlichen Gesamtrechnungen. *Wirtschaft und Statistik*. 12: 1296–1308.

Kreyenfeld M. 2008. Ökonomische Unsicherheit und der Aufschub der Familiengründung. In: Szydlik M. (Hg.). *Flexibilisierung. Folgen für Arbeit und Familie*. Wiesbaden: VS; 232–254.

Kronauer M. 2002. *Exklusion. Die Gefahrdung des Sozialen im hoch entwickelten Kapitalismus*. Frankfurt a. M.; New York: Campus.

Kroneberg C. 2005. Die Definition der Situation und die variable Rationalität der Akteure. Ein allgemeines Modell des Handelns. *Zeitschrift für Soziologie*. 34 (5): 344–363.

Larson J. H., Wilson S. M., Beley R. 1994. The Impact of Job Insecurity on Marital and Family Relationships. *Family Relations.* 43: 138–143.

Lindenberg S. 2001. Social Rationality as a United Model of Man (Including Bounded Rationality). *Journal of Management and Governance.* 5: 239–251.

Luechinger S., Meier S., Stutzer A. 2010. Why does Unemployment Hurt the Employed? Evidence from the Life Satisfaction Gap Between the Public and the Private Sector. *The Journal of Human Resources.* 45: 998–1045.

Manske A., Puhl K. (Hg.). 2010. *Prekärisierung zwischen Anomie und Normalisierung. Geschlechtertheoretische Bestimmungen*. Munster: Westfalisches Dampfboot.

Mayer-Ahuja N., Bartelheimer P., Kädtler J. 2012. Teilhabe im Umbruch. Zur sozioökonomischen Entwicklung Deutschlands. In: Forschungsverbund Sozioökonomische Bericherstattung (Hg.) *Berichterstattung zur sozioökonomischen Entwicklung in Deutschland. Teilhabe im Umbruch. Zweiter Bericht.* Wiesbaden: VS; 15–39.

Mayerl J. 2009. *Kognitive Grundlagen sozialen Verhaltens. Framing, Einstellungen und Rationalität*. Wiesbaden: VS.

Muñoz de Bustillo R., Pedraza P. de. 2010. Determinants of Job Insecurity in Five European Countries. *European Journal of Industrial Relations.* 16: 5–20.

Nolan J. 2002. The Intensification of Everyday Life. In: Burchell B., Ladipo D.,Wilkinson F. (eds.). *Job Insecurity and Work Intensification*. London; New York: Routledge; 112–136.

Paugam S. 2000. *Le salarie de la precarite. Les nouvelles formes de l'integration sociale*. Paris: Presses Universitaires de France.

Paugam S. 2009. Die Herausforderung der organischen Solidarität durch die Prekärisierung von Arbeit und Beschaftigung. In: Castel R., Dorre K. (Hg.) *Prekarität, Abstieg, Ausgrenzung*. *Die soziale Frage am Beginn des 21. Jahrhunderts*. Frankfurt a. M.; New York: Campus; 175–196.

Pfarr C.; Schmid A.; Schneider U. 2010. *REGOPROB2: Stata Module to Estimate Random Effects Generalized Ordered Probit Models (Update).* Statistical Software Components: Chestnut Hill, MA, USA: Boston College Department of Economics.

Pfarr C., Schmid A., Schneider U. 2011. Estimating Ordered Categorical Variables Using Panel Data: A Generalized Ordered Probit Model with an Autofit Procedure. *Journal of Economics and Econometrics*. 54: 7–23.

Pudney S., Shields M. 2000. Gender, Race, Pay and Promotion in the British Nursing Profession: Estimation of a Generalized Ordered Probit Model. *Journal of Applied Economics*. 15: 367–399.

Schulze Buschoff K., Protsch O. 2008. (A-)typical and (In-)secure? Social Protection and «Non-standard» Forms of Employment in Europe. *International Social Security Review.* 61: 51–73.

Schupp J. 2009. 25 Jahre Sozio-ökonomisches Panel. Ein Infrastrukturprojekt der empirischen Sozial- und Wirtschaftsforschung in Deutschland. *Zeitschrift für Soziologie.* 38: 350–357.

Solga H., Powell J., Berger P. A. 2009. *Soziale Ungleichheit: Klassische Texte zur Sozialstrukturanalyse*. Frankfurt a. M.; New York: Campus.

Tepe M., Kroos D. 2010. Lukrativer Staatsdienst? Lohndifferenzen zwischen öffentlichem Dienst und Privatwirtschaft. *WSI Mitteilungen.* 1: 3–10.

Vogel C. 2009. Teilzeitbeschäftigung. Ausmaß und Bestimmungsgründe der Erwerbsübergänge von Frauen. *Zeitschrift für Arbeitsmarktforschung.* 42: 170–181.

Vosko L. (Hg.). 2006. *Precarious Employment. Understanding Labour Market Insecurity in Canada.* Montreal; London; Ithaca: McGill-Queens University Press.

Wichert I. 2002. Job Insecurity and Work Intensification. The Effects on Health and Well-Being. In: Burchell B., Ladipo D., Wilkinson F. (eds.) *Job Insecurity and Work Intensification*. London; New York: Routledge; 92–111.

Witte H. de 2005. Job Insecurity: Review of the International Literature on Definitions, Prevalence, Antecedents and Consequences. *Journal of Industrial Psychology.* 31: 1–6.

Wooldridge J. M. 2010. *Econometric Analysis of Cross Section and Panel Data*. Cambridge, MA, USA: MIT Press.

NEW TEXTS

Irina Sizova, Liudmila Leonova, Andrea Hense

The Precariousness of Employment and Labor Incomes in Russia and Germany: Self-Perception of Wage Workers

SIZOVA, Irina — Doctor of Sociology, Professor, Department of Sociology. St. Petersburg State University, Address: 1/3. Entr. 9., Smolnogo str., Saint Petersburg, 191124 Russian Federation; Senior Researcher, ITMO University, Address: 49, Kronverkskiy pr., Saint Petersburg, 197101, Russian Federation

Email: isizova@hse.ru

LEONOVA, Liudmila — Candidate of Sciences in Economics, Assistant Professor, Department of Mathematical Economics. National Research University Higher School of Economics. Address: 25/12 Bolshaya Pecherskaya Ulitsa, Nizhny Novgorod, 603155 Russian Federation.

Email: lleonova@hse.ru

HENSE, Andrea — Doctor of Sociology, Senior Researcher, Sociological Research Institute Göttingen. Address: 31 Friedländer Weg, Göttingen, 37085, Germany.

Email: andrea.hense@sofi.uni-goettingen.de

Abstract

The issue of social inequality has always been a focus of sociological knowledge. Meanwhile, extensive discussions about new forms of inequality and social participation were driven by changes in the late twentieth and early twenty-first centuries. As a result, the topic of "precarity" has become more relevant in recent times. The reasons for this interest are the growing tensions in labor markets and problems of employment systems in various countries. The purpose of this article is to study the precarious opportunities for employees in the context of an analysis of their self-assessments of the risks of job losses and future labor incomes, as well as to compare this self-perception between those employed in Russia and Germany. The aim of the comparative analysis is the identification of social factors of the precarious employment in market economies, and to achieve an understanding of the degree of social inequality from the point of employment participation in Russia. The article starts with an examination of the theoretical foundations. These foundations are a modern interpretation of the sociological theory of the social structure of society, the development of resources, and actor theories. The model of the subjective perception of inequality A. Hense is under consideration. In the model, the conceptual provisions of methodological individualism of S. Lindenberg and P. Burdieu's methodological relativism are integrated. The data of the Russia Longitudinal Monitoring Survey — Higher School of Economics (RLMS-HSE) and German Socio-Economic Panel Study (SOEP) were used for multivariate analysis. Determinants (production, legal, contextual) were studied using generalized ordered probit models with random effects. As a result, the authors conclude that the precariousness of employment and incomes in Russia captures a large proportion of wage earners and is fixed throughout the observation period. A higher level of education weakens anxiety, although in Russia it should be more significant than in Germany. Workers are a risk group in the self-perception of precarity, but the situation in Russia is changing if differentiated professional groups are evaluated. Working conditions depend on the system of social support for workers and on the social capital of workers (family support and the origin of the worker). The self-perception of precariousness among workers increases if the number of dependents is high. The size of the enterprise has a different impact on self-perception of the precariousness for workers in Russia and Germany. In Russia, women are most susceptible to the perception of precarity, whereas in Germany, such effects are not recorded. In general, the study shows that the reduction of inequality in the involvement of citizens in the

labor market in the modern market economy is directly related to the proactive role of the state in the social protection of workers.

Keywords: precarity; wage worker; employment; labor income; unemployment; welfare state.

Acknowledgements

The study was performed with financial support by the grant from the Russian Science Foundation (project №14-18-03434): "Models of the Interaction between Society and the Elderly: A Study of Opportunities for the Social Inclusion".

References

Atkinson E. B. (2017). Chto takoe "neravenstvo", i mozhem li my ego preodolet'? [What is "Inequality", and Can We Overcome It?]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya* (electronic journal), vol. 18, no 2, pp. 41–79. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2017/03/31/1168535199/ecsoc_t18_n2.pdf#page=41 (accessed 10 August 2017) (in Russian).

Avsar G., Ham R., Tannous K. W. (2017). Factors Influencing the Incidence of Obesity in Australia: A Generalized Ordered Probit Model. *International. Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 2, no 14. Available at: http://www.mdpi.com/1660-4601/14/2/177 (accessed 10 August 2017).

Barbier J.-C., Brygoo A., Viguier F. (2002) *Defining and Assessing Precarious Employment in Europe: A Review of Main Studies and Surveys. A Tentative Approach to Precarious Employment in France*, Noisy-le-Grand: Centre d'études de l'emploi.

Bartelheimer P., Kädtler J. (2012) *Produktion und Teilhabe. Konzepte und Profil sozioökonomischer Berichterstattung* [Production and Participation. The Concept and Profile Socio-Economic Reporting]. In: Forschungsverbund Sozioökonomische Berichterstattung (Hg.) Berichterstattung zur sozioökonomischen Entwicklung in Deutschland. Teilhabe im Umbruch. Zweiter Bericht [Reporting to the Socio-Economic Development in Germany. Participation in the Break. Second Report], Wiesbaden: VS, pp. 41–85 (in German).

Bernardi L., Klarner A., Lippe H. von der (2008) Job Insecurity and the Timing of Parenthood: A Comparison between Eastern and Western Germany. *European Journal of Population*, no 24, pp. 287–313.

Bourdieu P. (1998) *Prekarität ist überall. Ders.: Gegenfeuer* [Prekaretit is Everywhere], Konstanz: UVK, pp. 96–102 (in German).

Bourdieu P. (2000) *Die zwei Gesichter der Arbeit. Interdependenzen von Zeit- und Wirtschaftsstrukturen am Beispiel einer Ethnologie der algerischen Übergangsgesellschaft*. [The Two Faces of the Work. Interdependence of Temporal and Economic Structures on the Example of Ethnology of Algerian Society During the Transition Period], Konstanz: UVK (in German).

Bourdieu P. (2001) *Prakticheskiy smysl* [Practical Sense], St. Petersburg.: Aleteiya. Available at: http://bourdieu.name/en/content/burde-prakticheskij-smysl (accessed 10 August 2017) (in Russian).

Bourdieu P. (2005) *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki. Sost. i obshch*. [Social Space: Fields and Practices], St. Petersburg: Aleteiya. Available at: http://bourdieu.name/en/node/123 (accessed 10 August 2017) (in Russian).

Bourdieu P. (2007) *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space], Moscow: Institut eksperimental'noy sotsiologii. St. Petersburg: Aleteiya. Available at: http://bourdieu.name/en/node/124 (accessed 10 August 2017) (in Russian).

Brinkmann U., Dorre K., Robenack S., Kraemer K., Speidel F. (2006) *Prekäre Arbeit. Ursachen, Ausmaß, soziale Folgen und subjektive Verarbeitungsformen unsicherer Beschäftigungsverhältnisse* [Precarious Work. Causes, Extent, Social Consequences, and the Subjective Processing of Insecure Forms of Employment], Bonn: Friedrich-Ebert-Stiftung (in German).

Buchholz S. 2008. *Die Flexibilisierung des Erwerbsverlaufs. Eine Analyse von Einstiegs- und Ausstiegsprozessen in Ost- und Westdeutschland* [Flexibilization of Working Life. Analysis of Ascending and Descending Mobility in East and West Germany], Wiesbaden: VS (in German).

Burchell B., Ladipo D., Wilkinson F. (eds). (2002) *Job Insecurity and Work Intensification*, London; New York: Routledge.

Castel R. (2009) Metamorfozy sotsial'nogo voprosa. Khronika naemnogo truda [Metamorphoses of the Social Question. The Chronicle of Hired Labor], St. Petersburg: Aleteiya (in Russian).

Castel R., Dörre K. (eds) (2009) *Prekarität, Abstieg, Ausgrenzung. Die soziale Frage am Beginn des 21. Jahrhunderts* [Precarity, Descent, Exclusion. The Social Question at the Beginning of the 21st Century], Frankfurt a. M.; NY: Campus (in German).

Damitz R. M. (2007) Prekaritat. Genealogie einer Problemdiagnose. [Prekaritat. Genealogy of a Problem Diagnosis]. *Mittelweg*, no 36, pp. 67–86 (in German).

Dörre K. (2006) Prekäre Arbeit. Unsichere Beschäftigungsverhältnisse und ihre sozialen Folgen. [Precarious Work. Precarious Employment and Their Social Consequences]. *Arbeit*, no 1, pp. 181–193 (in German).

Esser H. (2006) Eines für alle(s). Das Weber-Paradigma, das Konzept des moderaten methodologischen Holismus und das Modell der soziologischen Erklärung. [The Weber-Paradigm, the Concept of Moderate Methodological Holism and the Model of Sociological Explanation]. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, no 58, pp. 252–363 (in German).

Fernández-Val I. (2009) Fixed Effects Estimation of Structural Parameters and Marginal Effects in Panel Probit Models. *Journal of Econometrics*, no 150, pp. 71–85.

Flecker J., Krenn M. (2004) Abstiegsängste, verletztes Gerechtigkeitsempfunden und Ohnmachtsgefuhle — zur Wahrnehmung und Verarbeitung zunehmender Unsicherheit und Ungleichheit in der Arbeitswelt [Fears of Relegation, the Injured Justice Felt and Powerlessness Feelings — the Perception and Processing of Increasing Insecurity and Inequality in the World of Work]. *Insider und Outsider* (ed. H. G. Zilian), Munchen; Mering: Rainer Hampp, pp. 1–23 (in German).

Frick J., Groh-Samberg R., Schupp O., Spiey J., Spiey C. K. (eds). (2008) 25 Wellen Sozio-ökonomisches Panel [25 Waves of German Socio-Economic Panel]. *Vierteljahrshefte zur Wirtschaftsforschung*, vol. 77, pp. 7–8 (in German).

Gallie D., Paugam S. (2002) Soziale Prekaritat und soziale Integration [Social Prekaritat and social Integration]. *Bericht für die Europaische Kommission Generaldirektion Beschäftigung*. Eurobarometer 56.1., Brüssel: European Commission (in German).

Gibb E. (2009) Precarious Employment. Causes, Drivers, Challenges and Responses. *A Literature Review. Moving from Precarious Employment to Decent Work* (eds. J. Evans, E. Gibb), Genf: ILO; 15–69.

Gimpel'son V. E., Oshchepkov A. Y. (2011) Uroven' i strakh bezrabotitsy: est' li mezhdu nimi svyaz'? [The Level and Fear of Unemployment: Is There a Connection between Them?] *Ekonomicheskiy zhurnal HSE* = The HSE Economic Journal, vol. 15, no 3, pp. 277–314. Available at: https://ej.hse.ru/2011-15-3/43987732.html (accessed 10 August 2017) (in Russian).

Golenkova Z. T., Goleusova Y. V. (2015) *Prekariat kak novoe yavlenie v sovremennoy sotsial'noy strukture. Naemnyy rabotnik v sovremennoy Rossii* [The Precariat as a New Phenomenon in Modern Social Structure. The Wage Earner in Modern Russia], Moscow: Novyy Khronograf, pp. 121–138 (in Russian).

Gordon D., Townsend P. (eds). (2000) *Breadline Europe. The Measurement of Poverty*, Bristol: Polity Press.

Hense A. (2016a) Subjektive Prekaritätswahrnehmung: Soziale Ursachen und Folgen [The Social Causes and Consequences]. Forschungsverbund Sozioökonomische Berichterstattung (Hg.) *Berichterstattung zur sozioökonomischen Entwicklung in Deutschland. Exklusive Teilhabe — ungenutzte Chancen. Dritter Bericht* [Reporting to the Socio-Economic Development in Germany. Exclusive part — Unused Chances. Third Report], Bielefeld: W. Bertelsmann Verlag. DOI: 10.3278/6004498w010 (in German).

Hense A. (2016b) Bedrohung durch Prekarität. Subjektive Wahrnehmung und sozialstrukturelle Ursachen [Threat of Precarity. Subjective Perception and Social Structural Causes]. *Mitteilungen aus dem SOFI*, vol. 10, no 25, pp. 13–14 (in German).

Hense A. (2017 Im Erscheinen) *Wahrnehmung der eigenen Prekarität: Grundlagen einer Theorie zur sozialen Erklärung von Ungleichheitswahrnehmungen* [Perception of One's Own Precariousness: Foundations of a Theory of Social Explanation of Inequality Perceptions], Wiesbaden: Springer VS (in German).

Hoffmann H., Kaldybajewa K., Kruse E. (2006) Arbeiter und Angestellte im Spiegel der Statistik der gesetzlichen Rentenversicherung. Rückblick und Bestandsaufnahme [Workers and Employees in the Mirror of Pension Insurance Statistics. Review and Evalution]. *Deutsche Rentenversicherung*, no 61, pp. 24–53 (in German).

Hübler D., Hübler O. (2006) Is there a Trade-off between Job Security and Wages in Germany and the UK? *IZA Discussion Paper*, no 2241.

Kalleberg A. (2009) Precarious Work, Insecure Workers: Employment Relations in Transition. *American Sociological Review*, no 74, pp. 1–22.

Klose M., Schwarz N. (2006) Einkommen soziookonomischer Haushaltsgruppen. Ergebnisse der Volkswirtschaftlichen Gesamtrechnungen [Income of Socioeconomic Groups of Households. Results of Macroeconomic Analysis]. *Wirtschaft und Statistik*, no. 12, pp. 1296–1308 (in German).

Kreyenfeld M. (2008) Ökonomische Unsicherheit und der Aufschub der Familiengründung [Economic Uncertainty and the Postponement of Family Formation]. *Flexibilisierung. Folgen für Arbeit und Familie* [Flexibilitate. Implications for Work and Family?] (ed. M. Szydlik), Wiesbaden: VS., pp. 232–254 (in German).

Kronauer M. (2002) *Exklusion. Die Gefahrdung des Sozialen im hoch entwickelten Kapitalismus* [Exclusion. The Danger of Extension of the Social in the Highly Developed Capitalism],. Frankfurt a. M.; New York: Campus (in German).

Kroneberg C. (2005) Die Definition der Situation und die variable Rationalität der Akteure. Ein allgemeines Modell des Handelns [The Definition of the Situation and the Variable Rationality of Actors. A General Model of Action]. *Zeitschrift für Soziologie,* vol. 34, no 5, pp. 344–363. Available at: https://www.researchgate.net/publication/41010166_Die_Definition_der_Situation_und_die_variable_Rationalitat_der_Akteure_Ein_allgemeines_Modell_des_Handelns (accessed 10 August 2017) (in German).

Larson J. H., Wilson S. M., Beley R. (1994) The Impact of Job Insecurity on Marital and Family Relationships. *Family Relations*, no 43, pp. 138–143.

Lindenberg S. (2001) Social Rationality as a United Model of Man (Including Bounded Rationality). *Journal of Management and Governance*, no 5, pp. 239–251.

Luechinger S., Meier S., Stutzer A. (2010) Why does Unemployment Hurt the Employed? Evidence from the Life Satisfaction Gap Between the Public and the Private Sector. *The Journal of Human Resources*, no 45, pp. 998–1045.

Manske A., Puhl K. (eds). (2010) *Prekärisierung zwischen Anomie und Normalisierung. Geschlechtertheoretische Bestimmungen* [Precarious Capitalization between Anomie and Normalization. Gender-Theoretical Provisions], Munster: Westfalisches Dampfboot (in German).

Mayer-Ahuja N., Bartelheimer P., Kädtler J. 2012. Teilhabe im Umbruch. Zur sozioökonomischen Entwicklung Deutschlands [Participation in the Break. To the Socio-Economic Development of Germany]. Forschungsverbund Sozioökonomische Bericherstattung (Hg.) *Berichterstattung zur sozioökonomischen Entwicklung in Deutschland. Teilhabe im Umbruch. Zweiter Bericht* [Reporting to the Socio-Economic Development in Germany. Participation in the Break. Second Report], Wiesbaden: VS, pp. 15–39 (in German).

Mayerl J. (2009) *Kognitive Grundlagen sozialen Verhaltens. Framing, Einstellungen und Rationalität* [Cognitive Foundations of Social Behavior. Framing, Settings, and Rationality], Wiesbaden: VS (in German).

Muñoz de Bustillo R., Pedraza P. de (2010) Determinants of Job Insecurity in Five European Countries. *European Journal of Industrial Relations*, no 16, pp. 5–20.

Nolan J. (2002) The Intensification of Everyday Life. *Job Insecurity and Work Intensification* (eds. B. Burchell, D. Ladipo, F. Wilkinson), London; New York: Routledge, pp. 112–136.

Paugam S. (2000) *Le salarie de la precarite. Les nouvelles formes de l'integration sociale* [The Employed Person of the Precariousness. The New Forms of Social Integration], Paris: Presses Universitaires de France (in French).

Paugam S. (2009) Die Herausforderung der organischen Solidarität durch die Prekärisierung von Arbeit und Beschaftigung [The Challenge of Organic Solidarity due to the Precarious Integration of Work and Employment]. *Prekarität, Abstieg, Ausgrenzung* Die soziale Frage am Beginn des 21. Jahrhunderts [Precarity, Decline, Exclusion. The Social Question at the Beginning of the XXI Century] (eds. R. Castel, K. Dorre), Frankfurt a. M.; New York: Campus, pp. 175–196 (in German).

Pfarr C., Schmid A., Schneider U. (2010) *REGOPROB2: Stata Module to Estimate Random Effects Generalized Ordered Probit Models (Update)*. Statistical Software Components, Chestnut Hill, MA, USA: Boston College Department of Economics.

Pfarr C., Schmid A., Schneider U. (2011) Estimating Ordered Categorical Variables Using Panel Data: A Generalized Ordered Probit Model with an Autofit Procedure. *Journal of Economics and Econometrics*, no 54, pp. 7–23.

Pudney S., Shields M. (2000) Gender, Race, Pay and Promotion in the British Nursing Profession: Estimation of a Generalized Ordered Probit Model. *Journal of Applied Economics*, no 15, pp. 367–399.

Schulze Buschoff K., Protsch O. (2008) (A-)Typical and (In-)Secure? Social Protection and "Non-Standard" Forms of Employment in Europe. *International Social Security Review*, no 61, pp. 51–73.

Schupp J. (2009) 25 Jahre Sozio-ökonomisches Panel. Ein Infrastrukturprojekt der empirischen Sozial- und Wirtschaftsforschung in Deutschland [25 Years of German Socio-Economic Panel. An Infrastructure Project for Empirical Social and Economic Research in Germany]. *Zeitschrift für Soziologie*, no 38, pp. 350–357 (in German).

Shkaratan O. I., Karacharovskii V. V., Gasyukova E. N. (2015). Prekariat: teoriya i empiricheskiy analiz (na materialakh oprosov v Rossii, 1994–2003. [The Precariat: Theory and Empirical Analysis (Based on Materials of surveys in Russia, 1994–2003)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 12, pp. 99–110. Available at: http://socis.isras.ru/article/5872 (accessed 10 August 2017) (in Russian).

Sennet R. (2004) Korroziya kharaktera [Corrosion of Character]: FSPI "Trendy". Available at: http://www.docme.ru/doc/68812/r.-sennet--korroziya-haraktera- (accessed 10 August 2017) (in Russian).

Sizova I. L. (2015) Prekarizatsiya v trudovoy sfere Rossii [Precarious Work in the Labour Area of Russia]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya: sbornik nauchnykh trudov Sotsiologicheskogo instituta RAN*, iss. 6, St. Petersburg: Nastor-Istoriya, pp. 122–159 (in Russian).

Solga H., Powell J., Berger P. A. (2009) *Soziale Ungleichheit: Klassische Texte zur Sozialstrukturanalyse* [Social Inequality: Classical Texts to the Analysis of Social Structure], Frankfurt a. M.; New York: Campus (in German).

Standing G. (2014) *Prekariat: novyy opasnyi klass* [The Precariat: The New Dangerous Class], Moscow: Ad Marginem Press (in Russian).

Toshchenko Z. T. (2015) Prekariat — novyy sotsial'nyy klass [The Precariat is a New Social Class]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 6, pp. 3–13. Available at: http://socis.isras.ru/article/5237 (accessed 10 August 2017) (in Russian).

Tepe M., Kroos D. (2010) Lukrativer Staatsdienst? Lohndifferenzen zwischen öffentlichem Dienst und Privatwirtschaft [Profitable Public Service? Differentiation in Salaries of Civil Servants and Employed in Business]. *WSI Mitteilungen*, no 1, pp. 3–10 (in German).

Verbik M. (2008) *Putevoditel' po sovremennoy ekonometrike* [A Guide to Modern Econometrics], Moscow: Nauchnaya kniga (in Russian).

Vogel C. (2009) Teilzeitbeschäftigung. Ausmaÿ und Bestimmungsgründe der Erwerbsübergänge von Frauen [Part-Time Employment. Extent and Determinants of the Acquisition of Transitions of Women]. *Zeitschrift für Arbeitsmarktforschung*, no 42, pp. 170–181.

Vosko L. (ed.) (2006) *Precarious Employment. Understanding Labour Market Insecurity in Canada*. Montreal, London, Ithaca: McGill-Queens University Press.

Wichert I. (2002) Job Insecurity and Work Intensification. The Effects on Health and Well-Being. *Job Insecurity and Work Intensification* (eds. B. Burchell, D. Ladipo, F. Wilkinson), London; New York: Routledge, pp. 92–111.

Witte H. de (2005) Job Insecurity: Review of the International Literature on Definitions, Prevalence, Antecedents and Consequences. *Journal of Industrial Psychology*, no 31, pp. 1–6.

Wooldridge J. M. (2010) *Econometric Analysis of Cross Section and Panel Data*, Cambridge, MA, USA: MIT Press.

Received: April 23, 2017
Citation: Sizova I., Leonova L., Hense A. (2017) Prekaritet zanyatosti i dokhodov v Rossii i Germanii: samovospriyatie naemnymi rabotnikami [The Precariousness of Employment and Labor Incomes in Russia and Germany: Self-Perception of Wage Workers]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 18, no 4, pp. 14–59. doi: 10.17323/1726-3247-2017-4-14-59 (in Russian).

С. С. Ярошенко

Лишние люди, или О режиме исключения в постсоветском обществе

ЯРОШЕНКО Светлана Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры сравнительной социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: 191124, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного 1/3, под. 8.

Email: svetayaroshenko@gmail.com

В статье анализируется режим социального исключения в постсоциалистических условиях: институционально организованное ограничение доступа к ресурсам, необходимым для достижения материального благополучия и интеграции в постсоветское рыночное общество. Рассматривается специфическая форма социального исключения, сформированная в процессе рыночной трансформации и обусловленная двумя способами управления бедностью. Во-первых, на фоне деиндустриализации 1990-х гг. появляется крайняя бедность, а адаптация к рынку происходит через защитные стратегии выживания за рамками рабочих мест. Во-вторых, в ситуации формирования рыночной сферы обслуживания в 2000-е гг. бедность становится застойной и усиливается её администрирование через конструирование усечённого социального гражданства и принуждение к низкооплачиваемому труду. На основании данных лонгитюдного качественного исследования 1999–2010 гг. среди зарегистрированных бедных одного российского региона проводится сравнение изменений в структурах возможностей, практиках их использования и достигаемых результатах. Доказывается, что формирование рыночной экономики обслуживания в постсоветском обществе сопровождается созданием слоя «лишних», вытесняемых на периферию рынка труда, компенсирующих низкую зарплату статусными формами вознаграждения и мобилизующих ресурсы из других сфер для покрытия низких доходов. Игнорирование их опыта сопротивления и закрепление социальной дистанции с помощью низкой оплаты труда и отсутствия социально приемлемых альтернатив способствуют мистификации процесса извлечения прибыли из значимой деятельности. В заключении обосновывается вывод о том, что пока не найдено способа нормализации рыночной экономики обслуживания, зона исключения будет расширяться. Предлагается вариант развития социологического институционализма, в котором институты определяются по степени концентрации действий по использованию доступных возможностей.

Ключевые слова: лишние люди; режим социального исключения; усечённое социальное гражданство; постсоветское рыночное общество; постсоциализм; неолиберализм.

> Осуществление человеком жизненной стратегии, направленной на сохранение внутреннего мира, свободы личностного выбора, становится важнейшим фактором истории. В некоторых, ключевых, ситуациях такая стратегия превращается в единственную гарантию сохранения и развития социальной системы.
>
> [Наумова 2006: 8]

Введение

В этой статье анализируется режим исключения в постсоветском обществе, пережившем за последние два десятилетия радикальную трансформацию, в результате которой вместо реального социализма наступил реальный капитализм. Экономику социалистического перераспределения сменил капиталистический рынок. Государство демонстрирует избирательную политику невмешательства, а общество — отдельные очаги сопротивления реальности, не совпадающей с теми представлениями о благополучии, с которыми в 1990-х гг. начинались перемены. Эпиграф к статье, взятый из книги российского философа и социолога Н. Ф. Наумовой, ярко отражает романтические настроения того времени и то, что не вписалось в реализованную политику экономической реструктуризации, что остаётся неучтённым правительством и недооценённым экспертами. Вопреки ожиданиям рыночная экономика если не сократила, то законсервировала возможности большинства россиян управлять личной жизнью и достигать достатка способами, позволяющими создавать «постсоветское» общественное устройство без разрыва связей и исключения.

Сокращение возможностей отчасти фиксируется официальной статистикой и отчётами правительственных экспертов. Так, несмотря на экономическую стабилизацию 2000-х гг., продолжительность жизни лишь возвращается к позднесоветскому уровню [Андреев, Кваша, Харькова 2013: 390–391], формально низкий уровень бедности обеспечивается ужесточением расчётов прожиточного минимума [Овчарова 2001: 171–172; 2010: 27], а низкий уровень безработицы — расширением неформальной и низкооплачиваемой занятости [Малева 2011: 63]. При этом признаётся, что преимуществами рыночной экономики могут воспользоваться около 40% россиян — именно столько тех, чьи доходы увеличились за последние 20 лет; у остальных они либо остались неизменными, либо существенно сократились [Андрущак et al. 2011]. Между тем реакция общества на неравное распределение рыночных благ либо игнорируется, либо оценивается весьма противоречиво. Экономисты считают рост ВВП основным гарантом общественного спокойствия, а потому беспокоятся о повышении экономической эффективности и устойчивости экономического развития [Гайдар 2009; Кудрин 2017]. Социологи, напротив, скептически относятся к благотворному влиянию экономического роста, их всё больше волнует, когда и в какой форме российское общество начнёт усмирять или уже усмиряет свободный рынок: через социальные движения [Клеман, Мирясова, Демидов 2010] или через распространение традиционных ценностей [Инглхарт 2010]. В целом социальные последствия радикальной рыночной трансформации общества, пережившего социализм, остаются невидимыми, поскольку не только анализируются неподходящими для этого инструментами, но зачастую просто не принимаются в расчёт. В результате остаётся неясным, какой ценой и кто не включился в российский рынок, насколько жёстко задана граница и высок риск попадания в эту группу других социальных слоёв, а не только оказавшихся на краю материального благополучия в «лихие» 1990-е гг.[1]

В фокусе данной статьи — социальная категория «лишние»[2], то есть не вписывающиеся в рыночное общество российские граждане, чьи условия жизнедеятельности на протяжении последних двух десятилетий отличает крайняя бедность. Состояние это продолжительно и граничит с исключением из общества. На основании данных лонгитюдного качественного исследования 1999–2010 гг., участни-

[1] Я благодарна всем, кто принимал участие в обсуждении статьи: участникам аспирантского семинара Наталье Трегубовой, Валентину Старикову и Валентине Исаевой за комментарии, Татьяне Лыткиной, Астрид Шорн и Диане Оскорбиной за критику и поддержку, а также анонимным рецензентам за важные замечания.

[2] В России представление о так называемых лишних людях ассоциируется главным образом с типами русской дворянской литературы XIX века [Лаврецкий 1932]. Как правило, это литературные персонажи, не умеющие найти применения своим силам и способностям в жизни общества [Фёдоров 2008]. В данной статье «лишние» — это метафора, отражающая разрыв социальных связей и процесс социального исключения в условиях экспансии рыночных отношений в постсоветском обществе, в котором прежняя привязанность к работе как к месту идентификации и распределения благ становится источником деморализации и средством извлечения прибыли.

ками которого были зарегистрированные бедные Сыктывкара, делался сравнительный анализ структурных возможностей, практических действий по их реализации и достигаемых результатов среди исключённых и работающих бедных. В итоге анализируется режим социального исключения в постсоветском обществе, то есть институционально организованное ограничение доступа к ресурсам (assets), необходимым для достижения материального благополучия, а значит, и интеграции в постсоветское рыночное общество, в котором сохраняется высокая значимость идентификации через работу и самореализации в процессе труда.

Отправной точкой при написании статьи стали результаты двух проектов, выполненных в стиле качественного социологического исследования и ориентированных на последовательное изучение того, как меняются условия доступа к благам после реального социализма. Оба проекта начинались в 1990-е гг., проводились вместе с коллегами из Коми научного центра Уральского отделения (УрО) РАН в одном и том же северном регионе России, обращались к зарегистрированным бедным, реализовывались в форме глубинных интервью и были протяжёнными во времени[3]. В центре внимания первого проекта были сельские жители[4]; второго — городские[5]. Связывало оба проекта то, что, несмотря на предпринимаемые усилия, наши информанты испытывали серьёзные материальные лишения и вынуждены были обратиться за поддержкой к государству.

В тщетных попытках самостоятельно решить навалившиеся жизненные трудности или найти поддержку извне проявляется действие механизма, препятствующего реализации рыночных шансов и сдерживающего передвижение в другой социальный класс. В статье для обозначения данного механизма использована феминистская стратегия анализа: исходя из перспективы крайне бедных, через детальное изучение их низового повседневного опыта борьбы с бедностью и через определение того, как в координации действий с другими, более благополучными согражданами формируется распорядок доступа к ресурсам, необходимым для интеграции в общество.

Информационная база исследования: данные пяти волн глубинных интервью среди официально признанных бедными, то есть обратившихся в социальные службы за поддержкой и получивших в 1998 г. статус «нуждающийся». На основании списков зарегистрированных бедных на начальном этапе были отобраны 30 мужчин и 30 женщин, моложе и старше 35 лет, половина из которых не имели высшего образования. В течение 1999–2001 гг. два раза в год с респондентами проводились глубинные фокусированные интервью согласно путеводителю, включающему два основных блока вопросов — о поведении на рынке труда и о ситуации в домохозяйстве (бюджет и распределение обязанностей). В дополнении к транскрипции интервью некоторые ответы респондентов были формализованы и занесены в базу данных SPSS (*Statistical Package for the Social Sciences*). Всего за этот период было реализовано четыре волны качественного социологического исследования. Спустя почти 10 лет, в 2010 г., мы снова вернулись к нашим информантам, чтобы узнать об изменениях. В ходе пятой волны были найдены 38 информантов из первоначальной выборки (17 мужчин и 21 женщина).

---

3 Сквозь призму одного региона в исследовании раскрывается сложный механизм социальных отношений, а репрезентация единичного случая обеспечивается через аналитическую концепцию режима социального исключения.

4 Исследование проводилось при финансовой поддержке Фонда Сороса (RSS No. 1273/1999). Проект «От достойных бедных к андерклассу: практика социального исключения в условиях переходной экономики России»; научный руководитель — Светлана Ярошенко; см. подробнее: [Ярошенко 2001; 2004].

5 Исследование проводилось при финансовой поддержке независимой международной ассоциация по содействию сотрудничеству с учёными новых независимых государств бывшего Советского Союза ИНТАС (The International Association for the Promotion of Cooperation with Scientists from the Independent States of the Former Soviet Union — INTAS) (INTAS-97-20280). Проект «Гендерные различия стратегий занятости в России»; научный руководитель — Сара Ашвин (Лондонская школа экономики); см. подробнее: [Ярошенко 2002; 2013].

Анализ основан на тематическом кодировании структур возможностей, практик их использования и достигаемых результатов. «Структуры возможностей» выражаются в способах, доступных для интеграции, и раскрываются через фиксацию набора действий, предпринимаемых для решения проблем, вызванных ослаблением взаимосвязи труда и благополучия. В данной категории выделяются следующие варианты совмещения занятости с «частными защитами»: неформальный; мигрирующий; лояльный и подчинённый. Практики использования возможностей рассматриваются через категорию «статусная компенсация», а достигаемые результаты — через категорию «ресурсное истощение». В итоге представлен процесс институционализации исключения через вытеснение на периферию, усиление статусной иерархии и мобилизацию ресурсов для покрытия издержек в ситуации урезанного социального гражданства и принуждения к низкооплачиваемой работе.

«Лишние люди» и процессы исключения в постсоциалистических странах: теоретическая дискуссия

В социологии дискуссия о «лишних людях» возникла в середине 1990-х гг. для описания процессов исключения в условиях трансформации социальных государств «старой» и «новой», расширяющейся за счёт посткоммунистических стран, Европы [Кастель 2009 (1995); Bude 1998; Ladanyi, Szelenyi 2006; Wacquant 2008]. Дискуссионными стали вопросы о специфике исключения, а также о влиянии разных стратегий перехода к рынку на скорость экономических преобразований и, соответственно — на преодоление или консервацию абсолютной бедности, на конструирование границ, отделяющих бедных от остального общества.

По одной версии процессы исключения в условиях глобализации рыночных отношений обладают специфическими чертами, и обращение к категории «лишние» в разных странах, в том числе в постсоциалистических, не всегда является знаком формирования там застойной бедности по американскому сценарию, то есть в пространственно сегрегированных и этнически маркированных сообществах [Ladanyi, Szelenyi 2006]. Геттоизация, скорее, актуальна для стран с неолиберальным режимом, где ускоренным образом идёт формирование среднего класса (например, в Венгрии), нежели для стран с патримониальным режимом, таких как Россия, где восходящая мобильность тормозится клиентистской зависимостью между рабочими и управленцами. Тем самым исследователи обращают внимание на разные формы исключения, проявляющиеся в определённом социальном и историческом контексте. Различия в исключении, по их мнению, связаны с характером общественного развития (стабильное или изменчивое), с типом государственной политики (ассимиляционная или сегрегационная), а также с режимом рыночного реформирования. Посткоммунистическая трансформация включается исследователями в общий процесс рыночной глобализации и характеризуется динамичными структурными изменениями, сегрегационной политикой и *классификационной борьбой* вокруг этничности и гендера.

По другой версии постсоциалистические траектории развития отличаются снижением способности государства интегрировать «опекаемый класс», то есть зависимых от государственной поддержки, и распространением «избыточного» слоя, подвергающегося *вторичной эксплуатации* не напрямую в системе производства, а путём принуждения к низкооплачиваемой работе в качестве «второсортной рабочей силы» [Dorre 2011]. В целом такая позиция согласуется с общей тенденцией европейских исследований, опирающихся в концепциях социального исключения на идею гражданского права претендовать и иметь минимальный уровень благополучия и участия [Castells 1998: 73]. Исходя из этой логики, регулирование, скорее, классового, а не этнического неравенства обусловливает процессы исключения. Причём консервативно настроенные исследователи формирование «лишних» слоёв чаще объясняют поступательным общественным развитием (то есть движением общества вперёд) и неспособностью быть режиссёром личной жизни [Bude, Willisch 2006]. Критически настроенные исследователи, напротив, отмечают увеличение бедного населения в тех странах, где была проведена экономическая ре-

структуризация. Подчёркивается, что ситуация «вытеснения» становится приметой глобального рынка и феминизации национальных государств, оказавшихся не в состоянии обеспечить прежний уровень жизненных стандартов [Sassen 2013]. Иными словами, специфика исключения в постсоциалистических условиях связывается с поступательным развитием, активизирующей политикой государства, повышением ответственности граждан за благополучие и усугублением классового неравенства.

На этом фоне примечательной является третья версия, сформулированная российскими исследователями. Социальное исключение связывается ими с постиндустриальным этапом развития, когда на место вертикальной приходит горизонтальная стратификация, а неравенства связаны с дискриминацией индивидов или семей от основных механизмов интеграции [Тихонова 2003: 94]. Несмотря на отставание в развитии, признается уместность применения концепции социального исключения в России, где примерно треть населения испытывает разные виды исключения из-за просчётов в реализации экономических реформ [Тихонова 2003: 105]. При этом утверждается, что «люмпенизированные городские низы» в России — это примета прединдустриальной бедности, корни которой — вне рынка труда, поскольку «лишние» оказались ненужными даже как объект эксплуатации. По мнению авторов данной версии, «в силу их («Лишних людей». — *С. Я.*) плохой социализации в современной культуре и низкой квалификации их очень сложно включить в рынок труда, по крайней мере, так, чтобы вопрос их бедности был тем самым снят» [Аникин, Тихонова 2014: 267–269]. Сторонники такой позиции исходят из специфики процессов исключения в России, что связано с ее догоняющим развитием и структурными переменами, в которые не вписываются определённые социальные слои.

Наконец, четвёртую версию предлагают исследователи, акцентирующие внимание на процессах адаптации к рынку в ситуации деинституционализации, когда прежний (советский) институциональный порядок уже не действует, а в жизненных стратегиях проявляется «индивидуальное» реагирование на смену условий жизнедеятельности [Наумова 1995; Burawoy, Krotov, Lytkina 2000]. В таком представлении постсоциализм означает высокую подвижность и постоянные изменения в параметрах действия, внутри которых организуются повседневная рутина и практика. В результате участники стремятся выстраивать стратегии в рамках короткого временнóго горизонта. Социалистическое прошлое вплетается в настоящее не как наследие, а как адаптация к рынку [Burawoy, Verdery 1999]. Исследователи справедливо отмечают, что процесс адаптации характеризуется неравными стартовыми возможностями и отсутствием каналов вертикальной мобильности для слаборесурсных групп населения, что ведёт к минимизации их потребностей и выработке специфических способов использования внутренних ресурсов [Лыткина 2011]. Однако, как и в предыдущем случае (см. третью версию), преувеличивается стихийность рыночных процессов.

Во всех четырёх версиях процесс исключения в постсоциалистических странах рассматривается как результат взаимодействия структурных и культурных механизмов. Если в первых двух версиях акцент делался преимущественно на социальных границах, выстраиваемых извне в процессе изменения экономической структуры при сегрегационной или активизирующей политике национальных государств, то в двух последних — на защитном механизме выживания, вырабатываемом изнутри в ответ на крушение привычного социального порядка и неспособность ключевых социальных институтов обеспечить благополучие определённым социальным слоям в процессе смены социальной и экономической системы. В итоге рассматриваются институциональные механизмы, в которых многоуровневая комбинация соединяет вместе рынок, государство, пространство и общество. Однако все четыре перспективы ограничены в выявлении специфики исключения в постсоциалистических условиях. В данной статье акцент делается на том, как постсоциалистические траектории выпадения вплетены в процесс формирования управляемого и институционально регулируемого качества отношений с бедными. Особенность режима исключения в России определяется снижением государственного контроля над классовым неравенством, перенесением издержек перестройки сферы оплачиваемой занятости на ин-

дивидов и домохозяйства и, соответственно, определёнными институциональными барьерами на пути к реализации рыночных шансов, в которых «низовая» логика сопротивления рынку сочетается с политикой усечённого социального гражданства.

Режим исключения в постсоветском рыночном обществе: стратегия и методы исследования

Чтобы увидеть и зафиксировать процесс накопления лишений, лежащие в его основании способы последовательного вытеснения на социальное дно в постсоветском обществе, была разработана методика многомерного измерения материального статуса, или социального класса семьи респондента. Во-первых, исследование проводилось среди зарегистрированных бедных, с доходами ниже прожиточного минимума, позволяющими обратиться за помощью к государству; во-вторых, из всех официальных бедных мы выделили четыре группы по степени нуждаемости, определяемых на основании оценок интервьюерами трёх составляющих материального статуса семьи (стандарты потребления, имущественная обеспеченность и качество жилья). В результате были выделены четыре социальных класса:

— *исключённые* — очень бедные, чья материальная ситуация на протяжении 10 лет исследования оставалась неизменной или ухудшалась в силу ограниченного денежного дохода и невозможности поправить в высшей степени низкий уровень имущественной и жилищной обеспеченности. Экономическое исключение данной категории сопровождалось выпадением из сферы стабильной занятости и сокращением социальных связей;

— *выживающие* — семьи с нестабильной материальной ситуацией и явной тенденцией к её ухудшению, как правило — из-за отсутствия материальных ресурсов прошлого для компенсации издержек кризисной занятости;

— *работающие бедные* — семьи с нестабильной материальной ситуацией, но с явной тенденцией к улучшению в силу наличия материальных ресурсов прошлого.

— *обеспеченные бедные* — домохозяйства со средней имущественной и жилищной обеспеченностью, но колебания в регистрируемых денежных доходах позволяют им рассчитывать на государственную поддержку.

Каждый раз при возвращении к респондентам уточнялся их социальный класс и, таким образом, отслеживались изменения в материальном благополучии и составе тех, чьё положение отягощалось накоплением лишений (с течением времени). В таблице 1 приведены данные о динамике материального положения домохозяйств.

Таблица 1

Динамика материального положения домохозяйств среди зарегистрированных бедных, 2001–2010 гг.

Социальный класс домохозяйств		2001 г.		2010 г.	
		Количество	%	Количество	%
Небедные		4	9	10	27
Временно бедные	Обеспеченные	9	19	7	18
	Работающие бедные	16	35	8	21
Постоянно бедные	Выживающие	12	26	7	18
	Исключённые	5	11	6	16
Всего		46	100	38	100

Согласно данным приведённым в таблице 1, в 2010 г. около трети домохозяйств находились в числе постоянно бедных, из которых половина (шесть домохозяйств) оставались на протяжении 10 лет в категории «исключённые» и примерно столько же (семь домохозяйств) — в категории «выживающие» со скудным уровнем материальных ресурсов и нестабильным доходом, позволяющим едва сводить концы с концами. Именно эти две категории оказываются в числе «лишних» наряду с испытывающими нисходящую мобильность работающими бедными. Если уровень материального положения свидетельствует о степени экономического исключения, то динамика материального положения — о наличии барьеров на пути к благополучию. Подняться из крайней нижней позиции никому не удалось.

Динамичнее развивалась ситуация среди «выживающих»: одно домохозяйство спустилось в число исключённых, три поднялись на ступень выше — в обеспеченные бедные и столько же оказались в числе небедных. В то же время в число выживающих переместилось три домохозяйства из числа обеспеченных бедных. Для детального анализа способов вытеснения на социальное дно были отобраны четыре пары случаев.

Первая пара — *типичные исключённые* (женщина 1960-го года рождения и мужчина 1964-го года рождения). Оба в начале исследования находились в крайней степени бедности, проживали в общежитии, являясь горожанами во втором поколении, перебивались случайными заработками и получали пенсии по потере кормильцев. Будучи квалифицированными рабочими, они сами уволились с работы на волне перемен и больше не смогли найти стабильное рабочее место. Их сложная экономическая ситуация отягощалась социальной изоляцией и явными признаками деградации на фоне алкогольной зависимости.

Вторая пара — *дрейфующие вниз* (женщина 1968-го года рождения; мужчина 1971-го года рождения). Эти люди оказались в числе исключённых к концу исследования в результате перемещения из более благополучных социальных классов. Оба также горожане во втором поколении, из числа рабочих, занятых в сфере торговли. Материальная ситуация довольно критичная, но они предпринимали многочисленные попытки сменить рабочее место и остановить нисходящую мобильность, используя открывшиеся возможности самозанятости или социальной защиты. Однако все попытки оказались безуспешными, постепенно накапливался опыт неудач и разочарований, разрушались семейные отношения.

Третья пара — *вырвавшиеся наверх* (женщина 1960-го года рождения; мужчина 1957-го года рождения). Эти люди пережили достаточно продолжительный период исключения, сопровождавшийся потерей семьи и работы. Однако оба смогли выйти из этого состояния благодаря радикальной смене профессии и созданию новых партнёрских отношений, причём для женщины восхождение было в первую очередь связано с работой, а потом — с новой семьёй, для мужчины, наоборот, сначала появилась семья, а потом и стабильная работа. Экономическое исключение в этой паре не проявляется столь очевидно в силу наличия материальных ресурсов прошлого (у обоих есть квартиры). Респонденты стремились поправить шаткое материальное положение за счёт перехода в бюджетный сектор, совмещения стабильной занятости с подработками. Важное значение в стабилизации положения принадлежало созданию семьи.

Наконец, четвёртая пара — *работающие бедные* (женщина 1958-го года рождения; мужчина 1964-го года рождения). Отличительная особенность этой пары — сохранение одного и того же рабочего места на протяжении всего исследования, многочисленные подработки сопровождались мобилизацией семейных и сетевых ресурсов. Оба профессионально ориентированы и дорожат своей работой. В столкновении с проблемами задержек заработной платы или её низких размеров стремились сохранить место работы, значимое как средство профессиональной самореализации.

Каждая из четырёх пар представляет разные примеры «невидимых» и оставшихся непризнанными способов решения материальных затруднений.

Управление благополучием «снизу»: невидимая работа по преодолению трудностей

Особый интерес представляет логика практик проживания в бедности или повседневной борьбы за благополучие через «защитные» стратегии, то есть такой опыт преодоления трудностей, которые способствуют вытеснению на дно, оставаясь непризнанными. Противостояние навязываемым «сверху» правилам игры остаётся невидимым, ему сопутствует глухая оборона, оно и ведёт к *приспособлению*, то есть к принятию лишений, согласию на снижение статуса и исключение. Через осмысление «снизу» самими информантами «карты отношений», на протяжении длительного времени сдерживающих их устремления и принуждающих к принятию непривилегированной статусной позиции, восстанавливается *режим исключения*. Режим исключения — институционально организованное ограничение доступа к ресурсам, необходимым для обеспечения распространённых и общепринятых в данном обществе стандартов жизни, свидетельствующих об интеграции в рыночное общество обслуживания, где уже не производство товаров, а производство услуг обеспечивает доступ к источникам средств существования.

Режим исключения в условиях неолиберальной трансформации: случай России

Далее будут кратко обозначены особенности российского контекста, в котором разворачивается вторая социальная трансформация[6]. Данную трансформацию всё чаще называют неолиберальной, поскольку в интересах стимулирования экономического развития рыночные отношения расширяют сферу действия, распространяясь на социальное воспроизводство путём продвижения этики индивидуальной ответственности и сокращения масштабов государственного вмешательства в решение социальных вопросов. При этом государство становится инструментом стимулирования рыночной активности, социальная политика подчиняется экономической, а работа — в широком смысле, то есть любая *приносящая доход деятельность* — оказывается основным пропуском к общедоступным прежде благам (медицинское обслуживание, образование, социальная защита и т. д.). В условиях глобализации рыночной экономики, существенно меняющей структуру занятости и качество рабочих мест[7], данные процессы сопровождаются ростом неравенства, распространением бедности на работающих, пространственной сегрегацией низов, неспособностью систем социальной защиты своевременно выявлять зоны неблагополучия и предлагать адекватные способы социальной работы в них.

В этом глобальном алгоритме российская ситуация обладает определённой спецификой, обусловленной *радикальностью перемен* и стремлением реформаторов в максимально короткие сроки внедрить в стране реального социализма рынок «сверху», освободив граждан от советских гарантий и «неэффективных» рабочих мест, предоставив бывшим советским людям возможность самостоятельно искать выход.

В стране реального социализма материальное благополучие и интеграция в общество обеспечивались распределительной системой, организованной вокруг рабочего места и поощряющей «любовь особого рода» к труду [Алашеев 1997: 169], через всеобщую занятость и признание труда в качестве потребности [Здравомыслов, Ядов 2003]. Безработица и бедность отсутствовали. Даже низкоквалифицированная работа обеспечивала прожиточный минимум. Минимальный размер заработной платы соотносил-

[6] Первую социальную трансформацию связывают с переходом к индустриальному обществу [Поланьи 2002 (1944)], а вторую — к постиндустриальному.

[7] *Растёт так называемая десоциализация труда, то есть сокращение трудовых гарантий, контролирующих рыночные риски низкой оплаты труда, безработицы или утраты трудоспособности [Wacquant 2008].*

ся с минимальным потребительским бюджетом — мерой приемлемого уровня жизни при социализме, а не абсолютным показателем бедности [Клугман, Брейтуейт 1998: 13–14]. Государственные данные о денежном выражении минимального потребительского бюджета не публиковались и не использовались для оценки доходов семей. Зато расчёты минимального потребительского бюджета применялись для исчисления размеров минимальной заработной платы [Клугман, Брейтуейт 1998: 14]. «К 70-м годам минимальная заработная плата была поднята до 150% от величины прожиточного минимума, а минимальная пенсия по старости — до уровня стоимости прожиточного минимума для пенсионера» [Бедность и льготы 2002: 6]. Развивались доступные публичные — государственные и бюджетные — сферы образования и здравоохранения. Действовали относительно универсальные правила интеграции в общество (рабфаки, ведомственные больницы, общежития и т. п.). В целом стабильность системы реального социализма обеспечивалась перераспределением благ, представляемых индустриальной плановой экономикой в зависимости от вклада в реализацию задач по индустриализации. Из системы исключались лишённые гражданских прав, то есть преступники, политически нелояльные, несогласные с трудоцентристской этикой.

Иной принцип исключения реализуется в ходе либеральных рыночных реформ, направленных на подчинение трудовых отношений рынку, развитие системы частного страхования от рыночных рисков (то есть от безработицы, нетрудоспособности) и внедрение адресной, основанной на учёте денежных доходов домохозяйств, системы государственной поддержки. При таком подходе предполагается создание управляемой бедности — социальной ниши для наименее адаптивных к рынку сограждан. В основе радикальных изменений лежат рецепты Всемирного банка: свободный рынок, экономическая реструктуризация предприятий, сокращение бюджетных расходов, контроль уровня безработицы и бедности, ориентация на экономический рост. Специфика заключается как в радикальности реформ, так и в разрыве между либеральной практикой реформирования социальной сферы и социально-ориентированной риторикой правительства [Матвеев 2015: 33]. В частности, не соответствующим риторике социального государства является низкий уровень пособий по безработице и бедности.

Вопреки ожиданиям благотворного влияния саморегулируемого рынка, расширяется сегмент низкооплачиваемых рабочих мест. Сначала первая волна реструктуризации в 1990-х гг. сферы занятости обернулась сокращением промышленности, расширением торговли и сферы услуг с низкооплачиваемыми, как правило, рабочими местами и минимальными трудовыми гарантиями. Вторая волна (2000-е гг.) связана с оптимизацией бюджетной сферы и сворачиванием социальных гарантий (то есть с ограничением доступа к нерыночным услугам — образованию, медицинскому обслуживанию). При этом признается, что производительность труда в промышленности, а тем более в сфере услуг несопоставимо ниже уровня развитых капиталистических стран [Прогноз… до 2030 года 2013: 69]. На этом фоне высокая занятость — это специфический способ внешней адаптации работников, готовых трудиться за низкую плату и одновременно искать самостоятельно способы её компенсации и защиты от дисциплинирующей роли рынка.

Происходит фактическое сокращение социальных обязанностей государства по обеспечению базового уровня благополучия. С начала 1990-х гг. минимальная заработная плата перестаёт соответствовать реальному минимуму материальной обеспеченности [Chetvernina 1995: 50–51]. С 1991 г. методика расчётов прожиточного минимума в России менялась трижды, и всегда — в сторону ужесточения. Минимальная потребительская корзина в 1992 г. была в два раза дешевле корзины советского периода, а прожиточный минимум с 2000 г. — на 15–20% выше минимума 1992 г. [Овчарова 2001]. При этом «трудовой» принцип доступа к общим благам сохраняется в ключевых критериях социальной политики, о чём свидетельствует соотношение с прожиточным минимумом минимальной заработной платы,

пенсии и пособий на детей[8]. Тем не менее рабочее место перестаёт быть эпицентром распределения благ и замещается домохозяйством. Доступ к детским пособиям, жилищным субсидиям и адресной социальной помощи организуется через оценку доходов домохозяйства. Проводится избирательная социальная политика, то есть с учётом размера денежных доходов проблематизируется бедность, которая из феномена жизненного цикла и временного явления делается проблемой абсолютной бедности. Причём в 2000-е гг. по отношению к ВВП доля расходов на адресные программы сократилась в два раза: с 0,41% в 2003 г. до 0,21% в 2007 г. [Овчарова, Малеева 2010: 259].

В результате сформировались неожиданные для российского государства и общества последствия, которые ярко проявились в условиях экономической стабилизации, когда, как ожидалось, экономический рост позволит преодолеть бедность работающих (то есть бедность из проблемы большинства станет уделом социального меньшинства). Только к 2006 г. удалось достичь пореформенного уровня экономического развития [Прогноз… до 2030 2013: 5]. В дальнейшем, несмотря на экономический рост и стратегию формирования среднего класса, сохраняется бедность работающих и семей с детьми [Овчарова 2010: 36], происходит люмпенизация мужской части населения [May, Кузьминов 2013: 362], в разы выросло неравенство [Россия в цифрах 2012].

Таким образом, исключение из общества обусловлено изменением институционального оформления трудовых отношений, то есть сокращением государственного контроля за соблюдением трудового законодательства, расширением зоны низкооплачиваемой занятости, мобилизацией ресурсов домохозяйств для компенсации низких доходов в сфере оплачиваемой занятости. *Не выработан рыночный механизм распределения прибыли, поэтому практические действия населения становятся катализатором специфических способов сопротивления рыночным отношениям*. Теоретические представления либерально настроенных интеллектуалов о саморегулируемом рынке вошли в противоречие со стихийными процессами, которые были запущены в результате игнорирования особенностей прежней, советской системы и исключительно негативного её маркирования, весьма приблизительного представления о виде российского производства, конкурентоспособного в условиях глобального рынка, скепсиса в отношении запросов и реакций снизу [May 2010: 16; Аузан 2011: 14, 20]. Была создана ресурсная экономика, истощаются социальные связи и продолжается конструирование бедности [Раунд 2006]. Далее речь пойдёт о том, как такой способ администрирования способствует консервации защитных стратегий, ведёт к разрушению социальных связей и усилению авторитарных тенденций.

Феномен «работающих бедных»: фрагментация и вытеснение на периферию

Появление работающих бедных в процессе рыночных реформ в постсоветской России признавалось временным. В условиях экономического роста данная проблема должна быть сведена к минимуму и касаться лишь незначительной части *наименее адаптивных* к рынку сограждан. Именно им, самым уязвимым, полагалось оказывать адресную социальную поддержку. Причём считалось, что в первую очередь это будут безработные и наиболее нуждающиеся (с низкими доходами и низким уровнем материальной обеспеченности). Такая позиция вполне согласуется с обязательствами социального государства и принципом либеральной социальной политики: «заслужить» право на социальную помощь, доказав свою нужду в ней. Однако подобные ожидания мало соответствуют реалиям, в которых действовали и действуют наши информанты в поисках достойной работы.

[8] В 2010 г. размер прожиточного минимума россиянина составлял 5685 руб., минимальный размер оплаты труда — 4330 руб., минимальная величина пособия по безработице — 850 руб., а максимальная — 4900 руб., пенсия — 6177 руб., стипендия обучающихся за счет средств бюджета — 1340 руб., минимальный размер детского пособия — 2020 руб., а среднемесячная заработная плата — 20 952 руб. Для сравнения: в 1980 г. минимальная потребительская корзина составляла около 65 руб. [Клугман, Брейтуейт 1998: 15], а среднемесячная зарплата всех трудящихся была 169 руб., рабочих промышленности — 183 руб., занятых в аппарате органов управления — примерно 160 руб. [СССР в цифрах в 1987 г.: 196–199].

В конце 1990-х гг. при знакомстве с нашими информантами, столкнувшимися с сокращением рабочих мест, ключевой была тема «хорошей» и «плохой» работы [Ярошенко 2005]. Важно подчеркнуть, что деньги (размер и стабильность заработка), а не гарантии и трудовые или социальные права (защищённость) причислялись тогда к важным критериям оценивания «качества» рабочих мест. Спустя 10 лет, в 2010 г., представления о «хорошей» работе стали ещё более приземлёнными и ориентированными на любую работу в сфере рыночных услуг. Снизились и притязания относительно размера заработной платы. Среди наших респондентов больше половины были заняты на рабочих местах с низкой заработной платой (см. табл. 2)[9]. Незавидная оплата труда стала вынужденно приемлемой. Причём все больше рассуждений о перспективах её сохранения, а не повышения или согласования с трудовым вкладом. Как и 10 лет назад, гарантия достойной заработной платы и комфортных условий труда не рассматривается в качестве реальной перспективы. *Иными словами, сокращение привилегий и гарантий, принятых для наёмных работников при реальном социализме, не компенсируется ростом возможностей в другом развивающемся сегменте.*

В таблице 2 приведены основные характеристики позиций, занимаемых нашими информантами на рынке труда и составленных на основе формализации ответов. На протяжении 10 лет исследования сохранялся высокий уровень занятости постоянно бедных, в том числе исключённых. Несмотря на период экономической стабилизации, высокой остаётся и доля занятых на рабочих местах с низкой заработной платой. Примечательным, соответствующим логике рыночных преобразований, является и существенное перемещение работников из бюджетной сферы социального воспроизводства в сферу рыночного обслуживания. Но особенно важно то, что сокращается «классовая» разница в материальном благополучии. В начале 2000-х гг. неквалифицированные рабочие преобладали в числе постоянно бедных; спустя 10 лет там оказываются и квалифицированные работники.

Таблица 2

Структуры возможностей на рынке труда среди зарегистрированных бедных, 2001–2010 гг.

Категории информантов	**2001 г.**			**2010 г.**		
	Социальный класс домохозяйства					
	Постоянно бедные (*чел.*)	Временно бедные (*чел.*)	Небедные (*чел.*)	Постоянно бедные (*чел.*)	Временно бедные (*чел.*)	Небедные (*чел.*)
Безработные	4	1	0	1	0	0
Неработающие	3	2	0	3	2	2
Занятые,	10	22	4	9	13	8
в том числе с низкой зарплатой*:	0	10	1	5	10	1
в сфере социального воспроизводства;	8	8	2	3	5	2
в сфере рыночных услуг	1	11	2	5	3	5
Неквалифицированные рабочие	6	5	0	4	5	0
Квалифицированные рабочие	2	5	0	4	5	3
Служащие без высшего образования	0	9	1	0	1	1
Самозанятые	0	1	1	1	2	0
Всего	17	25	4	13	15	10

* Размер заработной платы меньше половины средней зарплаты по региону.

9 К низкой относится заработная плата, размер которой меньше половины средней зарплаты по региону. Для справки о динамике жизненных стандартов: прожиточный минимум в третьем квартале 2001 г. в рассматриваемом регионе составлял 1826 руб., а средняя заработная плата — 4104 руб.; прожиточный минимум в третьем квартале 2010 г. — 7384 руб., а средняя заработная плата — 23 988 руб.

Общим для всех категорий является ощущение сужающихся возможностей обеспечить прежний уровень жизни через доступную работу:

> Там очень шумно, очень маленькая зарплата, работа грязная (*о работе няни детского сад, 44-1)*[10]*;*

> Работа есть, но платить почему-то не хотят *(электрик, 48-1)*

> Работа есть, но денег не хватает *(заведующая социальной службой, 21-1)*.

При этом осознаются широкие возможности трудоустройства на «бесплатную», то есть мало оплачиваемую работу. Параллельно отмечается рост требований:

> Когда работала несколько месяцев в общежитии для студентов, комендант ходила по пятам, чтобы я порошком мыла плинтуса, ведра (*безработная, 44-2)*.

Появляются опасения в «соответствии» требованиям или в том, что удастся отвести от себя необоснованные претензии:

> Все старое, некрашеное — хоть мой, хоть не мой… *(безработная, 44-2);*

> Она за мной ходила по пятам бесконечно — это тоже же на нервы влияет… *(безработная, 44-2);*

> Мне здоровье там не позволяет работать *(безработная; бывшая уборщица, уволилась по собственному желанию, 44-2).*

В столкновении с несправедливой оценкой и предвзятым отношением работодателей исключённые обижаются и не готовы спорить:

> Всю жизнь электриком работал — и не взяли *(Из-за отсутствия диплома.* — С. Я.*)*… Хотя в командировки брали. Там почему-то достаточно было того, что в трудовой книжке записано <…>. Я, конечно, обиделся. Потому что 13 лет работал электриком, и никто ничего плохого не сказал. Никто не сказал, что я плохо работаю. Я плюнул — ушёл, деньги не взял *(самозанятый электрик, 48-2)*.

Первая реакция респондентов на предъявляемые работодателем требования — отказ от работы на невыгодных условиях, а также на условиях, унижающих профессиональное достоинство; стремление найти подработку и самостоятельно регулировать и контролировать процесс труда:

> Хочу — работаю, хочу — не работаю *(электрик, 48-1)*.

Далеко не сразу, но первоначальная бравада заканчивается обычно осознанием уязвимости подобной стратегии:

> За день сделала 10 ящиков. Это много, мужчины столько не делают, не справляются <...> Два дня проработала, больше не смогла. Очень тяжело там, даже присесть негде *(о переборке овощей у частника, 44-2);*

[10] Здесь и далее первая цифра введённого кода означает номер интервью, а вторая — этап исследования.

> Калымлю, каждый день могу. Один могу или с кем-то в компании. Лучше, конечно, с компанией. Уже пять лет я не работаю. Хочется уже устроиться. А то чувствую себя волком-одиночкой. Хочется работать мне *(электрик, 48-2)*.

При этом зачастую практика трудоустройства по устной договорённости приравнивается к позиции безработного ещё и потому, что неформальна, не предполагает уплаты налогов:

> Я «безработный», потому что я не плачу налоги *(электрик, 48-1)*.

«Вольное плавание», как правило, не отражается на материальном благополучии или укреплении переговорных позиций с работодателями. Недостаток денег у заказчиков («бабушки-пенсионерки»), рост цен на материалы и отсутствие предпринимательских навыков сдерживают реализацию на этом поприще. Постепенно появляется осознание утрачиваемых вместе с неформальной занятостью гарантий.

Следующая распространённая реакция (практика) — *мигрирующая занятость* — чаще встречается среди выживающих с нисходящей мобильностью. Она предполагает интенсивный поиск «хорошей» (стабильной, высоко оплачиваемой) работы и последовательное вытеснение на «худшие» рабочие места, с формальным трудоустройством, но с меньшей оплатой, с минимальными гарантиями:

> Я же, как говорится, если не миллион, но работ очень много уже поменял <…> Работал в «Леспиле». Там зарплата 6000, но пахать-пахать и пахать. По тем временам что-то более-менее было. Потом на другую, потом на другую. Где-то что-то пробуешь *(разнорабочий, а прежде самозанятый, 36-5)*.

Информанты с нисходящей мобильностью какое-то время пытаются приспособиться к рынку, соглашаясь с положением «невостребованного» профессионала (телемастера, операторы, повара и т. д.), примеряя другие профессии — дворника или грузчика, няни или уборщицы. Но каждый раз сталкиваются с ухудшением условий труда, с предъявлением всё возрастающих требований:

> Но мы же по 11–12 часов в день работаем. Это же двойная норма, а платит он *(Собственник магазина. — С. Я.)* как за одну. Платит он меньше, конечно, чем положено. Но всё равно это больше, чем в других местах» *(продавец, 27-5)*.

Обида из-за неприличных предложений, отказ работать на унизительных условиях и увольнение по собственному желанию («в никуда») — всё это через какое-то время приближает перспективы оказаться в числе непризнанных «вольных художников», ценящих имеющиеся навыки, не знающих, как их применить или конвертировать в деньги.

Логика *практик восхождения*, или достижения, дополняет общую картину вытеснения наёмных работников на периферию, постепенной утраты ими прежних гарантий и защит. Преодолеть нисхождение и перейти к восходящей мобильности удаётся при согласии на смену специальности, повышение интенсивности труда и готовности учиться без отрыва от производства. Но как только возникают затруднения с постоянным подтверждением всё более высокого уровня образования или готовности ко всё большей интенсивности труда, приходится отказываться от профессиональных притязаний уже в новом, развивающемся секторе обслуживания, куда информанты перешли с прежних предприятий. Среди наших информантов есть примеры переходов от заведующей социальной службой к неквалифицированной работе уборщицы или от предпринимателя к «дворнику по блату».

Оттеняет и делает более выразительным процесс вытеснения на обочину относительно стабильное положение работающих бедных. Общее ощущение потолка и роста требований точно передаётся следующей цитатой из интервью:

> Сейчас такое чувство, что они тебя считают за раба. Ты на них работаешь, даже если не частное предприятие. Какое угодно предприятие. Ты для него раб. Просто раб. Чувство такое, ощущение, отношение <…> Сейчас считают, что если ты рабочий — ты не человек, ты не должен получать, живи на копейки <…> А рабочий всё… Его эра, как говорится, прошла. Вы работайте, пашите, но вы никто. Нет уважения. Вот народ спивается тоже, мне кажется. Конечно, никто силком не наливает, но всё равно, так. Деградация полная идёт, и это уже всё *(электрик, 53-5)*.

Статус работника, продающего свои услуги, будь то на производстве или в сфере услуг, продолжает снижаться. Прежде такой статус позволял рассчитывать на привилегии в оплате труда (несводимой только к воспроизводству рабочей силы), на определённую автономию и карьерное продвижение. Теперь, когда предполагается вести переговоры с работодателями, оказалось, что договориться о стоимости услуги (в том числе об оплате труда) невероятно сложно из-за фактического игнорирования интересов и запросов снизу.

Итак, общим во всех социальных классах является ощущение сужающихся возможностей, усиления требований и утраты защищённости. В целом утрата защищённости характеризует положение как исключённых, так и работающих бедных. Отличие между ними — в повышенной гибкости исключённых, их готовности стать «вольными художниками» неформальной экономики, тогда как работающие бедные страшатся такой перспективы и стремятся удержаться на рабочем месте. Разнонаправленные реакции наёмных работников формируют первый элемент механизма, исключающего из числа благополучных, — *вытеснение на периферию*. Внешнее сходство исключённых и выживающих — фрагментация стратегий реагирования, которая на практике оказывается лишь формой внеэкономического принуждения к протесту, или бунту — «пассивному сопротивлению». Смысл такого бунта — остаться способным *лично* влиять на происходящее, справляться с невзгодами через автономное приписывание смысла своим действиям.

От труда по потребности к работе для выживания: статусная компенсация

Если предыдущая составляющая режима исключения была связана с избыточным внешним давлением, то следующая — со снижением запросов, с повышением тревожности, утратой самодостаточности и постепенным принятием лишений. Через призму того, как исключённые осмысляют привлекательность неформальной занятости, а работающие бедные — низкооплачиваемой стабильной занятости, далее рассматривается вторая составляющая режима исключения — *статусная компенсация*. В обоих случаях оценивается подвижное состояние, вызванное ослаблением взаимосвязи труда и благополучия: с одной стороны, низкая, но стабильная зарплата на фоне безработицы удерживает многих на своих рабочих местах, вынуждая мириться с материальными лишениями, сокращать свои траты на отдых, лечение, обучение детей и снижать, таким образом, качество жизни; с другой — уход от низкой зарплаты в область неформальной занятости, претерпевая те же материальные трудности.

В конце 1990-х и начале 2000-х гг. объективные условия существования достаточно точно отражались в представлениях людей, по крайней мере, в оценках с точки зрения незначительного количества привилегированных («хороших») рабочих мест [Ярошенко 2005]. Спустя 10 лет, в 2010 г., усиливается субъективное напряжение, вызванное осознанием сужения возможностей с помощью «своей» работы обеспечить себе средства к существованию и положение в обществе. Рост субъективного напряжения

можно проследить по всем категориям — исключённых, движущихся вниз, поднимающихся со дна и работающих бедных.

Несмотря на высокое значение работы[11], среди исключённых складывается вполне рациональное обоснование отказа от стабильной, но малооплачиваемой работы:

> Больше денег уйдёт на автобус *(безработная, 44-1);*
>
> Деньги за работу такие же (*Как размер пенсии по потере кормильца. — С. Я.*), а усилий больше *(электрик, 48-1);*
>
> Там мало (Платят. — *С. Я.*) — 500 рублей в месяц. Я 500 за день сделаю, за 4 часа *(электрик, 48-2)*;
>
> Я ищу работу… Везде нужны электрики, но смысла нет за 500 рублей устраиваться на работу… *(самозанятый электрик, 48-2).*

Рациональной на первый взгляд является и неформальная занятость, позволяющая экономить усилия и лично распоряжаться свободным временем. Однако обратная сторона неформальной занятости — нестабильность заказов, ощущение себя волком-одиночкой. Всё это снижает преимущества такого статуса и стимулирует поиски защиты, не привязанной к профессиональной деятельности. Отсюда — стремление внешне сохранить видимость «надёжности» и стабильности через принятие непривычного статуса:

> Стаж не теряется, мне напишут, что я сидел с детьми, как мама *(самозанятый электрик, 48-2).*

Менее очевиден процесс внутренней дезориентации среди информантов с нисходящей траекторией. Готовые вписаться в рынок и найти применение своим профессиональным навыкам, организационным способностям или ответственности за выполняемые дела, они обладают более высоким уровнем притязаний и поначалу стремятся осваивать рыночные возможности в надежде адекватной оценки:

> Бесплатная работа — за мизерные деньги — для опустившихся людей <…> Квалификация выше, когда уважают *(о работе грузчиком, 36-2);*
>
> Чувствуешь себя человеком каким-то, хоть маленьким, но человеком *(грузчик в магазине о периоде мелкого предпринимательства, 36-4).*

Смысл в работе ищут в надежде найти позитивную оценку профессиональным притязаниям и личным усилиям. Остро переживаются неудачи, завышенные требования и в целом несовпадение ожиданий с реальностью. Происходит нормализация дистанции между руководителями и рабочими через принуждение к исполнительности:

> Не нравится — увольняйтесь *(электрик, 53-1).*

---

[11] Отношение к работе сформировано трудоцентристской этикой, согласно которой труд — основа благополучия. Причём трудовые достижения меряются не только деньгами, но и общением или интересом: «Зарплата хорошая. Хороший коллектив. Дружно жили, весело…» (безработная о работе оператором на промышленном предприятии, 44-1); «Для меня работа — это азарт» (безработный о работе электриком, 48-1).

В итоге, несмотря на трудоцентризм и значимость работы, усиливается разочарование в имеющихся рабочих местах. Доступна же работа «либо тяжёлая, либо малооплачиваемая», без перспектив продвижения по службе или хотя бы признания имеющейся квалификации. Одновременно повышаются требования работодателей, растёт дистанция между руководителями и рабочими, сокращается автономность рабочих. На фоне осознания ухудшения условий труда и качества доступных рабочих мест ещё сохраняется представление о работе как о месте общения:

> Всё равно бы работала (Если бы была возможность не работать. — *С. Я.*). Работа — это общение» *(продавец, 27-5)*.

Ещё респондентам важно сохранить желание что-то делать:

> Ну, как-то я себя больше стала ценить, и всё равно я ищу работу. Всё равно я чего-то добиваюсь. Но, в принципе, чем больше платят, тем больше цены растут. И, в принципе — не угонишься, ни зачем не угонишься. Иной раз так разочаруешься, а что делать? <...> Я всё равно руки не опускаю, ещё ищу работу… *(продавец по договорённости, 27-5)*.

Опыт неудач способствует актуализации, возвращению и даже усилению представлений респондентов о рабочем месте как о пространстве связей и отношений, а на фоне сужающихся возможностей чётче проявляется стремление совмещения коллективистских ценностей с этикой личной ответственности.

Эта установка ещё заметнее среди тех, кто поднимается с социального дна. При явном осознании, что коллектив уже не тот, что произошёл раскол и «каждый сам за себя», в оценках ярче проявляется акцентирование личных заслуг и личной выгоды:

> Благодаря работе, себе, своей активности и грамотности я получила жилье…*(женщина, социальный работник, 21-1)*;

> Я работаю головой. Зачем квалификацию я буду терять? *(мужчина, электрик, 53-5)*.

Эгоцентризм совмещается с отчуждённым представлением респондентов о работе, которая перестаёт считаться *одновременно* источником средств к существованию и деятельностью, приносящей удовольствие. Всё реже предполагается возможность таких ситуаций, как работа за интерес, ради какого-то общего дела, и всё чаще навязанное выживание сопровождается попытками компенсировать нереализованные возможности профессионального роста хорошими взаимоотношениями с коллегами и руководителями. Возникает потребительское отношение к работе и готовность за деньги выполнять любые задания. Постепенно, без поощрения, то есть без внешнего признания («человеческое отношение») или внутреннего удовлетворения (ощущение важного и значимого дела), интерес к любимому занятию утрачивается. Появляется отчуждение, а за ним следует лояльность — готовность выполнить за деньги любое задание. Снимается ответственность за результат труда. Несогласным пройти этот путь присуще чёткое нежелание заниматься чем-то регулярно.

Таблица 3

Отношение к труду среди зарегистрированных бедных, 2001–2010 гг.

Отношение к труду	**2001 г.**			**2010 г.**		
	Социальные классы домохозяйств					
	Постоянно бедные (*чел.*)	Временно бедные (*чел.*)	Небедные (*чел.*)	Постоянно бедные (*чел.*)	Временно бедные (*чел.*)	Небедные (*чел.*)
В работе нравится:	0	4	1	1	0	3
— доход;						
— коллектив (общение)	5	7	0	4	7	4
Работа без материальной необходимости	12	18	4	7	6	7
Всего	17	25	4	13	15	10

В таблице 3 приведена динамика отношения к работе. Доход как признак признания профессионализма уступает место общению в коллективе. Ценность работы без материальной необходимости снижается.

Таким образом, работа — это значимый жизненный стандарт, показатель качества жизни и способ самореализации. Общей для всех категорий нуждающихся остаётся высокая значимость и привлекательность даже низкооплачиваемой работы при условии сохранения автономности среди исключённых или возможностей самореализации (карьеры) среди работающих бедных. Различие проявляется в переосмыслении трудоцентристской этики. Очевидно проникновение идеологии личной ответственности, рационального расчёта, что внятнее вербализуется теми, кто смог подняться. Беспрерывный же опыт лишений усиливает ощущение тупика и растерянность, осознание важности работы как места общения.

Далее будет показано, что именно сопротивление рыночному давлению и осознанное антирыночное социальное действие сформировали основу такого способа выпадения из постсоветского общества, как *ресурсное истощение*.

Альтернативные стратегии: от частной защиты к ресурсному истощению

> Тут зарплата у меня — 130 (Рублей. — С. Я.) сейчас оклад, так вот, что на эти деньги купить? Один, два раза в магазин выйти, и как хотите, так и живите... В СОБЕС идёшь, спрашивают: а как же вы живёте на эти деньги? А как? Не умеете платить, так и живём. Что мы можем сделать, мы же сами себе не добавим *(2000 г., женщина, 1968 г. р.)*

Фрагмент интервью, приведённый выше, содержит квинтэссенцию реакций, связанных с критикой действий государственных служб в обеспечении гражданского права на защиту и самостоятельность в поиске источников пополнения низких доходов. Подобная реакция не является исключительной. В начале исследования все респонденты имели социальную помощь, то есть, обратившись в центры социальной защиты и представив требуемые справки, получили статус «нуждающаяся семья». К концу исследования, несмотря на продолжающиеся материальные затруднения, лишь пятеро сохранили данный статус. Рассмотрим далее, как выстраивались правила использования социальной поддержки и разворачивания имеющихся возможностей.

Лейтмотив взаимодействия с социальными службами окрашен негативными тонами и безысходностью. Наши респонденты из числа исключённых отмечали сложности в сборе необходимых справок для перерегистрации:

> Они *(Сотрудники коммунальной службы. — С. Я.)* так моё дело растянули, справку о составе семьи не дают. Мы должны за комнату 2000 рублей, говорят: «Заплати хотя бы 500 рублей, тогда дадим справку». А откуда я их возьму? Вот и не пользуюсь субсидией, ребёнок в школе не питается бесплатно… *(женщина, живёт на пенсию по потере кормильца, 44-4)*.

Помимо задолженности по коммунальным платежам, для некоторых респондентов непреодолимой преградой оказывалось подтверждение невыплаты алиментов. Сложные отношения с бывшими супругами оказывались серьёзным препятствием для получения требуемых справок. В ряде случаев правила предоставления социальной помощи или выплаты пособий по потере кормильца поощряли практику неформальной занятости, становились сдерживающим фактором формального трудоустройства:

> Мне надо устроиться, чтобы было тысячи три-четыре. Вот так устроиться, тогда я плюну на эту пенсию *(мужчина, на приработках, 48-4)*.

В целом, обращение в социальные службы было испытанием. Фильтры на входе в систему не пропускали именно тех, кто больше всего нуждался в поддержке.

Респонденты с опытом нисходящей мобильности подчёркивали необходимость социальной помощи для компенсации низкой оплаты труда, но и они отрицают возможность жизни на социальное пособие:

> Дома сидеть на это пособие. Какое там пособие. Я лучше тут *(Няней детского дома*. — С. Я.) подработаю *(женщина, 27-3)*.

Респондентами предпринимались попытки найти более надёжную защиту от безработицы, от тяжёлой и малооплачиваемой работы. В ряде случаев ухудшающееся здоровье позволяло претендовать на пенсию по инвалидности. Но меняющиеся правила подтверждения ограниченной трудоспособности вновь возвращали претендентов на периферию рынка труда:

> По идее, мне после инфаркта они должны были дать сразу вторую группу *(Речь идет об инвалидности*. — С. Я.)], хотя бы третью сделать, вернуть. А мне даже третью не вернули <…> С пенсией было легче. Я хотя бы где-то что-то могла <…> Задолженность по квартплате растёт <…> Иной раз сядешь, прямо заревёшь от бессилия…» *(женщина, 27-5)*.

Респонденты с восходящей траекторией чаще возлагали надежды на службы занятости как канал для переквалификации. Однако их опыт обращения в эти инстанции также был неудачным:

> Я словно зек, которого выпускают на свободу, должен был каждую неделю отмечаться. Это ужасно *(мужчина, 22-1)*.

Работающие бедные предпочитали самостоятельно искать работу:

> В трудоустройство не пойду. Это нужно быть или совсем дурой или очень умной. Я когда после института осталась без работы, встала на учёт. Это как ловушка… *(женщина, 12-1)*.

Ограниченная институциональная поддержка готовности повысить квалификацию, освоив новую профессию или развив предпринимательские навыки, получив финансовую поддержку, стимулирует формирование защитных стратегий, которые проявляются в стремлении компенсировать низкие трудовые доходы имеющимися ресурсами индивидов и домохозяйств.

Сопротивление «снизу» выражается в активизации «частных защит» в ответ на расширение зоны низкооплачиваемой занятости и внедрение адресной, основанной на оценке доходов, системы социальной поддержки. Защиты могут варьироваться от самозанятости и подработок до различных вариантов выхода из рынка труда. Защиты объединяет то, что это виды деятельности, которые значимы как способ компенсации нехватки средств. В то же время — это значимые сферы жизнедеятельности, сжимающиеся и разрушающиеся под воздействием процессов товаризации (то есть овеществления и перевода в деньги или активы) доступных возможностей или способностей и навыков — трудовых, гражданских, сетевых (круги взаимопомощи), семейных ресурсов.

Таблица 4

Жизненные стратегии среди зарегистрированных бедных, 2001–2010 гг.

Стратегии информантов	**2001 г.**			**2010 г.**		
	Социальные классы домохозяйств					
	Постоянно бедные (*чел.*)	Временно бедные (*чел.*)	Небедные (*чел.*)	Постоянно бедные (*чел.*)	Временно бедные (*чел.*)	Небедные (*чел.*)
Защитные:						
подработка;	11	15	3	6	4	4
самообеспечение;	3	12	2	3	6	5
помощь родственников и друзей;	10	13	0	4	2	1
социальная поддержка	8	12	1	2	3	0
Достижительские:						
переобучение;	2	7	2	0	1	3
смена специальности;	7	4	4	2	6	3
повышение квалификации	2	1	2	0	3	2
предпринимательство	0	2	1	1	1	1
Всего	17	25	4	13	15	10

В таблице 4 приведены данные о динамике защитных и достижительских стратегий среди различных социальных классов. Защитные стратегии заметно преобладают, особенно высока доля подработок и самообеспечения.

Эта тенденция подтверждается динамикой рассогласования статуса наёмных работников. Так, на первом этапе исследования, в 1999 г., из 60 респондентов рассогласование формального статуса наблюдалось в половине случаев: 15 из 37 занятых респондентов совмещали основную работу с подработками, а половина (12 из 23) зарегистрированных безработных, пенсионеров или инвалидов регулярно или время от времени подрабатывали. Спустя 10 лет, в 2010 г., в условиях экономической стабилизации, уже на пятом этапе исследования из 38 респондентов рассогласование формального статуса наблюдалось более чем в половине случаев: 13 из 28 занятых респондентов подрабатывают, и ещё треть занятых являются работающими пенсионерами. Подработки (повышение интенсивности труда) и работа на пенсии фактически становятся теми структурными скрепами, которые примиряют наших информантов с имеющимися рыночными шансами.

Рассогласованный статус наёмных работников — это не только свидетельство многозначности занятости, повышенной гибкости наёмных работников, но и признак неразрывности процессов исключения в России с экономическим классом (то есть с положением на рынке труда). Эта яркая российская специфика позволяет включиться в дискуссию относительно неясной связи исключённых с социальным классом: то ли это деклассированные элементы, то ли наёмные рабочие [Моррис 2000 (1994)]. Большая часть исключённых оказывается наёмными работниками, занятыми на периферии. Более того, эта парадоксальная связь российских исключённых с классом наёмных работников означает проведение рыночных реформ за счёт ресурсов советского прошлого. С одной стороны, происходит снижение статуса рабочих, изымаются привилегии, заложенные в заработной плате и прочих гарантиях по труду. С другой стороны, происходит перетекание рабочего класса в сферу услуг, формы вознаграждения в которой во многом определяются низким статусным признанием воспроизводительного труда общественно важной услугой.

Социальное исключение, или «Все свободны»

Прошло более 20 лет после начала рыночных реформ в России. Страна прочно вошла в рынок и встала на капиталистические рельсы. Приватизация промышленных предприятий завершена, и теперь на очереди коммерциализация социальной сферы. Политики активно используют либеральную риторику для оправдания снижения социальных расходов на сферу образования и медицинского обслуживания, минимизации государственного контроля над соблюдением трудового законодательства на фоне низкой гражданской активности. Вполне ожидаемые, типичные для большинства развитых стран процессы в российском контексте сопровождаются специфическими проявлениями, среди которых и недоверие к государству и чиновникам, и поиск иностранных агентов среди общественных организаций. Очевидно противостояние правительства и активных граждан; менее очевидно снижение возможностей большинства сограждан управлять личной жизнью. Но наиболее симптоматична растущая дистанция между состоятельными и неблагополучными гражданами. Один из очевидных её маркеров — рост социального неравенства. Другим значимым, но пока менее заметным признаком является социальная граница, отделяющая бедных от небедных, превращение бедных в статусную группу, положение которой на дне социальной иерархии отличает изоляция.

В статье рассматриваются способы выпадения из постсоветского общества. Изучение социального дна и причин вытеснения на обочину — особая стратегия исследования в постсоветском обществе, позволяющая избегать спекуляций на тему *относительной* бедности и разного рода мифов вокруг советского прошлого и постсоветского настоящего. Крайняя бедность и продолжительность такого состояния — это результат и особое качество отношений, формирование которых объясняется институционально организованным ограничением доступа к ресурсам, необходимым для интеграции в общество. Действие данного механизма рассматривается через анализ динамики структурных возможностей, практик их использования и достигаемых результатов.

Доказывается, что исключённые и работающие бедные сохраняют связь с рынком труда и занимают, как правило, одинаковую классовую позицию наёмных работников. При этом среди исключённых и работающих бедных формируются разнонаправленные стратегии занятости. Первых отличает повышенная гибкость, а вторых — стабильность и страх потерять рабочее место. Обе категории конкурируют друг с другом в рамках одного периферийного поля занятости. В результате растёт субъективное напряжение и создаётся прецедент готовности работать за низкую оплату труда с минимальными трудовыми гарантиями, без признания. Увеличение внешнего давления и требований к работникам не сопровождается институциональной поддержкой высоких запросов снизу на переквалификацию и самореализацию в профессии. При вытеснении на периферию рынка труда растёт осознание ослабления взаимосвязи труда и благополучия, снижается трудовая мотивация, возникает отчуждение. Параллель-

но формируются защитные стратегии компенсации низких доходов. Защиты носят частный характер, зависят от внутренних ресурсов индивидов и домохозяйств. В итоге возникает прецедент вторичной эксплуатации, то есть не напрямую в сфере производства, а за счёт институционального принуждения к низкооплачиваемой работе и различным видам деятельности, компенсирующим низкие доходы.

Провозглашаемая политика социального государства, составной частью которой являются создание условий для самостоятельного обеспечения благополучия, а также интеграция в общество безработных и бедных, не соответствует реальной практике. Регулирование сферы труда исходя из в высшей степени низких значений минимальной оплаты труда фактически принуждает к работе за прожиточный минимум. В то же время низкие размеры пособия по безработице не ведут к интеграции в общество, не позволяют использовать этот период для переквалификации или занятий значимой деятельностью без ущерба для здоровья и благополучия. В результате складывается особая технология управления, ориентированная на экономизацию социальной и институциональной жизни. Однако экономическая выгода такой политики сомнительна, поскольку низкая оплата труда компенсируется через защитные стратегии ресурсами из других сфер жизнедеятельности.

Структуры внешних возможностей ограничивают способность к действию, что отражается в статусной дезориентации и разнонаправленных стремлениях компенсировать ухудшение условий для самореализации в работе. В практиках использования внешних возможностей защитные стратегии преобладают над достижительскими. Происходит не накопление, а сворачивание внутренних ресурсов и, соответственно, сокращаются человеческий потенциал и свобода заниматься значимой деятельностью.

Таким образом, режим исключения подразумевает следующую последовательность действий: (1) вытеснение индивида на периферию; (2) статусная компенсация, сопровождаемая снижением запросов и утратой индивидом уверенности в себе; (3) истощение через мобилизацию индивидуальных и семейных ресурсов для компенсации перестройки оплачиваемой занятости при переходе от индустриального производства к постиндустриальным услугам. Непризнанные извне стратегии и способы активизации ресурсов, а именно интенсификация труда и диверсификация усилий, изнурительны и истощают внутренние ресурсы. Пока не найдено способа нормализации рыночной экономики обслуживания, зона исключения будет расширяться.

Литература

Алашеев С. 1997. О любви особого рода и специфике советского производства. Социологический журнал. *1/2: 169–182.*

Андреев Е. А., Кваша Е. А., Харькова Т. Л. 2013. Смертность и продолжительность жизни. В кн.: Вишневский А. Г. (отв. ред.) Население России 2010–2011. Восемнадцатый—девятнадцатый ежегодный демографический доклад. *М.: Изд. дом ВШЭ; 385–443.*

Андрущак Г. В. et al. 2011. Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах: Доклад к XII Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 5–7 апреля 2011 г. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». *М.: Изд. дом ВШЭ.*

Аникин В. А., Тихонова Н. Е. 2014. «Бедность по-российски» на фоне других стран. В кн.: Горшков М. К., Тихонова Н.Е. (отв. ред.) Бедность и бедные в современной России. *М.: Изд-во «Весь Мир»; 258–278.*

Аузан А. А. 2011. Введение. Модернизация в российском контексте. В сб.: Аузан А. А., Бобылев С. Н. (отв. ред.) Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. *М.: ПРООН в РФ; 12–23.*

Бедность и льготы: мифы и реальность. *2002. М.: Независимый институт социальной политики.*

Буравой М. 2000. Великая инволюция: реакция России на рынок. Рубеж. *15: 5–35.*

Вельцель К., Инглхарт Р. 2011. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. *М.: Новое издательство.*

Вишневский А. Г. (отв. ред.) 2013. Население России 2010–2011. Восемнадцатый—девятнадцатый ежегодный демографический доклад. *М.: Изд. дом ВШЭ.*

Возьмитель А. А., Осадчая Г. И. 2010. Образ жизни в России: динамика изменений. Социологические исследования. *1: 17–27.*

Гайдар Е. Т. 2009. Смуты и институты. *Публичная лекция 19 ноября 2009 г. URL: www.polit.ru/lectures/2009/12/10/gaidar.html#*

Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. 2003. Человек и его работа в СССР и после*: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс.*

Инглхарт Р. 2010. Модернизация, счастье и благополучие: Россия в сравнительной перспективе. *Лекция. Москва, Высшая школа экономики, 13 декабря.* URL: www.lssi.hse.spb.ru/index.php/novost/items/novost-1-2

Карабчук Т. С., Пашинова Т. Р., Соболева Н. Э. 2013. Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ. Мир России. *1: 155–175.*

Кастель Р. 2009 (1995). Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. *СПб.: Алетейя.*

Клеман К., Мирясова О., Демидов А. 2010. От обывателей к активистам: Зарождающиеся социальные движения в современной России. *М.: Три квадрата.*

Клугман Дж., Брейтуейт Дж. 1998 (1997). Вступление и общий обзор. В сб.: Клугман Дж. (отв. ред.) Бедность в России. Государственная политика и реакция населения. *Вашингтон: Всемирный банк; 1–32.*

Кудрин А. 2017. Устойчивый экономический рост: модель для России. Выступление на Гайдаровском форуме. Санкт-Петербург, 13 января, URL: www.akudrin.ru/news/ustoychivyy-ekonomicheskiy-rost-model-dlya-rossii-vystuplenie-na-gaydarovskom-forume-13-01-2016

Лаврецкий А. 1932. Лишние люди. Литературная энциклопедия:В 11 т. *Т. 6. М.: ОГИЗ РСФСР; Советская энциклопедия; 514–540.*

Лыткина Т. 2011. Социальная биография исключения в постсоветской России. Журнал социологии и социальной антропологии. *XIV (1): 87–109.*

Малева Т. 2011. Российский рынок труда: эффективность занятости или сокращение безработицы? В сб.: Аузан А. А., Бобылев С. Н. (ред.) Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. *М.: ПРООН в РФ; 62–75.*

Матвеев И. А. 2015. Гибридная неолиберализация: государство, легитимность и неолиберализм в путинской России. Российская полития. *4 (79): 25–47.*

Мау В. А. 2010. В поисках долгосрочной стратегии. В сб.: Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. *М.: UNDP Россия*; *12–26.*

Мау В. А., Кузьминов Я. И. 2013. Стратегия-2020. Новая модель роста — новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. *Кн. 1. М.: Дело*.

Моррис Л. 2000 (1994) Понятие underclass. Экономическая социология. *1 (1): 67–91.* URL: ecsoc.hse.ru/2000-1-1/26594896.html

Наумова Н. Ф. 1995. Жизненная стратегия человека в переходном обществе. *Социологический журнал*. 2: 5–22.

Наумова Н. Ф. 2006. *Человек и модернизация России*. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация».

Овчарова Л. М. 2001. Бедность в России. *Мир России.* 1: 171–178.

Овчарова Л. М. 2008. Бедность и экономический рост в России. *Журнал исследований социальной политики.* 6 (4): 439–456.

Овчарова Л. М. 2010. Бедность, экономический рост и кризис в России в первом десятилетии второго тысячелетия. В сб.: *Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. М.: UNDP Россия*; 27–42.

Овчарова Л. Н., Малеева Т. М. (отв. ред.) 2010. *Социальная поддержка: уроки кризисов и векторы модернизации.* М.: Дело.

Поланьи К. 2002 (1944). *Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени.* СПб.: Алетейя.

Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. 2013. М.: Минэкономразвития России.

Прокофьева Л. М. et al. 2000. *Феминизация бедности в России: Макроэкономический анализ феминизации бедности в России.* Сборник докладов, подготовленных для Всемирного банка. М.: Изд-во «Весь Мир».

Раунд Дж. 2006. Конструирование феномена «бедности» в постсоветской России. *Журнал исследований социальной политики.* 4 (3): 319–348.

Россия в цифрах — 2012. М.: Госкомстат РФ. www.gks.ru/bgd/regl/b12_11/IssWWW.exe/Stg/d1/07-10.htm

СССР в цифрах в 1987 г. 1988. Краткий статистический сборник. Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика.

Тихонова Н. Е. 2011. Низший класс в социальной структуре российского общества. *Социологические исследования*. 5: 24–35.

Фёдоров А. И. (отв. ред.) 2008. *Фразеологический словарь русского литературного языка.* М.: Астрель, АСТ.

Ядов В. А. 2003. Опыт сравнительного исследования отношения к труду советских и американских рабочих. В кн.: Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. *Человек и его работа в СССР и после*. М.: Аспект Пресс*;* 420–430.

Ярошенко С. 2001. Бедные северного села трансформирующейся России. *Экономическая социология.* 2 (5): 37–47. URL: https://ecsoc.hse.ru/2001-2-5.html

Ярошенко С. 2002. Женский проект занятости в условиях гендерного и социального исключения. *Социологический журнал*. 11: 137–150.

Ярошенко С. 2004. Бедность независимости: северное село в режиме социального исключения. *Социологические исследования*. 7: 71–83.

Ярошенко С. 2005. Бедность в постсоциалистической России*. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН.*

Ярошенко С. 2013. Женская работа и личное благополучие. Технологии исключения в постсоветской России. *Экономическая социология*. 14 (5): 23–59. URL: ecsoc.hse.ru/2013-14-5/104332351.html

Ashwin S.(ed.) 2006. Adapting to Russia's New Labour Market. Gender and Employment Behaviour. *London: Routledge.*

Chetvernina T. 1995. Minimum Wages in Russia: Fantasy Chasing Fact. In: Standing G., Vaughan-Whitehead D. (ed.). Minimum wages in Central and Eastern Europe: From Protection to Destitution. *Budapest: Central European University press; 49–67.*

Bude H. (1998) Die Überflüssigen als transversale Kategorie. In: Berger P.A., Vester M. (eds) Alte Ungleichheiten, Neue Spaltungen*. Opladen: Leske+Budrich; 363–382.*

Bude H., Willisch A. 2006. Das Problem der Exklusion. In: Bude H., Willisch A. (Hg.) Das Problem der Exklusion. Ausgegrenzte, Entbehrliche, Überflüssige*. Hamburg: Hamburger Edition; 7–26.*

Burawoy M., Krotov P., Lytkina T. 2000. Domestic Involution: How Women Organize Survival in a North Russian City. In: Bonnel V., Breslauer G. (eds) Russia in the New Century: Stability or Disorder? *Boulder, Co.: Westview Press; 231–257.*

Burawoy M., Verdery K. 1999. Uncertain transition. Ethnographies of Change in the Postsocialist World*. Lanham: Rowman &Littlefield publishers, Inc.*

Castells M. 1998. Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. III. End of Millennium. *Oxford: Blackwell Publishers.*

Dorre K. 2011. Capitalism, Landnahme and Social Time Regimes: An Outline. Time and Society. *20 (1): 69–93.*

Emigh R. J., Fodor E., Szelenyi I. 1999. The Racialization and Feminization of Poverty during the Market Transition. European University Institute Working Paper 99/10..

Ladanyi J., Szelenyi I. (2006). Patterns of Exclusion: Constructing Gypsy Ethnicity and the Making of the Underclass in Transitional Societies in Europe. Boulder, CO*: East European Monographs.*

Merton R. 1959. Social Conformity, Deviation and Opportunity Structures: A Comment on the Contributions of Dubin and Cloward. American Sociological Review. *24 (2): 177–189.*

Sassen S. 2014. Expulsions. Brutality and Complexity in the Global Economy. Cambridge, MA*: Harvard University Press.*

Standing G., Vaughan-Whitehead D. (eds) 1995. Minimum Wages in Central and Eastern Europe: From Protection to Destitution. *Budapest: Central European University Press.*

Standing G. 2014 (2011). The Precariat. The New Dangerous Class. *London; New York: Bloomsbury Academic.*

Wacquant L. 1996. The Rise of Advanced Marginality: Notes on Its Nature and Implications. Acta Sociologica*. 39 (2): 121–139*

Wacquant L. 2008. Urban Outcasts. A Comparative Sociology of Advanced Marginality. *Cambridge, MA: Polity Press.*

Wilson W. J. 1987. The Truly Disadvantaged: The Inner City, the Underclass and Public Policy. *Chicago: University of Chicago Press.*

Svetlana Yaroshenko

Surplus People, or About the Regime of Social Exclusion in Post-Soviet Russia

YAROSHENKO, Svetlana — Candidate of Sciences in Sociology, Assistant Professor, Department of Comparative Sociology, St. Petersburg State University. Address: Smolnogo str. 1/3, pod. 8, 191124, St. Petersburg, Russian Federation.

Email: svetayaroshenko@gmail.com

Abstract

This paper examines the regime of social exclusion in post-socialist conditions: institutionally organized restriction of access to assets necessary to achieve material well-being and to be integrated into the post-Soviet market society. A specific form of social exclusion, formed in the process of market transformation and conditioned by two ways of managing poverty, is considered. First, against the backdrop of deindustrialization in the 1990s, extreme poverty appears, and adaptation to the market occurs through defensive survival strategies from places of employment. Secondly, in the situation of the formation of the market service sector in the 2000s, poverty becomes persistent and its administration is strengthened through the construction of a truncated social citizenship and coercion to low-wage labor. From the results of longitudinal qualitative research from 1999 to 2010 among the registered poor in one Russian region, a comparison is made between structures of opportunities, the practices used, and the achieved results. It is proven that the formation of a market economy of service in post-Soviet society is accompanied by the creation of a layer of "superfluous," displaced to the periphery of the labor market, compensating low wages with status forms of rewards, and mobilizing resources from other areas to cover low incomes. Ignoring their experience of resistance and consolidating social distance with low wages and a lack of socially acceptable alternatives, help to mystify the process of extracting profit from meaningful activities. The conclusion is substantiated that the exclusion zone will expand until a method of normalizing the market economy of services has been found. A variant of the development of sociological institutionalism is suggested, in which institutions are defined by the degree of concentration of actions for the use of available opportunities.

Keywords: surplus people; regime of social exclusion; truncated social citizenship; post-soviet market society; postsocialism; neoliberalism.

References

Andreyev E. A. Kvasha E. A., Har'kova T. L. (2013) Smertnost' i prodolzhitel'nost' zhisni [Mortality and Life Expectancy]. Naselenie Rossii 2010–2011: Vosemnadzatyy—devyatnadzatyy ezhegodnyy demograficheskyy doklad *[Population of Russia 2010–2011: The Eighteenth—Nineteenth Annual Demographic Report], Moscow: HSE Publishing House, pp. 385–443 (in Russian).*

Alasheyev S. (1997) O lubvi osobogo roda i spetsifike sovetskogo proizvodstva [About Love of a Special Kind and the Specifics of Soviet Production]. Sotsilogicheskiy zhurnal*, no 1/2, pp. 169–182 (in Russian).*

Anikin V. A., Tihonova N. E. (2014) «Bednost' po-rossiyski» na fone drugikh stran ["Poverty in Russian style" against the Background of Other Countries]. Bednost' i bednye v sovremennoy *Rossii [Poverty and Poor in Contemporary Russia] (eds. M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova), Moscow:* Izdatelstvo "*Ves' Mir", pp. 258–278 (in Russian).*

Andrushak G. V., Burdyak A. J, Gimpel'son V. E., Ivanter A. E., Kapelyushnikov R. I., Kozyreva P. M., Kosareva N. B., Malkova M. A., Ovcharova L. N., Pishnyak A. I., Ponomarenko A. N., Popova D. O., Popovich L. D., Puzanov A. S., Selezneva E. V, Tishininova G. A., Fadeev V. A., Sheyman I. M (2011) Uroven' i obraz zhizni naseleniya Rossii v 1989–2009 godakh. *Doklad k XII Mezhdunarodnoy konferentsii po problemam razvitia ekonomiki i obshchestva*, *Moskva, 5–7 apr. 2011 g. [Level and Way of Life of the Population of Russia in 1989–2009. Report to the XIIth International Conference on the Problems of Economic and Social Development, 5–7 April 2011], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).*

Ashwin S. (ed.) (2006) Adapting to Russia's New Labour Market. Gender and Employment Behaviour*, London: Routledge.*

Ausan A. A. (2011) Vvedenie. Modernisatsiya v Rossiyskom kontekste [Introduction. Modernization in Russian context]. Doklad o razvitii chelovecheskogo potenciala v Rossiskoi Federazii za 2011 g. [Human Development Report in Russian Federation 2011] (eds. A. A Ausan, S. N. Bobylev), Moscow: UNDP in the Russian Federation, pp. 12–23 (in Russian).

Bude H. (1998) Die Überflüssigen als transversale Kategorie [Superfluous as Transversal Category]. Alte Ungleichheiten, Neue Spaltungen *[Old Inequalities, New Divisions] (eds. P. A. Berger, M. Vester), Opladen: Leske + Budrich, pp. 363–382 (in German).*

Bude H., Willisch A. (2006) Das Problem der Exklusion [The Problem of Exclusion]. Das Problem der Exklusion. Ausgegrenzte, Entbehrliche, Überflüssige *[The Problem of Exclusion. Excluded, Dispensable, Superfluous] (eds. H. Bude, A, Willisch), Hamburg: Hamburger Edition, pp. 7–26 (in German).*

Burawoy M. (2000) Velikaya involutsia: Reaktsia Rossii na rynok [Great Involution: Russia's Response to the Market]. Rubezh*, no 15, pp. 5–35 (in Russian).*

Burawoy M., Krotov P., Lytkina T. (2000) Domestic Involution: How Women Organize Survival in a North Russian City. Russia in the New Century: Stability or Disorder? *(eds. V. Bonnel, G. Breslauer), Boulder, CO: Westview Press, pp. 231–257.*

Burawoy M., Verdery K. (1999). Uncertain Transition. Ethnographies of Change in the Postsocialist World*, Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc.*

Castel R. (2009 [1995]) Metamorfozy sotsial'nogo voprosa. Khronika naemnogo truda *[From Manual Workers to Wage Laborers: Transformation of the Social Question], St. Petersburg: Aleteya (in Russian).*

Castells M. (1998) Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. III. End of Millennium*, Oxford: Blackwell Publishers.*

Chetvernina T. (1995) Minimum Wages in Russia: Fantasy Chasing Fact. Minimum Wages in Central and Eastern Europe: From Protection to Destitution.*(eds. G. Standing, D. Vaughan-Whitehead), Budapest: Central European University Press, pp. 49–67.*

Dorre K. (2011) Capitalism, Landnahme and Social Time Regimes: An Outline. Time and Society*, vol. 20, no 1, pp. 69–93.*

Emigh R. J., Fodor E., Szelenyi I. (1999) The Racialization and Feminization of Poverty during the Market Transition. European University Institute Working Paper 99/10.

Fedorov A. I. (ed.) (2008) *Frazologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological Dictionary of Russian Literary Language], Moscow: Astrel'; AST.

Gaydar E. (2009) Smuty i instituty *[Troubles and Institutions]. Public lecture 19 November 2009,* Available at: www.polit.ru/lectures/2009/12/10/gaidar.html# (accessed 21 September 2017) *(in Russian*).

Goskomstat SSSR (1988) *SSSR v tsifrakh v 1987* [USSR in Numbers in 1987], Moscow: Finance and statistics (in Russian).

IISP (2002). Bednost' i l'goty: mify i real'nost' [Poverty and Benefits: Myths and Reality], Moscow: Independent Institute for Social Policy (IISP) (in Russian).

Inglehart R. (2010) Modernizatsia, schastye i blagopoluchie: Rossia v sravnitelnoy perspective *[Modernization, Happiness and Well-being: Russia in a Comparative Perspective], Lecture, Moscow, HSE, 13 December.* Available at: www.hse.ru/video/26412822.html (accessed 21September 2017) *(in Russian).*

Karabchuk T. S., Pashinova T. R., Soboleva N. E. (2013) Bednost' domokhozaistv v Rossii: Chto govoryat dannye RLMS HSE *[Household's Poverty in Russia: What the RLMS HSE Data Say].* Mir Rossii*, no 1, pp. 155–175 (in Russian).*

Klement K., Miryasova O., Demidov A. (2010) Ot obyvateley k aktivistam: Zarozhdauchshiesya sotysialnye dvizhenia v sovremennoy Rossii *[From Ordinary People to Activists: Emerging Social Movements in Modern Russia], Moscow: Tri kvadrata (in Russian).*

Klugman J., Braithwaite J. D. (1998) Vstuplenie i obshchiy obzor [Introduction and Overview]. Bednost' v Rossii. Gosudarstvennaya politika i reaktsiya naseleniya *[Poverty in Russia: Public Policy and Private Responses] (ed. J. Klugman). Washington: The International Bank for Reconstruction and Development; The World Bank, pp. 1–32 (in Russian).*

Kudrin A. (2017) Ustoychivyy ekonomicheskiy rost: model dlya Rossii *[Sustainable Economic Growth: A model for Russia], Report on The Gaidar Forum, St. Petersburg, 13 January.* Available at: www.akudrin.ru/news/ustoychivyy-ekonomicheskiy-rost-model-dlya-rossii-vystuplenie-na-gaydarovskom-forume-13-01-2016 (accessed 21 September 2017) *(in Russian).*

Ladanyi J., Szelenyi I. (2006) Patterns of Exclusion: Constructing Gypsy Ethnicity and the Making of the Underclass in Transitional Societies in Europe, Boulder, CO*: East European Monographs.*

Lavrezkyi A. (1932). Lishnie ludi [Superfluous]. Literaturnaya entsiklopediya: V 11 t. *[Literary Encyclopedia. 11 vols.], vol. 6, Moscow: Soviet Encyclopedia Publishing House, pp. 514–540 (in Russian).*

Lytkina T. (2011) Sotsial'naya biografiya isklyucheniya v postsovetskoy Rossii [Social Biography of Exclusion in Post-soviet Russia]. Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii, *vol. XIV, no 1, pp. 87–109 (in Russian).*

Maleva T. (2011) Rossiiskiy rynok truda: effektivnost' zanyatosti ili sokrashchenie besrabotitsy [Russian Labour Market: Efficiency of Employment or Reduction of Unemployment?]. *Doklad o razvitii chelovecheskogo potentsiala v Rossiskoy Federatsii za 2011 g.* [Human Development Report in Russian Federation 2011], (eds. A. A. Ausan, S. N. Bobylev), Moscow: UNDP in the Russian Federation, pp. 62–75 (in Russian).

Matveev I. A. (2015) Gibridnaya neoliberalisatsiya: gosudarstvo, letimnost' i neoliberalism v putinskoy Rossii [Hybrid Neoliberalization: State, Legitimacy and Neoliberalism in Putin's Russia]. Russian Politics, *vol. 4, no 79, pp. 25–47 (in Russian).*

Mau V. A. (2010) V poiskakh dolgosrochnoy strategii [In Search of a Long-Term Strategy]. *Tseli razvitiya tysyacheletia v Rossii: vzglyad v budushchee. Doklad o razvitii chelovecheskogo potentsiala v Rossiskoy Federatsii.* [The Millennium Development Goals in Russia: Looking to the Future. Human Development Report in Russian Federation], Moscow: UNDP in the Russian Federation, pp. 12–26 (in Russian).

Mau V. A., Kuzminov Y. I. (2013) Strategia-2020. Novaya model' rosta — novaya sotsial'naya politika. Itogovyy doklad o resultatakh ekrspertnoy raboty po aktual'nym problemam sotsial'no-ekonomicheskoy strategiyi Rossii na period do 2020 goda *[Strategy-2020. A New Growth Model is a New Social Policy. Final Report on the Results of Expert Work on Topical Problems of Russia's Social and Economic Strategy for the Period until 2020], book 1, Moscow: Delo (in Russian).*

Merton R. (1959) Social Conformity, Deviation and Opportunity Structures: A Comment on the Contributions of Dubin and Cloward. American Sociological Review*, vol. 24, no 2, pp. 177–189.*

Morris L. (2000 [1994]) Ponyatie underclass'a [The Concept of Underclass]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 1, no 1, pp. 67–91. Available at: ecsoc.hse.ru/2000-1-1/26594896.html (accessed 21 September 2017) (in Russian).

Naumova N. F. (1995) Zhiznennaya strategiya cheloveka v perekhodnom obchshestve [Human Life Strategy in Transitional Society]. *Sotsilogicheskiy zhurnal,* no 2, pp. 5–22 (in Russian).

Naumova N. F. (2006). *Chelovek i modernizatsiya Rossii* [Man and the Modernization of Russia], Moscow: Kanon+; ROOI «Reabilitazia» (in Russian).

Ovcharova L. M. (2001) Bednost' v Rossii [Poverty in Russia]. *Mir Rossii*, no 1, pp. 171–178 (in Russian).

Ovcharova L. M. (2008) Bednost' i economicheskiy rost v Rossii [Poverty and Economic Growth in Russia]. *Journal of Social Policy Studies*, vol. 6, no 4, pp. 439–456 (in Russian).

Ovcharova L. M. (2010) Bednost', economicheskiy rost i krizis v Rossii v pervom desyatiletii vtorogo tysyacheletiya [Poverty, Economic Growth and the Crisis in Russia in the First Decade of the Second Millennium]. *Tseli razvitiya tysyacheletia v Rossii: vzglyad v budushchee. Doklad o razvitii chelovecheskogo potentsiala v Rossiskoy Federatsii* [The Millennium Development Goals in Russia: Looking to the Future. Human Development Report in Russian Federation], Moscow: UNDP in the Russian Federation, pp. 27–42 (in Russian).

Ovcharova L. M., Maleva T. M. (eds) (2010) *Sotsial'naya podderzhka: uroki krizisov i vektoru modernizatsii* [Social Support: Lessons of Crisis and Vectors of Modernization], Moscow: Delo (in Russian).

Polanyi K. (2002 [1944]) *Velikaya transformatsia. Politicheskie i economicheskie istoki nashego vremeni* [Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time], St. Petersburg: Aleteja (in Russian).

Prokofyeva L. M., Rzhanitsina L., Ovcharova L. (2000) *Feminisatsiya bednosti v Rossii: Makroekonomicheskiy analiz feminizatsii bednosti v Rossii* [Feminization of Poverty in Russia: Macroeconomic analysis of the Feminization of Poverty in Russia], Moscow: Izdatelstvo "Ves' mir" (in Russian).

Round J. (2006) Konstruirovanie fenomena «bednosti» v postsovetskoy Rossii [The Construction of 'Poverty' in Post-Soviet Russia]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, vol. 4, no 3, pp. 319–348 (in Russian).

Russian Ministry of Economic Development (2013) *Prognoz dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo rasvitiya Rossiskoy Federatsii do 2030 goda* [Prediction of Long-Term Socio-Economic Development of the Russian Federation for the Period till 2030], Moscow: Mineconomrazvitiya Rossii (in Russian).

Sassen S. (2014) Expulsions. Brutality and Complexity in the Global Economy*, Cambridge, MA: Harvard University Press.*

Standing G., Vaughan-Whitehead D. (eds.) (1995) Minimum Wages in Central and Eastern Europe: From Protection to Destitution*, Budapest: Central European University Press.*

Standing G. (2014 [2011]) The Precariat. The New Dangerous Class*, London; New York: Bloomsbury Academic.*

Tkihonova N. E. (2011) Nizhniy klass v sotsial'noy strukture rossiyskogo obshchestva [Lower Class in Social Structure of Russian Society]. *Sotsilogicheskie issledovaniya*, no 5, pp. 24–35 (in Russian).

Vishnevskyi A. G. (ed.) (2013) Naselenie Rossii 2010-2011: Vosemnadzatyy—devyatnadzatyy ezhegodnyy demograficheskyy doklad *[Population of Russia 2010–2011: The Eighteenth—Nineteenth Annual Demographic Report], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).*

Vozmitel A. A., Osadchaya G. I. (2010) Obraz zhizni v Rossii: dinamika izmeneniy [Lifestyle in Russia: Dynamics of Changes]. Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 1, pp. 17–27 (in Russian).*

Wacquant L. (1996) The Rise of Advanced Marginality: Notes on Its Nature and Implications. Acta Sociologica*, vol. 39, no 2, pp. 121–139.*

Wacquant L. (2008) Urban Outcasts. A Comparative Sociology of Advanced Marginality*, Cambridge, NA: Polity Press.*

Welzel C., Inglehart R. (2011) Modernizatsiya, kulturnye izmenenyia i demokratiya *[Modernization, Cultural Change and Democracy]*, *Moscow: Novoye izdatelstvo (in Russian).*

Wilson W. J. (1987) The Truly Disadvantaged: The Inner City, the Underclass and Public Policy*, Chicago: University of Chicago Press.*

Yadov V. A. (2003) Opyt sravnitelnogo issledovaniya otnosheniya k trudu sovetskikh i amerikanskikh rabochikh [The Experience of a Comparative Study of the Attitude Towards the Work of Soviet and American Workers]. *Chelovek i ego rabota v SSSR i posle* [Man and His Work in the USSR and After] (eds. V. A. Yadov, A. G. Zdravomyslov), Moscow: Aspect Press, pp. 420–430.

Yaroshenko S. (2001) Bednye severnogo sela transformiruyushejsya Rossii [Poor of the North Village in the Transforming Russia]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 2, no 5, pp. 37–47. Available at: https://ecsoc.hse.ru/2001-2-5.html (accessed 21 September 2017) (in Russian).

Yaroshenko S. (2002) Zhensky proekt zanyatosti v usloviakh gendernogo i sotsial'nogo iskluchenia [Women's Project of Employment in Conditions of Gender and Social Exclusion]. *Sotsilogicheskiy zhurnal*, no 11, pp. 137–150 (in Russian).

Yaroshenko S. (2004) Bednost' nezavisimosti: severnoye selo v regime sotsial'nogo isklucheniya [Poverty of Independence: North Village in the Regime of Social Exclusion]. *Sotsiologicheskie issledovaniya,* no 7, pp. 71–83 (in Russian).

Yaroshenko S. (2005) Bednost' v postsoetsialisticheskoy Rossii *[Poverty in Post-Socialist Russia], Syktyvkar: Komi Scientific centre UrD RAS (in Russian).*

Yaroshenko S. S. (2013) Zhenskaya rabota i lichnoye blagopoluchie. Tekhnologii isklucheniya v postsovetskoy Rossii [Women's Work and Personal Well-being. Technology of Social Exclusion in Post-Soviet Russia]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 14, no 5, pp. 23–59 Available at: ecsoc.hse.ru/2013-14-5/104332351.html (accessed 21 September 2017) (in Russian).

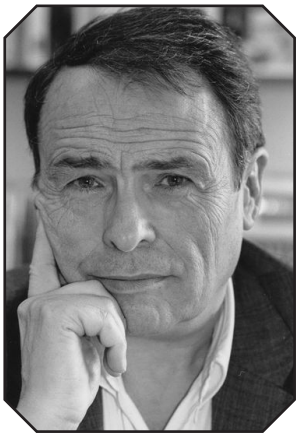
Zdravomyslov A. G., Yadov V. A. (2003) *Chelovek i ego rabota v SSSR i posle* [Man and His Work in the USSR and After], Moscow: Aspect Press (in Russian).

Received: August 17, 2017
Citation: Yaroshenko S. (2017) Lishnie lyudi, ili O rezhime isklyucheniна v postsovetskom obshchestve [Surplus People, or About the Regime of Social Exclusion in Post-Soviet Russia]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 18, no 4, pp. 60–90. doi: 10.17323/1726-3247-2017-4-60-90 (in Russian).

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

П. Бурдьё

Homo Academicus[1]



БУРДЬЁ Пьер (1930–2002) — выдающийся французский социолог XX столетия.

Перевод с франц. С. М. Гавриленко, О. М. Журавлёва, Д. Ж. Кондова, Е. В. Кочетыговой, О. О. Николаевой, Н. В. Савельевой.

Научные редакторы перевода — Е. В. Кочетыгова, Н. В. Савельева.

В данной книге классик социологии П. Бурдьё представляет анализ устройства академического мира. В фокусе внимания находится исследование оснований и форм власти в поле гуманитарных факультетов в контексте трансформации высшего образования во Франции (1968 г.). С этой целью Бурдьё обращается к структуре поля власти и к тому отношению, которое с ним поддерживает поле университета в целом; анализирует структуру университетского поля и позицию, занимаемую в нём различными факультетами; наконец, изучает структуру каждого факультета и позицию, занимаемую в нём различными дисциплинами. Анализируются также социальные иерархии и построения карьеры университетскими учёными. Делается это на примере биографий таких учёных как М. Фуко, Ж. Лакан и их менее известных его коллег. В попытках картографирования университетского поля Бурдьё применяет конструктивистский и структуралистсткий подходы.

*Журнал «Экономическая социология» публикует первую главу труда П. Бурдьё — «Книга для сожжения?» (*Un “livre à brûler”?). *В ней автор разъясняет методологические основания своего исследования. Акцентом рассуждений является рефлексия Бурдьё относительно возможностей и ограничений социолога при изучении социального мира, к которому он сам принадлежит. Решение эпистемологических проблем, встречающихся на пути социолога, находится в области его ответственности по конструированию объекта и субъекта.*

Ключевые слова: рефлексивная социология; высшее образование; академический мир; академическая культура; социальная иерархия; власть и знание.

Глава 1

«Книга для сожжения»?

> Историки не хотят, чтобы кто-то создал их собственную историю. Желая исчерпать бесконечность исторических деталей, сами они не намерены становиться частью этой бесконечности. Они не хотят быть частью исторического порядка — как если бы врачи не намеревались болеть и умирать.
>
> *Ш. Пеги.* Деньги

Избрав объектом исследования социальный мир, чьей частью являемся сами, мы вынуждены столкнуться с рядом фундаментальных эпистемоло-

[1] *Источник*: Бурдьё П. (готовится к изданию) *Homo Academicus*. М.: НИУ ВШЭ. Перев. с франц. Bourdieu P. 1984. *Homo Academicus*. Paris: Editions de Minuit.

гических проблем в форме, которую можно назвать *драматизированной*. Эти проблемы связаны с различием между практическим познанием и научным и, в особенности, с трудностью *разрыва* с локальным опытом и сложностью воссоздания знания, полученного ценой этого разрыва. Известно, каким препятствием для научного познания являются избыток близости, а также чрезмерная дистанция и насколько сложно поддерживать то отношение утраченной и восстановленной близости, которое позволяет ценой долгой работы над объектом — но также и над субъектом — исследования объединить всё, что можно знать, будучи лишь частью объекта, и что невозможно или же нет желания знать именно потому, что ею является. В меньшей степени осознаются проблемы, возникающие при попытке передать научное знание об объекте прежде всего при помощи *письма*. Такого рода проблемы становятся особенно заметными, когда за пояснениями обращаются к *примерам*: эта риторическая стратегия, обычно используемая для того, чтобы «внести ясность», склоняет читателя полагаться на собственный опыт и, следовательно, привносить в чтение неконтролируемую информацию. Почти неизбежно она низводит до уровня обыденного знания научные построения, выработанные в борьбе с ним[2]. Достаточно просто ввести имена собственные (а как полностью избежать этого, когда речь идёт о мире, где одной из ставок является «сделать себе имя»?), чтобы усилить склонность читателя сводить к конкретному индивиду, воспринимаемому синкретично, индивида сконструированного, существующего в качестве такового лишь в теоретически выстроенном пространстве отношений тождества и различия между совокупностью его явным образом определённых свойств и специфическими совокупностями свойств (обнаруженных согласно тем же принципам), характеризующих других индивидов.

Но каким бы сильным ни было наше стремление избежать намёков и двусмысленностей, постоянно заправляющих, пускай и в скрытой форме, обыденной логикой сплетни, оскорбления, клеветы, насмешки и злословия (которые, хотя и склонны сегодня рядиться в одежды анализа, не брезгуют ни колкостью, ни остротой ради удовольствия блеснуть или пустить кому-то кровь), как бы методически ни воздерживались мы (как в этой работе) от упоминания о вещах, несмотря ни на что известных всем (о явных, не говоря уже о скрытых, связях университетских преподавателей с журналистикой, а также о семейных и иных, обнаружить кои — долг историков), мы всё же не сможем избежать подозрения в том, что совершаем акт *разоблачения*, ответственность за которое в действительности лежит на самом читателе. Ведь именно он, читая между строк, заполняя более или менее сознательно пробелы в анализе или просто, как говорится, «принимая всё на свой счёт», изменяет смысл и значение намеренно цензурированного научного отчёта. Социолог не имеет возможности написать обо всём, что знает (включая то, о чём те из читателей, кто наиболее склонен разоблачать его разоблачения, зачастую знают лучше, правда, на совершенно другом уровне), и поэтому рискует создать видимость, что пользуется наиболее испытанными полемическими стратегиями — инсинуацией, намёком, иносказанием и недомолвкой, то есть приёмами, особенно дорогими университетской риторике. И всё же эта история без имён собственных, которой вынужден ограничиться социолог, соответствует истине не более, чем исторический анекдот о фактах и деяниях отдельных персонажей, знаменитых или неизвестных, к которому так охотно прибегает как старая, так и новая история. Эффекты структурной необходимости поля осуществляются лишь через личные связи, основанные на социально обусловленной случайности встреч и общих знакомств, а также на сходстве габитусов, переживаемом как симпатия и антипатия. И как не сожалеть о *социальной невозможности* объяснить и дать почувствовать то, что я считаю действительной логикой исторического действия и подлинной философией истории, при этом присущие отношению принадлежности преимущества, которые позволили бы объединить собранную с помощью объективных методов информацию и личную интуицию, являющуюся результатом близкого знакомства с объектом исследования?

[2] Я полностью осознал эту проблему, когда несколько моих первых читателей попросили меня «привести примеры», иллюстрирующие тот или иной анализ, из которого я сознательно исключил любую «анекдотическую» информацию — даже наиболее известную в «хорошо осведомлённых кругах» , то есть ту самую информацию, которую торопится раскрыть журналистика или ориентированная на сенсацию эссеистика.

Таким образом, социологическое знание всегда подвержено опасности оказаться сведённым «заинтересованным» прочтением к поверхностному восприятию. Подобное прочтение обращает внимание на незначительные подробности, отдельные детали и, не будучи остановлено абстрактным формализмом, сводит к обыденному смыслу слова, общие для научного и обыденного языка. Почти неизбежно предвзятое восприятие, оно ведёт к ложному пониманию, которое основывается на незнании всего того, что определяет научное знание как таковое, то есть самой системы объяснения. Таким образом, предвзятое восприятие разрушает созданный научным конструированием объект, смешивая то, что было разделено, и прежде всего — сконструированного индивидуума (человека или институцию), существующего лишь в разработанной учёным сети отношений, и индивидуума эмпирического, непосредственно доступного обыденному восприятию. Такое истолкование стирает всё, что отделяет научную объективацию как от обыденного знания, так и от знания полунаучного, в основании которого, как показывает большинство исследований, посвящённых интеллектуалам (и, скорее, вводят в заблуждение, чем что-то проясняют), почти всегда лежит то, что можно назвать точкой зрения Терсита, полного зависти персонажа из трагедии Шекспира «Троил и Крессида», поносящего сильных мира сего, или, ближе к историческим реалиям, точкой зрения Марата, о котором забывают, что он был также — или прежде всего — плохим физиком [Gillispie 1980: 290–330]. Частичное понимание, которому способствует вдохновлённая рессентиментом жажда *редуцировать*, приводит к наивно финалистскому взгляду на историю, а он, не будучи способным достичь скрытых оснований практик, довольствуется анекдотическим разоблачением воображаемых виновников и, в конечном счёте, переоценивает значимость предполагаемых участников разоблачаемых «заговоров», рассматривая их как циничных инициаторов поступков, заслуживающих презрения (в первую очередь из-за их высокого положения)[3].

Кроме того, те, кто располагается на границе между научным и обыденным знанием (эссеисты, журналисты, преподаватели-журналисты и журналисты-преподаватели), жизненно заинтересованы в размывании этой границы и отрицании или упразднении того, что отделяет научный анализ от частичных объективаций путём приписывания отдельным индивидам или лобби эффектов (как это происходило в случае ведущих той или иной литературной передачи на телевидении или связанных с «Le Nouvel Observateur»[4] членов Высшей школы социальных наук), произведённых в действительности всей структурой поля. Им достаточно поддаться чтению из чистого любопытства, заставляющего функционировать примеры и отдельные случаи согласно логике светской сплетни или литературного памфлета, чтобы свести присущий науке систематический и реляционный способ объяснения к самому банальному приёму полемической редукции — объяснению *ad hoc*[5] при помощи аргументов *ad hominem*[6].

В приложении[7] читатель сможет найти анализ процесса (в обоих смыслах слова — и как хода развития, и как судебной тяжбы) обретения медийной известности. Главный результат этого анализа — разоблачение наивности всех персональных разоблачений. Создавая видимость объективации игры, такого рода разоблачения лишь полнее в ней участвуют — в той мере, в какой стремятся поставить этот мнимый анализ на службу интересам, связанным с позицией в этой игре. Источником техники литературного

3 Можно процитировать, среди прочих, самого недавнего представителя этой тенденции — Эрве Куто-Бегари, чей анализ школы «Анналов» вполне бесхитростно выдаёт вытесненное насилие, вызванное интеллектуальным исключением, удвоенным провинциализмом: «Таким образом, новые историки представляют *последовательный проект*, идеологически *адаптированный* к публике, для которой он был предназначен <…> Именно это расширение объясняет их успех. Далее, им удалось *привлечь внимание* издателей и СМИ *с целью* получить то, что Режи Дебре называет “социальной видимостью”» [Couteau-Begarie 1983: 247–248].

4 Французский еженедельный культурно-политический журнал. — *Примеч. пер.*

5 Для данного случая (лат.). — *Примеч. пер.*

6 Применительно к человеку (лат.). — *Примеч. пер.*

7 Речь идёт о приложении к данной книге, которое называется «Le hit-parade des intellectuels français» («Хит-парад французских интеллектуалов, или Кто должен судить о легитимности судей?»). — *Примеч. ред.*

хит-парада является не отдельный индивид (Бернар Пиво[8], как в рассматриваемом случае), каким бы влиятельным и ловким он ни был, не особая институция (телепередача или журнал), не даже совокупность СМИ, способных осуществлять власть над полем культурного производства, но множество объективных отношений, составляющих это поле, и в особенности тех, которые устанавливаются между полем производства для производителей и полем широкого производства. Выявляемая научным анализом логика далеко превосходит намерения и замыслы индивидуальных или коллективных агентов, даже наиболее проницательных и влиятельных — тех, на кого указывает поиск «виновных». Однако было бы ошибкой выводить из этого анализа аргументы в пользу отсутствия ответственности, растворенной в охватывающей каждого агента сети объективных отношений. Тем, кто хотел бы использовать формулировку социальных законов, превращённых в судьбу, в качестве алиби для фаталистской или циничной покорности, необходимо напомнить, что научное объяснение, предоставляющее возможность для понимания и даже оправдания, даёт также возможность производить изменения. Возросшее знание механизмов, управляющих интеллектуальным миром, не должно (я намеренно использую этот специфический язык), как опасался Жак Буврес, приводить к «освобождению индивида от тягостного бремени моральной ответственности» [Bouvresse 1984: 93]. Напротив, оно должно научить индивида чувствовать свою ответственность там, где он на самом деле независим, и упорно не поддаваться малодушию и бесконечно малым слабостям, позволяющим социальной необходимости действовать со всей силой, научить его бороться с собственным и чужим оппортунистским безразличием и разочарованным конформизмом, уступающим социальному миру всё, что тот требует, все эти мелочи безропотного потворства и покорности.

Известно, что группы едва ли любят тех, кто «продаёт секреты», и, быть может, особенно тогда, когда нарушитель или предатель имеет возможность апеллировать к их самым высоким ценностям. Те же самые люди, которые не упустили бы возможности поприветствовать как «смелую» или «проницательную» работу по объективации, проводись она на материале чужих или враждебных групп, будут склонны ставить под вопрос основания специфической проницательности, право на которую отстаивает исследователь собственной группы. Ученик колдуна, рискнувший заинтересоваться местным колдовством и его фетишами вместо того, чтобы в далёких тропиках искать утешительные чары экзотической магии, должен быть готов к тому, что высвобожденное им насилие обернётся против него. Занимая специфическую позицию, Карл Краус смог сформулировать закон, согласно которому объективация имеет тем больше шансов быть одобренной и чествуемой в качестве смелой в родственных кругах, чем более её объекты удалены в социальном пространстве. В редакционной статье первого номера своего журнала «Die Fackel» он писал: тот, кто отказывается от лёгких удовольствий и выгод удаленной критики в пользу критики непосредственного окружения (когда всё убеждает считать его сакральным), должен быть готов к мучительной «субъективной травле». Нам поэтому показалась соблазнительной идея назвать эту главу так, как средневековый китайский отступник Ли Чжи назвал свои саморазрушительные книги, в которых он раскрыл мандаринские правила поведения, — «Книга для сожжения». Не из желания бросить вызов тем, кто, хотя и готов восстать против инквизиции, отправит на костёр любую работу, которую сочтёт оскверняющей собственные верования[9], но лишь для того, чтобы указать на противоречие, вписанное в разглашение секретов племени и столь болезненное лишь потому, что в обнародовании (даже частичном) самого личного есть что-то от публичной исповеди[10].

---

8 Речь идёт о приложении к данной книге, которое называется «Le hit-parade des intellectuels français» («Хит-парад французских интеллектуалов, или Кто должен судить о легитимности судей?»). — *Примеч. ред.*

9 На манер своего рода символического аутодафе (без сомнения, не согласованного заранее) все венские газеты хранили абсолютное молчание вокруг «Die Fackel» на протяжении всей жизни Карла Крауса.

10 Известно, что «Толкование сновидений», которое Фрейд считал своей наиболее важной работой, помимо явной логики научного трактата заключает глубинный дискурс, где через ряд личных снов Фрейд дает анализ своих запутанных отношений с отцом, политикой и университетом; см., например: [Schorske 1980: 181–207].

Социология слишком мало способствует созданию иллюзий, чтобы даже на мгновение социолог мог вообразить себя в роли героя-освободителя. Тем не менее, мобилизуя все доступные научные достижения в попытке объективировать социальный мир и отнюдь не осуществляя редуцирующего насилия или тоталитарной власти (на чём иногда настаивают, особенно когда объектом исследования становятся те, кто желает объективировать, не подвергаясь объективации), социолог предоставляет возможность некоторой свободы. По крайней мере, он может надеяться, что его исследование академических страстей будет для других тем же, чем оно было для него самого, то есть инструментом самоанализа.

Работа по конструированию и её эффекты

Изучение мира, с которым мы связаны всевозможными специфическими инвестициями, неразрывно интеллектуальными и «мирскими», — это вызов, автоматически рождающий мысль о бегстве. Забота о том, чтобы избежать подозрения в предвзятости, приводит к попыткам отрицать себя в качестве «заинтересованного» и «пристрастного» субъекта, заранее подпадающего под подозрение в использовании научных инструментов в частных интересах, и даже к попытке устранить себя в качестве субъекта познания, прибегнув к наиболее безличным и механическим процедурам, которые согласно этой логике — логике «нормальной науки» — считаются самыми безупречными. (Здесь обнаруживается установка на *смирение*, которая так часто склоняет к выбору в пользу гиперэмпиризма, а также собственно политическое — в особом смысле — честолюбие, скрытое за этой сциентистской нейтральностью и располагающее разрешать запутанные споры с помощью научной работы и от имени науки, выступая в качестве арбитра или судьи и исключая себя в качестве вовлечённого в поле субъекта лишь для того, чтобы вновь появиться в этом поле, но уже «над схваткой», создавая безупречную видимость объективного, трансцендентального субъекта.)

Однако невозможно избежать работы по конструированию объекта и связанной с ней ответственности. Не существует объекта, который не предполагал бы определённой точки зрения, даже если речь идёт об объекте, созданном с намерением упразднить любую точку зрения, то есть пристрастность, и выйти за пределы частной перспективы, связанной с позицией в изучаемом пространстве. Тем не менее сами операции, реализуемые в процессе исследования, которые принуждают формулировать и *формализовывать* неявные критерии обыденного опыта, делают *возможным* логический контроль собственных предпосылок. Само собой разумеется, что множество последовательных выборов (совершенных к тому же в течение ряда лет) не осуществляются в обстановке совершенной эпистемологической прозрачности и полной теоретической ясности[11]. (Таков случай проведённого в 1967 г. исследования структуры власти на гуманитарных факультетах, в результате которого, например, был сформирован список изучаемых индивидов, основанный на определении значимых в этом универсуме свойств, по сути — популяции наиболее «влиятельных», или «важных», преподавателей университетов.) Лишь тот, кто никогда не проводил эмпирических исследований, может верить или провозглашать обратное. Более того, нельзя быть уверенным, что такого рода непрозрачность, которую имеют для нас последовательные операции (включая то, что мы называем интуицией, то есть более или менее контролируемую форму донаучного знания непосредственно схваченного объекта, а также научного знания аналогичных объектов), не является истинным условием плодотворности эмпирического исследования. Делая что-то и не до конца это осознавая, даёшь себе шанс открыть в том, что сделал, нечто ранее неизвестное.

Научное конструирование объекта исследования осуществляется путём медленного и трудного накопления различных показателей, значение которых подсказано практическим знанием различных власт-

[11] Далее, в главе 3, можно найти подробное описание принципов конструирования этой совокупности. Характеристики репрезентативной выборки, послужившей основой для анализа совокупности факультетов (за исключением фармакологического), описаны в главе 2. Источники, использованные в обоих исследованиях, описаны в приложении 1.

ных позиций (например, Консультативного комитета[12] или жюри конкурса на звание агреже (*agrégé*)[13]) и людей, обладающих репутацией «влиятельных». В расчёт берутся даже те свойства, которые обычно указываются или разоблачаются как признаки власти. Воспринимаемое в общих чертах «лицо» власти и «сильных мира сего», таким образом, постепенно уступает место аналитической серии различительных признаков обладателей власти и её различных форм, чьё значение, а также вес проясняются в ходе исследования благодаря связывающим их статистическим отношениям. Разрыв с первичной интуицией — результат долгого диалектического процесса, а не своего рода исходный и конечный акт одновременно, как нас убеждают некоторые «инициатические» представления об «эпистемологическом разрыве». В рамках этого процесса преобразованная в эмпирическую операцию интуиция анализирует и проверяет сама себя, порождая всё более обоснованные гипотезы, которые, в свою очередь, будут преодолены благодаря вызванным ими сложностям, ошибкам и ожиданиям[14]. Логика исследования является передаточной шестернёй для больших или малых проблем, заставляющих задуматься над тем, что мы делаем, и позволяющих всё лучше понимать то, что мы ищем, обеспечивая первые шаги на пути к ответу, которые приводят к появлению новых более фундаментальных и эксплицитных вопросов.

Однако было бы крайне опасно довольствоваться этим «учёным незнанием». И я даже сказал бы, что основным достоинством научной работы по объективации является то, что она позволяет (конечно, при условии, что мы способны проанализировать её результаты) объективировать объективацию. Действительно, для исследователя, стремящегося знать, что он делает, код из инструмента анализа превращается в его объект: рефлексивный взгляд переводит объективированный результат работы по кодификации в непосредственно читаемый след, оставленный действиями по построению объекта, в сетку, использовавшуюся при конструировании данных, в систему более или менее согласованных категорий восприятия, которые произвели объект научного анализа, в данном случае — мир «влиятельных преподавателей университета» и их свойств. Совокупность принятых во внимание свойств объединяет, с одной стороны, множество критериев, которые (помимо *имени собственного*, наиболее ценного из всех свойств, когда речь заходит об известном имени) действительно пригодны для использования и реально применяются в повседневной практике для *идентификации* или даже классификации университетских преподавателей (об этом свидетельствует тот факт, что, по большей части, мы рассматриваем уже опубликованную информацию и главным образом формулы самопредставления). С другой стороны, это ряд характеристик, подсказанных в качестве релевантных (и в силу этого конститутивных) практическим опытом самого университетского поля.

Кроме того, рефлексивное обращение к самой операции кодирования обнаруживает все то, что отделяет практические и неявные схемы обыденного восприятия от сконструированного кода, который зачастую лишь повторяет социально гарантированные кодификации, вроде типа диплома или социально-профессиональных категорий INSEE[15], и заодно все, с чем сопряжено — когда речь идёт об адекватном

[12] Консультативный комитет университетов (Comité Consultatif des Universités, CCU) является инстанцией, содействующей правительству в области университетской политики. Кроме того, он контролирует рекрутирование и карьерный рост преподавателей. —*Примеч. пер.*

[13] Так называемая агрегация (agrégation), или конкурс на замещение должности преподавателя лицея или, реже, высшего учебного заведения. Учреждён в 1766 г.; свой современный вид принял в 1885 г. Включает четырёх — семичасовое письменное сочинение и устный экзамен в форме лекции. — *Примеч. пер.*

[14] Я никогда не перестану сожалеть о том, что не сохранил *журнал исследования*, который лучше, чем любые рассуждения, мог бы показать роль эмпирической работы в постепенном осуществлении разрыва с первичным опытом. Тем не менее знакомство со списком использованных источников (см. приложение 1) могло бы дать представление о контролируемом сборе информации, являющемся основным отличием научного знания от обыденного опыта.

[15] Institut national de la statistique et des études économiques (INSEE) — Национальный институт статистики и экономических исследований, аналог Госкомстата. Функцией института является производство и анализ официальной статистики, предназначенной для нужд государственного управления. — *Примеч. пер.*

понимании научной работы и её объекта — осознание этого различия: по сути, любой код, как в смысле теории информации, так и в юридическом смысле (кодекс), предполагает согласие как в отношении конечного множества считающихся релевантными свойств, так и по поводу множества формальных отношений между ними (юридические формулы, согласно М. Веберу, берут в расчёт исключительно общие и однозначные характеристики рассматриваемого случая). Если это верно, то не различать научное кодирование, повторяющее уже существующую в социальной реальности кодификацию, и сборку из разных частей нового критерия, тем самым считая решённым вопрос о его релевантности, который сам может оказаться ставкой в конфликте, и в общем плане уходить от вопроса о социальных условиях и эффектах кодификации значит обречь себя на серьёзные последствия. Одной из наиболее важных характеристик любого свойства, которая упраздняет смешение социально признанных критериев и критериев, созданных исследователем, является степень его кодифицированности; так же как одной из наиболее значимых характеристик поля является степень объективации существующих в нем социальных отношений в публичных сводах правил (кодексах).

Действительно, не вызывает сомнений, что различные свойства, выбранные для конструирования идентичности университетских преподавателей, очень неодинаково используются в обыденным опыте восприятия и оценки предконструированной индивидуальности этих же агентов, очень неравномерно объективированы и, соответственно, в разной степени представлены в письменных источниках. Граница между институционализированными и поэтому зафиксированными в официальных документах свойствами и свойствами, объективированными в незначительной степени или же вовсе не объективированными, является относительно подвижной и меняется в зависимости от времени и обстоятельств (такой научный критерий, как, например, социопрофессиональная категория, может стать критерием практическим при определённой политической конъюнктуре). Таким образом, мы движемся в сторону уменьшения степеней объективации и официальности — от формальных званий, используемых при представлении себя (например, в официальных письмах, удостоверениях личности, визитных карточках и т. д.), вроде университетской должности («профессор Сорбонны») или позиции в структуре распределения власти («декан») или авторитета («член Института»[16]), университетских званий («бывший ученик Высшей нормальной школы»), этих *официальных* характеристик, которые узнаются и признаются всеми и часто идут в паре с формами обращения («господин профессор», «господин декан» и т. д.). Мы движемся к свойствам, хотя и институционализированным, но редко использующимся в официальных классификациях повседневного существования, вроде руководства лабораторией и членства в Высшем совете университета или в приёмной комиссии Высших школ. Наконец, мы достигаем тех часто неуловимых для посторонних знаков, которые определяют так называемый престиж, то есть позицию в строго интеллектуальных или научных иерархиях. В этом случае исследователь постоянно сталкивается с альтернативой либо ввести более или менее искусственные и даже произвольные (по меньшей мере, всегда рискующие быть изобличёнными в качестве таковых) классификации, либо заключить в скобки иерархии, которые, даже если и не существуют в объективированном — публичном, официальном — состоянии, тем не менее постоянно оказываются под вопросом и являются ставками в самой объективности. На самом деле, как будет видно далее, это верно для всех критериев, даже наиболее «бесспорных»; таких, например, как чисто «демографические» показатели, позволяющие тем, кто использует их постоянно, считать свою «науку» естественной[17]. Однако в случае выбора показа-

[16] «Институт Франции», объединение пяти академий. — *Примеч. пер.*

[17] Необходима обстоятельная критика эффекта натурализации, которому особенно подвержена демография. Он придаёт некоторым параметрам (возраст, пол или даже семейное положение) и работам, бесцеремонно ими манипулируя, видимость «абсолютной» объективности. В более общем плане (и тем не менее не надеясь отбить охоту навязчиво воспроизводить работы, стремящиеся свести историю к биологической, географической или любой другой природе) было бы неплохо описать форму, которую принимает этот эффект деисторизации в каждой из социальных наук, начиная с этнологии, когда она воздаёт должное вербальным аналогиям с естественными науками, и заканчивая самой историей,

телей «научного» или «интеллектуального престижа», наименее объективированного из релевантных свойств, мы обнаруживаем, что вопрос о критериях, то есть о принципах иерархизации и легитимной принадлежности, и, точнее, вопрос о различных видах власти и принципах их определения и иерархизации, который исследователь неизбежно задаёт себе по поводу объекта, оказывается поставленным *внутри самого объекта исследования*.

Таким образом, работа по конструированию объекта определяет конечное множество *релевантных свойств*, устанавливаемых гипотетически в качестве *действующих переменных*, чьи вариации связаны с вариациями наблюдаемого феномена. Тем самым она определяет популяцию *сконструированных индивидов*, характеризующихся разной степенью обладания этими свойствами. Эти логические операции производят совокупность эффектов, которые должны быть ясно выражены, дабы избежать их неосознанной регистрации в режиме констатации факта (что составляет основную ошибку объективистского позитивизма). В первую очередь объективация необъективированного — научного престижа, например — стремится произвести, как показано выше, эффект официализации, квазиюридической по своему типу. Так, установление степеней международного признания, основанное на количестве цитат, или разработка индекса вовлечённости в журналистику являются операциями, полностью аналогичными тем, что осуществляются внутри поля производителями хит-парадов[18]. Этот эффект не может остаться незамеченным в пограничном случае свойств, официально или молчаливо исключённых из любых официальных и институционализированных (или даже неофициальных и неформальных) таксономий, таких как религиозная принадлежность или сексуальные предпочтения (гетеросексуальность и (или) гомосексуальность), несмотря на то что эти свойства могут играть определённую роль в практических суждениях и быть связанными с эмпирическими вариациями наблюдаемой реальности (именно такого рода информацию имеют в виду, когда разоблачают «полицейский» характер социологического исследования).

Чтобы увидеть эффекты научной кодификации и, в частности, гомогенизацию статуса, затрагивающую свойства, крайне неравномерно объективированные в реальности, достаточно рассмотреть способ и степень существования в качестве *групп* тех популяций, которые выделяются на основании различных критериев, от возрастных или (вопреки появлению феминистского движения и сознания) гендерных групп до групп нормальенцев[19] или агреже[20], характеризующихся двумя различными способами коллективного существования: при минимальной институциональной поддержке (ассоциации выпускников, ежегодные обеды поступивших в один год, регулярный информационный бюллетень) диплом нормальенца обеспечивает сеть практической солидарности; напротив, звание агреже не предполагает настоящей практической солидарности, связанной с общим опытом, и служит опорой для организации («Общество агреже»), ориентированной на защиту ценности самого звания и всего, с чем эта ценность связана. «Общество агреже» наделено мандатом, который позволяет ему говорить и действовать от

когда она ищет в «неподвижной истории» почвы или климата ту субстанцию, по отношению к которой исторические движения были бы лишь случайностями.

18 Нельзя исключать, что сам научный анализ произведет эффект теории, который сможет изменить привычное видение поля.

19 Студент или выпускник Высшей нормальной школы (École normale supérieure, ENS), которая готовит преподавателей для среднего и высшего образования. Во Франции Высшие школы (*Grandes écoles*), а ENS — одна из них, приравнены к университетам по статусу, но являются более престижными. Так, например, если в университет можно поступить без экзамена, то в Высшие школы поступают по результатам экзамена обычно после двух лет обучения в специальных подготовительных классах. — *Примеч. пер.*

20 Агреже (*agrégé*) — это престижная учёная степень, которая присуждается выпускникам университета после прохождения специального конкурса и дает своим обладателям право преподавать в лицеях, колледжах и на некоторых факультетах университетов. Звание агреже, хотя и не необходимо для занятия преподавательских должностей, является важнейшей составляющей успешной преподавательской карьеры во Франции. — *Примеч. пер.*

лица группы в целом, выражать и защищать ее интересы (например, в ходе переговоров с политической властью).

Эффекты институционализации и гомогенизации, осуществляющиеся через простую кодификацию, и эффекты элементарной формы признания, которым кодификация без разбора наделяет в неравной степени признанные критерии, являются эффектами права. В той мере, в какой эти эффекты действуют без ведома исследователя, они приводят этого последнего к решению «именем науки» того, что не нашло разрешения в реальности. На самом деле степень практического признания различных свойств значительно меняется в зависимости от агентов (а также от ситуации и времени). Некоторые свойства можно выставлять напоказ и публично отстаивать (например, факт сотрудничества с журналом «Le Nouvel Observateur», этот случай не является воображаемым), и они будут восприняты другими, занимающими иные позиции в поле, как стигмы, предполагающие исключение из данного поля. Такие случаи полной инверсии, когда звания, подтверждающие достоинство одних, могут стать знаком бесчестья для других, герб — оскорблением и наоборот, служат напоминанием о том, что университетское поле, как и любое поле вообще, является местом борьбы за определение условий и критериев легитимного членства и легитимной иерархии, то есть тех релевантных, действующих свойств, которые функционируют как капитал и способны приносить специфические прибыли, гарантированные полем. Различные совокупности индивидов (в большей или меньшей степени организованные в группы), определённые этими различными критериями, непосредственно заинтересованы в них: отстаивая их, прилагая усилия для их признания, требуя установить их в качестве легитимных свойств, специфического капитала, они стараются изменить законы образования цен на университетском рынке и тем самым увеличить свои шансы на получение прибыли.

Таким образом, в самой реальности существует множество конкурирующих принципов иерархизации, и определяемые ими ценности являются несоизмеримыми и даже несовместимыми друг с другом, поскольку связаны с конфликтующими интересами. Невозможно просто суммировать такие свойства, как участие в Консультативном комитете университета или жюри конкурса на звание агреже и факт публикаций в издательстве Gallimard или журнале «Le Nouvel Observateur», как, без сомнения, это сделали бы любители индексов. Псевдонаучное создание суммарных показателей лишь воспроизводит полемическую амальгаму, обозначаемую полунаучным использованием понятия «мандарин». Множество критериев, употребляемых научным конструированием в качестве инструментов познания и анализа, даже выглядящие наиболее нейтральными и естественными, вроде возраста, также функционируют в реальности практик как принципы деления и иерархизации (нужно только вспомнить о классификаторском и часто полемическом применении оппозиций: старый — молодой, палео — нео, давний — новый и т. д.) и в этом качестве также являются ставками в борьбе. Иными словами, шанс избежать подмены истины университетского поля теми или иными в разной степени рационализированными представлениями (особенно полунаучными, произведёнными научными кругами о самих себе), рождающимися в борьбе классификаций, есть лишь при условии, что в объект исследования будет включена также операция по классификации, осуществляемая исследователем, и то, как она соотносится с классификациями (функционирующими зачастую как обвинения), которым доверяют себя агенты (и сам исследователь, стоит ему закончить полевую работу).

В действительности именно из-за того что эти две логики не были чётко разделены, в данной области, как и в прочих, социология столь часто стремится предложить под именем «типологий» полунаучные таксономии, которые смешивают ярлыки, произведённые изучаемым сообществом и нередко более близкие к стигме или оскорблению, чем к понятию, и «научные» определения, созданные на базе более или менее обоснованного анализа. Организованные вокруг нескольких типичных персонажей, эти «типологии» не являются ни по-настоящему конкретными, хотя они и были, без сомнения, созданы (подобно «характерам» моралистов) на основе знакомых по собственному опыту фигур или более-

менее спорных категорий, ни действительно сконструированными, хотя они и прибегают к выражениям из жаргона американских *social scientist* (обществоведов), таким как *local, parochial* и *cosmopolitan* (местные и космополиты). Будучи продуктом реалистического намерения описать «типичных» индивидов или группы, конструкты беспорядочно комбинируют различные основания оппозиций, смешивая разнородные критерии — возраст, отношение к политической власти или науке и т. д. В качестве примера можно привести *locals* местных (включающих *dedicated* («полностью преданных институции»), *true bureaucrat, homeguard* и *elders* (подлинных бюрократов, хранителей устоев и ветеранов) и *cosmopolitans* (включающих *outsiders* и *empire builders* (приглашённых, чужаков и поборников империи)), различаемых Алвином У. Гоулднером в зависимости от установок по отношению к институции (*faculty orientations*), инвестиций в профессиональную компетенцию и ориентации вовне или вовнутрь [Gouldner 1957]. Можно также рассмотреть типологию Бертона Кларка, который в каждом из её элементов — в *teacher* (преподавателе), преданном своим студентам; в *scholar-researcher* (исследователе), «полностью увлечённом своей лабораторией химике или биологе»; в *demonstrator* (демонстраторе), своего рода инструкторе, в чьи функции входит передача технических компетенций; в *consultant* (консультанте), «проводящем в самолёте столько же времени, сколько в кампусе» — видит представителя особой культуры [Clark 1963a; 1963b]. Наконец, хотя можно было бы продолжать в том же духе, примером подобного подхода являются шесть типов, выделенных Джоном У. Гастадом: *scholar* (академический работник), считающий себя не служащим, работающим по найму, а свободным гражданином академического сообщества; *curriculum adviser* (методист); *individual entrepreneur* (индивидуальный предприниматель); *consultant* (консультант), находящийся всегда за пределами кампуса; *administrator* (администратор) и ориентированный вовне *cosmopolitan* (космополит) [Gustad 1966].

Едва ли есть необходимость упоминать все случаи превращения понятий-оскорблений или полунаучных стереотипов (вроде *jet sociologist*, «перелётный социолог») в квазинаучные «типы» (*consultant* (консультант), *outsider* (приглашённый), как, впрочем, и все едва различимые знаки, выдающие позицию аналитика в анализируемом пространстве. На самом деле эти типологии пользуются доверием лишь в той мере, в которой они, будучи продуктом схем классификаций, циркулирующих в конкретном социальном пространстве, действуют как серии реальных делений мира объективных отношений (аналогичных тем, которые производит обыденная интуиция), редуцированного таким образом к популяции профессоров университета, препятствуя осмыслению университетского поля как такового и тех отношений, которые связывают его в различные моменты истории и в разных национальных сообществах, с одной стороны, с полем власти, а с другой — с научным и интеллектуальным полем. Если эти типологии (к несчастью, очень распространённые и отлично представляющие то, что зачастую выдаётся за социологию) и заслуживают внимания, то лишь потому, что, переводя вещи на язык, представляющийся научным. Они могут убедить (и не только самих авторов) в том, что открывают доступ к более высокому уровню познания и реальности, тогда как в конечном счёте сообщают меньше, чем непосредственное описание хорошего информанта. Классификации, порождённые скрытым применением принципов видения (*vision*) и деления (*division*), используемых обычно для нужд практики, «подобны тем, которые мы получили бы, попытавшись, по словам Витгенштейна, «классифицировать облака согласно их форме» [Wittgenstein 1964: 181. (цит. по: [Bouveresse 1976: 186)]. Однако видимость зачастую убедительна, и эти описания, лишённые объекта, на чьей стороне логика обыденного опыта и фасад научности, лучше приспособлены для удовлетворения общих ожиданий, чем научные конструкции, которые напрямую сталкиваются с индивидуальностью частного случая, схваченного во всей его сложности, и в то же время гораздо более удалены от непосредственного представления о реальности, данного обыденным языком или его полунаучным переводом.

Таким образом, социальная наука может разорвать с обыденными критериями и классификациями и вырваться из борьбы, в которой они являются одновременно ставкой и средством, лишь в том случае, если она очевидным образом сделает их собственным объектом, вместо того чтобы позволять им тай-

ком проникать в научный дискурс. Мир, который она должна изучать, это объект и, по крайней мере отчасти, продукт конкурирующих и порой антагонистических представлений, претендующих на истину и тем самым на существование. Любые убеждения в отношении социального мира упорядочиваются и организуются исходя из определённой позиции в этом мире, то есть с учётом сохранения или увеличения связанной с этой позицией власти. В мире, который в той же степени, что и поле университета, зависит в своём существовании от представлений, составленных о нем агентами, эти последние могут использовать множественность принципов иерархизации и слабую степень объективации символического капитала для того, чтобы попытаться навязать собственное видение и изменить свою позицию в пространстве, меняя, в той мере, в которой им это позволяет сделать символическая власть, коей они обладают, представления других (и свои собственные) об этой позиции. Нет ничего более показательного в этом отношении, чем предисловия, вступления, преамбулы или введения, часто скрывающие под видом необходимых методологических замечаний более или менее искусные попытки трансформировать в научную добродетель принуждения и особенно границы, вписанные в некоторую позицию и траекторию, и в то же время лишить очарования недоступные добродетели. Так, можно увидеть учёного-эрудита, которого обычно называют «узким специалистом» и который не может не знать об этом (ему на это, без сомнения, указывали множество раз и самыми разными способами с помощью убийственно эвфемизированного языка академических суждений и прежде всего быть может, через авторитетные вердикты, признающие за ним лишь «серьёзность»), старающегося дискредитировать смелость «блестящих» эссеистов и «амбициозных» теоретиков. Что до последних, то они будут прибегать к риторике иронии, чтобы хвалить эрудицию, поставляющую «исключительно полезный материал» для их размышлений. И только в том случае, если действительно почувствуют угрозу гегемонистской позиции, которую себе приписывают, они открыто выразят своё высочайшее презрение к мелочной и стерильной осторожности «позитивистских» болванов[21].

Одним словом, как хорошо видно во время полемик — важнейших моментов постоянной символической конкуренции, — практическое познание социального мира, и особенно противников, подчинено *редукционизму*. Оно использует классифицирующие ярлыки, обозначающие или отмечающие группы и совокупности синкретически воспринимаемых свойств и не позволяющие осознать их собственные основания. Нужно полностью игнорировать эту логику, чтобы ожидать от некоторой техники, вроде техники судей, что она позволит избежать вопроса об инстанциях, уполномоченных легитимировать агенты легитимации (метод судей состоит в опросе группы агентов, рассматриваемых в качестве экспертов, по поводу спорных проблем — например, критериев, релевантных для определения университетской власти или иерархии престижа). Достаточно подвергнуть испытанию эту технику, чтобы увидеть, что она *воспроизводит* логику той самой игры, которую, как предполагается, должна оценивать: различные судьи — и один и тот же судья в разные моменты времени — используют разные и даже несовместимые критерии, воспроизводя, таким образом, но лишь приблизительно, поскольку это происходит в *искусственной ситуации*, логику классифицирующих суждений, производимых агентами в повседневной жизни. Даже самое поверхностное обращение к отношениям между собранными категориями и свойствами тех, кто их формулирует, показывает, что природа полученных суждений предопределена выбором критериев отбора судей, то есть их позицией в пространстве, ещё незнакомом на этой стадии исследования, которая лежит в основании их заключений.

[21] Мы ограничимся этими примерами (немного нереальными из-за их «очищенности»), не имея возможности предоставить исследования отдельных случаев, обреченные показаться полемическим выпадом. Однако лишь они позволили бы продемонстрировать наиболее типичные стратегии этой риторики самолегитимации и показать, что в них находят выражение, чаще всего в высшей степени эвфемизированном (хотя и совершенно прозрачном для людей опытных) виде, родовые и специфические характеристики занимаемой в поле университета, и в том или ином специализированном субполе позиции.

Значит ли это, что у социолога нет иного выбора, кроме как использовать техническую, но также и символическую силу науки для того, чтобы стать высшим судьёй и навязать суждение, которое никогда не может быть полностью свободно от предпосылок и предубеждений, *обусловленных* его позицией в исследуемом поле, или отказаться от власти абсолютистского объективизма, чтобы довольствоваться перспективистской регистрацией существующих точек зрения (включая свою собственную)? В действительности свобода социолога по отношению к довлеющим над ним социальным принуждениям пропорциональна силе его теоретических и технических инструментов объективации и прежде всего, быть может, его способности обратить их, так сказать, против самого себя — объективировать собственную позицию с помощью объективации пространства, внутри которого определяются и его позиция, и его изначальное видение своей и противоположных позиций. Но в то же время эта свобода пропорциональна способности социолога объективировать само намерение объективировать, само желание занять по отношению к миру — и особенно к тому миру, частью которого он является, — суверенную, абсолютную точку зрения, а также его способности работать над тем, чтобы исключить из научной объективации все то, чем она может быть обязана стремлению господствовать, используя инструменты науки. Наконец, эта свобода пропорциональна способности сфокусировать усилие по объективации на диспозициях и интересах, которыми исследователь обязан своей траектории и позиции, а также на собственной научной практике, на предпосылках, предполагаемых её понятиями, проблематикой и всеми этическими или политическими целями, которые связаны с социальными интересами, присущими определённой позиции в поле науки[22].

Когда объект исследования — тот мир, где оно осуществляется, полученные результаты могут быть немедленно реинвестированы в научную работу в качестве инструментов рефлексивного познания социальных условий и границ этой работы, что является одним из основных инструментов эпистемологической бдительности. Быть может, по-настоящему продвинуться в познании поля науки можно лишь при условии использования любого доступного знания, для того чтобы понять и преодолеть препятствия на пути науки, связанные с тем фактом, что исследователь занимает позицию в этом поле — и позицию вполне определённую, — а не для того, чтобы сводить, как обычно и происходит, *доводы* противников к *причинам*, к социальным интересам. Есть все основания полагать, что с точки зрения научного качества своей работы исследователь менее заинтересован в познании интересов других, чем собственных, то есть в познании того, в знании и незнании чего он заинтересован. Таким образом, можно без малейшего подозрения в морализме утверждать, что научная выгода с некоей вероятностью получена в данном случае лишь ценой отказа от выгоды социальной и особенно при условии сохранения бдительности в отношении соблазна использовать науку или её эффекты в попытке одержать социальную победу в научном поле. Другими словами, некоторый шанс внести вклад в науку о власти есть лишь при условии отказа от использования науки в качестве инструмента власти, и прежде всего — в мире самой науки.

Ницшеанская генеалогия, марксистская критика идеологий, социология знания — всё абсолютно легитимные методы, которые стремятся соотнести культурную продукцию с социальными интересами, были, как правило, сбиты с толку эффектом двойной игры, порождённым соблазном поставить науку о борьбе на службу самой борьбе. Такого рода незаконное использование социальной науки (или авторитета, который она может дать) находит своё образцовое — поскольку оно является образцово наивным — воплощение в статье Раймона Будона, выдающей за научный анализ французского интеллектуального поля разоблачение «вненаучного» успеха, которое — едва — скрывает защиту *pro*

[22] Историцистский или социологистский релятивизм, который ссылается на включенность исследователя в социальный мир, чтобы поставить под сомнение его способность достичь внеисторической истины, почти всегда игнорирует включенность в поле науки и связанные с этим интересы, закрывая для себя, таким образом, любую возможность контроля над специфическим опосредованием, через которое осуществляются все детерминации.

domo[23], состоящую в превращении безвестности в добродетель (см.: [Boudon 1981]). Описание, не включающее никакого критического обращения к позиции, исходя из которой оно производится, не может иметь иного основания, кроме интересов, связанных с непроанализированным отношением, поддерживаемым аналитиком с объектом своего анализа. Нет ничего удивительного в том, что основное положение статьи — это не что иное, как социальная стратегия, стремящаяся дискредитировать национальную иерархию знаменитостей, упрекая её в том, что она является исключительно французской, то есть связана с особенностями и своеобразием, которые автоматически отождествляются с архаизмами (вроде литературного склада ума). Эта стратегия старается противопоставить национальной иерархии, которая — неявно — обозначена как отличающаяся от иерархии интернациональной и единственно научной (а тем самым как вненаучная), ту, что считается научной, поскольку представляет собой международной, то есть американскую иерархию[24]. Примечательный факт: эта сциентистская точка зрения не выдерживает никакой эмпирической проверки. Той, например, которая заставила бы заметить, что значительная фракция производителей (как мы увидим далее), господствующая над тем, что в уже довольно старой статье [Bourdieu 1971] я назвал рынком или полем ограниченного производства и что Раймон Будон, всегда заботящийся о внешних признаках научности, называет без всяких ссылок «Рынок I», является также и наиболее признанной на рынке массового производства. Эмпирическая проверка также показала бы, что чаще всего переводятся на другие языки или упоминаются в «Citation Index» (в нем нет ничего специфически французского), как правило, исследователи, обладающие наибольшим признанием в самых вненаучных секторах национального рынка (за исключением таких наиболее традиционных дисциплин, как древняя история или археология, не имеющих ничего особенно «литературного»).

Конструируя конечное и завершённое множество свойств, которые функционируют как действующие силы в борьбе за специфически университетскую власть и которые неравномерно распределены, социолог производит объективное пространство, определённое методически и однозначно (и поэтому воспроизводимое) и несводимое к сумме всех частичных представлений агентов. Таким образом, «объективистская» конструкция, являющаяся условием разрыва с изначальным вúдением и всеми разнородными рассуждениями, смешивающими наполовину конкретное и наполовину сконструированное, ярлык и понятие, позволяет также заново ввести в знание об объекте донаучные представления, составляющие его неотъемлемую часть. Невозможно отделить намерение определить структуру поля университета — пространства с несколькими измерениями, созданного на основе множества видов власти, которые могут в тот или иной момент времени стать действующими в конкурентной борьбе, — от намерения описать находящую в структуре поля своё основание логику борьбы, стремящуюся сохранить или трансформировать эту структуру, переопределяя иерархию видов власти (и, следовательно, иерархию свойств). Даже не принимая организованной формы конкуренции между сознательно мобилизованными или безмолвно солидарными группами, борьба, где критерии и те свойства, о которых они сообщают, оказываются одновременно инструментами и ставками, является несомненным фактом. Исследователь должен включить этот факт в свою модель реальности, а не пытаться его искусственно исключить, вставая в позу арбитра или «стороннего наблюдателя», судьи последней инстанции, который единственный мог бы произвести *правильное ранжирование*, способное примирить всех, расставив все на свои места. Ему следует преодолеть альтернативу объективистского видения объективной классификации (его карикатурным выражением является поиск единой шкалы и суммарных показателей)

[23] В защиту своих личных интересов (*лат.*). — *Примеч. пер.*

[24] Тот факт, что основные тезисы в поддерживающем этот анализ рассуждении (французская иерархия отлична от иерархии международной; международная иерархия — единственно научная; следовательно, французская иерархия вненаучна) остаются в неявном виде даже в тексте с претензией на научность, демонстрирует одно из фундаментальных свойств полемических приемов, наиболее характерных для борьбы внутри интеллектуального поля: опираясь на разделяемые всей группой предпосылки, стратегии очернения, стремящиеся подорвать символический вес конкурентов, действуют более или менее клеветническими *намёками*, которые чаще всего не выдержали бы открытой критики.

и видения субъективистского, или, лучше сказать, *перспективистского*, которое довольствовалось бы констатацией разнообразия иерархий, рассматриваемых как несопоставимые точки зрения. В действительности, как и взятое в целом социальное поле, поле университета — это место борьбы классификаций. Будучи направлена на сохранение или трансформацию состояния силовых отношений между различными критериями и разными видами власти, на которые они указывают, эта борьба вносит вклад в создание объективно фиксируемой в определённый момент времени классификации. Но представление агентов о классификации, как и сила и направление стратегий, которые они могут использовать для его поддержания или разрушения, зависит от их позиции в объективных классификациях[25]. Научное исследование стремится, таким образом, к адекватному познанию как объективных отношений между различными позициями, так и необходимых отношений, устанавливающихся через габитус тех, кто их занимает, между позициями (*position*) и связанными с ними убеждениями, то есть между занимаемой в пространстве точкой и точкой зрения на это пространство, которая является частью его реальности и становления. Другими словами, классификации, производимые научной работой через выделение *областей* в пространстве позиций, это объективное основание классификаторных стратегий, через которые агенты стремятся это пространство сохранить или изменить. И в число этих стратегий нужно включить образование групп, мобилизуемых для защиты интересов их членов.

Требование объединить два вúдения, объективистское и перспективистское, ценой усилий, направленных на объективацию объективации, на создание теории эффекта теории, актуально и по другой причине, несомненно, фундаментальной как с теоретической, так и с политической или этической точек зрения: научное конструирование «объективного» пространства действующих агентов и свойств стремится заменить общее и смутное восприятие популяции «власть имущих» на восприятие аналитическое и рефлексивное, разрушая, таким образом, присущие обыденному опыту неясность и неопределённость. Понять «объективно» мир, в котором кто-то существует, не осознавая логики этого понимания и того, что отделяет её от понимания практического, — значит закрыть себе путь к пониманию того, что делает этот мир пригодным для жизни и жизнеспособным, то есть самой неясности практического понимания. Как в случае обмена дарами, не обладающий истиной о самом себе объективистский анализ не учитывает условия, делающие практику возможной, которые состоят в незнании модели, способной её объяснить. И лишь удовлетворение, доставляемое объективистским вúдением редукционистскому расположению духа, могло бы заставить забыть ввести в модель реальности дистанцию, которая отделяет опыт от объективистской модели и составляет переживаемую истину опыта.

Несомненно, существует не так уж много миров, предоставляющих столько свободы и даже институциональной поддержки играм самообмана и расхождению между переживаемым представлением и истиной позиции, занимаемой в поле или социальном пространстве. Терпимость к этому расхождению на редкость верно отражает среду, которая оправдывает и поощряет все формы *расщепления личности*, иными словами, все способы заставить сосуществовать смутно осознаваемую объективную истину и ее отрицание, что позволяет самым обделённым в отношении символического капитала агентам выстоять в этой борьбе всех против всех, где каждый зависит от всех остальных (являющихся одновременно конкурентами и клиентами, противниками и судьями) в определении своей истины и ценности, то есть своей символической жизни и смерти[26]. Ясно, что эти системы индивидуальной защиты не действова-

[25] Эта борьба необязательно воспринимается в качестве таковой: агент или группа агентов могут быть угрозой влиянию других членов поля просто в силу своего существования (например, навязывая новые способы мышления и выражения, а также благоприятные для собственной продукции критерии оценки), не рассматривая их сознательно в качестве конкурентов и ещё меньше — в качестве врагов и не прибегая к стратегиям, преднамеренно направленным против них.

[26] Необходимо проанализировать процедуры спонтанной семиотики и статистики, с помощью которых складывается практическая интуиция позиции, занимаемой в распределении специфического капитала, и особенно — расшифровку и исчисление ее спонтанных или институционализированных показателей. Также нужно подвергнуть анализу механизмы защиты и отрицания истины — все формы сообществ, обеспечивающих взаимное признание, и все стратегии

ли бы, если бы не встречали поддержки со стороны тех, кого занятие тождественной или гомологичной позиции склоняет к узнаванию в этих жизненно необходимых заблуждениях и иллюзиях выражения упорного стремления сохранить социальное существование, сходное с их собственным.

Многие более или менее институционализированные представления и практики могут быть поняты только как *системы коллективной защиты*. С их помощью агенты находят возможность избежать слишком болезненных сомнений, которые могли бы быть вызваны строгим применением провозглашаемых критериев, например научности или учёности. Так, многообразие шкал оценки (научных или административных, университетских или интеллектуальных) предлагает многообразие путей спасения и форм совершенства, позволяя каждому (с согласия всех) скрывать всем известные истины[27]. Научный отчёт должен принимать во внимание эффекты расплывчатости, порождаемые в самой реальности неопределённостью критериев и принципов иерархизации: например, неточность таких критериев, как место публикации или число посещённых зарубежных коллоквиумов и конференций, связана с тем, что в каждой науке существует сложная и спорная иерархия журналов и издательств, стран и коллоквиумов, а также с тем, что отказавшихся от участия порой трудно отличить от тех, кого не приглашают. Одним словом, было бы серьёзным покушением на объективность не включить в теорию объективную неточность иерархий, которую как раз и стремится преодолеть модель, созданная на основе обязательного учёта показателей научного статуса. Следует спросить себя, не является ли сама множественность иерархий и сосуществование практически несоизмеримых видов власти (научного престижа и университетской власти, внутреннего признания и внешней славы) эффектом своего рода антимонопольного закона, одновременно встроенного в структуры и молчаливо признанного в качестве защиты от результатов последовательного применения официально признанных норм.

Ещё одно проявление этого состоит в том парадоксальном факте, что причисляющий себя к науке мир практически не предлагает институционализированных знаков научного престижа как такового. Несомненно, можно сослаться на Институт и золотую медаль CNRS[28], однако первый из этих знаков отличия, по-видимому, связан с признанием этико-политических диспозиций в той же мере, что и научных достижений, тогда как второй является совершенно исключительным. В рамках той же логики, то есть как уступку, навязанную необходимостью иметь и обеспечивать гарантии защиты от специфических рисков ремесла исследователя, можно понять склонность стольких научных комитетов функционировать в качестве паритетных комиссий[29], а также стратегии, свойственные занимающим подчинённые позиции внутри университетского или научного поля. Суть этих стратегий заключается в использовании способности к универсализации, предоставленной политической или профсоюзной риторикой, для интерпретации гомологии позиций как тождества условий (например, согласно схеме трёх «Р» — *patron* (хозяин), *professeur* (профессор), *père* (отец), — которая произвела фурор в 1968 г.) и для более или менее вынужденного отождествления (во имя солидарности, что никогда не исчезает полностью) друг с другом всех, кто занимает подчинённые позиции во всех возможных полях, позиций

компенсации и замещения, вроде университетского профсоюзного движения и политики. И то и другое открывает доступ к сфере, которая предоставляет благоприятную среду для стратегий двойной идентичности, или двойного языка, поддерживаемых использованием бесконечно растяжимых понятий, вроде «трудящиеся», или переносом словаря и способов мышления, заимствованных из рабочей борьбы.

27 Одна из причин путаницы иерархий заключается в разделении на дисциплины и внутри каждой из них на специальности, которые, будучи иерархизированными, предлагают тем не менее собственные автономные иерархии.

28 Национальный центр научных исследований (Centre national de recherche scientifique, CNRS). Эта институция была основана в 1939 г. Жаном Перреном, нобелевским лауреатом по физике, и ориентирована преимущественно на фундаментальные исследования. Она подчиняется Министерству научных исследований и технологий, располагает собственным штатом сотрудников и обладает автономным финансированием. В общих чертах является аналогом РАН. — *Примеч. пер.*

29 Комиссия, объединяющая представителей рабочих и администрации. — *Примеч. пер.*

и убеждений далёких настолько, насколько удалены друг от друга рабочие средней квалификации завода Renault и работники на временных контрактах CNRS, борьба против увеличения темпов работы и отказ от научных критериев. Необходимо также последовательно описать все случаи, когда политизация функционирует как компенсаторная стратегия, позволяющая уклониться от действия специфических законов университетского или научного рынка: например, все формы политической критики научных работ, позволяющие слабым с научной точки зрения производителям тешить себя и себе подобных иллюзией превосходства над тем, что превосходит их самих. Невозможно понять состояние исторического марксизма (состояние, которое схватывается в реальности его социального использования), не отдавая себе отчёта в том, что он со всеми ссылками на «народ» и «народное» выполняет функцию крайней меры, позволяющей наиболее обделённым с научной точки зрения вставать на позицию политических судей над судьями научными.

Эмпирические индивиды и индивиды эпистемические

Если и существовала необходимость с помощью ретроспективной рефлексии над исследовательскими операциями и произведённым ими объектом выявить *использованные* принципы конструирования, то потому, что эта логическая работа в случае успеха может внести вклад в усиление логического и социологического контроля над письмом и его эффектами и придать бóльшую действенность предостережениям против прочтений, стремящихся разрушить работу по конструированию. Ведь лишь при условии понимания, говоря словами Ф. де Соссюра, того, что делает социолог, можно адекватно прочесть продукт его операций.

Опасность неправильного понимания в процессе передачи научного дискурса о социальном мире проистекает (в самом общем виде) из того, что читатель предрасположен использовать высказывания научно сконструированного языка так, как они функционируют в обыденном употреблении. Это хорошо видно в случае, когда не знающий веберовского различения читатель воспринимает в качестве ценностных суждений социолога *отнесения к ценностям*, встроенные в изучаемый им объект[30]. Когда, например, социолог говорит о «второстепенном факультете», «подчинённой дисциплине» или «нижних областях» университетского пространства, он лишь констатирует *факт оценки*, который пытается объяснить, соотнося его с совокупностью социальных условий его существования. Он может даже видеть в этом факте принцип, объясняющий форму призванных его «опровергнуть» *ценностных суждений* (например, протестов, которые он может вызвать в случае некорректного прочтения). Но это лишь второстепенная, поскольку грубая и в общих чертах заметная, форма непонимания. Наиболее опасный эффект прочтения, как можно заметить в случае имён собственных, заключается в подмене логики научного познания логикой познания обыденного.

Научный дискурс требует научного прочтения, способного воспроизвести операции, продуктом которых является он сам. Однако слова научного дискурса, и особенно те, что обозначают индивидов (имена собственные) или институции (Коллеж де Франс[31]), точно те же, что и слова обыденной речи,

[30] Незнание этого фундаментального различия Вебера встречается не только у непосвящённых. Об этом свидетельствует тот факт, что социологи могут упрекать анализ культурных практик в констатации *факта* меньшей легитимности или нелегитимности культурных практик подчиненных классов (критику этой ошибки см.: [Bourdieu, Chamboredon, Passeron 1968: 76].

[31] Коллеж де Франс (Collège de France) был основан в 1530 г. Франциском I и является престижной институцией в сфере высшего образования. Там читают публичные семинары и лекции, но, поскольку Коллеж не зачисляет студентов, не проводит экзамены и не выдаёт дипломы, он стоит в стороне от основной университетской системы. Назначение профессором в Коллеж де Франс является знаком высшего интеллектуального признания: в свое время там преподавали Раймон Арон, Эмиль Бенвенист, Ролан Барт, Фернан Бродель, Клод Леви-Стросс, Мишель Фуко и сам Пьер Бурдьё (с 1981 г.). — *Примеч. пер.*

романа или истории, тогда как их референты отделены от них благодаря процедурам научного разрыва и конструирования. Так, в повседневной жизни имя собственное производит простую *маркировку* и само по себе почти ничего не значит («Dupont» не обозначает человека моста — *l'homme du pont*), не несёт почти никакой информации об обозначаемом индивиде (за исключением случаев, когда речь идёт о знатном или известном имени или имени, указывающем на определённую этническую принадлежность). Будучи ярлыком, который может произвольно прилагаться к любому объекту, имя собственное обозначает объект, не формулируя, *в чем* заключается его отличие от других объектов. В качестве инструмента распознавания, а не познания оно указывает на *эмпирического индивида*, который воспринимается в целом как особенный, то есть отличный от других, не анализируя при этом самого различия. В противоположность этому сконструированный индивид определяется конечным множеством явно заданных свойств, которое — через системы точно определённых различий — отличается от множества (сконструированного согласно тем же явным критериям) свойств, характеризующих других индивидов. Точнее, имя собственное в рамках научного конструирования находит свой референт не в пространстве повседневности, а в сконструированном пространстве различий, созданном самим определением конечного множества действующих переменных[32]. Так, «сконструированный» Леви-Стросс, о котором рассуждает и которого производит научный анализ, не имеет, строго говоря, тот же референт, что и имя собственное, используемое нами постоянно для обозначения автора «Печальных тропиков». В обыденном высказывании «Леви-Стросс» является означающим, к которому можно применить бесконечное множество предикатов, соответствующих различиям разного порядка и способных выделить французского этнолога не только среди других профессоров, но и среди всех других человеческих существ. И в каждом случае мы будем создавать эти различия, исходя из принципа имплицитной целесообразности, который нам навяжет присущая практике необходимость и срочность. Социологическое конструирование отличается от других возможных (например, психоаналитических) конструирований конечным списком принимаемых во внимание действующих свойств, переменных и бесконечным списком свойств, исключаемых в качестве нерелевантных (по крайней мере, временно). Можно сказать, что переменные вроде цвета глаз или волос, группы крови или роста заключаются в скобки, и всё происходит так, как если бы они не имели отношения к сконструированному Леви-Строссу. Однако, как хорошо видно на диаграмме анализа соответствий[33], где он отличается позицией, занимаемой в сконструированном пространстве, эпистемический Леви-Стросс характеризуется системой различий, которые действуют с разной силой и по-разному связаны друг с другом, различий, устанавливаемых между конечным множеством его свойств, релевантных в рассматриваемом теоретическом мире, и совокупностью конечных множеств свойств, присущих другим сконструированным индивидам. Иными словами, Леви-Стросс определён через позицию, занимаемую им в пространстве, в конструирование которого внесли вклад его свойства (и которое также частично участвует в его определении). В отличие от доксического Леви-Стросса, обладающего бесконечным количеством свойств, эпистемический индивид не содержит ничего, что не поддаётся концептуализации. Но эта прозрачность для самой себя процедуры конструирования является обратной стороной редукции, и прогресс теории как *точки зрения*, как принципа избирательного видения будет обусловлен изобретением категорий и операций, способных включить в теорию предварительно исключённые свойства (например, те, что мог бы сконструировать психоаналитик)[34].

Пространственная диаграмма использует одно из свойств обыденного пространства — внешний характер выделенных объектов по отношению друг к другу, — чтобы воспроизвести логику собствен-

[32] Помимо классических дискуссий логиков об имени собственном и операторах индивидуации (Б. Рассел, П. Гардинер, У. В. О. Куайн, П. Ф. Стросон и др.) и размышлений Леви-Стросса в «Неприрученной мысли», эти проблемы рассмотрены в превосходном анализе Ж.-К. Париента; см.: [Pariente 1973].

[33] Диаграмма дается в приложении 4 к данной книге. — *Примеч. ред.*

[34] Таким образом, можно противопоставить *агента*, определенного через конечное множество действующих в поле свойств, и предконструированного *индивида*.

но теоретического пространства дифференциации, то есть логическую эффективность совокупности принципов дифференциации (факторов анализа соответствий), позволяющих различать индивидов, которые были сконструированы благодаря статистическому анализу свойств, установленных через применение к различным эмпирическим индивидам общего определения, или общей точки зрения, конкретизированной в совокупности тождественных критериев[35]. И лучшей иллюстрацией того, что отличает эпистемического индивида от индивида эмпирического, является тот факт, что в определённый момент анализа можно наблюдать, как некоторые пары эмпирических индивидов (например, Раймон Полэн и Фредерик Делоффр) оказались слиты воедино. Обладая одинаковыми координатами по двум первым осям, они стали *неразличимыми* исходя из точки зрения (которая была тогда точкой зрения аналитика), встроенной в список выбранных на определённом этапе исследования переменных[36].

Этот пример, выбранный мною сознательно, ставит вопрос об эффекте прочтения и опасности возвращения к обыденному познанию как простому узнаванию. Наивное прочтение диаграммы стремится устранить то, что составляет научное достоинство этой конструкции: в теоретическом пространстве различий, сконструированном на основе конечного — и относительно ограниченного — множества явно определённых переменных, подобное прочтение может «распознать» совокупность различий (поскольку это пространство представляет собой их действительное основание), данных эмпирически повседневному опыту, то есть тех, которые первоначально не были приняты во внимание при конструировании вроде различий в политических убеждениях, особенно в мае 1968 г., или — что стоило бы проверить — различий в стилях и работах. Таким образом, любой читатель, обладающий практическим чутьём на расстановку, приобретенным благодаря длительному воздействию закономерностей и правил мира, легко — слишком легко, если забыть условия конструирования, — узнает себя в эпистемическом пространстве, выстроенном с той строгостью и рефлексивной ясностью, которые полностью исключены из обыденного опыта. Это ощущение очевидности становится понятным, если учесть, что диаграмма, как и хорошо составленные карта или план, является моделью известной нам реальности, точнее, реальности, раскрывающейся для нас в повседневной жизни в (завуалированной) форме наблюдаемых, уважаемых, отрицаемых нарушением или снисхождением дистанций; в форме иерархий и превосходства, сходства и несовместимости (стиля, характера), симпатий и антипатий, согласия и враждебности. И на этом основании диаграмма может функционировать в качестве объективированной, *кодифицированной* формы практических схем восприятия и действия, которые направляют практики агентов, наиболее приспособленные к присущей их миру необходимости. По сути, демонстрируемое диаграммой многомерное пространство стремится быть изоморфным представлением университетского поля. Будучи адекватным отображением данного структурированного пространства, оно устанавливает между каждым из агентов и каждым из свойств двух пространств взаимно однозначное соответствие, в результате чего множество отношений между агентами и свойствами этих пространств представляют одну и ту же структуру. Эта выявляемая исследованием структура и есть подлинный принцип существования, по своей сути реляционный, и действий каждого из элементов (и особенно стратегий агентов), а потому — самого будущего элементов и определяющей их структуры отношений.

---

35 О роли пространственно-временных отношений в идентификации индивидов см.: [Srawson 1959].

36 Мы могли бы также вернуться к проблеме пояснения с помощью примеров: не приводит ли выбор Леви-Стросса в качестве примера для иллюстрации сконструированного класса «великих мэтров», определенного через позицию в некоторой области сконструированного пространства (выбор, способствующий или позволяющий читателю вновь ввести свойства эмпирического индивида), к разрушению самих результатов работы по конструированию? Однако ни выбор любого взятого наугад сконструированного индивида, ни, тем более, выбор индивида, обладающего наибольшим количеством типичных для сконструированного класса свойств, который представлял бы, несомненно, не самое плохое воплощение понятия «идеальный тип», не имели бы большего смысла.

Проделанный анализ помогает понять сложность любого научного дискурса о социальном мире; сложность, достигающую крайней степени в случае дискурса, имеющего непосредственное отношение к игре, в которую его автор вовлечён и имеет в ней ставки. Трудно, если вообще возможно, избежать того, чтобы высказывания, содержащие имена собственные или единичные примеры, не обретали полемического значения. Это происходит в силу того, что читатель почти неизбежно подменяет эпистемического субъекта и объект дискурса субъектом и объектом практическим, превращая нейтральное высказывание о сконструированном агенте в перформативное разоблачение эмпирического индивида или, как говорится, в полемику *ad hominem*[37]. Тот, кто пишет, занимает позицию в описываемом пространстве: он знает это, как и то, что это знает его читатель. Он знает, что читатель будет стремиться соотнести предлагаемое им — сконструированное — вúдение с его позицией в поле и свести его к одной из точек зрения, подобной другим. Он знает, что тот увидит в самых незначительных нюансах письма (в каком-нибудь «но», «может быть» или просто времени используемых глаголов) признаки предвзятости. Он знает, что все его усилия, затраченные на производство нейтрального и лишённого всех личных звучаний языка, рискуют оставить лишь впечатление серости, и считает это достаточно высокой ценой за то, что является, в конце концов, лишь некоторой формой автобиографии. И вполне вероятно, что стремление субъекта познания упразднить себя в качестве эмпирического субъекта, исчезнуть за анонимной записью своих действий и результатов заранее обречено на провал. Так, использование парафраза, который заменял бы имя собственное на перечень (частичный) релевантных свойств, кроме того что обеспечивает видимость анонимности, походит на один из классических приёмов университетской полемики, указывающей на противников лишь с помощью аллюзии, намёка или недомолвки, понятных исключительно посвящённым в тайны кода, то есть чаще всего только этим противникам. Таким образом, научная нейтрализация способна придать дискурсу ту дополнительную жестокость, которую обеспечивает сдержанной полемике академической вражды методическое устранение всех внешних признаков насилия. Коротко говоря, составленные из общих слов имена собственные («След в прерии», «Чёрная медведица», «Медвежий жир», «Виляющая хвостом рыба») (см.: [Levi-Strauss 1962: 229, 231; Pariente 1973: 71–79]) на практике не функционируют, что бы ни говорил по этому поводу Леви-Стросс, как акт классификации, приписывающий носителю имя собственное и его свойства, которые обозначены общими терминами, соединёнными в этом имени. Так же и парафраз «профессор этнологии, Коллеж де Франс», стремящийся указать на то, что таким образом обозначенный *агент* не является *индивидом* Клодом Леви-Строссом, имеет мало шансов (без ясного предупреждения) быть прочитанным иначе, чем эвфемистическая замена Клода Леви-Стросса. И, скорее всего, та же судьба ожидает понятия, созданные для обозначения областей теоретического пространства релевантных позиций или в отдельном случае классов индивидов, определённых через принадлежность к одинаковой области сконструированного (благодаря анализу соответствий) пространства. Либо в процессе чтения они оказываются в тени частично охватываемых ими институтов (Коллеж де Франс, Высшая школа социальных наук, Сорбонна и т. д.), либо функционируют как простые *ярлыки*, близкие к реалистичным и широко распространённым в повседневной жизни (особенно в спорах) предпонятиям, которые более или менее бездумно подхватывают авторы «типологий».

Среди прочего, строгое использование наиболее изощрённых техник анализа данных (например, анализа соответствий) предполагало бы совершенное знание лежащих в их основе математических принципов и производимых социологических эффектов, которые являются результатом их более или менее осознанного применения к социологическим данным. Не приходится сомневаться в том, что,

[37] Если бы я не боялся показаться занимающимся нарциссическим самолюбованием, то затронул бы вопрос о влиянии эпистемической точки зрения исследователя на его доксическую точку зрения. Или о практических проблемах, вызванных принадлежностью к эмпирическому пространству, которое стараются подвергнуть объективации: о чувстве предательства, о бесчестной уловке (видеть не будучи видимым), предполагающей и требующей исключения, о боязни открытого столкновения и о страхе телесного контакта «лицом к лицу» («на Зигфрида Леви натыкаются ежеминутно», — говорил Карл Краус) и т. д.

вопреки всем предостережениям «изобретателей», множество пользователей (и читателей) с трудом могут определить действительный эпистемологический статус понятий, разработанных для обозначения факторов или определяемых ими делений. Конечно, эти единства не являются чётко очерченными логическими классами, разделёнными строго проведёнными границами, все члены которых обладали бы *всеми* релевантными характеристиками, то есть конечным числом свойств, в равной степени необходимых для определения принадлежности к классу (таким образом, что обладание одними свойствами не может быть компенсировано обладанием другими). Множество собранных в одной области пространства агентов оказываются объединены тем, что Витгенштейн называет семейным сходством, то есть своего рода общим выражением лица, часто близким к тому, что в смутном и *неявном* виде постигается интуицией вовлечённых в это пространство агентов. И помогающие охарактеризовать эти множества свойства объединены сложной сетью статистических отношений, представляющих собой также отношения *интеллигибельного сходства* (в большей степени, чем логического подобия), которые аналитик должен, насколько это возможно, *сделать явными* и сжать в описание, одновременно стенографическое, мнемотехническое и убедительное.

Ещё одна трудность состоит в том, что выбор способа письма осложняется обыденным употреблением — особенно традицией, заключающейся в использовании «измов» в качестве эмблем или эвфемизированных оскорблений, то есть чаще всего в качестве имён собственных, обозначающих эмпирических индивидов или группы. Обозначение определённого класса с помощью понятия оказывается, таким образом, сведённым к акту *номинации*, подчиняясь обычной для такого рода операций логике. Дать имя — и имя уникальное — индивиду или группе индивидов значит принять по отношению к ним одну из возможных точек зрения и стремиться навязать её в качестве единственной и легитимной. Это видно в случае *прозвища*, которое в отличие от обычного имени собственного само по себе обладает значением и функционирует наподобие имени собственного у Леви-Стросса. Ставкой символической борьбы является монополия на легитимную номинацию, на господствующую точку зрения, которая, заставляя признать себя в качестве легитимной, скрывает свою истину частной перспективы, связанной с определённым местом и временем[38]. Таким образом, чтобы избежать возобновления полемики, стоило бы подумать об обозначении каждого из секторов пространства определённым набором понятий, способных напомнить о том, что каждая из областей пространства может быть рассмотрена и выражена по определению лишь в отношении к другим областям, а также о том, что на практике — и её необходимо включить в теорию — каждая из областей является объектом различных и даже антагонистических номинаций в зависимости от той точки в пространстве, исходя из которой она воспринимается. Назвать индивида или группу так, как они себя называют («император», «знать»), значит *признать* их, признать в качестве господствующих, согласиться с их точкой зрения и принять в их отношении точку зрения, полностью совпадающую с той, что они принимают в отношении самих себя. Однако им можно также дать иное имя — имя, данное им другими, и особенно их врагами, и отвергаемое ими как оскорбление или клевета («узурпатор»). Наконец, их можно назвать *официальным* именем, данным формальной и признанной легитимной инстанцией, то есть государством, обладателем монополии на легитимное символическое насилие (социопрофессиональные категории INSEE). В этом отдельном случае у социолога, являющегося одновременно судьёй и одной из сторон в процессе, мало шансов добиться признания за собой монополии на номинацию. В любом случае эти обозначения, скорее всего, тут же начнут функционировать в рамках обыденной логики, и когда речь зайдёт о нем самом или о его группе, читатель будет интерпретировать их как враждебные, чуждые и, следовательно, как оскорбительные. И напротив, он будет присваивать их и обращать в свою пользу, все так же используя в качестве оскорблений и средств полемической агрессии, когда они производят объективацию других — чужаков, находящихся вне группы (*out group)*.

[38] Тем, кто считает этот анализ личной точкой зрения, я лишь напомнил бы о том месте, которое вполне логично занимают все стратегии, стремящиеся увеличить *влияние* или подорвать влияние других (клевета, очернение, похвала и критика в различных смыслах и т. д.), в мире, где основным капиталом является *капитал символический*.

Для того чтобы бороться против таких прочтений и препятствовать сведению инструментов обобщённой объективации к орудиям объективации частичной, необходимо постоянно выбирать (вопреки опасности для коммуникации, требующей простых и постоянных обозначений) методический парафраз, производящий полное перечисление релевантных свойств, либо использовать самые «синоптические» понятия, обладающие наибольшей способностью актуализировать систему отношений и описывать ее объективно, то есть с точки зрения внешнего наблюдателя[39]. Кроме того, следовало бы обратиться к эпистемической полиномии, способной адекватно выразить различные аспекты, в которых одно и то же множество свойств может быть определено через его *объективное* отношение к другим множествам, и к полиномии эмпирической (к разнообразию имён, действительно используемых для обозначения одних и тех же индивидов и групп, и тем самым к разнообразию аспектов, в которых индивид или группа предстаёт перед другими индивидами или группами), коя должна напомнить нам, что борьба за навязывание легитимной точки зрения является частью объективной реальности[40].

Необходимо, мне кажется, обладать твёрдой позитивистской уверенностью для того, чтобы разглядеть в этих вопросах научного письма самодовольный пережиток «литературной» диспозиции. Забота о контроле над собственным дискурсом, иными словами — над его рецепцией, заставляет социолога использовать научную риторику, которая необязательно является риторикой научности: он должен навязать научное прочтение, а не веру в научность того, что читают, или навязать эту последнюю лишь в той мере, в какой вера в неё — часть непроговариваемых условий научного прочтения. Научный дискурс отличается от *вымысла* (например, от романа, признающего себя более или менее открыто дискурсом придуманным и условным) тем, что он, как отмечает Джон Сёрл, *имеет в виду* то, что говорит, принимает то, что говорит всерьёз, и согласен взять на себя за это ответственность, то есть в случае необходимости признать ошибку [Searle 1982: 101–119][41]. Однако это отличие располагается не только на уровне иллокутивных интенций, как считает Сёрл. Рассмотрение всех черт дискурса, призванных обозначать доксическую модальность высказываний (убеждать в истине того, что говорится, или, напротив, напоминать о том, что речь идёт о видимости), несомненно, показало бы, что роман может прибегать к риторике истинности, а научный дискурс — к риторике научности, которая предназначена производить лишь фикцию науки, внешне соответствующую представлению поборников «нормальной науки», разделяемому ими в конкретный момент, о дискурсе, который социально признан ответственным за то, что утверждает.

Хотя истина и не обладает силой сама по себе, социально признанная научность является важной ставкой, поскольку существует сила веры в истину, веры, которая производится видимостью истины: в борьбе представлений, социально признанное в качестве научного (то есть истинного) представление, обладает собственной социальной силой, и в случае социального мира наука даёт её обладателю или тому, кто кажется таковым, монополию на легитимную точку зрения, на самоисполняющееся пророчество. Именно потому, что наука содержит возможность этой собственно социальной силы, она *неизбежно оспаривается*, когда речь заходит о социальном мире. Заключающаяся в ней угроза насилия с необходимостью приводит к появлению стратегий защиты, особенно со стороны обладателей светской

[39] Может случиться так, что наиболее «синоптическое» понятие будет ассоциировано с эмпирической точкой зрения (как в понятии «мелкобуржуазный»). В таком случае необходимость установления различия между эпистемическим использованием и обыденным становится ещё более настоятельной.

[40] О полиномии, методически используемой в «Дон Кихоте» для выражения множественности возможных точек зрения на одну личность, см.: [Spitzer 1962].

[41] Сама история искусства и литературы, где каждая новая система конвенций делала явной истину предыдущей, то есть её произвольный характер, перекликается с работой романистов вроде Алена Роб-Грийе и Робера Пенже, особенно в «Апокрифе» («L'apocryphe»). Напоминая о том, что было фальшивого в договоре между романистом и читателем и особенно о сосуществовании явного вымысла и эффекта реальности, они учреждают вымысел в качестве вымысла, вплоть до объявления вымышленной той реальности, где этот вымысел в действительности создавался.

власти и тех, кто является их союзниками и занимает гомологичные позиции в поле культурного производства. Самая распространённая стратегия состоит в сведении эпистемической точки зрения, хотя бы частично свободной от социальных детерминаций, к точке зрения доксической путём её соотнесения с позицией исследователя в поле. Но те, кто осуществляет подобную редукцию, не замечают, что эта стратегия дисквалификации состоит в признании самого намерения, которое определяет социологию науки, а также не обращают внимание на то, что эта стратегия была бы оправданной лишь в том случае, если бы противопоставляла научному дискурсу более строгую науку о границах, связанных с условиями его производства[42].

Важность социальных ставок, связанных в случае социальных наук с социальными эффектами научности, объясняет, почему риторика научности может играть здесь решающую роль. Любой дискурс о социальном мире, претендующий на научность, должен считаться с состоянием представлений, касающихся научности и норм, которые он должен практически соблюсти для того, чтобы произвести *эффект науки* и достичь тем самым символической эффективности и социальных прибылей, связанных с соответствием её внешним формам. Таким образом, этот дискурс обречён быть размещённым в пространстве возможных дискурсов о социальном мире и заимствовать часть своих свойств из объективного отношения, которое связывает его с этими дискурсами (особенно с их стилем) и в рамках которого определяется (в значительной степени независимо от воли и сознания авторов) его *социальная ценность*, его статус как науки, фикции или фикции науки. В живописи, как и в литературе, искусство, называемое реалистичным, это всегда лишь искусство, способное произвести эффект реальности, то есть эффект соответствия реальности, основанный на совпадении с социальными нормами, согласно которым в данный момент времени опознают то, что согласуется с реальностью. Сходным образом дискурс, называемый научным, может быть дискурсом, который производит эффект научности, основанный на, по меньшей мере, видимом соответствии нормам, по которым распознают науку. Именно в рамках этой логики так называемый научный или литературный стиль играет определяющую роль: подобно тому как в другую эпоху профессиональная философия в процессе учреждения себя утверждала свою претензию на строгость и глубину, особенно в случае Канта, через стиль, определённый через оппозицию к светской легковесности и фривольности (и, напротив, как хорошо показал Вольф Лепенис, Бюффон скомпрометировал свои претензии на научность излишним вниманием к изящному стилю), социологи, чья избыточная забота о хорошем языке могла бы поставить под угрозу их статус научных исследователей, могут более или менее сознательно стремиться к отличию, отвергая литературное изящество и воспроизводя внешние атрибуты научности (графики, статистические таблицы и даже математический формализм и т. д.).

Фактически позиции в пространстве стилей строго соответствуют позициям в поле университета. Так, например, поставленные перед альтернативой писать или слишком хорошо, что может обеспечить литературные прибыли, но поставит под угрозу эффект научности, или писать плохо, что может произвести эффект строгости и глубины (как в философии), но в ущерб светскому успеху, географы, историки и социологи выбирают стратегии, соответствующие (независимо от индивидуальных вариаций) их позициям. Занимающие центральную позицию в поле социальных и гуманитарных наук, а значит, ровно посередине между этими двумя системами требований, историки, присваивая обязательные атрибуты научности, оказываются, как правило, очень внимательными к своему письму. Географы и социологи обнаруживают больше безразличия в отношении литературных качеств, однако первые, обращаясь к нейтральному стилю, демонстрируют подобающую их позиции диспозицию смирения. В плане выражения этот стиль является эквивалентом эмпирицистского отречения, к которому географы, как

[42] Утверждение, что лишь научная критика может оспаривать научный труд, заставит защитников прав эссеизма кричать о терроризме. И социолога, таким образом, будут обвинять то в том, что он слишком слаб и его легко опровергнуть, то в том, что он слишком силен и неопровержим.

правило, приговаривают себя сами. Что же до социологов, то они часто выдают свои претензии на гегемонию (изначально вписанные в контовскую классификацию наук), заимствуя, одновременно или попеременно, наиболее влиятельные риторики из двух полей, с которыми вынуждены себя соотносить, то есть математическую риторику, часто используемую в качестве внешнего признака научности, и философскую, нередко сведённую к эффектам лексики[43].

Знание социального пространства, где осуществляется научная практика, и универсума возможностей, стилистических или иных, по отношению к которым определяются ее выборы, ведёт не к отказу от научных амбиций и самой возможности познания и выражения того, что существует, а к усилению (через осознание и ту бдительность, которой оно благоприятствует) способности познавать реальность научно. На самом деле это знание приводит к вопросам гораздо более радикальным, чем все инструкции по безопасности и меры предосторожности, предписываемые методологией так называемой нормальной науке и позволяющие достичь ценой небольших усилий научной респектабельности: в науке, как и в других областях деятельности, серьёзность является типично социальной добродетелью. Отнюдь не случайно обладание ею приписывают в первую очередь тем, кто своим стилем жизни, как и стилем работ, гарантирует предсказуемость и просчитываемость, свойственные людям, которых полагают ответственными, солидными и остепенившимися. Так, например, основательность будет в первую очередь к лицу всем чиновникам от нормальной науки, устроившимся в ней, словно в официальной резиденции, и склонным принимать всерьёз лишь то, что заслуживает вдумчивого отношения (и прежде всего самих себя), то есть то, что подлежит учёту и на что можно рассчитывать. На социальный характер этих требований указывает тот факт, что они касаются исключительно внешних проявлений научной добродетели: разве наибольшие символические прибыли не достаются довольно часто тому типу фарисеев от науки, которые умеют украсить себя наиболее заметными знаками научности (например, подражая процедурам и языку более продвинутых наук)? Подчёркнутое соответствие формальным требованиям нормальной науки (критерии значимости, расчёт вероятности ошибки, библиографические ссылки и т. д.) и внешнее уважение необходимых, но недостаточных, минимальных предписаний — эти собственно социальные добродетели, в которых узнают себя сразу все обладатели социальной власти в области науки, — гарантируют руководителям больших научных бюрократий научную респектабельность, не имеющую ничего общего с их реальным вкладом в науку. Институциональная наука стремится установить в качестве модели научной деятельности рутинизированную практику, в которой решающие с научной точки зрения операции могут осуществляться без рефлексии и критического контроля, поскольку кажущаяся безупречность наблюдаемых процедур — к тому же часто поручаемых исполнителям — отклоняет любой вопрос, способный поставить под сомнение респектабельность учёного и его науки. Именно по этой причине, не будучи сциентистской формой притязаний на абсолютное знание, социальная наука, вооружённая научным знанием о своих социальных детерминациях, является наиболее сильным оружием против «нормальной науки» и позитивистской *самоуверенности*, которая представляет собой самое опасное социальное препятствие на пути прогресса науки.

---

[43] Это не значит, что собственно литературный поиск не может найти научного оправдания. Так, например, как отмечает Г. Бейтсон по поводу этнологии, выразительность стиля является одним из необходимых условий научного успеха, когда речь заходит об объективации релевантных характеристик определенной социальной конфигурации и о передаче принципов систематического восприятия исторической необходимости. Когда историк Средневековья с помощью языка воскрешает в памяти изоляцию и разорение крестьян, запертых на островках обработанной земли и оставленных на произвол всевозможных ужасов, он, прежде всего, стремится донести до читателя в словах и через слова, способные произвести эффект реальности, обновлённое видение, которое он должен передать, вопреки понятиям-экранам и автоматизму мышления, чтобы достичь верного понимания своеобразия каролингской культуры. То же самое можно было бы сказать и о социологе, который вынужден чередовать тяжеловесность понятийного аппарата, неотделимую от конструирования объекта, и поиски выражений, предназначенных воссоздать сконструированный и единый опыт определенного стиля жизни или способа мышления.

Маркс считал, что время от времени некоторым индивидам удавалось настолько освободиться от предписанных им в социальном пространстве позиций, что они обретали способность постичь это пространство в его целостности и передать своё вúдение тем, кто ещё оставался пленником структуры. В действительности же социолог может утверждать, что произведённое в рамках его исследования знание преодолевает общепринятые представления, не претендуя при этом на своего рода абсолютное вúдение, способное схватить тотальность исторической реальности. Выстроенное исходя из перспективы, отличной как от частичной и пристрастной точки зрения вовлечённых в игру агентов, так и от абсолютной точки зрения божественного наблюдателя, научное вúдение представляет собой наиболее систематическое обобщение, которого можно достичь при данном состоянии инструментов познания с помощью объективации (настолько полной, насколько это возможно) и исторической реальности, а также работы по обобщению. Тем самым социальная наука делает реальный шаг на пути, конечной точкой которого является *focus imaginarius* Канта, этот воображаемый первоисточник, позволяющий в основе своей выстроить законченную *систему*. Однако собственно научная интенция может мыслить его лишь как идеал (или регулятивную идею) практики, способной приблизиться к нему лишь при условии отказа от притязаний немедленно занять его место.

Таким образом, мы возвращаемся к исходному пункту — к работе над собой, которую должен осуществить исследователь, чтобы попытаться объективировать все, что связывает его с объектом исследования. Эту же работу должен заново проделать в отношении себя читатель для того, чтобы постичь социальные основания более или менее нездорового интереса, привнесённого им в чтение. Необходимо последовательно открыть все коробки, внутри коих оказываются заперты исследователь и большая часть читателей — тем более надёжно, чем менее они хотят знать об этом, — рискуя в противном случае универсализировать частную точку зрения и представить более или менее рационализированную форму бессознательного, связанного с позицией в социальном пространстве. Иными словами, необходимо обратиться к структуре поля власти и к тому отношению, которое с ним поддерживает поле университета в целом; проанализировать, насколько позволяют это сделать эмпирические данные, структуру университетского поля и позицию, занимаемую в нём различными факультетами. И наконец, необходимо исследовать структуру каждого факультета и позицию, занимаемую в нём различными дисциплинами. Мы сможем вновь вернуться (см. главу 3), хотя и в сильно изменённой форме, к главному вопросу нашего исследования об основаниях и формах власти в поле гуманитарных факультетов в преддверии 1968 г. лишь тогда, когда более точно определим (см. главу 2) позицию первоначального объекта во взаимосвязанных социальных пространствах, а вместе с тем и позицию самого исследователя, являющегося их частью, и соответствующие ей проницательность и слепоту. Сделав набросок университетского поля в целом и структуры поля социальных и гуманитарных наук, которые в силу их центральной позиции в пространстве университета и из-за самого разделения на гуманитарные и социальные науки позволяют с особенной ясностью увидеть напряжения, порождённые усилением естественных наук и учёных-естественников (напряжения, присущие всему полю университета в целом и каждому факультету в отдельности), мы далее сможем задать истории релевантные вопросы и попытаться вновь ухватить детерминанты и логику трансформаций, в чьих пределах наблюдаемое состояние структуры представляет лишь один из моментов. Рост числа студентов и сопутствующее ему увеличение числа преподавателей глубоко изменили расклад сил внутри поля университета и каждого факультета, особенно отношения между должностями и дисциплинами, которые сами были в неравной степени затронуты трансформациями иерархических отношений. Это происходило вопреки всем объективно направляемым (но не согласованным преднамеренно) действиям, с помощью оных профессора пытались обеспечить защиту своего корпуса (см. главу 4). Морфологические изменения выполняют в данном случае (так же как и в поле литературы) роль посредника: через них история, чьё влияние механизмы воспроизводства стремятся исключить, вторгается в поля — *открытые* пространства, вынужденные черпать извне необходимые для их функционирования ресурсы и в силу этого рискующие

стать местом столкновения независимых каузальных серий, которое и производит событие, то есть историю *par excellence*[44] (см. главу 5).

Данная попытка наметить структурную историю недавней эволюции системы образования ставит проблему письма, касающуюся использования времён в языке, и тем самым эпистемологического статуса дискурса. Нужно ли во имя относительной специфичности документов и использованных анкет, их чётко заявленных ограничений в социальном пространстве и времени отказываться от придания дискурсу того общего характера, который выражается трансисторическим настоящим научного высказывания? Это было бы равносильно отказу от самого проекта любого интеллектуального предприятия, стремящегося «погрузиться» в историческую единичность для того, чтобы извлечь из неё трансисторические инварианты (оставляя привилегию вневременных обобщений эссеистам или компиляторам, не обременённым никаким иным историческим референтом, кроме прочтённых книг и личного опыта). В отличие от «времён плана речи» (часто это настоящее время), предполагающих, согласно Бенвенисту, «говорящего и слушающего, и намерение первого определённым образом воздействовать на второго», и, совсем как аорист[45], «историческое время в собственном смысле слова», которое, опять же согласно Бенвенисту, объективирует «событие, отделяя его от настоящего» и «исключает какую бы то ни было автобиографическую языковую форму» [Benveniste 1966: 239, 242, 245, 249][46], всевременное (*omnitemporel*) настоящее научного дискурса обозначает объективирующую дистанцию, не отсылая к прошлому, связанному с определённым местом и временем. На этом основании оно подходит для научного отчёта, представляющего *структурные инварианты*, которые могут наблюдаться в качестве таковых в различных исторических контекстах и функционировать в том же мире как ещё действующие *константы*. Между прочим, именно это присутствие в настоящем (понятом как то, что находится на кону) делает социологию наукой для рассказывания историй (или, как говорят англичане, дискуссионной *(controversial),* то есть предполагающей диспут, диалог), и тем более, чем в большей степени она развита: очевидно, что нам легче признать за историком объективность и нейтральность учёного, поскольку, как правило, мы безразличны к тем темам, играм и ставкам, которые он затрагивает. При этом следует помнить, что хронологическая дистанция по отношению к настоящему не является хорошей мерой исторической дистанции, то есть дистанции, превращающей факт или событие в историю, в историческое прошлое. Нельзя забывать о том, что принадлежность к настоящему как *актуальности*, то есть к миру агентов, объектов, событий и идей, которые хронологически могут принадлежать прошлому или настоящему, но на деле — *участвовать в игре* (следовательно, практически *актуализирующихся* в рассматриваемый промежуток времени), определяет разрыв между ещё «живым», «обжигающим» настоящим и «мёртвым, похороненным» прошлым, как и те социальные миры, для которых это прошлое было ещё в игре, актуально, актуализировано, было действующим и претерпевающим воздействие.

Таким образом, настоящее время, по-видимому, настоятельно необходимо для описания всех механизмов или процессов, которые вопреки поверхностным изменениям (особенно касающимся словаря: «президент» вместо «декан», «UER[47]» вместо «факультет» и т. д.) все ещё являются частью исторического настоящего, так как продолжают осуществлять своё воздействие. Рассматривая предельный случай, мы, несомненно, можем, обсуждая дорогой Фоме Аквинскому принцип разъяснения, употреблять

44 Преимущественно (*франц.*). — *Примеч. пер.*

45 Аорист — временная форма глагола, выражающая законченное действие, совершенное в прошлом (простое, или нарративное прошедшее). Использовался во многих древних языках; в том числе широко употреблялся в церковнославянском, но в деловом и разговорном языке стал выходить из употребления уже в XII веке, замещаясь простым прошедшим с глаголом совершенного вида. — *Примеч. пер.*

46 Цит. по: Бенвенист Э. 1974. *Общая лингвистика*. М.: Прогресс; 272, 276.

47 UER (Unités d'enseignement et de recherche) — учебно-исследовательское подразделение. После университетской реформы 1969 г. университеты, которые были огромными агломерациями немногочисленных сильных факультетов, реорганизуются путём создания незначительного числа небольших полуавтономных подразделений. — *Примеч. пер.*

настоящее время так же долго, как долго в неподвижном времени университетской жизни диссертации и все другие формы дискурса будут организовываться согласно триадическим делениям и подразделениям схоластической мысли. Даже аисторичная модель в высшей степени исторического события, кризиса как синхронизации различных социальных времён может быть описана во всевременном настоящем в качестве единственного в своём роде завершения серии всевременных эффектов, наложение которых производит исторический момент.

Настоящее время также подходит для описания всего того, что, будучи верным во время исследования, остаётся таковым на момент чтения или того, что может быть понято, исходя из закономерностей и механизмов, установленных на основе исследования. Соответственно, разрыв примерно в 20 лет между моментом исследования и моментом публикации даст возможность каждому проверить (с учётом изменений, произошедших в этом промежутке времени, и того, что они предвещают), позволяет ли предложенная модель, и в частности — анализ трансформаций силовых отношений между дисциплинами и между должностями, объяснить проявившиеся после исследования феномены, которые труднее ухватить систематическим образом и которые здесь лишь упоминаются. Я думаю о появлении новых видов власти, особенно профсоюзов, которые стремятся довести до последних пределов процесс, запущенный изменением способа рекрутирования ассистентов и старших преподавателей, давая тем, кто был нанят в результате изменения способа рекрутирования, возможность контролировать набор младшего преподавательского состава, что может приводить в определённых случаях к фактическому исчезновению категорий отбора, использовавшихся при прежнем способе рекрутирования, нормальенцев или агреже[48]. И разве можно не заметить, что противоречие между новым способом рекрутирования и прежним способом карьерного продвижения (тот, кто был нанят по-старому, защищён прошлым, которое он, в свою очередь, стремится сохранить, и предрасположен блокировать на подчинённых позициях тех, кто был рекрутирован по-новому) лежит в основании множества попыток оказать давление, протестов и институциональных трансформаций, стремящихся, особенно под эгидой политических изменений, упразднить различия, связанные с первоначальными несходством школьной и университетской траектории (отменяя дистанцию либо между должностями, либо между званиями, дающими к ним доступ)?

Наконец, следовало бы собрать разные предостережения против искажающего прочтения, которые содержит этот анализ, и в то же время уточнить их настолько, чтобы они превратились в ответы *ad hoc*, то есть в большинстве случаев в аргументы *ad personam*[49]: на самом деле есть все основания полагать, что прочтение научной реконструкции вариаций и инвариантов будет меняться, как и опыт реальной истории, сообразно отношению читателя к прошлому и настоящему университетской институции. Постижение в данном случае затрудняется лишь тем, что в каком-то смысле нам всё очевидно и мы *не желаем* ни видеть, ни знать того, что понимаем. Самое лёгкое может быть также и самым трудным, поскольку, как говорил где-то Витгенштейн, необходимо преодолеть затруднение не интеллекта, а воли. И социология, которая благодаря своему положению лучше прочих наук подходит для того, чтобы определить границы «внутренней силы истинной идеи», знает, что противопоставленная истине сила сопротивления будет очень точно соответствовать тем затруднениям воли, которые она могла бы преодолеть.

---

48 Понятно, что переопределение подчинённых должностей и связанных с ними педагогических интересов нужно рассматривать в контексте не только трансформаций социальных и образовательных характеристик преподавателей, но и условий занятия ремеслом, на которые повлияли изменения социального качества и количества студенческой публики. Таким образом, описание должности и отношения к ней (вроде того, что будет предложено ниже), неизбежно берущее в качестве критерия для сравнения и понимания прежнее состояние системы, стремится подчеркнуть признаки рассогласования и описывать негативным образом практики и интересы, порождённые новым спросом.

49 Персонально (*лат.*). — *Примеч. пер.*

Литература

Benveniste E. 1966. *Problèmes de linguistique générale*. Paris: Gallimard; см. также рус. пер.: Бенвенист Э. 1974. *Общая лингвистика*. М.: Прогресс.

Boudon R. 1981. L'intellectuel et ses publics: les singularités française. In: Reynaud J.-D., Grafmeyer Y. (ed.) *Français qui êtes-vous?* Paris: la Documentation française; 465–480.

Bourdieu P. 1971. Le marché des biens symbolique. *L'Année sociologique*, 22: 49–126; см. также рус. пер.: Бурдьё П. Рынок символической продукции. Пер. с франц. Е. Д. Вознесенской. *Вопросы социологии*. 1993. № 1–2: 49–62; 1994. № 5.

Bourdieu P., Chamboredon J.-C., Passeron J.-C. 1968. *Le métier de sociologue*. Paris: Mouton.

Bouveresse J. 1976. *Le mythe de l'intériorité*. Paris: Editions de Minuit.

Bouvresse J. 1984. *Le philosophe chez les autophages*. Paris: Editions de Minuit.

Clark B. 1963. Faculty Culture. In: Tyler R. W., Lunsford T.F. (*eds) The Study of Campus Culture*. Boulder, CO: Western Interstate Comission for Higher Education; 39–54.

Clark B. 1963. Faculty Organization and Authority. In: Lunsford T. F. (ed.) *The Study of Academic Administration*. Boulder, CO: Western Interstate Comission for Higher Education; 37–51.

Couteau-Begarie H. 1983. *La phénomène nouvelle histoire*. Paris: Economica.

Gillispie C. C. 1980. *Science and Policy in France at the End of the Old Regime*. Princeton: Princeton University Press.

Gouldner A. W. 1957. Cosmopolitan and Locals: toward an Analysis of Latent Social Rules. *Administrative Science Quarterly.* 2 (Decembre): 281–307.

Gustad W. J. 1966. Community Consensus and Conflict. *The Educational Rec*ord. 47: 439–451.

Levi-Strauss C. 1962. *La pensée sauvage*. Paris: Plon.

Pariente J.-C. 1973. *Le langage et l'individuel*. Paris: A. Colin.

Schorske C. E. 1980. *Fin-De-Siècle Vienna: Politics and Culture*. New York: Alfred A. Knopf.

Searle J.-R. 1982. *Sens et expression. Etudes de théorie des actes de langage*. Paris: Editions de Minuit.

Spitzer L. 1962. Linguistic Perspectivism in the Don Quijote. In: Spitzer L. *Linguistic and Literary History. Essays in Stylistics*. New York: Russell and Russell; 42–85.

Srawson P. F. 1959. *Les individus*. Paris: Seuil; 1–64.

Wittgenstein L. 1964. *Philosophishe Bemerkungen*. Oxford: B. Blackwell.

NEW TRANSLATIONS

Pierre Bourdieu

Homo Academicus

BOURDIEU, Pierre (1930–2002) — outstanding French sociologist.

Abstract

In this book, Bourdieu explains how the academic world is constituted. Seeking foundations and forms of power in the humanitarian field, he analyzes the evolution experienced by the higher education system in France leading up to 1968. Bourdieu maps the university field and discusses how it relates to the structure of the power field in general. He also analyzes the structure of the university field and positions that different departments take within it, and he scrutinizes the structure of each department and positions that different scientific fields take within it. Additionally, he is interested in how social hierarchies and academic careers of scholars—from Foucault, Derrida, and Lacan, to figures who are lesser known—are made. In his mapping of the university world, Bourdieu applies constructivist and structuralist approaches.

The Journal of Economic Sociology publishes the first chapter "A Book for Burning?" where Bourdieu discusses the methodological foundations of his research, reflecting on opportunities and restrictions for a sociologist that he meets when studying the social world to which he belongs. Bourdieu looks to solve the epistemic issues that a sociologist encounters in the sphere of his responsible work on constructing the object and subject.

Keywords: reflexive sociology; higher education; university world; intellectual culture; social hierarchy; power and knowledge.

References

Benveniste E. (1966) *Problèmes de linguistique générale* [Problems of General Linguistics], Paris: Gallimard (in French).

Boudon R. (1981) L'intellectuel et ses publics: les singularités française [The Intellectual and His People: French Singularities]. *Français qui êtes-vous?* [French, Who are You?] (ed. J.-D. Reynaud, Y. Grafmeyer), Paris: la Documentation française, pp. 465–480 (in French).

Bourdieu P. (1971) Le marché des biens symbolique [The Market for Symbolic Goods]. *L'Année sociologique*, vol. 22 , pp. 49–126 (in French).

Bourdieu P., Chamboredon J.-C., Passeron J.-C. (1968) *Le métier de sociologue* [The Craft of Sociology], Paris: Mouton (in French).

Bouveresse J. (1976) *Le mythe de l'intériorité* [The Myth of Interiority], Paris: Editions de Minuit (in French).

Bouvresse J. (1984) *Le philosophe chez les autophages* [The Philosopher in Autophages]. Paris: Editions de Minuit (in French).

Clark B. (1963) Faculty Culture. *The Study of Campus Culture (eds.* R. W. Tyler, T. F. Lunsford), Boulder, CO: Western Interstate Comission for Higher Education, pp. 39–54.

Clark B. (1963) Faculty Organization and Authority. *The Study of Academic Administration* (ed. T. F. Lunsford). Boulder, CO: Western Interstate Comission for Higher Education, pp. 37–51.

Couteau-Begarie H. (1983) *La phénomène nouvelle histoire* [The Phenomenon of New History], Paris: Economica (in French).

Gillispie C. C. (1980) *Science and Policy in France at the End of the Old Regime*, Princeton: Princeton University Press.

Gouldner A. W. (1957) Cosmopolitan and Locals: Toward an Analysis of Latent Social Rules. *Administrative Science Quarterly*, vol. 2, Decembre, pp. 281–307.

Gustad W. J. (1966) Community Consensus and Conflict. *The Educational Record*, no 47, pp. 439–451.

Levi-Strauss C. (1962) *La pensée sauvage* [The Savage Mind], Paris: Plon (in French).

Pariente J.-C. (1973) *Le langage et l'individuel* [Language and the Individual], Paris: A. Colin (in French).

Schorske C. E. (1980) *Fin-De-Siècle Vienna: Politics and Culture*. New York: Alfred A. Knopf.

Searle J.-R. (1982) *Sens et expression. Etudes de théorie des actes de* langage [Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts], Paris: Editions. de Minuit.

Spitzer L. (1962) Linguistic Perspectivism in the Don Quijote. *Linguistic and Literary History*. New York: Russell and Russell, pp. 42–85

Srawson P. F. (1959) *Les individus* [Individuals], Paris: Seuil, pp. 1–64 (in French).

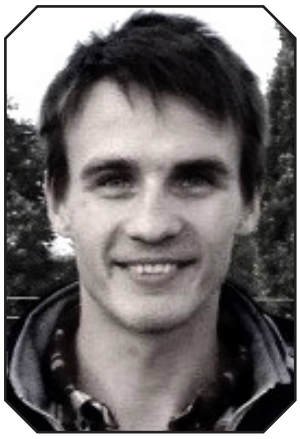
Wittgenstein L. (1964) *Philosophishe Bemerkungen*, Oxford: B. Blackwell.

Received: September 2, 2017.
Citation: Bourdieu P. (2017) Homo Academicus [Homo Academicus]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 18, no 4, pp. 91–119. doi: 10.17323/1726-3247-2017-4-91-119 (in Russian).

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

В. А. Аникин

Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки[1]



АНИКИН Василий Александрович — кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. Старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Адрес: 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5.

Email: vanikin@hse.ru

Работа посвящена генезису теории человеческого капитала, её операционализации и внутреннему развитию. На широком материале классических и современных исследований показано, как изменения в экономиках развитых стран приводили к развитию теории человеческого капитала и расширению индикаторов этого понятия. Дана периодизация становления теории человеческого капитала. Автор предлагает пять этапов: (1) доиндустриальный период (вплоть до XVIII века); (2) этап массового обучения (XIX — первая половина XX века); (3) позднеиндустриальный этап (1960–1970-е гг., собственно период оформления ядра теории человеческого капитала); (4) первый постиндустриальный этап (1980–2000-е гг.); (5) второй постиндустриальный этап, или современный период (2000–2010-е гг.). В работе представлена критика узкой трактовки теории человеческого капитала, до сих пор доминирующая в работах экономистов. Опираясь на наработки теории человеческого потенциала, автор актуализирует необходимость рассмотрения человеческого капитала в контексте национального развития, а также более активного перехода к широкой трактовке понятия «человеческий капитал», тем более что это предусматривает ядро данной теории. Показано, что традиционная трактовка человеческого капитала только как совокупности знаний и навыков не просто не соответствует текущей ситуации в экономике, но и может оказаться крайне вредной для общества, если будет принята за основу государственной политики по его формированию и наращиванию. Данное исследование может быть полезно как экономистам, так и социологам, заинтересованным в индикаторах человеческого капитала, а также в оценках его роли в социально-экономическом развитии страны.

Ключевые слова: человеческий капитал; образование; квалификация; навыки; мотивация; интеллектуальная экономика; социально-экономическое развитие; модернизация.

Проблема устойчивого развития общества в условиях ограниченных ресурсов и глобальной конкуренции упирается в реализацию трёх базовых условий: (1) успешный технологический прорыв; (2) широкая инициатива населения в области развития своего потенциала, (3) устойчивый эконо-

[1] Статья подготовлена в ходе проведения исследования «Развитие человеческого капитала в Российской Федерации», выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в 2017 г. Автор выражает признательность Н. Е. Тихоновой, а также двум анонимным рецензентам за неоценимый вклад их замечаний на стадии подготовки данного текста.

мический рост. Обеспечение решения этих задач сводится к проблеме перехода к новой социально-экономической формации — экономике постиндустриального типа, успешное развитие которой строится на производительности человека, встраивании его талантов, знаний, компетенций и т. д. в национальную хозяйственную систему. Будущее нашей страны будет зависеть от того, насколько успешно Россия справится с задачей перевода экономики с рентоориентированного пути на рельсы интенсивного развития, основанного на использовании всего многообразия и богатства человеческого капитала (ЧК) нации и его конкурентных преимуществ. Сегодня проблематика человеческого капитала стоит во главе угла публичного дискурса в России. Необходимо понимать, что концепция человеческого капитала имеет богатую традицию изучения, в своём становлении она прошла несколько этапов. При выработке политических решений в условиях обозначенных вызовов крайне важно апеллировать именно к современным трактовкам концепции человеческого капитала.

Доиндустриальный этап (вплоть до XVIII века): традиционные формы диффузии образования и знаний

Инвестиции в рабочую силу были распространены в экономике ещё задолго до перехода к современному (постиндустриальному) этапу развития, однако их нельзя было отнести к инвестициям в ЧК. Несмотря на то что экономисты уже в XVII–XVIII веках уделяли особое внимание монетарной ценности населения [Petty 1899 (1691)], человек и его знания не осознавались экономическим сообществом как специфический актив производства. Основных внутренних причин этого было две — преимущественно *аграрный уклад хозяйственной системы* и соответствующий ей *традиционалистский характер общественных отношений*, доминировавших в Европе в то время.

Отсутствие массового спроса со стороны реальной экономики препятствовало восприятию фундаментального знания как двигателя производства. Широкие массы населения долгое время оставались безграмотными, а передача компетенций осуществлялась преимущественно в рамках цеховой системы от отца к сыну в течение всей жизни [Castel 1995]. Несмотря на то что цеховая система позволяла производить достаточно уникальные и сложные блага, в отсутствии массового и устойчивого спроса на них, с одной стороны, и разделения труда, с другой, она не смогла сформировать широкого спроса на образование. Долгое время система обучения на рабочем месте оставалась неформальной частью рабочего процесса. Такая ситуация приводила к избыточности неквалифицированной рабочей силы, во-первых, и к накоплению узкоспецифических навыков, во-вторых, что в целом сдерживало развитие национальных систем человеческого капитала.

Традиционалистский характер общественных отношений препятствовал тиражированию уникальных знаний и компетенций. Развитие фундаментального образования фактически ограничивалось целями накопления сакрального знания узкими категориями населения (клириками) в стенах традиционных университетов Европы (Болонского, Оксфордского, Падуанского и др.). Университетское образование в Европе на протяжении многих столетий носило теологический характер, а его диффузия жёстко контролировалась католической церковью и королевской властью. Помимо прочего, Церковь и государство активно охраняли свою монополию на истину, что на практике отражалось в использовании институтов Церкви для формирования и поддержания ценностно-нормативного консенсуса среди населения. Знания и компетенции рассматривались, скорее, не как актив, а как качества личности, что в Средневековье приводило к печальным эпизодам физического преследования инакомыслия, поскольку возникала угроза социетальному целому, примат которого по отношению к индивидуальному в традиционалистских обществах также рассматривался как сакральное благо, данное обществу «свыше».

Этап массового обучения (XIX — первая половина XX века): предпосылки зарождения концепции человеческого капитала

На протяжении длительного времени труд не являлся дефицитным благом, оставаясь избыточным товаром даже на этапе ранней индустриализации. Несмотря на то что ещё в XIX веке о «полезных способностях человека» говорил А. Смит, о человеке и знаниях как важнейших в будущем компонентах производительных сил — К. Маркс и др., человек и его знания не осознавались экономическим сообществом как специфический актив производства ещё долгое время, вплоть до конца XIX — начала XX веков, а знания работников были востребованы в очень ограниченном масштабе.

Рабочая сила в массе своей не была тогда дифференцирована, так как существовавшие рабочие места в подавляющем большинстве случаев не предъявляли высоких требований к уровню образования и квалификации работников, да и сами они не испытывали нужды в накоплении знаний в условиях механизации ручного труда и его разделения на отдельные простейшие функции. На ранних этапах индустриализации рабочему требовался относительно короткий промежуток времени, чтобы освоить функционал своего рабочего места, что происходило обычно неформально, без отрыва от производства; тем самым отчасти воспроизводилась доиндустриальная практика ремесленных гильдий, когда опыт и необходимые знания передавались от отца к сыну непосредственно в процессе производства[2].

Поскольку большинство получаемых на рабочем месте навыков носили универсальный характер, а сами работники были легко заменяемы и восполняемы, работодатели не ценили трудовые ресурсы, которыми располагали. Более того, они использовали ситуацию избыточности рабочей силы и распространённости безработицы как преимущество в переговорном процессе с рабочими, устанавливая низкие ставки заработной платы и увеличивая трудовую нагрузку. Труд воспринимался исключительно как органический аналог машины, только более легкозаменяемый.

Другими словами, в этот период ценилась *простая способность к труду работников*, а не потенциал их личности, связанный с их талантами и накопленным знанием. В связи с этим экономическую целесообразность имели те инвестиции в работников, которые обеспечивали воспроизводство их простой способности к труду, а именно — пропитание и жильё. Как общая черта ранней индустриализации это прослеживалось и в промышленной Англии (например, массовое строительство жилья для рабочих фабрик Манчестера[3]), и в дореволюционной России (строительство владельцами предприятий фабричных поселков, ставшее с конца XIX столетия общей тенденцией среди российских фабрикантов[4]). Однако эти «социальные инвестиции» не были стратегическими вложениями в человека и его развитие, скорее, наоборот — они с размахом воспроизводили гильдейские практики [Rosenberg, Birdzell 1986].

Несмотря на то что движение за массовое образование начало развиваться достаточно рано — в XIX веке США и в первой половине XX века в России, — вложения в образование не сразу стали осознаваться как часть инвестиционной стратегии. Причины этого в России и в США были разные. Как и во всем мире, в России к 1920-м гг. образование и грамотность играли заметную роль в обеспечении

---

2 Стоит отметить, что в некоторых странах, например, в современной Индии неформальное ученичество от отца к сыну до сих пор является одной из наиболее распространённых форм «инвестиций» в ЧК среди значительной массы работников.

3 См. подробнее: [Thompson 1963].

4 Достаточно вспомнить фабричные школы фабриканта Н. Красильщикова. Вместе с тем, создание разнообразной образовательной инфраструктуры, преимущественно в промышленно развитых районах России было обязано в немалой степени также с образовательными инициативами самих рабочих, которые стремились овладеть знаниями, позволявшими им не столько работать на новом уровне эффективности, сколько удовлетворять растущие духовные потребности [Чугунов 2001].

экономического развития, что повысило интерес к экономической оценке эффективности вложений в человека [Струмилин 1966]. В советские годы экономисты разграничивали капитальные и текущие затраты на работника, который по мере роста своей квалификации все больше осознавался как ограниченный ресурс наряду с денежным капиталом, технологиями и природными ресурсами. Однако, несмотря на это, развития теории ЧК в советские годы в нашей стране не происходило. Люди не платили за своё образование, что затрудняло осознание инвестиционных аспектов ЧК, а отсутствие рынков (труда и ЧК) и последовательная приоритизация советскими плановиками традиционного капитала в ущерб человеческому делали это осознание окончательно невозможным [Диденко 2015].

В США и странах Западной Европы ситуация начала быстро меняться по мере технологического развития промышленности и перехода экономики к поточному производству и инновационному предпринимательству, основанному не только на новых комбинациях знаний, ресурсов, оборудования и проч., но и на специфической форме *социальной активности*, осуществляемой в целях получения прибыли от реализации инновации и коммерциализации новшеств [Schumpeter 2008 (1934)]. Как результат с конца XIX — начала XX века идёт формирование современных институтов профессиональной подготовки, которая всё больше формализуется и наряду с общеобразовательными программами становится под крыло государственного регулирования. Цель таких институтов — обеспечение нужд экономики в квалифицированных работниках на зрелых этапах индустриального развития. В ряде капиталистических стран возрастание «полезных способностей» квалифицированной рабочей силы на производстве сопровождалось бесплатным или оплачиваемым работодателем медицинским обслуживанием и системой охраны труда, тоже оплачиваемой работодателем.

По мере резкого, начавшегося уже после Первой мировой войны возрастания роли знаний, умений, навыков и квалификации в экономике всё больше экономистов стали говорить об уровне образования населения страны как об особом ресурсе, без которого невозможно её дальнейшее развитие[5]. Однако целостной концепции ЧК тогда ещё не сложилось, хотя объективно экономика уже испытывала потребность в новом источнике и объекте инвестиций. Печальным итогом этой неудовлетворённой потребности явилась Великая депрессия в США, ставшая ярким маркером нисходящего макроэкономического цикла и технологической стагнации — затянувшегося на десятилетие системного кризиса, выйти из которого страна смогла только в 1939–1941 гг., с началом Второй мировой войны, в результате активного наращивания военных госзакупок, сопровождавшихся мощным потоком инвестиций в фундаментальную науку и инновации. Практически неограниченный доступ к квалифицированной рабочей силе за счёт массовой эмиграции из воюющей Европы обеспечил США бурный рост промышленного производства, и в послевоенные годы США стали крупнейшим в мире производителем промышленных товаров.

Несмотря на взятый во многих странах мира курс на массовизацию образования, послевоенный рост США обеспечивался не столько массовым образованием и широким использованием результатов этого образования[6], сколько монопольным участием государства и благоприятной внешней конъюнктурой. Однако этот рост быстро завершился, что показало уязвимость экстенсивного пути развития, а также модели роста, основанной на монополии государства. Стало очевидно, что предыдущий этап индустриализации исчерпал ресурсы экстенсивного развития как в технологическом, так и в социально-экономическом отношении. К 1950-м гг. наметилась дифференциация производительных сил по образовательному и квалификационному уровню, что привело к зарождению новых социальных групп,

5 В связи с этим стоит отметить работы А. Маршалла в Англии и С. Струмилина в России.

6 Уровень образованности среди взрослого населения США в 1940–1950-х гг. оставался ещё достаточно скромным. Так, по данным переписи США, в 1940 г. только 10% взрослого населения (25 лет и старше) закончили хотя бы один год обучения в колледже (и 13% — в 1950 г.). Для сравнения: в 2014 г. таких стало почти 59% (см. подробнее: U.S. Census Bureau, Population Age 25 and over by Education Attainment: 1940–2015; URL: https://www.census.gov/en.html).

урбанизированных работников нефизического труда, занятых во вновь создаваемых государственных и корпоративных бюрократиях. Эти группы стали массово предъявлять требования к переходу к новой модели развития, которая учитывала бы их интересы.

Позднеиндустриальный этап (1960–1970-е гг.): технологический прорыв и ядро теории человеческого капитала

В 1960-х гг. экономики США и других промышленно развитых стран столкнулись с проблемой перехода к новому технологическому укладу и соответствующей ему фазе общественного развития. В условиях роста международной конкуренции и высоких цен на энергоносители остро встала также проблема нахождения внутренних факторов устойчивого роста и поступательного социально-экономического развития.

Инвестиции в традиционные формы капитала (природные богатства, физические средства производства, технологии, финансовый капитал) сами по себе были больше не способны гарантировать устойчивый экономический рост в долгосрочной перспективе, а также обеспечить успешный переход к новому типу социума. Для технологического прорыва понадобились новые формы собственности и осознание важности новых нематериальных факторов производства. Именно в этот период сложилось и было окончательно облечено в концептуально осязаемые формы понимание *ценности работника и разнообразных аспектов его знаний и навыков* как фактора конкурентоспособности страны и устойчивого экономического роста, а на личном уровне — роста личного благосостояния за счёт отдачи на инкорпорированные активы человека, прежде всего — его человеческий капитал.

Именно в это время в недрах интеллектуальных элит США зарождается и проходит становление классическая теория человеческого капитала (ЧК), которая была призвана обосновать роль человека как ключевого фактора производства в эпоху поздеиндустриального развития. Становление теории ЧК связано с именами экономистов Чикагской школы, являющихся последователями методологического индивидуализма. Это нобелевский лауреат Г. Беккер [Becker 1962], Т. Шульц [Schultz 1960; 1961] и Я. Минсер [Mincer 1958; 1962][7], считавшие, что индивиды аккумулируют знания, будучи движимы прежде всего стремлением к максимизации полезности при удовлетворении стабильного набора предпочтений в области образования и просвещения. Однако эти выдающиеся представители неоклассической экономической школы, по сути, представили нечто большее, чем просто теорию ЧК. Ими была предложена целая исследовательская программа, научно обосновывающая инвестиции в человека. Совершив мировоззренческий сдвиг в понимании проблемы устойчивого развития, эта парадигма мышления до сих пор остаётся одной из самых продуктивных не только в современной экономической науке, но и в области государственной политики.

К инвестициям в ЧК эти авторы относили любые вложения в человека, понимаемые как активность по улучшению человеческих способностей и направленные на повышение экономических возможностей людей. К основным формам этой активности, а по сути, к индикаторам ЧК, уже на самом раннем этапе разработки концепции ЧК авторы относили следующее [Schultz 1961]: (1) расходы на медицину, здоровье и питание, которые продлевают ожидаемую продолжительность жизни человека, прибавляют ему физических сил и жизненной энергии; (2) повышение квалификации на рабочем месте, что предусматривало в том числе традиционные формы ученичества и обучения на рабочем месте, организуемые работодателями; (3) систему образования разных ступеней, в частности школьное, а также начальное, среднее и высшее профессиональное; (4) дополнительные образовательные программы для взрослых, которые организованы не работодателем.

[7] Особенностью методологического индивидуализма является тезис о том, что все социальные явления должны исследоваться через их основания в индивидуальном поведении; см.: [Blaug 1992: 209].

Стоит отметить, что Т. Шульц [Schultz 1981] и другие исследователи [Behrman, Deolalikar 1988] показали, что инвестиции в медицину, здоровье и еду являются ключевыми для развивающихся стран и менее актуальными для развитых стран, в то время как для этих последних первостепенную важность имели (прежде всего в 1960–1970-х гг.) инвестиции именно в образование. Таким образом, теория человеческого капитала, хотя и понимает инвестиции в человека максимально широко [Becker 1993], первоначально всё же была сфокусирована именно на инвестициях в образование. Необходимость сужения теории ЧК до образования, с одной стороны, и акцент на инвестиционной функции образования и расходов на него, с другой, диктовались текущей социально-экономической ситуацией в развитых странах, и прежде всего в США. Необходимость в квалифицированном труде по мере роста промышленного производства многократно возросла, в то время как возможности инвестиций в ЧК оставались ограниченными в силу слаборазвитой системы государственной поддержки дополнительного и основного образования, которое в США «требовало больших вложений ресурсов» [Schultz 1960: 571], а также высокой стоимости медицинских услуг.

Соответственно, основные издержки на образование и медицину ложились на плечи населения и работодателей (что было показано в более поздних исследованиях ЧК). Изначальный фокус на инициативах индивида был связан с оценкой их возможностей удовлетворить потребности экономики в более высоком уровне образованности, то есть в образовании, знании и умениях универсального характера, которые могли бы транслироваться и использоваться на разных рабочих местах в рамках существующей специальности. Инвестиции в такое образование стали рассматриваться как вложения в *общую* часть ЧК (общий человеческий капитал). В то же время инвестиции в дополнительное образование, навыки и умения, вызванные необходимостью сформировать узкоспециализированные компетенции для выполнения конкретных обязанностей на занимаемом рабочем месте, которые едва ли можно было использовать в случае смены места работы, стали относить к инвестициям в *специфический* ЧК.

Разделение ЧК на общий и специфический стало одной из фундаментальных черт теории ЧК (см. подробнее: [Becker 1962; 1993]), определившей фарватер для последующих исследований. Это разделение позволило объяснить, почему работники с ярко выраженными специфическими навыками реже склонны менять работу, и последними подлежат сокращениям в случае закрытия компаний или их реструктуризации. Так, было установлено, что надбавка работникам с более развитым специфическим ЧК, а также практика соинвестирования в специфический ЧК отражаются на большей стабильности занятости для таких работников [Oi 1962]. В Нобелевской речи Г. Беккер говорил о том, что концептуальное разведение ЧК на общий и специфический позволило понять, почему большая часть кадровых назначений происходит из кадрового резерва работников самой организации (объясняя это тем, что персоналу требуется время на изучение организационной структуры и производственной культуры определённого коллектива), а также о том, почему лучшие практики финансового аудита и моделирования относят специфический ЧК работников к числу наиболее значимых нематериальных активов фирмы, предполагая, что инвестиции в специфический для фирмы набор знаний и умений продуцирует ренты не только для работодателей, но и для работников [Becker 1993].

Учитывая разную ценность специфического и общего ЧК для работников и работодателей и высокую значимость общего ЧК для общества в целом, теоретикам ЧК было важно определить место ЧК в системе экономического поведения индивидов и понять, как инвестиции в ЧК и отдельные его компоненты соотносятся с будущим монетарным доходом индивидов (хотя в работах упоминались и немонетарные отдачи на ЧК [Becker 1993]). При этом расходы на ЧК оценивались как затраты на инвестиции, которые способны приносить отдачу владельцу ЧК в виде совокупности благ, оцениваемых в монетарном эквиваленте. Размер этих инвестиций, согласно классической теории ЧК, должен быть не более дополнительного дохода, который индивид получает вследствие накопленного образования в виде рент на произведённые в своё образование инвестиции. *Таким образом, теория ЧК обосновала экономиче-*

ский механизм вложений в человека, показав, что разница в доходах может носить меритократический смысл, являясь следствием более эффективных индивидуальных стратегий [Blaug 1992]. *Если раньше разница в оплате труда объяснялась через занятость на рабочих местах разного качества (на «плохих» и «хороших» рабочих местах), то теперь предполагалось, что наиболее существенный фактор — это то, сколько ресурсов работники вложили в своё образование и формирование специфических компетенций* [Becker 2009].

Опираясь на общее суждение о том, что для любого процесса требуется время [Becker 1965], Г. Беккер, вслед за своими коллегами [Mincer 1958], а также в соответствии с принятой в государственной статистике США нормой изначально предложил измерять ЧК через количество лет, потраченное на обучение[8]. Последующие исследования подтвердили правильность такого выбора (по крайней мере, для США), показав, что ценность времени, потраченного на обучение, является самой главной мерой инвестиций в человеческий капитал среди молодёжи и взрослого населения, причём даже среди тех, чьи реальные или потенциальные заработки не превышают среднего уровня [Becker 2002]. Тем не менее сам Г. Беккер признавал, что годы, потраченные на обучение, изначально не рассматривались им как показатель ЧК, а лишь как переменная, позволяющая объяснить рост заработной платы у американских мужчин, который не мог быть объяснён расовыми различиями. Беккер не сразу пришёл к пониманию того, что количество лет обучения может выступать индикатором более фундаментального явления, описываемого теорией ЧК [Becker 2009], которой суждено было изменить традиционный взгляд на рынок труда и основания успешного экономического развития в позднеиндустриальную и постиндустриальную эпохи.

Существенный вклад в эмпирическую проверку теории ЧК и отдачи на него внёс Я. Минцер, что было отмечено Г. Беккером и в его Нобелевской речи (1992 г.). В работе, ставшей классической [Mincer 1974], расширены границы эмпирического измерения ЧК (см.: [Becker, Chiswick 1966]); в состав его индикаторов включены, помимо количества лет обучения, ещё и потенциальный опыт на рынке труда, измеряемый в количестве лет работы, прошедших со времени окончания обучения, как «грубый, но очень полезный измеритель трудового стажа и показателя повышения квалификации на рабочем месте» [Becker 1993: 393]. Минцер предложил моделировать натуральный логарифм доходов как функцию от количества лет обучения и лет, которые человек мог потенциально проработать на рынке труда (возраст за минусом количества лет, потраченных на обучение, и ещё шести лет, то есть дошкольного возраста). В наиболее часто используемых модификациях уравнения Минцера (функции заработков от инвестиций в ЧК) логарифмы зарплат моделируются как сумма линейной функции количества лет обучения и квадратичной функции количества лет потенциального трудового стажа, что соответствует традиционной спецификации уравнения Минцера:

$$log\ Y = log\ Y_0 + rS + b_1T + b_2T^2,$$

где Y — это трудовые доходы (Y_0 — уровень заработков человека без образования и опыта); S — количество лет обучения и T — продолжительность потенциального трудового стажа. В последующих исследованиях с применением этого уравнения было показано, что эффекты образования очень сложно отделить от возраста и отдача от образования сначала увеличивается (причём у менее образованных работников рост доходов менее выражен, чем у более образованных), однако с возрастом этот эффект затухает. Последующие исследования выявили разные нормы отдачи от образования для разных возрастных когорт.

[8] Стоит отметить, что Бюро переписи населения США традиционно использует данные по количеству лет обучения у взрослого населения в возрасте 25 лет и выше как индикатор образованности нации.

Сам Я. Минцер использовал микроданные; со временем его уравнение стало основой эмпирических исследований детерминант трудовых доходов [Lemieux 2006] и наиболее популярным эмпирическим уравнением в микроэкономике [Becker 1993]. В различных спецификациях это уравнение оценивалось на тысячах различных баз данных для широкого круга стран и на разных временных периодах.

Опыт применения его для изучения развивающихся стран показывает, что на сравнительно ранних этапах индустриализации инвестиции в общую составляющую ЧК, связанные с начальным и средним образованием, являются не только приоритетными, но и приносят наибольшую отдачу [Psacharopoulos 1994]. Это примерно соответствует раннему этапу развития классической теории ЧК, которая начинала с индивидуальных стимулов к инвестициям в образование вообще и их отражения в индивидуальном доходе. Однако, осознав социальную значимость ЧК [Lange, Topel 2006], *современные исследования изучают также социальную отдачу* от *инвестиций в образование, которая измеряется уже не через разницу в доходах, а через различия в уровнях производительности*. Важно отметить и то, что при измерении социальной отдачи от образования авторами признается необходимость оценки экстерналий получения того или иного уровня образования, которая может заключаться в трансляции выпускниками различных ступеней системы образования разнообразных выигрышей в пользу других за счёт своей более высокой образованности [Psacharopoulos 2014]. Учёт размера этих экстерналий в оценке социальной отдачи от различных уровней образования очень важен, поскольку при прочих равных может существенно влиять на политические решения касательно формы и размера поддержки структур тех или иных образовательных уровней.

Первый постиндустриальный этап (1980–2000-е гг.): рост неравенств и диверсификация трактовок человеческого капитала

По мере того как происходило развитие классической теории ЧК, мир претерпевал достаточно существенные изменения, которые проявляли себя в четырёх тенденциях [Grusky 2001]: (1) бурное развитие сектора услуг и, как следствие, становление, начиная с1970-х гг., сервисной экономики [Bell (1973) 1999; Powell, Snellman 2004]; (2) разрыв в спросе (и, как следствие — в оплате) квалифицированного и неквалифицированного труда в индустриально развитых странах с конца 1970-х гг.;(3) экспансия среднего специального и высшего образования, а также усиление значения теоретического знания в процессе перехода к новому технологическому укладу и возрастающей роли высококвалифицированного труда [Castells 2010]; (4) изменение роли образовательных дипломов и степеней, а также сертификатов повышения квалификации как новых форм собственности [Wright 1997], ставших основой оценки качества ЧК и результатом формирования своего рода системы технологической экспертизы и сертифицирования знаний, их измерения и приведения к единому стандарту.

В 1970-х гг., с экспансией среднего специального и высшего образования, стали активно появляться как экономические, так и социологические работы, рассматривающие проблему избыточной образованности населения [Berg 1970; Kalleberg, Sørensen 1973; Freeman 1976; Collins 1979]. Под сомнение попала теория ЧК в постиндустриальном обществе [Duncan, Hoffman 1981; Sicherman 1991; Rubb 2003; Tåhlin 2007]; на эмпирическом материале развитых стран доказывалось, что по мере компьютеризации и автоматизации необходимость в увеличении рабочей силы со средним специальным и высшим образованием отпадёт, рынок среднего и высшего образования перегрет, в результате чего отдачу на ЧК получают не все [Verhaest, Omey 2006].

Экспансия образования, хотя и породила известный скепсис в отношении теории ЧК, отвечала, как оказалось, требованиям новой экономики, что было зафиксировано международной статистикой, данные которой свидетельствуют в пользу теории ЧК. Так, спрос со стороны экономики на образование не просто рос темпами, опережающими предложение ЧК со стороны населения и системы основного и

дополнительного образования, он ещё и дифференцировался, что нашло отражение в оплате труда (см. рис. 1). Это отразилось в неуклонном росте занятых в отраслях, предполагающих использование труда высокой квалификации (на 45% в 1980–2000-х гг.), а также в росте в структуре ВВП доли оплаты труда занятых в этих отраслях (с 30 до 35%)[9]. Этой статистике вторят данные по США, согласно которым с начала 1990-х гг. средние уровни отдачи от среднего специального образования и, в особенности, от высшего образования продолжали расти, несмотря на общий рост образованности работающего населения [Becker, Hubbard, Murphy 2010].

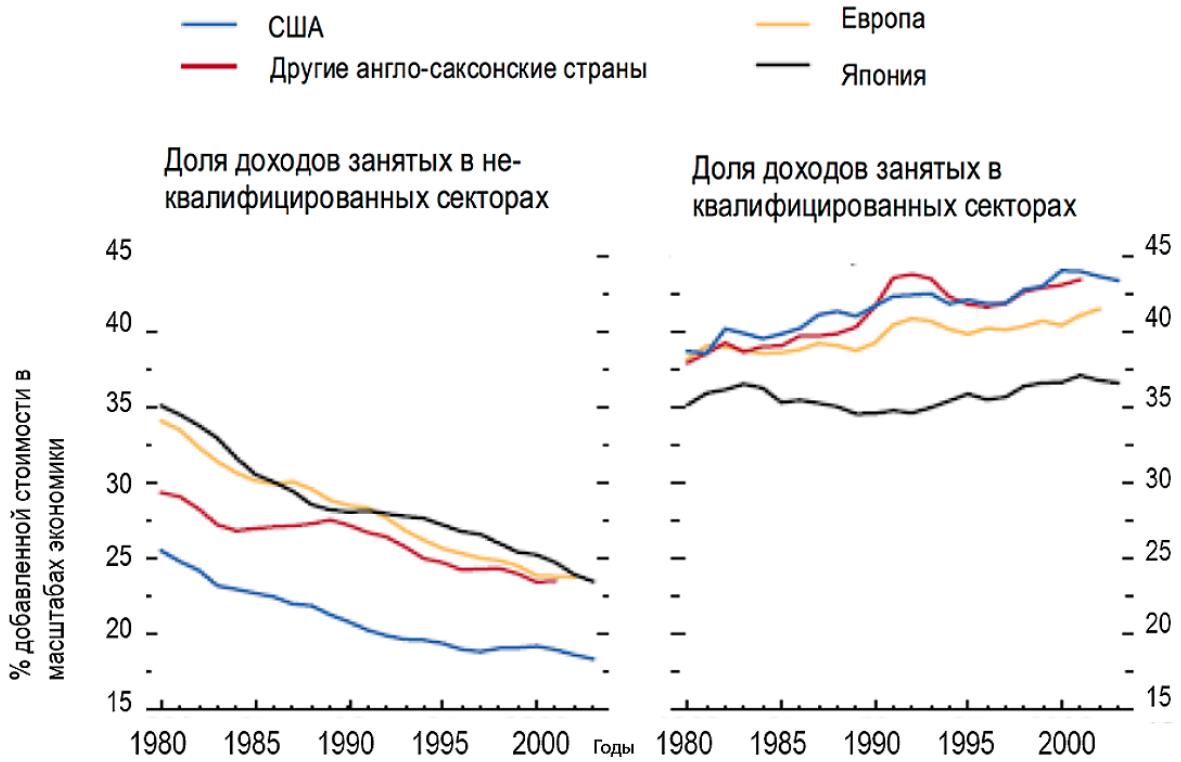


Рис. 1. Динамика разрыва в доходах квалифицированного и неквалифицированного труда в странах, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)

По мере дальнейшего развития технологий и формирования нового технологического уклада, когда в качестве сырья начинает выступать уже информация, а не предметы, *образование, навыки, квалификация и экспертное знание окончательно утвердились в числе традиционных форм капитала, заняв прочное место в создании добавленной стоимости, и, как следствие, закрепились в сознании как работодателей, так и самих работников* в качестве *одной из форм капитала человека, фирмы и нации*. С развитием системы высшего и дополнительного образования широкие слои населения получили доступ к наращиванию этой формы капитала в массовом масштабе, а технологическая модернизация средств производства обрабатывающих отраслей и развитие новых типов экономической детальности в сфере услуг обеспечили в необходимом количестве рабочие места, на которых использование этих новых объектов собственности стало приносить экономическую отдачу их обладателям, мотивируя их к инвестициям в образование и курсы повышения квалификации.

9 Данные Международного валютного фонда [IMF 2007: 182]. Анализ проводился на следующих странах: Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Дания, Италия, Канада, Норвегия, Португалия, США , Финляндия, Франция, Швеция, Япония. К ЧК-ёмким отраслям в цитируемом докладе отнесены топливная, химическая, резиновая промышленность, машиностроение и производство оборудования, бизнес-консалтинг, сфера социальных и индивидуальных услуг. Отрасли же с низкими показателями ЧК — это сельское хозяйство, горнодобывающая промышленность, производство пищи и табачных изделий, текстильная промышленность, производство одежды и изделий из кожи, лесная промышленность и производство других продуктов не из металла, металлургия и строительство.

Помимо возникновения новых типов рабочих мест, переход к новой модели экономики сопровождался изменением всего общества, его социальной композиции. Трансформировалось само понятие «работа», что было связано с переходом к «информационной работе» [Bell 1999 (1973)], стали возникать новые профессиональные группы, а нефизический труд стал доминировать [Lounsbury, Kaghan 2001]. Профессиональная структура рабочей силы трансформировалась в сторону резкого увеличения специалистов и технического персонала [Blau, Duncan 1967; Dunkerley 1975; Porat 1977; Kumar 1978; Routh 1987; Wyatt, Hecker 2006; Anikin 2013a]. В результате этих изменений наиболее массовой группой стал так называемый новый средний класс, ядром которого выступили квалифицированные управленцы и работники умственного труда. По сути, был сформирован новый класс собственников — владельцев качественного человеческого капитала. Именно для среднего класса человеческий капитал оказался ключевым активом, приносящим ренты, в отличие от рабочего класса, который традиционно продолжал в массе своей получать дивиденды просто на свою способность к труду как физическому усилию [Wright 1997], несмотря на возросшую доходную и образовательную дифференциацию среди рабочих и увеличение инвестиций в их образование.

Тот факт, что *новый средний класс стал ведущей группой в обществе, в которой происходит активное накопление ЧК и его использование как ключевого средства производства*, теоретики учли в весьма оригинальном подходе для измерения специфической части ЧК. Под этим последним они понимали формально регистрируемые объёмы повышения квалификации, то есть «время, потраченное преимущественно на подготовку к работе» [Mincer 1958: 291][10]. Поскольку официальная статистика переписи населения США публиковала данные по количеству лет обучения в середине XX века без учёта того, сколько времени индивид потратил на профессиональную подготовку, ученичество и другие формы повышения квалификации на рабочем месте, Минцер ещё в 1958 г. предложил использовать в качестве значимого измерителя формального аспекта повышения квалификации профессиональный статус, который должен соответствовать (и в американских условиях действительно обычно соответствует) уровню формального человеческого капитала, необходимого для занятия этой позиции. Исследования последних лет также показывают, что профессиональные и отраслевые различия объясняют существенную часть доходного неравенства [Akerman et al 2013]. Этот подход нашёл отражение в структурных исследованиях накопления и распределения ЧК с фокусом на профессионально-отраслевом срезе [Sabirianova 2002; Groen 2006; Kambourov, Manovskii 2009; Lerman 2013; Monnier et al 2016].

Таким образом, в рамках этой логики исследований сформировалось новое научное направление, представители которого исходят из предположения, что профессиональная структура сама по себе может являться не только важным структурным аспектом человеческого капитала нации, но и способствует формированию мотивации к его наращиванию и сохранению, обеспечивая стране конкурентное преимущество на международных рынках [Berger, Earle, Sabirianova 2001; Anikin 2017]. Зарубежные исследователи показали при этом, что качество развития зависит в ряде случаев не столько от институтов, сколько от квалификации менеджеров, которые отвечают за эффективность интеграции новых технологий, импортируемых в страну [Acemoglu, Aghion, Zilibotti 2006]. На широком материале межстранового анализа другие исследователи выявили ключевую роль квалификации менеджеров и предпринимателей в обеспечении производительности труда и экономической эффективности фирм [Gennaioli, La Porta, Lopez-de-Silanes, Shleifer 2013]. Г. Камбуров и И. Мановский показали, что отдача именно от опыта, полученного в рамках профессиональной группы, оказывается существенным фактором размера и характера рент индивидов на их ЧК, причём даже более существенным, чем отраслевой опыт или даже опыт работы, полученный внутри организации [Kambourov, Manovskii 2009]. Так,

[10] Стоит отметить, что формальному аспекту повышения квалификации Я. Минцер противопоставляет неформальную сторону повышения квалификации «или опыт на рабочем месте», который согласно общепринятой практике измеряется через возраст и поэтому не представляет, с точки зрения автора, серьёзных проблем для её эмпирической оценки [Mincer 1958: 291].

по данным этих исследователей, при прочих равных, каждые пять лет работы по профессии приводят к повышению зарплаты на 12–20%.

Экономисты в последнее время всё чаще прибегают к теории рынков несовершенной конкуренции [Acemoglu, Pischke 1999; Booth, Bryan 2005], неопределённость и асимметрия информации на которых искажают сигналы от экономических агентов, чем и объясняются так называемые стилизованные факты[11] инвестиций в человеческий капитал. В этом же контексте сегодня активно развиваются направления анализа ЧК, альтернативные микроэкономическому подходу, связанные с оценкой роли профессий, организаций и институтов в инвестициях в ЧК. Начинают развиваться и макроэкономические исследования ЧК, которые к 1980-м гг. оформились в отдельное научное направление. В ряде исследований было установлено, что накопленный нацией ЧК может быть значимым нематериальным фактором, определяющим экономический рост. При этом авторы старались использовать все доступные для них индикаторы ЧК, по которым к тому времени собирались статистические данные. Так, Р. Барро показал, что важным с точки зрения экономического роста индикатором ЧК является не только количество лет обучения у взрослого населения в возрасте 25 лет и старше, но также и соотношение численности студентов и преподавателей, например, в средней школе [Barro 1991]. П. Ромер показал высокую значимость уровня грамотности как одного из важных индикаторов ЧК и, следовательно, факторов экономического роста [Romer 1990a; 1990b]. В отличие от исследований микроуровня, в макроэкономических работах выбор доступных для эмпирического анализа индикаторов ЧК весьма ограничен. Однако, несмотря на это, поиск новых индикаторов, касающихся разных аспектов ЧК, продолжался и ведётся до сих пор.

Так, уже в 1990-х гг. стали выходить исследования неэкономических факторов экономического роста, в основе измерения которых лежат новые индикаторы ЧК [Lee, Lee 1995; Mulligan, Sala-i-Martin 1997]. Результаты этих исследований, с одной стороны, явились критикой традиционных индикаторов ЧК, а с другой — важным доказательством роли социально-демографического и культурного контекста в определении экономического роста. Так, опираясь на опыт психологов, было установлено, что показатели успеваемости школьников оказывают более существенный вклад в рост ВВП, чем традиционные индикаторы ЧК, не говоря уже о роли успеваемости в росте личных доходов и производительности представителей широкого круга профессий [Lee, Lee 1995]. Таким образом, было показано, что важно не само количество лет обучения, а то, как наполняется школьная программа, каковы методы обучения и предрасположенности самих учащихся, их базовые навыки.

При этом спектр базовых навыков, от которых зависят быстрое трудоустройство и другие показатели занятости, к настоящему времени значительно расширился. Повсеместным стало разделение базовых компетенций на так называемые жёсткие (*hard skills*), включающие навыки абстрактного мышления, способность создавать и работать с письменными текстами, навыки математического счета и работы на компьютере, а также гибкие компетенции (*soft skills*) — навыки работы в команде, принятия решений и т. п. Было показано, что зарплаты статистически выше среди тех профессиональных групп, которые предполагают интенсивное использование навыков абстрактного мышления, и ниже среди тех, которые решают в основном рутинные задачи [Handel 2013]. Что же касается работы с компьютером и использования информационных технологий в целом, то исследователями было показано, что первоначально включение этих навыков в информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) приносило ренты [Krueger 1993]. Работники, использующие персональный компьютер (ПК), получали, согласно А. Крюгеру, на 10–15% больше, чем те их коллеги, которые ПК не использовали. Использование в 1997 г. Интернета в работе в также увеличивало зарплату работников, но уже примерно на 8% [Lee, Kim 2004]. Однако эти ренты оказались временными и к середине 2000-х гг. сократились, причём по отношению к навыкам использования Интернета — в большей степени и в гораздо меньшей степени — по отношению к навыкам использования ПК. И хотя скепсис по поводу рент на навыки

[11] Реалии социально-экономической жизни, которые либо не предсказываются теорией, либо предсказываются неверно.

использования ПК существует [Borghans, Ter Weel 2004], исследования последних лет показывают, что работники до сих пор получают премии как и на сами навыки работы на ПК, так и особенно на их применение к решению абстрактных и творческих задач, роль которых с годами только увеличивается [Peng, Eunni 2011].

Так или иначе, исследователи соглашаются в одном: навыки работы на компьютере являются такими же базовыми, как и навыки создания письменных текстов [DiNardo, Pischke 1997] и математического счёта [Borghans, Ter Weel 2004], а также способность работать в команде [Murnane, Levy 1996]. При этом исследователи сходятся в том, что ренты приносят не столько отдельные компетенции, сколько более фундаментальный набор ненаблюдаемых навыков, которые отвечают за ренты, получаемые индивидами при использовании отдельных способностей, будь то решение задач с использованием ПК или создание текстов длинных форм, и связаны во многом с личностью работников.

Второй постиндустриальный этап (2000–2010-е гг.): проблемы развития человека и современные трактовки человеческого капитала

С начала 2000-х гг. актуализировались исследования, показавшие особую роль дошкольного образования, семьи и других институтов дошкольного развития ребёнка. По мере насыщения рынка труда выпускниками колледжей и университетов исследования стали всё больше проблематизировать слишком формальный подход к задаче формирования конкурентоспособных навыков и компетенций, то есть того ЧК, который будет востребован экономикой будущего. Эти исследования связаны с именем нобелевского лауреата Дж. Хекмана, отметившего особую важность некогнитивных (социоэмоциональных) навыков в общей части ЧК как фактора, определяющего положение человека на рынке труда и его заработки [Heckman 2000; Heckman, Rubinstein 2001] (см. также: [Borghans, Meijers, Ter Weel 2008]). Несмотря на то что эту сторону ЧК исследователи отмечали ещё в 1970-х гг., потребность в активном изучении некогнитивных способностей актуализировалась лишь недавно, когда возникла необходимость объяснить, почему работники с одним и тем же уровнем образования имеют разные позиции на социально-экономической лестнице, разные доходы, занимают более привлекательные рабочие места и даже имеют лучшие показатели здоровья. Анализ Дж. Хекмана и его коллег показал, что инвестиции в некогнитивные навыки ребёнка на ранних стадиях его развития очень важны, хотя на более поздних этапах его развития они могут компенсировать недостаточность инвестиций в когнитивные аспекты его ЧК на более ранних этапах, только это потребует бóльших затрат [Cunha, Heckman, Schennach 2010]. Также было показано, что формирование критически важного набора компетенций происходит до 10 лет [Heckman 2000; Heckman, Carneiro 2003].

Дж. Хекман критикует то, как многие политики и учёные смотрят на проблему накопления и последующего использования социально значимых навыков в человеке. Фокусируясь на расходах на школьное образование или реформе высшего образования, политики обычно рассматривают формальные образовательные институты в качестве главных поставщиков компетенций, востребованных современной экономикой, в то время как роль неинституциональных каналов формирования ЧК, таких как семья и деловые организации, существенно недооценивается, даже несмотря на обилие социологических и экономических работ, давно доказавших исключительную значимость этих каналов. Опираясь на данные американской статистики, Дж. Хекман со своими соавторами показал, что формирование ЧК является сложным динамическим процессом. Вложения в ЧК на самом раннем этапе оказывают колоссальный синергетический эффект. Так, Дж. Хекман пишет, что одни навыки порождают другие, ранние инвестиции порождают поздние инвестиции, а инвестиции в некогнитивные навыки в раннем возрасте оказываются более значимыми, чем инвестиции в когнитивные навыки на более поздних этапах, хотя и когнитивные, и некогнитивные навыки, формирующиеся у человека на протяжении всей жизни, определяются более ранним опытом (см. рис. 2).

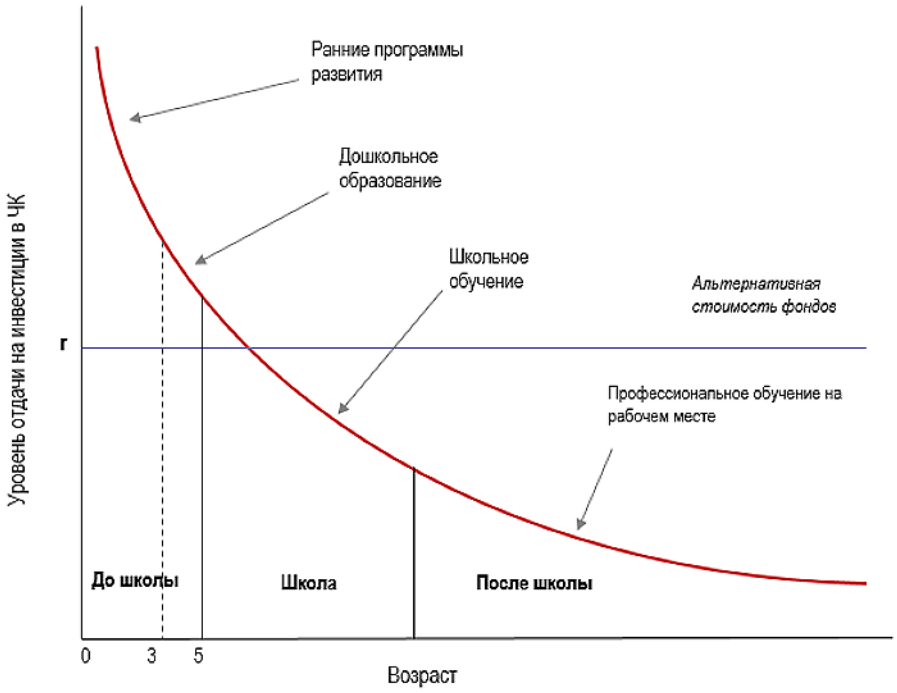


Рис. 2. Модель отдачи на инвестиции в ЧК. Обратно пропорциональная зависимость отдачи от инвестиций в образование от возраста

Кривая отдачи (см. рис. 2)[12] иллюстрирует убывающую отдачу от доллара, инвестированного в программы ЧК на различных стадиях жизненного цикла для среднего американца при текущих уровнях расходов. Альтернативная стоимость фондов представляет собой годовые выплаты в том случае, если в качестве источника инвестиций вместо ЧК были выбраны финансовые активы (например, размещение денег на депозитах, сберегательной книжке). Оптимальная инвестиционная программа с точки зрения экономической эффективности уравнивает отдачи на всех стадиях жизненного цикла с альтернативной стоимостью потраченных фондов. График показывает, что на текущих уровнях инвестирования американское общество слишком много вкладывает в программы школьного и послешкольного образования и недоинвестирует в дошкольные программы менее благополучной части населения страны. Более того, американское общество недоинвестирует в ЧК на самых ранних возрастах (0–3 года) и осуществляет избыточные инвестиции во взрослое население с низкой квалификацией [Heckman 2000].

Дж. Хекман указывает на то, что лучше осуществлять инвестиции в административную структуру образования и тиражирование стимулов, а конкуренция более эффективна, чем наращивание дополнительных расходов на государственные школы. Стоит отметить, что это было показано на данных образовательного рынка США, включающего развитое предложение частных школ [Snyder, Brey, Dillow 2016][13].

12 Построена на основе: [Heckman 2000; Heckman, Carneiro 2003].

13 В 2013–2014 гг. в США насчитывалось 33 619 частных школ, осуществляющих подготовку 4 576 410 учеников по программам начального и среднего общего образования, которые при этом обеспечивали рабочие места (полные ставки) 441 496 учителям. Также нужно понимать, что частные школы в США очень сильно отличаются от государственных, не являясь в полной мере альтернативой стандартному образованию в силу их ярко выраженной религиозной направленности. Так, 67% частных школ, в которых обучается и работает подавляющее большинство всех учеников и преподавателей частных школ в стране (80% и 72% соответственно), имели отношение к религиозным организациям или преследовали религиозные цели, а в 30% случаях были связаны с католической церковью [Broughman, Swaim 2013].

Важным аспектом конкуренции в системе образования (наряду с конкуренцией разных его уровней) является также распространение удалённого образования, которое в последние годы получило громадный скачок в развитии благодаря появлению разнообразных онлайн-платформ (типа Coursera), предоставляющих образовательные услуги, а также различных вебинаров, личных YouTube-каналов преподавателей, профессиональных форумов, сетей профессиональной поддержки и т. п. Исключительную значимость удалённого образования отмечал уже Г. Беккер, поскольку оно позволяет экономить как работодателям, так и слушателям их главный ресурс — время [Becker 2002].

Ещё один виток эволюции исследований в области ЧК связан с тем, что ситуация, в которой доход является следствием образования, а также «физических и умственных способностей людей» [Becker 1962: 9], вне развитых стран Запада не вполне очевидна. Социологические работы показали, что для этого нужны особые социетальные условия (например, наличие конкурентной социально-экономической системы с отношениями меритократического типа, которые регулируются относительно жёсткой привязкой вознаграждений к талантам, способностям и компетенциям людей, а не их статусом, должностью и знакомствами, то есть социальным капиталом) [Davis, Moore 1945]. Более того, даже в развитых странах Запада наблюдаются нарушения принципов меритократии в сфере производственных отношений и межпоколенной мобильности [Jackson, Goldthorpe, Mills 2005], что снижает значимость не только узкой трактовки ЧК, но и проблематизирует всю концепцию ЧК, поскольку неконкурентные элементы социально-экономических систем вытравливают стимулы населения по развитию своего ЧК и, как следствие, его инициативы в этом поле.

Подводя предварительный итог, отметим, что утверждение и развитие концепции ЧК в последней трети XX и начале XXI века в качестве одной из ключевых теоретических парадигм социально-экономического анализа повлекло за собой целую плеяду исследований, посвящённых проблеме ЧК, его накопления, неэкономических факторов, влияющих на отдачу от ЧК, и т. д. Развиваясь в русле микроэкономической логики, к 2010-м гг. теория ЧК сильно расширилась и включила (a) богатый спектр индикаторов ЧК, нацеленных на измерение качественных параметров образования, квалификации и способностей человека, (b) экономических агентов мезо- и макроуровня, (c) макроэкономическое измерение ЧК, (d) институциональный, структурный и пространственный взгляд на проблему накопления ЧК, учитывающий факторы, препятствующие трансформации накопленных знаний и компетенций в актив, приносящий ренты как человеку, так и фирме или обществу в целом.

Уже бесспорным является то, что, хотя отдачу на ЧК получают не все, при прочих равных условиях работники с более качественным ЧК (более высокий уровень образования и наличие функциональных и специфических навыков) зарабатывают обычно больше. Было показано также, что в среднем от инвестиций в образование общество получает больше, чем индивид. В последнее время стало очевидно и то, что, с точки зрения индивида, инвестиции в свой ЧК оправданы только в том случае, если они будут давать дополнительные преимущества, то есть приносить ренты. Наличие же этих рент определяется целым рядом условий — например, развитым культурным капиталом, разнообразными ресурсами в семьи, соответствующей институциональной средой, в которой ЧК востребуется и поощряется, как в обществах меритократического типа, спросом со стороны экономики на развитый ЧК и т. д.

В связи с этим в последнее время на первый план всё чаще стали выходить сопутствующие ресурсы личности, которые обеспечивают эффективную капитализацию ЧК в рамках того или иного общества. Прежде всего, речь идёт о социальном капитале [Coleman 1988; Augusto Felício, Couto, Caiado 2014], а также культурном, в которые стали включать как один из элементов традиционный ЧК [Bourdieu 1986], а также о ряде дефицитных компетенций — способности принимать оправданные решения, организовывать эффективную работу в группе или коммуникацию, грамотно выстраивать приоритеты и т. д. Отсюда вырос и интерес к разным аспектам личности и их влиянию на экономические показатели. Ис-

следователи всё чаще стали уделять внимание показателям здоровья, ценностям [Gennaioli et al. 2013], удовлетворённости работой и даже уровню счастья[14].

Новые тенденции: человеческий капитал в контексте национального развития

Как видно из обзора развития концепции ЧК, приведённого выше, уже к концу XX века стало очевидным, что традиционная трактовка ЧК только как совокупности знаний и навыков не просто не соответствует текущей ситуации в экономике, но может оказаться вредной для общества, если будет принята за основу государственной политики по его формированию и наращиванию. Стало ясно: чтобы выйти на новый виток развития, то есть добиться того, чтобы ЧК нации «заработал» с максимальной эффективностью, необходимы более широкое видение задач системы образования и здравоохранения, сокращение неравенства жизненных шансов в этих сферах для детей из разных слоёв населения.

Теоретическое оформление этих идей нашло отражение в работах ещё одного нобелевского лауреата — А. Сена [Sen 1983; 1999]. Подход начал набирать популярность с конца 1980-х гг., когда с развитием новых форм капитализма [Lane 2007; Wood, Lane 2012], осознанием множественности путей модернизации и ростом неравенств все сильнее стал ощущаться кризис неоклассического понимания человека как абсолютно рационального агента и ресурса для экономики. На центральное место постепенно выдвигалась проблема комплексного человеческого развития, решение которой как с теоретической, так и с практической точки зрения требовало учёта национальной специфики стран в социальном, экономическом и демографическом ключе, а также учёта того исторического периода, на котором в данный момент времени находится то или иное общество. Стало очевидно, что страны, пережившие или переживающие трансформационные процессы, нуждаются в новой концепции ЧК, которая стала бы эффективным инструментом не только теории, но и активных социально-экономических преобразований, особенно в условиях провалов рынков и государства.

В рамках этой традиции категория «человеческий капитал» заменяется (иногда явно, а иногда и подспудно, то есть с сохранением понятия «человеческий капитал») на более широкое понятие «человеческий потенциал». Эта трактовка шире классического понимания человеческого капитала, поскольку предусматривает также учёт мотивации [Anikin 2013b], ценностных ориентаций, мировоззренческих и поведенческих особенностей индивидов, влияющих на его эффективность как работника. Проблема состоит в том, что узкая концепция ЧК игнорирует нужды и потребности человека в развитии определённых сфер своей жизни [Соболева 2007], коммодификация и капитализация которых даже не предполагаются (например, реализация своей потребности в содержательно осмысленном труде), а также не учитывает институциональные барьеры, которые препятствуют конвертации человеческого потенциала в ЧК.

Экономические и социологические работы последних лет в области ЧК показали, что для формирования качественного ЧК нации, способного поддержать технологический прорыв, обществу необходимо осуществлять всесторонние инвестиции в человека [Марцинкевич 2005]. Как результат, в начале XXI века в зарубежной науке стало формироваться понимание того, что проблема технологического прорыва и устойчивого экономического роста упирается в вопрос о формировании человеческого потенциала трудового населения, соответствующей новым условиям социально-профессиональной структуры, эффективных институтов и организаций нового типа, способных абсорбировать и развивать прорывные технологии, стимулировать наращивание ЧК, а также выстраивать и поддерживать новые технологические цепочки и соответствующие им управленческие системы.

[14] См., например, исследования нобелевского лауреата А. Дитона (2015 г.) и его коллег: [Banerjee, Deaton, Duflo 2004; Deaton, Stone 2013].

Исключительная значимость ЧК для развития современных экономик, а также новое понимание ЧК нашли отражение в ряде политических мер. Так, начиная с 1960-х гг. во многих странах, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), а в последние 30 лет — и в странах догоняющего развития государство стало играть активную роль в сфере предоставления широкого спектра образовательных услуг от основного образования до курсов повышения квалификации. Со временем поддержание и развитие качественного человеческого капитала превратилось в ключевую задачу, реализация которой нашла отражение в программных документах и политических установках международных организаций (см.: выводы Третьей Международной конференции ЮНЕСКО в отношении непрерывного образования взрослых, Токио, 1972 г.) и некоторых национальных правительств (например, масштабная программа «Умная нация» («Smart Nation»), запущенная в 2014 г. премьер-министром Сингапура Ли Сянлуном). Более того, в последнее время все чаще поднимается вопрос о необходимости включения ЧК как нематериального компонента в систему национальных счетов [Jorgenson 2010; Hamilton, Liu 2014]. Ещё одним важным направлением исследований стали международные сравнения, обширный материал для которых представляет включение показателей ЧК в базу международной сравнительной статистики[15] и композитных индексов [Stiglitz, Sen, Fitoussi 2010].

В ходе исследований было установлено также, что человеческий капитал определяет различия в перспективах развития не только между странами, но и между регионами внутри стран, то есть использование концепции ЧК оказывается эффективным инструментом оценки внутренних диспропорций развития. Последние исследования показывают, что человеческий капитал даже в узкой его трактовке, то есть понимаемый как накопленное количество лет обучения, является ключевым фактором, определяющим различия в развитии регионов [Gennaioli et al. 2013]. Также доказано, что ЧК играл одну из ключевых ролей в генерировании экономического роста Китая, обеспечив в 1978–2008 гг. 38% экономического роста (в особенности — начиная с 2000-х гг.), что было в немалой степени основано на экспансии среднего специального образования в этой стране.

Однако неравенство в формировании и наращивании ЧК до сих пор играет существенную роль даже в развитых странах. Как работы Г. Беккера, так и последующие исследования показали, что семьи с большими доходами активнее инвестируют в ЧК (например, в самообразование, в том числе те его аспекты, которые связаны с демографическим поведением и здоровьем [Becker 1960]). Отдача от школьного образования значительно выше среди выходцев из более благополучной социально-экономической среды [Neuman 1991]. Региональные диспропорции также оказывают существенное влияние на накопление ЧК, отдачу от инвестиций в ЧК, а также неравенство в доступе к образовательным учреждениям [Psacharopoulos 1994]. Из последних исследований, сделанных на материале развивающихся стран, видно, что наличие развитого человеческого капитала в стране увеличивает положительные эффекты от финансовых реформ [Li, Yu 2014]. Например, малообеспеченные граждане с более высоким уровнем образования могут эффективнее абсорбировать фонды, образуемые в результате финансовой реформы, повышать свой уровень производительности и, таким образом, уменьшать разрывы своих доходов с более обеспеченными слоями населения.

Заключение

Успех перехода к новому технологическому укладу зависит от того, насколько ЧК интегрируется в национальную систему мотивации, трудовой культуры и институциональных условий. В результате многочисленных исследований, проведённых в рамках этой традиции, стало очевидно, что нет единых рецептов успешного догоняющего развития, но главное условие должно выполняться в любом

[15] См. индекс человеческого развития — ИЧР (Human Development Index — HDI), публикуемый Программой развития ООН; см. подробнее: http://hdr.undp.org/en/composite/trends (последнее обращение: 30 июля 2017 г.).

случае, и им является включение ЧК и конкуренции в системообразующие ценности общества, в его социетальные основы. Успех такой интеграции может обеспечить долгосрочное преимущество страны на международной арене. Это особенно важно для стран догоняющего развития. Так, Япония смогла устранить столетнее отставание от США именно успешным инновационно-технологическим прорывом 1950–1960-х гг. Успешные примеры догоняющего развития Японии, Южной Кореи, Сингапура и Тайваня связаны с созданием структур и институтов, которые могут эффективно организовывать и управлять современными технологиями, то есть так, чтобы развивающиеся страны не просто копировали технологии и практики стран, находящихся на переднем крае социально-экономического развития, но и развивали технологии, соответствующие их национальной специфике [Nelson 2015: 331–332]. Названные страны сумели создать систему развития ЧК в национальном масштабе, основой которой стала современная система непрерывного образования и профессионального обучения и переобучения на рабочем месте в масштабе, аналогичном тому, что мы наблюдаем в западных странах [Sala, Silva 2013], а иногда даже превосходящем уровень отдельных развитых стран.

Россия стоит сегодня перед серьёзными вызовами, и если наша страна не сумеет сделать ЧК топливом долгосрочного развития, конкурентные перспективы на международной арене будут безвозвратно утрачены. Для осуществления этой задачи необходимо современное понимание, рассматривающее *человеческий капитал как систему рентообразующих активов, отражающих разные грани личности человека, эффективное формирование которых приходится на самые ранние этапы развития индивида*. Такой подход позволит получить более сбалансированную оценку эффективности реформ и дать комплексный прогноз дальнейших преобразований по ряду важнейших направлений, касающихся семейной политики, здравоохранения, модернизации образования, развития трудового потенциала и сбережения народонаселения страны. Широкая трактовка ЧК позволяет учесть и «многообразие интересов и механизмов воспроизводства» [Соболева 2007: 6], а также способностей населения и их свободное участие в рынке [Sen 1999], что в высшей степени актуально при кризисных явлениях в экономике, когда общественный диалог и консенсус выступают значимыми элементами гармоничного развития социума в целом. Ключевую роль в этом играет то, насколько современное определение человеческого капитала артикулируется в правящих элитах, что соответствует сложившейся в России под влиянием советского исторического опыта и цивилизационно-культурных особенностей [Шкаратан, Ястребов 2016] неоэтакратической модели ценностно-нормативной системы россиян, согласно которой главным субъектом стратегических изменений в России до сих пор воспринимается именно государство [Шкаратан 2009; Тихонова 2011; Аникин 2016].

Литература

Аникин В. А. 2016. Кризис и национальное самосознание россиян. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 5: 203–232.

Диденко Д. В. 2015. *Интеллектуалоемкая экономика: человеческий капитал в российском и мировом социально-экономическом развитии*. СПб.: Алетейя.

Марцинкевич В. И. 2005. Инвестиции в человека: экономическая наука и российская экономика. *Мировая экономика и международные отношения*. 9: 29–39.

Соболева И. В. 2007. *Человеческий потенциал российской экономики: проблема сохранения и развития*. М.: Наука.

Струмилин С. Г. 1966. *Очерки экономической истории России и СССР*. М.: Наука.

Тихонова Н. Е. 2011. Динамика нормативно-ценностной системы российского общества: 1995–2010 годы. *Общественные науки и современность*. 4: 5–19.

Чугунов Е. А. 2001. *Положение и культурный уровень промышленных рабочих Верхнего Поволжья: конец XIX в. —1913 г.: по материалам Владимирской, Костромской и Ярославской губерний*. Кострома: Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова.

Шкаратан О. И. 2009. Становление постсоветского неоэтакратизма. *Общественные науки и современность*. 1: 5–22.

Шкаратан О. И., Ястребов Г. А. (ред.). 2016. *Нова ли новая Россия?* М.: Университетская книга.

Acemoglu D., Aghion P., Zilibotti F. 2006. Distance to Frontier, Selection, and Economic Growth. *Journal of the European Economic Association.* 4 (1): 37–74.

Acemoglu D., Pischke J. S. 1999. Beyond Becker: Training in Imperfect Labour Markets. *The Economic Journal.* 109 (453): F112–F142.

Akerman A. et al. 2013. Sources of Wage Inequality. *The American Economic Review.* 103 (3): 214–219.

Anikin V. A. 2013a. Mode of Socio-Economic Development and Occupational Structure: The Case of Contemporary Russia. *Transition Studies Review.* 19 (4): 397–415. doi:10.1007/s11300-013-0256-8

Anikin V. A. 2013b. Motivation to Work in Russia: The Case of Protracted Transition from Noncompetitive to Competitive System. *The Journal of Comparative Economic Studies.* 8: 35–60.

Anikin V. A. 2017 (Forthcomming). Occupational Propensity for Training in a Late Industrial Society: Evidence from Russia. *International Journal of Training and Development.* 21 (4). doi:10.1111/ijtd.12106

Augusto Felício J., Couto E., Caiado J. 2014. Human Capital, Social Capital and Organizational Performance. *Management Decision.* 52 (2): 350–364.

Banerjee A., Deaton A., Duflo E. 2004. Health, Health Care, and Economic Development: Wealth, Health, and Health Services in Rural Rajasthan. *The American Economic Review*, vol. 94, no 2, pp. 326–330.

Barro R. J. 1991. Economic Growth in a Cross Section of Countries. *The Quarterly Journal of Economics.* 106 (2): 407–443.

Becker G. S. 1960. An Economic Analysis of Fertility In: Roberts G. (ed.) *Demographic and Economic Change in Developed Countries*. Princeton: Princeton University Press; 209–240.

Becker G. S. 1962. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. *The Journal of Political Economy.* 70 (5): 9–49.

Becker G. S. 1965. A Theory of the Allocation of Time. *The Economic Journal.* 75 (299): 493–517.

Becker G. S. 1993. Nobel Lecture: The Economic Way of Looking at Behavior. *Journal of Political Economy.* 101 (3): 385–409.

Becker G. S. 2002. *The Age of Human Capital*. URL: http://media.hoover.org/sites/default/files/documents/0817928928_3.pdf

Becker G. S. 2009. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. Chicago: University of Chicago Press.

Becker G. S., Chiswick B. R. 1966. Education and the Distribution of Earnings. *The American Economic Review.* 56 (1/2): 358–369.

Becker G. S., Hubbard W. H., Murphy K. M. 2010. Explaining the Worldwide Boom in Higher Education of Women. *Journal of Human Capital.* 4 (3): 203–241.

Behrman J. R., Deolalikar A. B. 1988. Health and Nutrition. In: Chenery H., Srinivasan T. N. (eds). *Handbook of Development Economics*. Vol. 1. Ch. 14. Oxford: Elsevier; 631–711.

Bell D. 1999 (1973). *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting.* New York: Basic Books.

Berg I. 1970. *Education for Jobs: The Great Training Robbery*. New York: Praeger Publishers.

Berger M. C., Earle J. S., Sabirianova K. Z. 2001. Worker Training in a Restructuring Economy: Evidence from the Russian Transition. In: Polachek S. (ed.) Worker Wellbeing in a Changing Labor Market. *Research in Labor Economics.* Vol. 20. Bingley, UK: Emerald Group Publishing Limited; 159–190.

Blaug M. 1992. *The Methodology of Economics: Or, How Economists Explain.* 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.

Blau P. M., Duncan O. D. 1967. *The American Occupational Structure*. New York: Wiley.

Booth A. L., Bryan M. L. 2005. Testing Some Predictions of Human Capital Theory: New Training Evidence from Britain. *Review of Economics and Statistics.* 87 (2): 391–394.

Borghans L., Meijers H., Ter Weel B. 2008. The Role of Noncognitive Skills in Explaining Cognitive Test Scores. *Economic Inquiry.* 46 (1): 2–12.

Borghans L., Ter Weel B. 2004. Are Computer Skills the New Basic Skills? The Returns to Computer, Writing and Math Skills in Britain. *Labour Economics.* 11 (1): 85–98.

Bourdieu P. 1986. The Forms of Capital. Trans. R. Nice. In: Richardson J. (ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood; 46–58.

Broughman S. P., Swaim N. L. 2013. *Characteristics of Private Schools in the United States: Results from the 2011–2012 Private School Universe Survey* (NCES 2013-316). U.S. Department of Education. Washington, DC: National Center for Education Statistics.

Castel R. 1995. *Les Métamorphoses De La Question Sociale: Une Chronique Du Salariat*. Paris: Fayard.

Castells M. 2010. *The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture.* Vol. 1. 2nd ed. Singapore: Wiley; Blackwell.

Coleman J. S. 1988. Social Capital in the Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology.* 94: S95–S120.

Collins R. 1979. *The Credential Society: An Historical Sociology of Education and Stratification.* New York: Academic Press.

Cunha F., Heckman J. J., Schennach S. M. 2010. Estimating the Technology of Cognitive and Noncognitive Skill Formation. *Econometrica.* 78 (3): 883–931.

Davis K., Moore W. E. 1945. Some Principles of Stratification. *American Sociological Review.* 10 (2): 242–249.

Deaton A., Stone A. A. (2013) Two Happiness Puzzles. *The American Economic Review*, vol. 103, no 3, pp. 591–597.

DiNardo J. E., Pischke J.-S. 1997. The Returns to Computer Use Revisited: Have Pencils Changed the Wage Structure Too? *The Quarterly Journal of Economics.* 112 (1): 291–303.

Duncan G. J., Hoffman S. D. 1981. The Incidence and Wage Effects of Overeducation. *Economics of Education Review.* 1 (1): 75–86.

Dunkerley D. 1975. *Occupations and Society*. London: Routledge & K. Paul.

Freeman R. 1976. *The Overeducated American*: New York: Academic Press.

Gennaioli N. et al. 2013. Human Capital and Regional Development. *The Quarterly Journal of Economics.* 128 (1): 105–164.

Groen J. A. 2006. Occupation-Specific Human Capital and Local Labour Markets. *Oxford Economic Papers.* 58 (4): 722–741.

Grusky D. B. 2001. The Past, Present, and Future of Social Inequality. In: Grusky D. B. (ed.) *Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*. 2nd ed. Boulder: Westview Press; 3–51.

Hamilton K., Liu G. 2014. Human Capital, Tangible Wealth, and the Intangible Capital Residual. *Oxford Review of Economic Policy.* 30 (1): 70–91.

Handel M. J. 2013. Putting Tasks to the Test: Human Capital, Job Tasks, and Wages. *Journal of Labor Economics.* 31 (2. Part 2): S59–S96.

Heckman J. J. 2000. Policies to Foster Human Capital. *Research in Economics.* 54 (1): 3–56.

Heckman J. J., Carneiro P. 2003. Human Capital Policy. In: Heckman J. J., Krueger A. B. (eds) *Inequality in America: What Role for Human Capital Policies?* Cambridge, MA: MIT Press; 77–239.

Heckman J. J., Rubinstein Y. 2001. The Importance of Noncognitive Skills: Lessons from the Ged Testing Program. *The American Economic Review.* 91 (2): 145–149.

IMF. 2007. *World Economic Outlook: Spillovers and Cycles in the Global Economy*. Washington, D.C.: International Monetary Fund.

Jackson M., Goldthorpe J. H., Mills C. 2005. Education, Employers and Class Mobility. *Research in Social Stratification and Mobility.* 23: 3–33.

Jorgenson D. W. 2010. Human Capital and the National Accounts. *Survey of Current Business.* 90 (6): 54–56.

Kalleberg A. L., Sørensen A. B. 1973. The Measurement of the Effects of Overtraining on Job Attitudes. *Sociological Methods & Research.* 2 (2): 215–238.

Kambourov G., Manovskii I. 2009. Occupational Specificity of Human Capital. *International Economic Review.* 50 (1): 63–115.

Krueger A. B. 1993. How Computers Have Changed the Wage Structure: Evidence from Microdata, 1984–1989. *The Quarterly Journal of Economics.* 108 (1): 33–60.

Kumar K. 1978. *Prophecy and Progress: The Sociology of Industrial and Post-Industrial Society*. New York: Penguin Books.

Lane D. 2007. Post-State Socialism: A Diversity of Capitalisms? In: Lane D., Myant M. (eds). *Varieties of Capitalism in Post-Communist Countries*. London: Palgrave Macmillan; 13–39.

Lange F., Topel R. 2006. The Social Value of Education and Human Capital. In: Hanushek E., Welch F. (eds.). *Handbook of the Economics of Education*. Vol. 1. Ch. 8. Amsterdam, The Netherlands: Elsevier; 459–509.

Lee D. W., Lee T. H. 1995. Human Capital and Economic Growth Tests Based on the International Evaluation of Educational Achievement. *Economics Letters.* 47 (2): 219–225.

Lee S.-H., Kim J. 2004. Has the Internet Changed the Wage Structure Too? *Labour Economics.* 11 (1): 119–127.

Lemieux T. 2006. The "Mincer Equation" Thirty Years after Schooling, Experience, and Earnings. In: Grossbard S. (ed.) *Jacob Mincer a Pioneer of Modern Labor Economics*. New York: Springer; 127–145.

Lerman R. I. 2013. Skill Development in Middle Level Occupations: The Role of Apprenticeship Training. *IZA Policy Paper*. No. 61. Bonn: Institute for the Study of Labor (IZA).

Li J., Yu H. 2014. Income Inequality and Financial Reform in Asia: The Role of Human Capital. *Applied Economics.* 46 (24): 2920–2935.

Lounsbury M., Kaghan W. N. 2001. Organizations, Occupations and the Structuration of Work. In: Vallas S. P. (ed.) *The Transformation of Work*. London: Emerald Group Publishing Limited; 25–50.

Mincer J. 1958. Investment in Human Capital and Personal Income Distribution. *The Journal of Political Economy.* 66 (4): 281–302.

Mincer J. 1962. On-the-Job Training: Costs, Returns, and Some Implications. *The Journal of Political Economy.* 70 (5): 50–79.

Mincer J. 1974. *Scholing, Experience, and Earnings*. New York: National Bureau of Economic Research; Columbia University Press.

Monnier M. et al. 2016. Occupation-Specific Social Competences in Vocational Education and Training (VET): The Example of a Technology-Based Assessment. *Empirical Research in Vocational Education and Training.* 8 (1): 1–18. doi:10.1186/s40461-016-0036-x

Mulligan C. B., Sala-i-Martin X. 1997. A Labor Income-Based Measure of the Value of Human Capital: An Application to the States of the United States. *Japan and the World Economy.* 9 (2): 159–191.

Murnane R. J., Levy F. 1996. *Teaching the New Basic Skills. Principles for Educating Children to Thrive in a Changing Economy*. New York: Free Press.

Nelson R. R. 2015. Economic Development as an Evolutionary Process. In: Reinert E., Kattel R., Ghosh J. (eds) *Handbook of Alternative Theories of Economic Development*. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar; 323–335.

Neuman S. 1991. Parental Background, Educational Attainments and Returns to Schooling and to Marriage: The Case of Israel. *Applied Economics.* 23 (8): 1325–1334.

Oi W. Y. 1962. Labor as a Quasi-Fixed Factor. *Journal of Political Economy.* 70 (6): 538–555.

Peng G., Eunni R. V. 2011. Computer Skills, Non-Routine Tasks, and Wage Premium: A Longitudinal Study. *The Journal of Strategic Information Systems.* 20 (4): 449–460.

Petty S. W. 1899 (1691). *Verbum Sapienti. Reprinted in the Economic Writings of Sir William Petty.* Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press.

Porat M. U. 1977. *The Information Economy: Definition and Measurement*. URL: http://files.eric.ed.gov/fulltext/ED142205.pdf

Powell W. W., Snellman K. 2004. The Knowledge Economy. *Annual Review of Sociology.* 30: 199–220.

Psacharopoulos G. 1994. Returns to Investment in Education: A Global Update. *World Development.* 22 (9): 1325–1343.

Psacharopoulos G. 2014. The Returns to Investment in Higher Education. In: Menon M. E., Terkla D. G., Gibbs P. (eds) *Using Data to Improve Higher Education*. Boston: Sense Publishers; 121–148.

Romer P. M. 1990a. Endogenous Technological Change. *Journal of Political Economy.* 98 (5. Part 2): S71–S102.

Romer P. M. 1990b. Human Capital and Growth: Theory and Evidence. *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy.* 32: 251–286.

Rosenberg N., Birdzell L. J. L., Jr. 1986. *How the West Grew Rich: The Economic Transformation of the Industrial World.* New York: Basic Books.

Routh G. 1987. *Occupations of the People of Great Britain, 1801–1981*. London: Macmillan Press.

Rubb S. 2003. Overeducation: A Short or Long Run Phenomenon for Individuals? *Economics of Education Review.* 22 (4): 389–394.

Sabirianova K. Z. 2002. The Great Human Capital Reallocation: A Study of Occupational Mobility in Transitional Russia. *Journal of Comparative Economics.* 30 (1): 191–217.

Sala H., Silva J. I. 2013. Labor Productivity and Vocational Training: Evidence from Europe. *Journal of Productivity Analysis.* 40 (1): 31–41.

Schultz T. W. 1960. Capital Formation by Education. *The Journal of Political Economy.* 68 (6): 571–583.

Schultz T. W. 1961. Investment in Human Capital. *The American Economic Review.* 51 (1): 1–17.

Schultz T. W. 1981. *Investing in People: The Economics of Population Quality*. Los Angeles: University of California Press.

Schumpeter J. A. 2008 (1934). *The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest and the Business Cycle.* Trans. R. Opie. New Brunswick; London: Transaction Publishers.

Sen A. 1983. Development: Which Way Now? *The Economic Journal.* 93 (372): 745–762.

Sen A. 1999. *Development as Freedom*. Oxford: Oxford University Press.

Sicherman N. 1991. “Overeducation” in the Labor Market. *Journal of Labor Economics.* 9 (2): 101–122.

Snyder T. D., Brey C. de, Dillow S. A. 2016. *Digest of Education Statistics 2015* (NCES 2016-014). U.S. Department of Education. Washington, DC: National Center for Education Statistics; Institute of Education Sciences.

Stiglitz J. E., Sen A., Fitoussi J.-P. 2010. *Mismeasuring Our Lives: Why Gdp Doesn’t Add Up.* New York: The New Press.

Tåhlin M. 2007. Skills and Wages in European Labour Markets: Structure and Change. In: Gallie D. (ed.) *Employment Regimes and the Quality of Work*. Oxford: Oxford University Press; 35–76.

Thompson E. P. 1963. *The Making of the British Working Class*. New York: Pantheon.

Verhaest D., Omey E. 2006. The Impact of Overeducation and Its Measurement. *Social Indicators Research.* 77 (3): 419–448. doi:10.1007/s11205-005-4276-6

Whalley J., Zhao X. 2013. The Contribution of Human Capital to China’s Economic Growth. *China Economic Policy Review.* 2 (1).

Wood G. T., Lane C. 2012. Institutions, Change, and Diversity. In: Wood G. T., Lane C. (eds) *Capitalist Diversity and Diversity within Capitalism*. New York: Routledge; 1–31.

Wright E. O. 1997. *Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.

Wyatt I. D., Hecker D. E. 2006. Occupational Changes During the 20th Century. *Monthly Labor Review.* 129: 35–57.

Acemoglu D., Aghion P., Zilibotti F. 2006. Distance to Frontier, Selection, and Economic Growth. *Journal of the European Economic Association.* 4 (1): 37–74.

Acemoglu D., Pischke J. S. 1999. Beyond Becker: Training in Imperfect Labour Markets. *The Economic Journal.* 109 (453): F112–F142.

Akerman A.et al. 2013. Sources of Wage Inequality. *The American Economic Review.* 103 (3): 214–219.

Anikin V. A. 2013a. Mode of Socio-Economic Development and Occupational Structure: The Case of Contemporary Russia. *Transition Studies Review.* 19 (4): 397–415. doi:10.1007/s11300-013-0256-8

Anikin V. A. 2013b. Motivation to Work in Russia: The Case of Protracted Transition from Noncompetitive to Competitive System. *The Journal of Comparative Economic Studies.* 8: 35–60.

Anikin V. A. 2017 (Forthcoming). Occupational Propensity for Training in a Late Industrial Society: Evidence from Russia. *International Journal of Training and Development.* 21 (4). doi:10.1111/ijtd.12106

Augusto Felício J., Couto E., Caiado J. 2014. Human Capital, Social Capital and Organizational Performance. *Management Decision.*52 (2): 350–364.

Banerjee A., Deaton A., Duflo E. 2004. Health, Health Care, and Economic Development: Wealth, Health, and Health Services in Rural Rajasthan. *The American Economic Review*. 94 (2): 326–330.

Barro R. J. 1991. Economic Growth in a Cross Section of Countries. *The Quarterly Journal of Economics.*106 (2): 407–443.

Becker G. S. 1960. An Economic Analysis of Fertility In: Roberts G. (ed.) *Demographic and Economic Change in Developed Countries*. Princeton: Princeton University Press; 209–240.

Becker G. S. 1962. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. *The Journal of Political Economy.*70 (5): 9–49.

Becker G. S. 1965. A Theory of the Allocation of Time. *The Economic Journal.* 75 (299): 493–517.

Becker G. S. 1993. Nobel Lecture: The Economic Way of Looking at Behavior. *Journal of Political Economy.*101 (3): 385–409.

Becker G. S. 2002. *The Age of Human Capital*. URL: http://media.hoover.org/sites/default/files/documents/0817928928_3.pdf

Becker G. S. 2009. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. Chicago: University of Chicago Press.

Becker G. S., Chiswick B. R. 1966. Education and the Distribution of Earnings. *The American Economic Review.* 56 (1/2): 358–369.

Becker G. S., Hubbard W. H., Murphy K. M. 2010. Explaining the Worldwide Boom in Higher Education of Women. *Journal of Human Capital.* 4 (3): 203–241.

Behrman J. R., Deolalikar A. B. 1988. Health and Nutrition. In: Chenery H., Srinivasan T. N. (eds). *Handbook of Development Economics*. Vol. 1. Ch. 14. Oxford: Elsevier; 631–711.

Bell D. 1999 (1973). *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting.* New York: Basic Books.

Berg I. 1970. *Education for Jobs: The Great Training Robbery*. New York: Praeger Publishers.

Berger M. C., Earle J. S., Sabirianova K. Z. 2001. Worker Training in a Restructuring Economy: Evidence from the Russian Transition. In: Polachek S. (ed.) Worker Wellbeing in a Changing Labor Market.*Research in Labor Economics.* Vol. 20.Bingley, UK:Emerald Group Publishing Limited; 159–190.

Blaug M. 1992. *The Methodology of Economics: Or, How Economists Explain.*2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.

Blau P. M., Duncan O. D. 1967. *The American Occupational Structure*. New York: Wiley.

Booth A. L., Bryan M. L. 2005. Testing Some Predictions of Human Capital Theory: New Training Evidence from Britain. *Review of Economics and Statistics.* 87 (2): 391–394.

Borghans L., Meijers H., Ter Weel B. 2008. The Role of Noncognitive Skills in Explaining Cognitive Test Scores. *Economic Inquiry.* 46 (1): 2–12.

Borghans L., Ter Weel B. 2004. Are Computer Skills the New Basic Skills? The Returns to Computer, Writing and Math Skills in Britain. *Labour Economics.* 11 (1): 85–98.

Bourdieu P. 1986. The Forms of Capital. Trans. R. Nice. In: Richardson J. (ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood; 46–58.

Broughman S. P., Swaim N. L. 2013. *Characteristics of Private Schools in the United States: Results from the 2011–2012 Private School Universe Survey* (NCES 2013-316). U.S. Department of Education. Washington, DC: National Center for Education Statistics.

Castel R. 1995. *Les Métamorphoses De La Question Sociale: Une Chronique Du Salariat*. Paris: Fayard.

Castells M. 2010. *The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture.* Vol. 1.2nd ed. Singapore: Wiley; Blackwell.

Coleman J. S. 1988. Social Capital in the Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology.* 94: S95–S120.

Collins R. 1979. *The Credential Society: An Historical Sociology of Education and Stratification.* New York: Academic Press.

Cunha F., Heckman J. J., Schennach S. M. 2010. Estimating the Technology of Cognitive and Noncognitive Skill Formation. *Econometrica.* 78 (3): 883–931.

Davis K., Moore W. E. 1945. Some Principles of Stratification. *American Sociological Review.* 10 (2): 242–249.

Deaton A., Stone A. A. 2013. Two Happiness Puzzles. *The American Economic Review*. 103 (3): 591-597.

DiNardo J. E., Pischke J.-S. 1997. The Returns to Computer Use Revisited: Have Pencils Changed the Wage Structure Too? *The Quarterly Journal of Economics.*112 (1): 291–303.

Duncan G. J., Hoffman S. D. 1981. The Incidence and Wage Effects of Overeducation. *Economics of Education Review.*1 (1): 75–86.

Dunkerley D. 1975. *Occupations and Society*. London: Routledge & K. Paul.

Freeman R. 1976. *The Overeducated American*: New York: Academic Press.

Gennaioli N. et al. 2013. Human Capital and Regional Development. *The Quarterly Journal of Economics.*128 (1): 105–164.

Groen J. A. 2006. Occupation-Specific Human Capital and Local Labour Markets. *Oxford Economic Papers.*58 (4): 722–741.

Grusky D. B. 2001. The Past, Present, and Future of Social Inequality. In: Grusky D. B. (ed.) *Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*. 2nd ed. Boulder: Westview Press; 3–51.

Hamilton K., Liu G. 2014. Human Capital, Tangible Wealth, and the Intangible Capital Residual. *Oxford Review of Economic Policy.* 30 (1): 70–91.

Handel M. J. 2013. Putting Tasks to the Test: Human Capital, Job Tasks, and Wages. *Journal of Labor Economics.*31 (2. Part 2): S59–S96.

Heckman J. J. 2000. Policies to Foster Human Capital. *Research in Economics.* 54 (1): 3–56.

Heckman J. J., Carneiro P. 2003. Human Capital Policy. In: Heckman J. J., Krueger A. B. (eds) *Inequality in America: What Role for Human Capital Policies?* Cambridge, MA: MIT Press; 77–239.

Heckman J. J., Rubinstein Y. 2001. The Importance of Noncognitive Skills: Lessons from the Ged Testing Program. *The American Economic Review.*91 (2): 145–149.

IMF. 2007. *World Economic Outlook: Spillovers and Cycles in the Global Economy*. Washington, D.C.: International Monetary Fund.

Jackson M., Goldthorpe J. H., Mills C. 2005. Education, Employers and Class Mobility. *Research in Social Stratification and Mobility.* 23: 3–33.

Jorgenson D. W. 2010. Human Capital and the National Accounts. *Survey of Current Business.*90 (6): 54–56.

Kalleberg A. L., Sørensen A. B. 1973. The Measurement of the Effects of Overtraining on Job Attitudes. *Sociological Methods & Research.*2 (2): 215–238.

Kambourov G., Manovskii I. 2009. Occupational Specificity of Human Capital. *International Economic Review.* 50 (1): 63–115.

Krueger A. B. 1993. How Computers Have Changed the Wage Structure: Evidence from Microdata, 1984–1989. *The Quarterly Journal of Economics.* 108 (1): 33–60.

Kumar K. 1978. *Prophecy and Progress: The Sociology of Industrial and Post-Industrial Society*. New York: Penguin Books.

Lane D. 2007. Post-State Socialism: A Diversity of Capitalisms? In: Lane D., Myant M. (eds). *Varieties of Capitalism in Post-Communist Countries*. London: Palgrave Macmillan; 13–39.

Lange F., Topel R. 2006. The Social Value of Education and Human Capital. In: Hanushek E., Welch F. (eds.). *Handbook of the Economics of Education*. Vol. 1. Ch. 8. Amsterdam, The Netherlands: Elsevier; 459–509.

Lee D. W., Lee T. H. 1995. Human Capital and Economic Growth Tests Based on the International Evaluation of Educational Achievement. *Economics Letters.*47 (2): 219–225.

Lee S.-H., Kim J. 2004. Has the Internet Changed the Wage Structure Too? *Labour Economics.*11 (1): 119–127.

Lemieux T. 2006. The "Mincer Equation" Thirty Years after Schooling, Experience, and Earnings. In: Grossbard S. (ed.) *Jacob Mincer a Pioneer of Modern Labor Economics*. New York: Springer; 127–145.

Lerman R. I. 2013. Skill Development in Middle Level Occupations: The Role of Apprenticeship Training. *IZA Policy Paper*. No. 61, Bonn: Institute for the Study of Labor (IZA).

Li J., Yu H. 2014. Income Inequality and Financial Reform in Asia: The Role of Human Capital. *Applied Economics.*46 (24): 2920–2935.

Lounsbury M., Kaghan W. N. 2001. Organizations, Occupations and the Structuration of Work. In: Vallas S. P. (ed.) *The Transformation of Work*. London: Emerald Group Publishing Limited; 25–50.

Mincer J. 1958. Investment in Human Capital and Personal Income Distribution. *The Journal of Political Economy.* 66 (4): 281–302.

Mincer J. 1962. On-the-Job Training: Costs, Returns, and Some Implications. *The Journal of Political Economy.* 70 (5): 50–79.

Mincer J. 1974. *Scholing, Experience, and Earnings*. New York: National Bureau of Economic Research; Columbia University Press.

Monnier M. et al. 2016. Occupation-Specific Social Competences in Vocational Education and Training (VET): The Example of a Technology-Based Assessment. *Empirical Research in Vocational Education and Training.* 8 (1): 1–18. doi:10.1186/s40461-016-0036-x

Mulligan C. B., Sala-i-Martin X. 1997. A Labor Income-Based Measure of the Value of Human Capital: An Application to the States of the United States. *Japan and the World Economy.* 9 (2): 159–191.

Murnane R. J., Levy F. 1996. *Teaching the New Basic Skills. Principles for Educating Children to Thrive in a Changing Economy*. New York: Free Press.

Nelson R. R. 2015. Economic Development as an Evolutionary Process. In: Reinert E., Kattel R., Ghosh J. (eds)*Handbook of Alternative Theories of Economic Development*. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar; 323–335.

Neuman S. 1991. Parental Background, Educational Attainments and Returns to Schooling and to Marriage: The Case of Israel. *Applied Economics.* 23 (8): 1325–1334.

Oi W. Y. 1962. Labor as a Quasi-Fixed Factor. *Journal of Political Economy.* 70 (6): 538–555.

Peng G., Eunni R. V. 2011. Computer Skills, Non-Routine Tasks, and Wage Premium: A Longitudinal Study. *The Journal of Strategic Information Systems.* 20 (4): 449–460.

Petty S. W. 1899 (1691). *Verbum Sapienti. Reprinted in the Economic Writings of Sir William Petty.* Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press.

Porat M. U. 1977. *The Information Economy: Definition and Measurement*. URL: http://files.eric.ed.gov/fulltext/ED142205.pdf

Powell W. W., Snellman K. 2004. The Knowledge Economy. *Annual Review of Sociology.* 30: 199–220.

Psacharopoulos G. 1994. Returns to Investment in Education: A Global Update. *World Development.* 22 (9): 1325–1343.

Psacharopoulos G. 2014. The Returns to Investment in Higher Education. In: Menon M. E., Terkla D. G., Gibbs P. (eds) *Using Data to Improve Higher Education*. Boston: Sense Publishers; 121–148.

Romer P. M. 1990a. Endogenous Technological Change. *Journal of Political Economy.* 98 (5. Part 2): S71–S102.

Romer P. M. 1990b. Human Capital and Growth: Theory and Evidence. *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy.* 32: 251–286.

Rosenberg N., Birdzell L. J. L.,Jr. 1986. *How the West Grew Rich: The Economic Transformation of the Industrial World.* New York:Basic Books.

Routh G. 1987. *Occupations of the People of Great Britain, 1801–1981*. London: Macmillan Press.

Rubb S. 2003. Overeducation: A Short or Long Run Phenomenon for Individuals? *Economics of Education Review.* 22 (4): 389–394.

Sabirianova K. Z. 2002. The Great Human Capital Reallocation: A Study of Occupational Mobility in Transitional Russia. *Journal of Comparative Economics.* 30 (1): 191–217.

Sala H., Silva J. I. 2013. Labor Productivity and Vocational Training: Evidence from Europe. *Journal of Productivity Analysis.* 40 (1): 31–41.

Schultz T. W. 1960. Capital Formation by Education. *The Journal of Political Economy.* 68 (6): 571–583.

Schultz T. W. 1961. Investment in Human Capital. *The American Economic Review.* 51 (1): 1–17.

Schultz T. W. 1981. *Investing in People: The Economics of Population Quality*. Los Angeles: University of California Press.

Schumpeter J. A. 2008 (1934). *The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest and the Business Cycle.* Trans. R. Opie. New Brunswick; London: Transaction Publishers.

Sen A. 1983. Development: Which Way Now? *The Economic Journal.* 93 (372): 745–762.

Sen A. 1999. *Development as Freedom*. Oxford: Oxford University Press.

Sicherman N. 1991. "Overeducation" in the Labor Market. *Journal of Labor Economics.* 9 (2): 101–122.

Snyder T. D., Brey C. de, Dillow S. A. 2016. *Digest of Education Statistics 2015* (NCES 2016-014). U.S. Department of Education. Washington, DC: National Center for Education Statistics; Institute of Education Sciences.

Stiglitz J. E., Sen A., Fitoussi J.-P. 2010. *Mismeasuring Our Lives: Why Gdp Doesn't Add Up.* NewYork: The New Press.

Tåhlin M. 2007. Skills and Wages in European Labour Markets: Structure and Change. In: Gallie D. (ed.) *Employment Regimes and the Quality of Work*. Oxford: Oxford University Press; 35–76.

Thompson E. P. 1963. *The Making of the British Working Class*. New York: Pantheon.

Verhaest D., Omey E. 2006. The Impact of Overeducation and Its Measurement. *Social Indicators Research.* 77 (3): 419–448. doi:10.1007/s11205-005-4276-6

Whalley J., Zhao X. 2013. The Contribution of Human Capital to China's Economic Growth. *China Economic Policy Review.* 2 (1): 1350001.

Wood G. T., Lane C. 2012. Institutions, Change, and Diversity. In: Wood G. T., Lane C. (eds)*Capitalist Diversity and Diversity within Capitalism*. New York: Routledge; 1–31.

Wright E. O. 1997. *Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.

Wyatt I. D., Hecker D. E. 2006. Occupational Changes During the 20th Century. *MonthlyLaborReview.* 129: 35–57.

BEYOND BORDERS

Vasiliy Anikin

Human Capital: Genesis of Basic Concepts and Interpretations

ANIKIN, Vasiliy — PhD, Associate Professor, Senior Research Fellow,National Research University Higher School of Economics (NRU HSE). Address: 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation. Senior Research Fellow, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Address: 24/35 Krzhizhanovskogo str.,117218, Moscow, Russian Federation.

Email: vanikin@hse.ru

Abstract

The present paper is aimed at considering the evolution of human capital theory. Drawing on the wide range of classical and recent studies, the author shows the link between changes in economies of industrially developed countries and the development of the human capital theory revealed in the expanded list of indicators measuring human capital. The author proposes a periodization of the human capital theory suggesting five phases: (1) the pre-industrial phase (up to the seventeenth century); (2) the phase of mass education (the nineteenth through the first half of the twentieth century); (3) the late industrial period (1960s–1970s, the period when the core of the human capital theory was established); (4) the post-industrial period I (1980s–2000s); and (5) the post-industrial stage II or contemporary period (1980s–2000s). The study reassesses narrow interpretations, which still widely exist among applied economists. Based on the findings of the human development studies, the author argues for a broader list of indicators of human capital, and, specifically, considers human capital through the lens of national development; moreover, this coincides with the core of the given theory. It is shown that the traditional interpretation of human capital, known as years of schooling and training, does not represent the current situation in the economy, and can be extremely harmful to society if it is adopted as the basis of public policy oriented to the formation and growth of society. The present study can be useful to both economists and sociologists focusing on the indicators of human capital and its contribution to the socioeconomic development of a modern society.

Keywords: human capital; education; skills; motivation; human development; socioeconomic development; modernization.

Acknowledgements

The present paper was based on the research project "Human Capital Development in the Russian Federation" lead in 2017 by the HSE Fundamental Researches Program. The author also extends acknowledgements to Professor Natalia E. Tikhonova and two anonymous reviewers for the invaluable contribution of their suggestions about the structure and the content of the paper.

References

Acemoglu D., Aghion P., Zilibotti F. (2006) Distance to Frontier, Selection, and Economic Growth. *Journal of the European Economic Association*, vol. 4, no 1, pp. 37–74.

Acemoglu D., Pischke J. S. (1999) Beyond Becker: Training in Imperfect Labour Markets. *The Economic Journal*, vol. 109, no 453, pp. F112–F142.

Akerman A., Helpman E., Itskhoki O., Muendler M.-A., Redding S. (2013) Sources of Wage Inequality. *The American Economic Review*, vol. 103, no 3, pp. 214–219.

Anikin V. A. (2013a) Mode of Socio-Economic Development and Occupational Structure: The Case of Contemporary Russia. *Transition Studies Review*, vol. 19, no 4, pp. 397–415. doi:10.1007/s11300-013-0256-8

Anikin V. A. (2013b) Motivation to Work in Russia: The Case of Protracted Transition from Non-competitive to Competitive System. *The Journal of Comparative Economic Studies*, vol. 8, pp. 35–60.

Anikin V. A. (2016) Krizis i natsional'noye samosoznaniye rossiyan [Crisis and Russian National Identity]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 5, pp. 203–232 (in Russian).

Anikin V. A. (2017. Forthcoming) Occupational Propensity for Training in a Late Industrial Society: Evidence from Russia. *International Journal of Training and Development*, vol. 21, no 4. doi:10.1111/ijtd.12106

Augusto Felício J., Couto E., Caiado J. (2014) Human Capital, Social Capital and Organizational Performance. *Management Decision*, vol. 52, no 2, pp. 350–364.

Banerjee A., Deaton A., Duflo E. (2004) Health, Health Care, and Economic Development: Wealth, Health, and Health Services in Rural Rajasthan. *The American Economic Review*, vol. 94, no 2, pp. 326–330.

Barro R. J. (1991) Economic Growth in a Cross Section of Countries. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 106, no 2, pp. 407–443.

Becker G. S. (1960) An Economic Analysis of Fertility. *Demographic and Economic Change in Developed Countries* (ed. G. Roberts) Princeton: Princeton University Press, pp. 209–240.

Becker G. S. (1962) Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. *The Journal of Political Economy*, vol. 70, no 5, pp. 9–49.

Becker G. S. (1965) A Theory of the Allocation of Time. *The Economic Journal*, vol. 75, no 299, pp. 493–517.

Becker G. S. (1993) Nobel Lecture: The Economic Way of Looking at Behavior. *Journal of Political Economy*, vol. 101, no 3, pp. 385–409.

Becker G. S. (2002). *The Age of Human Capital*. Available at: http://media.hoover.org/sites/default/files/documents/0817928928_3.pdf (accessed 1 September 2017).

Becker G. S. (2009) *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*, Chicago: University of Chicago Press.

Becker G. S., Chiswick B. R. (1966) Education and the Distribution of Earnings. *The American Economic Review*, vol. 56, no1/2, pp. 358–369.

Becker G. S., Hubbard W. H., Murphy K. M. (2010) Explaining the Worldwide Boom in Higher Education of Women. *Journal of Human Capital*, vol. 4, no 3, pp. 203–241.

Behrman J. R., Deolalikar A. B. (1988) Health and Nutrition. *Handbook of Development Economics*, vol. 1 (eds. H. Chenery, T. N. Srinivasan), ch. 14,Oxford: Elsevier, pp. 631–711.

Bell D. (1999 [1973]) *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*, New York: Basic Books.

Berg I. (1970) *Education for Jobs: The Great Training Robbery*, New York: Praeger Publishers.

Berger M. C., Earle J. S., Sabirianova K. Z. (2001) Worker Training in a Restructuring Economy: Evidence from the Russian Transition. *Worker Wellbeing in a Changing Labor Market. Research in Labor Economics,* vol. 20 (ed. S. Polachek), Bingley, UK: Emerald Group Publishing Limited, pp. 159–190.

Blau P. M., Duncan O. D. (1967) *The American Occupational Structure*. New York: Wiley.

Blaug M. (1992) *The Methodology of Economics: Or, How Economists Explain*.2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.

Booth A. L., Bryan M. L. (2005) Testing Some Predictions of Human Capital Theory: New Training Evidence from Britain. *Reviewof Economics and Statistics*, vol. 87, no 2, pp. 391–394.

Borghans L., Meijers H., Ter Weel B. (2008) The Role of Noncognitive Skills in Explaining Cognitive Test Scores. *Economic Inquiry*, vol. 46, no 1, pp. 2–12.

Borghans L., Ter Weel B. (2004) Are Computer Skills the New Basic Skills? The Returns to Computer, Writing and Math Skills in Britain. *Labour Economics*, vol. 11, no 1, pp. 85–98.

Bourdieu P. (1986) The Forms of Capital (R. Nice, Trans.). *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* (eds. J. Richardson), New York: Greenwood, pp. 46–58.

Broughman S. P., Swaim N. L. (2013) *Characteristics of Private Schools in the United States: Results from the 2011–2012 Private School Universe Survey (NCES 2013-316).* U.S. Department of Education, Washington, DC: National Center for Education Statistics.

Castel R. (1995) *Les Métamorphoses De La Question Sociale: Une Chronique Du Salariat* [Metamorphoses of the Social Question], Paris: Fayard (in French).

Castells M. (2010) *The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture*, vol. 1. 2nd ed., Singapore: Wiley; Blackwell.

Chugunov E. A. (2001) *Polozheniye i kul'turnyy uroven' promyshlennykh rabochikh Verkhnego Povolzh'ya: konets XIX v. —1913 g.: po materialam Vladimirskoy, Kostromskoy i Yaroslavskoy guberniy* [The Socio-Economic and Cultural Background of Industrial Workers of the Upper Volga Region: The end of the XIX century — 1913: Evidence form the Vladimir, Kostroma, and Yaroslavl provinces], Kostroma: KSU (in Russian).

Coleman J. S. (1988) Social Capital in the Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology*, vol. 94, pp. S95–S120.

Collins R. (1979) *The Credential Society: An Historical Sociology of Education and Stratification*, New York: Academic Press.

Cunha F., Heckman J. J., Schennach S. M. (2010) Estimating the Technology of Cognitive and Noncognitive Skill Formation. *Econometrica*, vol. 78, no 3, pp. 883–931.

Davis K., Moore W. E. (1945) Some Principles of Stratification. *American Sociological Review*, vol. 10, no 2, pp. 242–249.

Deaton A., Stone A. A. (2013) Two Happiness Puzzles. *The American Economic Review*, vol. 103, no 3, pp. 591–597.

Didenko D. V. (2015) *Intellektualoyemkaya ekonomika: Chelovecheskiy kapital v rossiyskom i mirovom sotsial'no-ekonomicheskom razvitii* [Intellectual Economy: Human capital in Russian and International Development], St. Petersburg: Aleteiya (in Russian).

DiNardo J. E., Pischke J.-S. (1997) The Returns to Computer Use Revisited: Have Pencils Changed the Wage Structure Too? *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 112, no 1, pp. 291–303.

Duncan G. J., Hoffman S. D. (1981) The Incidence and Wage Effects of Overeducation. *Economics of Education Review*, vol. 1, no 1, pp. 75–86.

Dunkerley D. (1975) *Occupations and Society*, London: Routledge & K. Paul.

Freeman R. (1976) *The Overeducated American*, New York: Academic Press.

Gennaioli N., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. (2013) Human Capital and Regional Development. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 128, no 1, pp. 105–164.

Groen J. A. (2006) Occupation-Specific Human Capital and Local Labour Markets. *Oxford Economic Papers*, vol. 58, no 4, pp. 722–741.

Grusky D. B. (2001) The Past, Present, and Future of Social Inequality. *Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective* (ed. D. B. Grusky). 2nd ed., Boulder: Westview Press, pp. 3–51.

Hamilton K., Liu G. (2014) Human Capital, Tangible Wealth, and the Intangible Capital Residual. *Oxford Review of Economic Policy*, vol. 30, no 1, pp. 70–91.

Handel M. J. (2013) Putting Tasks to the Test: Human Capital, Job Tasks, and Wages. *Journal of Labor Economics*, vol. 31, no 2, part 2, pp. S59–S96.

Heckman J. J. (2000) Policies to Foster Human Capital. *Research in Economics*, vol. 54, no 1, pp. 3–56.

Heckman J. J., Carneiro P. (2003) Human Capital Policy. *Inequality in America: What Role for Human Capital Policies?* (eds. J. J. Heckman, A. B. Krueger), Cambridge, MA: MIT Press, pp. 77–239.

Heckman J. J., Rubinstein Y. (2001) The Importance of Noncognitive Skills: Lessons from the Ged Testing Program. *The American Economic Review*, vol. 91, no 2, pp. 145–149.

IMF (2007) *World Economic Outlook: Spillovers and Cycles in the Global Economy*, Washington, D.C.: International Monetary Fund.

Jackson M., Goldthorpe J. H., Mills C. (2005) Education, Employers and Class Mobility. *Research in Social Stratification and Mobility*, vol. 23, pp. 3–33. doi:http://dx.doi.org/10.1016/S0276-5624(05)23001-9

Jorgenson D. W. (2010) Human Capital and the National Accounts. *Survey of Current Business*, vol. 90, no 6, pp. 54–56.

Kalleberg A. L., Sørensen A. B. (1973) The Measurement of the Effects of Overtraining on Job Attitudes. *Sociological Methods & Research*, vol. 2, no 2, pp. 215–238.

Kambourov G., Manovskii I. (2009) Occupational Specificity of Human Capital. *International Economic Review*, vol. 50, no 1, pp. 63–115.

Krueger A. B. (1993) How Computers Have Changed the Wage Structure: Evidence from Microdata, 1984–1989. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 108, no 1, pp. 33–60.

Kumar K. (1978) *Prophecy and Progress: The Sociology of Industrial and Post-Industrial Society*, New York: Penguin books.

Lane D. (2007) Post-State Socialism: A Diversity of Capitalisms? *Varieties of Capitalism in Post-Communist Countries* (eds. D. Lane, M. Myant), London: Palgrave Macmillan, pp. 13–39.

Lange F., Topel R. (2006) The Social Value of Education and Human Capital. *Handbook of the Economics of Education*, vol. 1 (eds. E. Hanushek, F. Welch), ch. 8, Amsterdam, The Netherlands: Elsevier, pp. 459–509.

Lee D. W., Lee T. H. (1995) Human Capital and Economic Growth Tests Based on the International Evaluation of Educational Achievement. *Economics Letters*, vol. 47, no 2, pp. 219–225.

Lee S.-H., Kim J. (2004) Has the Internet Changed the Wage Structure Too? *Labour Economics*, vol. 11, no 1, pp. 119–127.

Lemieux T. (2006) The "Mincer Equation" Thirty Years after Schooling, Experience, and Earnings. *Jacob Mincer a Pioneer of Modern Labor Economics* (ed. S. Grossbard), New York: Springer, pp. 127–145.

Lerman R. I. (2013) Skill Development in Middle Level Occupations: The Role of Apprenticeship Training. *IZA Policy Paper, n*o 61, Bonn: Institute for the Study of Labor (IZA).

Li J., Yu H. (2014) Income Inequality and Financial Reform in Asia: The Role of Human Capital. *Applied Economics*, vol. 46, no 24, pp. 2920–2935.

Lounsbury M., Kaghan W. N. (2001) Organizations, Occupations and the Structuration of Work. *The Transformation of Work* (ed. S. P. Vallas), London: Emerald Group Publishing Limited, pp. 25–50.

Martsinkevich V. I. (2005) Investitsii v cheloveka: ekonomicheskaya nauka i rossiyskaya ekonomika [Investments in People: Economic Science and the Russian Economy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 9, pp. 29–39 (in Russian).

Mincer J. (1958) Investment in Human Capital and Personal Income Distribution. *The Journal of Political Economy*, vol. 66, no 4, pp. 281–302.

Mincer J. (1962) On-the-Job Training: Costs, Returns, and Some Implications. *The Journal of Political Economy*, vol. 70, no 5, pp. 50–79.

Mincer J. (1974*) Schooling, Experience, and Earnings*, New York: National Bureau of Economic Research; Columbia University Press.

Monnier M., Tschöpe T., Srbeny C., Dietzen A. (2016) Occupation-Specific Social Competences in Vocational Education and Training (VET): The Example of a Technology-Based Assessment. *Empirical Research in Vocational Education and Training*, vol. 8, no 1, pp. 1–18. doi:10.1186/s40461-016-0036-x

Mulligan C. B., Sala-i-Martin X. (1997) A Labor Income-Based Measure of the Value of Human Capital: An Application to the States of the United States. *Japan and the World Economy*, vol. 9, no 2, pp. 159–191.

Murnane R. J., Levy F. (1996) *Teaching the New Basic Skills. Principles for Educating Children to Thrive in a Changing Economy*, New York: Free Press.

Nelson R. R. (2015) Economic Development as an Evolutionary Process. *Handbook of Alternative Theories of Economic Development* (eds. E. Reinert, R. Kattel, J. Ghosh), Cheltenham; Northampton: Edward Elgar, pp. 323–335.

Neuman S. (1991) Parental Background, Educational Attainments and Returns to Schooling and to Marriage: The Case of Israel. *Applied Economics*, vol. 23, no 8, pp. 1325–1334.

Oi W. Y. (1962) Labor as a Quasi-Fixed Factor. *Journal of Political Economy*, vol. 70, no 6, pp. 538–555.

Peng G., Eunni R. V. (2011) Computer Skills, Non-Routine Tasks, and Wage Premium: A Longitudinal Study. *The Journal of Strategic Information Systems*, vol. 20, no 4, pp. 449–460.

Petty S. W. (1899 [1691]) *Verbum Sapienti. Reprinted in the Economic Writings of Sir William Petty*.Vol. 1, Cambridge: Cambridge University Press.

Porat M. U. (1977) *The Information Economy: Definition and Measurement*. Available at: http://files.eric.ed.gov/fulltext/ED142205.pdf (accessed 1 September 2017).

Powell W. W., Snellman K. (2004) The Knowledge Economy. *Annual Review of Sociology*, vol. 30, pp. 199–220.

Psacharopoulos G. (1994) Returns to Investment in Education: A Global Update. *World Development*, vol. 22, no 9, pp. 1325–1343.

Psacharopoulos G. (2014) The Returns to Investment in Higher Education. *Using Data to Improve Higher Education* (eds. M. E. Menon, D. G. Terkla, P. Gibbs), Boston: Sense Publishers, pp. 121–148.

Romer P. M. (1990a) Endogenous Technological Change. *The Journal of Political Economy*, vol. 98, no 5, part 2, pp. S71–S102.

Romer P. M. (1990b) Human Capital and Growth: Theory and Evidence. *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy*, vol. 32, pp. 251–286.

Rosenberg N., Birdzell L. J. L. ,Jr. (1986) *How the West Grew Rich: The Economic Transformation of the Industrial World*, New York*:* Basic Books.

Routh G. (1987) *Occupations of the People of Great Britain, 1801–1981*, London: Macmillan Press.

Rubb S. (2003) Overeducation: A Short or Long Run Phenomenon for Individuals? *Economics of Education Review*, vol. 22, no 4, pp. 389–394.

Sabirianova K. Z. (2002) The Great Human Capital Reallocation: A Study of Occupational Mobility in Transitional Russia. *Journal of Comparative Economics*, vol. 30, no 1, pp. 191–217.

Sala H., Silva J. I. (2013) Labor Productivity and Vocational Training: Evidence from Europe. *Journal of Productivity Analysis*, vol. 40, no 1, pp. 31–41.

Schultz T. W. (1960) Capital Formation by Education. *The Journal of Political Economy*, vol. 68, no 6, pp. 571–583.

Schultz T. W. (1961) Investment in Human Capital. *The American Economic Review*, vol. 51, no 1, pp. 1–17.

Schultz T. W. (1981) *Investing in People: The Economics of Population Quality*, Los Angeles: University of California Press.

Schumpeter J. A. (2008[1934]) *The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest and the Business Cycle* (trans. R. Opie), New Brunswick; London: Transaction Publishers.

Sen A. (1983) Development: Which Way Now? *The Economic Journal*, vol. 93, no 372, pp. 745–762.

Sen A. (1999) *Development as Freedom*, Oxford: Oxford University Press.

Shkaratan O. I. (2009). Stanovleniye postsovetskogo neoetakratizma [Formation of the Post-Soviet Neo-Statism]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, *n*o 1, pp. 5–22 (in Russian).

Shkaratan O. I., Yastrebov G. A. (eds) (2016) *Nova li novaya Rossiya*? [Is New Russia New?], Moscow: Universitetskaya kniga (in Russian).

Sicherman N. (1991) "Overeducation" in the Labor Market. *Journal of Labor Economics*, vol. 9, no 2, pp. 101–122.

Snyder T. D., Brey C. de, Dillow S. A. (2016) *Digest of Education Statistics 2015 (NCES 2016-014). U.S. Department of Education*, Washington, DC: National Center for Education Statistics; Institute of Education Sciences.

Soboleva I. V. (2007) *Chelovecheskiy potentsial rossiyskoy ekonomiki: Problema sokhraneniya i razvitiya* [Human Potential of the Russian Economy: Shortage and Development Issues], Moscow: Nauka (in Russian).

Stiglitz J. E., Sen A., Fitoussi J.-P. (2010) *Mismeasuring Our Lives: Why Gdp Doesn't Add Up*, NewYork: The New Press.

Strumilin S. G. (1966) *Ocherki ekonomicheskoy istorii Rossii i SSSR* [Essays on the Economic History of Russia and the USSR], Moscow: Nauka (in Russian).

Tåhlin M. (2007) Skills and Wages in European Labour Markets: Structure and Change. *Employment Regimes and the Quality of Work* (ed. D. Gallie), Oxford: Oxford University Press, pp. 35–76.

Thompson E. P. (1963) *The Making of the British Working Class*, New York: Pantheon.

Tikhonova N. E. (2011). Dinamika normativno-tsennostnoy sistemy rossiyskogo obshchestva: 1995–2010 gody [Values and Norms of Russians in 1995–2010*]. Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no 4, pp. 5–19 (in Russian).

Verhaest D., Omey E. (2006) The Impact of Overeducation and Its Measurement. *Social Indicators Research*, vol. 77, no 3, pp. 419-448. doi:10.1007/s11205-005-4276-6

Whalley J., Zhao X. (2013) The Contribution of Human Capital to China's Economic Growth. *China Economic Policy Review*, vol. 2, no 1.

Wood G. T., Lane C. (2012) Institutions, Change, and Diversity. *Capitalist Diversity and Diversity within Capitalism* (eds. G. T. Wood, C. Lane), New York: Routledge, pp. 1–31.

Wright E. O. (1997) *Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis*, Cambridge: Cambridge University Press.

Wyatt I. D., Hecker D. E. (2006) Occupational Changes During the 20th Century. *Monthly Labor Review*, vol. 129, pp. 35–57.

Received: April 11, 2017
Citation: Anikin V. (2017) Chelovecheskiy kapital: stanovlenie kontseptsii i osnovnye traktovki [Human Capital: Genesis of Basic Concepts and Interpretations]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 18, no 4, pp. 120–156. doi: 10.17323/1726-3247-2017-4-120-156 (in Russian).

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

Д. В. Сальникова

Источники несогласованности результатов исследований взаимосвязи объективного и субъективного благополучия

САЛЬНИКОВА Дарья Вячеславовна — преподаватель общеуниверситетской кафедры высшей математики, аспирант школы социологических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: dsalnikova@hse.ru

До сих пор представляют интерес результаты, известные в литературе как парадокс Истерлина. Согласно им в долгосрочной перспективе — 10 лет и более — экономический рост не оказывает значимого эффекта на уровень счастья в обществе. Эти результаты послужили стартовой точкой для развития дискуссии о расхождениях между объективными и субъективными показателями благополучия. В современной литературе не достигнут консенсус в теоретических объяснениях степени разрыва между этими индикаторами, отсутствует согласованность в оценке силы и характера взаимосвязи объективного и субъективного благополучия в развивающихся странах и странах с переходной экономикой. В статье обсуждается не только исходная формулировка парадокса Истерлина, релевантная для странового уровня анализа. Нас интересует развитие дискуссии относительно расхождений между объективными и субъективными показателями благополучия как на страновом, так и на индивидуальном уровне. Цель данной статьи — выявление исследовательских стратегий, позволяющих учесть и объяснить противоречия в характере взаимосвязи объективного и субъективного благополучия.

Для начала автор обозначает истоки дискуссии о субъективном благополучии, обсуждает, с чем связан интерес представителей разных предметных областей к субъективному благополучию. Далее в статье представлено краткое описание того, каким образом развивалась дискуссия о разрыве между объективным и субъективным благополучием, показана основная аргументация сторон. Представленный обзор ключевых источников по рассматриваемому вопросу позволяет выявить основные причины несогласованности результатов исследований, изучающих эффект воздействия экономических показателей на их оценку индивидами. В заключительной части статьи автор представляет стратегии исследования, позволяющие объяснить, от чего зависят выводы о взаимосвязи объективного и субъективного благополучия.

Ключевые слова: парадокс Истерлина; экономический рост; субъективное экономическое благополучие; субъективное неравенство; теория относительного дохода; теория социального сравнения.

Введение: истоки дискуссии о субъективном благополучии и его связи с экономическим благополучием

Субъективное благополучие продолжительное время оставалось преимущественно предметом психологических исследований. Первоначально социологи довольно скептически относились к изучению субъективного благополучия [Veenhoven 2008] в силу того, что оно является отражением эмоционального состояния индивида и, таким образом, выходит за пределы предмета социологических исследований. Р. Веенховен, сближающий понятия «счастье», «удовлетворённость жизнью в целом» и «субъективное благополучие» [Veenhoven 2000; 2007], одним из первых обратил внимание на то, что оценка индивидами собственного благополучия является отражением состояния общества, вовлечённости индивида в социальные сети. Так, социологи занялись изучением оценок благополучия в контексте исследований аномии, определяемой часто как состояние общества, характеризующееся размытостью социальных норм, отсутствием чёткого распределения социальных ролей и устойчивых паттернов поведения социальных групп [Swader, Kosals 2013: 3]. Отчуждение и бессилие, то есть ощущение индивидом своего подчинённого состояния по отношению к отвлечённой системе, на которую невозможно повлиять своими действиями [Seeman 1991: 291–372], выступают составляющими субъективного благополучия. Своеобразным решением разграничения субъективного благополучия как предмета психологии и предмета социологии стало выделение так называемых аффективного и когнитивного компонентов благополучия [Rapley 2003: 193]. Аффективная составляющая является отражением основных положений гедонистических теорий счастья, в рамках которых акцентируется внимание на наслаждении от блага как основы для положительных эмоций. Когнитивная составляющая счастья формируется на базе оценки индивидами своей жизни в целом и отдельных её аспектов (к примеру, семья, материальное благополучие) в соответствии с определёнными критериями наилучшей жизни для индивида. Принимается предпосылка о том, что индивид информирован и опирается на прошлый опыт, то есть оценивает собственное благополучие в текущий период времени, принимая во внимание и взвешивая разные факторы, в том числе и то, какова была его жизнь в течение продолжительного времени в прошлом. Таким образом, к примеру, у маленьких детей ограничены возможности когнитивного оценивания благополучия [Sumner 1996: 146]. Критерии наилучшей жизни для индивида во многом зависят от контекста. Ценности общества, социально-экономические особенности страны могут опосредовать характер связи между объективными и субъективными показателями благополучия. Иными словами, когнитивная составляющая счастья является социально укоренённой: факторы, влияющие на уровень удовлетворённости жизнью, варьируются в разных группах стран. К примеру, в мусульманских странах обнаружена следующая специфика: потенциальная социальная поддержка (в качестве индикатора выступает количество у человека знакомых, к которым можно обратиться за помощью в случае сложной ситуации) не оказывает статистически значимого эффекта на субъективное благополучие [Brannan et al. 2013]. В это же время в большинстве стран взаимосвязь потенциальной социальной поддержки с удовлетворённостью жизнью значимо положительна. Приведём ещё один пример. Семейное положение — значимый предиктор субъективного благополучия вне зависимости от страны. Однако положительный эффект брака на удовлетворённость жизнью значительно сильнее в обществах с развитыми коллективистскими ценностями [Diener et al. 2000].

Любопытно отметить, что отправной точкой для последующей активной дискуссии о характере связи между объективными показателями благополучия и оценками благополучия индивидами оказалась работа не социолога и не психолога, а экономиста. В области экономики субъективное измерение благополучия стало применяться не с целью заменить доходный подход к оценке благополучия [Graham 2016: 424–452], а для того, чтобы получить более точные оценки эффекта изменений различных экономических показателей (к примеру, уровень инфляции), эффекта институциональных изменений (таких как изменения в социальной политике) на благосостояние населения. В 1959 г. экономист М. Абрамовитц выразил сомнение относительно справедливости утверждения о том, что изменения уровня благопо-

лучия в долгосрочном периоде отражают изменения объёма произведённой продукции (см. подробнее: [Easterlin 1974]). В работе 1974 г. Р. Истерлин представил результаты эмпирической проверки позиции М. Абрамовитца [Easterlin 1974] и сформулировал следующие исследовательские вопросы: как связаны экономический рост и уровень общественного благосостояния (*social welfare*)? Подтверждается ли эмпирическими данными положительный характер этой взаимосвязи? Общественное благосостояние отождествляется в работе Р. Истерлина со счастьем. В исследовании рассматриваются как закономерности, выявленные внутри той или иной страны, так и закономерности в межстрановой перспективе, или, иными словами, полученные в результате изучения показателей счастья, агрегированных на уровне стран. Автор, опираясь на данные об уровне счастья и материального достатка, полученные во время опросных исследований в 30 странах, отмечает, что результаты, отражающие индивидуальные данные внутри страны, являются устойчивыми. Представители более высокой доходной группы в среднем ощущают себя более счастливыми. Автор предполагает, что направление причинно-следственной связи — от уровня дохода к счастью. Результаты, вызвавшие впоследствии активный отклик со стороны других исследователей и известные в литературе как парадокс Истерлина, были получены на агрегированном уровне. Автор считает некорректным положение о том, что богатые страны являются более счастливыми. Экономический рост не оказывает значимый эффект на уровень счастья в обществе. Р. Истерлин также обращается к данным во временно́й перспективе. На момент написания его работы опросные данные в большинстве стран были собраны за довольно ограниченный период времени, поэтому Р. Истерлин был вынужден для иллюстрации парадокса обратиться к данным только одной страны — США. Предварительный анализ продемонстрировал, что в долгосрочной перспективе не обнаружено никаких свидетельств в пользу положительной взаимосвязи объективных экономических показателей с уровнем счастья.

Р. Истерлин выявил расхождения между объективными и субъективными показателями на агрегированном страновом уровне, однако позже ряд исследований также подтвердили наличие схожих расхождений на индивидуальном уровне: в ряде стран (в частности, в России) более бедные оказываются более счастливыми, что получило название «парадокс счастливых крестьян» [Graham, Pettinato 2002]. В данной статье нас интересует обсуждение не только первоначальной трактовки парадокса Истерлина, справедливого для агрегированного уровня. Мы проследим развитие дискуссии о расхождениях между объективными и субъективными показателями благополучия как на макро-, так и на микроуровне. Примечательно, что дискуссия о степени разрыва между объективным и субъективным благополучием продолжительна, она длится с 1970-х гг. При этом до сих пор в академической литературе отсутствует согласованность результатов и нет консенсуса относительно объяснительных механизмов характера взаимосвязи. Большинство работ, посвящённых изучению взаимосвязи объективного и субъективного благополучия, носят эмпирический характер, что неудивительно. Выявление взаимосвязи — закономерностей, присущих как одной стране, так и приемлемых для межстрановой перспективы, — требует сбора эмпирического материала и его последующего анализа. Однако в данной статье мы не будем останавливаться на особенностях сбора данных, вопросах валидности и надёжности показателей благополучия. В фокусе нашего внимания — теоретические объяснения, которые, как правило, не учитываются исследователями, чем обусловливается получение противоречивых результатов. Цель данной статьи — определить, какие исследовательские стратегии позволяют учесть и объяснить противоречивость результатов изучения характера взаимосвязи объективного и субъективного благополучия, полученных разными исследователями. Для достижения цели сначала будет представлен обзор основных исследований, формирующих ядро дискуссии о взаимной связи между объективным и субъективным благополучием. На основе этого обзора мы покажем, как развивалась данная дискуссия, и выявим основные причины несогласованности результатов исследований.

Теории, объясняющие характер взаимосвязи объективного и субъективного благополучия: развитие дискуссии

В данной части статьи рассмотрим, какая аргументация была представлена сторонниками парадокса Истерлина и его противниками, и обозначим, как менялся основной предмет дискуссии о характере взаимосвязи объективного и субъективного благополучия.

Для интерпретации выявленного парадокса Р. Истерлин обращается к теории относительного дохода. В рамках данной теории полезность индивида от потребления представлена функцией не от абсолютных значений его расходов, а от отношения его расходов к сумме взвешенных расходов других людей. «Веса» приписываются условно самим индивидом. При пропорциональном росте доходов всех индивидов одновременно полезность каждого отдельного индивида не увеличивается. Полезность в данном контексте можно интерпретировать как уровень субъективного благополучия. Таким образом, более богатая страна необязательно является более счастливой. Это возможное объяснение парадокса Истерлина, полученного изначально на агрегированных межстрановых данных и позднее подтверждённого на данных более широкого временного охвата (10 лет и более) [Easterlin 1995].

Позже теория относительного дохода получила развитие в теории социального сравнения и теории «привыкания». В рамках теории социального сравнения (исходная версия представлена в работе Л. Фестингера [Festinger 1954]) подчёркивается значимость для формирования оценки индивидом собственного благополучия сравнения с благополучием других людей, схожих по каким-то признакам. Однако задача определения референтных групп не имеет уникального решения, что затрудняет эмпирическое тестирование объяснительного механизма социального сравнения. В первую очередь существует множество критериев, в соответствии с которыми можно выделить референтную группу (к примеру, представители той же профессиональной группы, социального класса, возрастной когорты [Firebaugh, Shroeder 2009], люди одной гендерной принадлежности [Ferrer-i-Carbonell 2005]). Кроме того, группы, выделенные в соответствии с разными критериями, не являются взаимоисключающими. Также важно, что индивид может ориентироваться не только на группу, в которую он входит, но и на «внешнюю» группу — представителей, к примеру, более высокого статуса. Были предприняты попытки протестировать эмпирически теорию социального сравнения (см., например: McBride 2001; Blanchflower, Oswald 2004]), в результате чего подтвердилась гипотеза о том, что с ростом дохода референтной группы уровень счастья индивида снижается. Однако в указанных исследованиях проверен недостаточный набор референтных групп (возрастная когорта, профессиональная группа), а также сравнительно узок страновой и временной охват данных. Эти ограничения не позволяют с полной уверенностью говорить о том, что для объяснения парадокса Истерлина, предполагающего отсутствие значимой связи между экономическим ростом и счастьем именно *в долгосрочном временном периоде*, релевантна теория социального сравнения.

Согласно теории «привыкания», индивид адаптируется к потреблению. Иными словами, с потреблением каждой последующей единицы блага его предельная полезность уменьшается, а следовательно, субъективное благополучие также снижается. Дискуссионным вопросом остаётся корректность отождествления полезности индивида и субъективного благополучия. Можно выделить две составляющие субъективного благополучия [Kimball, Willis 2006]: (1) реакция на изменения в полезности от получения того или иного блага; (2) удовлетворённость от благ высокого порядка (к примеру, здоровье, которое благо, то есть счастье, и само по себе, и средство, ресурс для осуществления разных видов деятельности [Магун 1983: 49]). Первая составляющая и является полезностью. Она отражает предпочтения индивида в отличие от более широкого концепта субъективного благополучия. Было показано, что, в частности, для России справедлива теория «привыкания» [Родионова 2014]: эффект прироста дохода на субъективное благополучие наиболее сильный для наименее материально обе-

спеченных людей, однако по мере увеличения абсолютного значения дохода данный эффект ослабляется.

Широкое распространение для объяснения характера взаимосвязи между объективным и субъективным благополучием получила также теория уровня притязаний. Положительная взаимосвязь, характерная для данных за один временной срез, объясняется тем, что в фиксированную временну´ю точку индивиды с более высоким доходом при прочих равных условиях способны в большей степени удовлетворить свои притязания. Согласно предложенной теоретической модели, на протяжении жизненного цикла уровень материальных притязаний изменяется пропорционально доходу [Easterlin 2001]. Таким образом, в период активной трудовой деятельности притязания и доход, одновременно демонстрируя рост, уравновешивают друг друга, а следовательно, субъективное благополучие остаётся неизменным. У пожилых людей уровень притязаний и доходы, наоборот, демонстрируют тенденцию к снижению. Это объясняет малую вариацию субъективного благополучия в рамках того или иного периода жизненного цикла. Теория уровня притязаний также предлагает объяснение для того, каким образом формируется оценка индивидом собственного благополучия в предшествующий и последующий периоды жизни. К примеру, в трудовой период жизненного цикла, для которого, как правило, характерен возрастающий уровень притязаний и дохода, индивид оценивает своё благополучие в предшествующий временной период, ориентируясь на более высокий уровень притязаний в текущий момент времени. И, наоборот, притязания в текущий период оказываются ниже, чем в последующий период. Индивид склонен оценивать благополучие в прошлом ниже по сравнению с текущим моментом времени и, напротив, полагать, что его уровень благополучия в будущем возрастёт, при этом не принимая во внимание фактор роста притязаний со временем.

Продолжающаяся дискуссия между сторонниками и критиками парадокса Истерлина отражает противостояние между представителями неоклассического и классического подходов в экономике. Во многом влияние на формирование и развитие неоклассического направления оказали работы Дж. Кейнса: для предсказания поведения индивида были предприняты попытки формализовать психологические факторы и факторы социального контекста [Palley 2008], что противоречило основным предпосылкам классического подхода в экономике. Критика основной работы Р. Истерлина (1974 г.) была направлена преимущественно не против сути самого обозначенного парадокса, а против объяснительных механизмов, а именно — против ряда теорий относительного дохода. Р. Веенховен подчёркивает значимость именно абсолютных значений дохода как фактора субъективного благополучия [Veenhoven 1991]. Э. Динер и его соавторы позже также указывают на отсутствие свидетельств в пользу важности относительного дохода [Diener et al. 1993]. Полученные Б. Стивенсоном и Дж. Уолферсом результаты выступают основанием для переосмысления теоретического объяснения характера взаимосвязи субъективного и объективного благополучия [Stevenson, Wolfers 2008]. Авторы на данных проекта «Всемирное исследование ценностей» (World Values Survey), доступных для ряда стран с 1984 г., показывают, что между средним (агрегирование произведено на уровне страны) значением субъективного благополучия и ВВП на душу населения во временно́й перспективе наблюдается статистически значимая положительная взаимная связь. Авторы делают вывод о том, что значение теорий относительного дохода и социального сравнения преувеличено. Теория «привыкания», согласно которой с течением времени положительный эффект объективного благосостояния на субъективное ослабляется в силу роста уровня притязаний, также может быть подвергнута сомнению. Функциональная форма взаимосвязи, выявленная Б. Стивенсоном и Дж. Уолферсом, наиболее близка к линейно-логарифмической: с ростом ВВП на душу населения с каждой последующей единицей прирост показателя субъективного благополучия уменьшается. Тем не менее «точка насыщения», после которой взаимосвязь объективных и субъективных показателей благополучия изменилась бы на отрицательную, в рамках исследования выявлена не была (даже за долгосрочный временной период на выборке развитых стран с наиболее высоким ВВП на душу населения). Привыкание — своего рода «адаптация» — к росту доходов происходит более медленно, чем предполагалось предшествующими исследователями. Б. Стивенсон и Дж. Уолферс счита-

ют, что, если факт сравнения с окружением и имеет место, внутристрановые сравнения более значимы, чем сравнения с жизнью населения других стран. Согласно их позиции, абсолютный доход — наиболее значимый фактор динамики субъективного благополучия.

В ответе на критику Р. Истерлин и его соавторы представили дополнительно результаты, полученные на расширенной выборке стран, включающей развивающиеся страны и страны с переходной экономикой [Easterlin et al. 2010], и показали, что для этих стран также справедливо отсутствие статистически значимой связи между счастьем и экономическим ростом в долгосрочном временно́м периоде. Авторы указали на то, что представленная критика парадокса Истерлина несостоятельна, поскольку суть парадокса понята неверно. Р. Истерлин подчеркивает отсутствие значимой связи между субъективными оценками благополучия и экономическим ростом именно в долгосрочной перспективе (10 лет и более). Таким образом, положительная взаимосвязь указанных показателей, обнаруженная на кросс-секционной выборке за один год или на выборке за краткосрочный временной период (менее 10 лет), не может выступать свидетельством против парадокса Истерлина, так как не противоречит его сути. Кроме того, Б. Стивенсон и Дж. Уолферс включили в выборку страны с переходной экономикой, данные по которым имеют достаточно много пропущенных значений, что сужает временной период для последующего анализа данных. Это, в свою очередь, может приводить к смещённым результатам.

Объяснительные механизмы — не единственный предмет спора между сторонниками классического и неоклассического направлений в экономике. Приверженцы классического подхода критиковали парадокс Истерлина по той причине, что не признавали субъективное благополучие как предмет исследования, в фокусе их рассмотрения находились показатели дохода, потребления и затрат как индикаторы благополучия. Согласно их позиции, индивиды не способны самостоятельно определить, что является наилучшей альтернативой для них и максимизирует их полезность [Gasper 2005]. В силу этого сторонники классического подхода не обращались к изучению субъективного благополучия и его факторов.

В связи с ослаблением позиций «классиков» дискуссия о парадоксе Истерлина приобрела другой характер. Больше не поднимался вопрос о целесообразности изучения субъективного благополучия. Оппозиция «абсолютный — относительный доход» потеряла свою значимость. Все чаще в фокусе внимания исследователей оказываются факторы-посредники взаимосвязи объективного и субъективного благополучия. Выявление таких факторов даёт потенциал для объяснения того, почему характер этой взаимосвязи может варьироваться в разных обществах и в разные временны́е периоды. Мы рассмотрим эти факторы-посредники в следующей части статьи, где перейдём к обсуждению возможных стратегий исследования, позволяющих оценить значимость факторов, влияющих на связь между объективными и субъективными показателями благополучия.

Источники несогласованности результатов исследования взаимосвязи объективного и субъективного благополучия и стратегии объяснения этой несогласованности

В данном разделе статьи мы обозначим основные причины того, почему, несмотря на продолжительную дискуссию, до сих пор не достигнут консенсус по вопросу о характере взаимосвязи объективного и субъективного благополучия. При этом согласованность отсутствует как для индивидуальных данных, так и для данных, агрегированных на уровне стран. Мы обсудим, какие стратегии исследования позволяют в явном виде определить факторы, обусловливающие расхождения в результатах, и тем самым объяснить возникшие противоречия.

Зависимость взаимосвязи субъективного и объективного благополучия от страновых характеристик

Для того чтобы обозначить первый источник получения противоречащих друг другу выводов о взаимосвязи объективных и субъективных показателей экономического благополучия, обратимся к работе Р. Истерлина и его соавторов «The Happiness-Income Paradox Revisited» («Ещё раз о парадоксе взаимосвязи счастья и дохода») [Easterlin 2010]. В ответе на критику авторы этой работы указали на то, что результаты, полученные Б. Стивенсоном и Дж. Уолферсом, являются во многом итогом методологического артефакта. Репликация этих результатов показала, что при исключении стран с переходной экономикой из выборки отрицательная взаимосвязь удовлетворённости жизнью с ВВП на душу населения перестаёт быть значимой. Р. Истерлин и его коллеги полагают, что причиной является не специфика стран с переходной экономикой, а то, что данные по этим странам собраны за короткий временной период. Однако последующие результаты (см., например: [Горшков 2010; Родионова 2014]), полученные на данных развивающихся стран и стран с переходной экономикой, не позволяют сделать однозначный вывод о том, что для них в равной мере, как и для развитых стран, справедлив парадокс Истерлина. Возникает вопрос: обладают ли страны с переходной экономикой и развивающиеся страны спецификой характера связи между субъективным и объективным благополучием? Возможно ли сопоставление результатов исследования этих стран с закономерностями, полученными для развитых стран*?*

Для того чтобы ответить на вышеприведённые вопросы, ряд исследователей предприняли попытку учесть в явном виде контекст, то есть страновые характеристики, культурные особенности, опосредующие характер связи между экономическими показателями и их оценкой. Если первоначально интерес представляли вопросы: «Действительно ли парадокс Истерлина существует? Кто прав: сторонники или критики Р. Истерлина?», — то на современном этапе дискуссии релевантной оказывается следующая постановка вопроса: «В каких условиях соблюдается парадокс Истерлина, а в каких — нет?» В качестве факторов-посредников тестируются, как правило, ценности, доминирующие в том или ином обществе [Sechel 2014]. Также довольно часто как потенциальные модераторы взаимосвязи объективного и субъективного благополучия рассматриваются показатели, тесно связанные с ценностями, такие как уровень социального капитала, восприятие коррупции в обществе [Graham, Chattopadhyay, Picon 2010]. Технически оценка эффекта индикаторов-посредников взаимосвязи осуществляется включением предикторов — переменных взаимодействия в модель.

Указанная стратегия исследования позволяет учесть социальную укоренённость когнитивной составляющей субъективного благополучия. Речь идёт о том, что понимание счастья и определение благополучия могут зависеть от культурных особенностей страны. К примеру, было показано, что для жителей стран с выраженной индивидуалистской культурой более высокий уровень благополучия ассоциируется с успешной самореализацией, достижением поставленных целей и финансовой независимостью. В коллективистских культурах принято считать, что благополучие невозможно без устойчивых социальных связей, выполнения своих обязанностей перед другими людьми [Oyserman, Lee 2008; Triandis 2001].

Определение факторов — страновых характеристик, опосредующих взаимосвязь объективного и субъективного благополучия, позволяет обосновать возможность перехода от макро- к микроуровню анализа данной взаимосвязи. Если изначально парадокс Истерлина был сформулирован только на агрегированном страновом уровне, то позднее в ряде исследований стали приводиться подтверждения расхождений между объективными и субъективными показателями на данных индивидуального уровня. Сопоставимость результатов на разных уровнях можно объяснить тем, что страновые характеристики определяют релевантные предикторы субъективного благополучия на индивидуальном уровне. К примеру, есть свидетельства о том, что в странах с более низкими значениями показателей ВВП на

душу населения и его роста сильнее выражен негативный эффект низкого личного дохода на удовлетворённость жизнью [Pittau, Zelli, Gelman 2010]. Такой результат довольно хорошо объясняется теорией социального сравнения. Жители из стран с низкими показателями экономического развития, зная о более высоком экономическом благополучии других стран, склонны острее воспринимать свои финансовые проблемы. В рамках теории «привыкания» также можно обосновать переход от макро- к микроуровню взаимосвязи объективного и субъективного благополучия. Проиллюстрируем это следующим примером: в странах с более высоким уровнем долгосрочной безработицы на индивидуальном уровне негативный эффект статуса «безработный» на удовлетворённость жизнью является менее выраженным [Helliwell 2002]. В данном случае работает эффект «привыкания», или адаптации к неблагоприятным условиям, в силу того, что безработица на страновом уровне носит долгосрочный характер.

Отсутствие единых критериев выделения референтных групп для тестирования теорий относительного дохода

Как уже было обозначено ранее, доминирующей теоретической рамкой для объяснения специфики взаимосвязи объективного и субъективного благополучия являются теории, основанные на положении о том, что относительный доход — наиболее значимый фактор формирования оценки собственного благополучия. Данная теория позволяет объяснить, почему в ряде случаев динамика субъективного благополучия не отражает изменения в экономических показателях (как на индивидуальном уровне, так и на уровне стран). Однако в ряде работ интерпретация, основанная на важной роли социального сравнения и «привыкания» (иными словами, сопоставления текущего значения благополучия с его динамикой в прошлом), представлена без предварительного тестирования предложенных объяснительных механизмов на данных. Как теория социального сравнения, так и теория «привыкания» допускают расхождения в характере взаимосвязи объективного и субъективного благополучия на агрегированном (по странам) и индивидуальном уровне. Для тестирования данных теорий на первый взгляд возможно выявить различия в силе и характере взаимосвязи экономических показателей и оценок благополучия в разных социальных группах. Такая стратегия предполагает проведение эмпирического анализа не на всех данных по той или иной стране единовременно, а с учётом предварительной дифференциации на группы. Иными словами, речь идёт о выделении референтных групп. Но одни и те же люди могут ориентироваться на многочисленные референтные группы, выделенные в соответствии с разным набором критериев (к примеру, как на профессиональную группу, так и на представителей той же гендерной принадлежности). Отдельную сложность представляет собой однозначное определение наиболее значимых референтных групп, относительно которых индивид оценивает своё благополучие. К примеру, до сих пор остаются открытыми вопросы, насколько быстро адаптируются мигранты к принимающей стране, и какая референтная группа является более важной для них при оценке собственного благополучия — жители родной страны или жители принимающей страны [Melzer, Muffels 2012]. В силу многочисленных трудностей определения наиболее значимой референтной группы необходимо предложить дополнительный инструментарий для проверки объяснительных механизмов взаимосвязи объективного и субъективного благополучия.

Тестирование переменной неравенства распределения доходов в качестве опосредующей взаимосвязь субъективного и объективного благополучия стало попыткой оценить фактор социального сравнения. В силу того что происходит сравнение с референтной группой, значительную роль играет уровень неравенства распределения доходов в стране [Rousseau 2009]. Однако стоит учитывать, что неравенство может иметь разную коннотацию, и это влияет на полученные результаты. Для иллюстрации обратимся к российским исследованиям. Неравенство в России, впрочем, как и в других странах с переходной экономикой, прежде всего выступает детерминантой социальной напряжённости в обществе, которая проявляется, в частности, в росте неудовлетворённости условиями жизни [Осеев 2014]. Альтернативная позиция относительно уровня неравенства как показателя наличия возможностей социальной мо-

бильности, а соответственно, положительной взаимосвязи неравного доступа к ресурсам и субъективного благополучия, слабо представлена в отечественных исследованиях.

Во избежание зависимости результатов исследования от различной коннотации неравенства в разных обществах необходимо использовать дополнительные инструменты, которые в явном виде учитывают, каким образом индивиды приписывают веса благополучию других индивидов. Напомним, что в рамках теории относительного дохода полезность индивида от потребления представлена как функция от отношения его расходов к сумме «взвешенных» расходов других людей. Важную роль в объяснении степени разрыва между объективными показателями экономического благосостояния и оценками населением благосостояния играет не неравенство распределения доходов, а именно *восприятие индивидом экономического неравенства в обществе.* Дело в том, что индивид приписывает вес благополучию других людей и своему доходу в предшествующие временны́е периоды исходя из собственных оценок неравенства. В свою очередь, между этими оценками и объективным показателем степени неравенства, как, в частности, показывают Д. Трейсман и В. Гимпельсон [Gimpelson, Treisman 2015], могут быть значительные расхождения. Разумно предположить, что чем ближе уровень экономического неравенства к его оценкам, тем сильнее взаимосвязь объективного и субъективного экономического благосостояния. Мы полагаем, что, кроме субъективного неравенства, на формирование весов, приписываемых благополучию других индивидов, влияют *типы потребления*, распространённые в той или иной социальной группе. Наиболее правдоподобным представляется следующее положение: чем более склонен индивид к проявлению демонстративного потребления, тем больший вес другие индивиды будут приписывать его благополучию. Распространённость демонстративного потребления в обществе, в свою очередь, тесно связана со степенью искажения восприятия неравенства. Паттерны потребления различаются в разных референтных группах. К примеру, согласно теории сигналов (сигнал в данном случае понимается как информация о статусе для окружающих), референтные группы с более низким средним доходом более склонны к демонстративному потреблению [Charles, Hurst, Roussanov 2009] (связь нелинейная; наиболее низкие доходные группы стремятся удовлетворить только базовые потребности; эффект социального сравнения ничтожно мал для этих групп [Ravallion, Lokshin 2005]). В силу этого могут наблюдаться значимые расхождения между объективными мерами имущественного неравенства и его оценками.

Изменчивость индивидуальных траекторий субъективного благополучия во временно́й перспективе

Для тестирования теории привыкания требуются данные в долгосрочной временно́й перспективе. Как правило, исследуется динамика средних показателей субъективного благополучия, что, однако, не позволяет учесть, каким образом меняется субъективное благополучие в зависимости от тех или иных событий в жизни, как трансформируются понятия «счастье» и «благополучие» в течение жизни индивида. Это важный недостаток: структура, а также значимость тех или иных составляющих субъективного благополучия варьируются не только в межстрановой, но и во временно́й перспективе (см., например: [Diener et al. 1999; Tov, Diener 2013]).

Современные исследователи изменили методологию эмпирической проверки гипотез для того, что учесть изменчивость индивидуальных траекторий субъективного благополучия. Наиболее релевантным методом в данном контексте представляется моделирование латентных кривых. Традиционный подход к анализу панельных и лонгитюдных данных состоит в том, что значение зависимой переменной предсказывается на основании значения той же переменной в предыдущие временны́е точки. Если быть точнее, то оценивается среднее значение по всей выборке в пространственном разрезе данных (в отличие от временно́го). Специфика моделирования с латентными кривыми заключается в том, что основой для прогнозирования значения зависимой переменной выступает индивидуальная траекто-

рия, полученная по всем временны́м периодам, доступным для анализа. Параметры, оценённые для каждой единицы анализа, представлены как латентные переменные. В модель включаются случайные эффекты, которые отражают специфику индивидуальных траекторий — «отклонений» от среднего по всей выборке. Кроме рассмотрения изменяющейся наблюдаемой переменной в качестве зависимой, мы можем использовать латентный конструкт и проанализировать его изменения во временно́й перспективе. Таким образом, во-первых, этот метод позволяет выявить траекторию изменения латентного субъективного благополучия и определить факторы, влияющие на эту траекторию [Bollen, Curran 2006]. Иначе говоря, на «входе» исследования мы изначально работаем не с набором конкретных переменных — удовлетворённостью работой, удовлетворённостью текущим доходом и т. д., а, напротив, предварительно определяем латентный концепт и его содержание. Изменчивость латентного концепта условно может быть названа причиной доли изменчивости ряда аспектов субъективного благополучия. В то же время необъяснённая доля дисперсии наблюдаемых индикаторов также моделируется (к примеру, «специфичность» в факторном анализе). Во-вторых, моделирование латентных кривых позволит выявить, каким образом изменяется структура латентного конструкта (значимость тех или иных составляющих) с течением времени. Моделирование латентных кривых стало активно применяться только последние 10–15 лет. Традиция применения этого метода к изучению взаимосвязи между объективным и субъективным благополучием ещё не сформировалась, однако первые попытки протестировать данный метод для решения задачи выделения индивидуальных траекторий субъективного благополучия уже предприняты [Bayliss, Olsen, Walthery 2017; Зудина 2017].

Заключение

Субъективное благополучие продолжительное время оставалось вне предметной области социологических и экономических исследований в связи со значимостью аффективной составляющей, изучаемой, как правило, психологами. Осознание ограниченности объективных экономических показателей благосостояния населения стало одной из причин, по которой субъективное благополучие стало предметом междисциплинарных исследований. Именно экономисты впервые обратили внимание на специфику взаимосвязи объективного и субъективного благополучия. Дискуссия относительно парадокса Истерлина продолжается до сих пор. Важно отметить, что ее предметом стала преимущественно не суть самого парадокса, а предложенные автором объяснительные механизмы. Эта дискуссия долгое время отражала во многом именно противостояние между представителями неоклассического и классического подходов в экономике. «Каркасом» для ряда теорий (теория социального сравнения, теория «привыкания», или адаптации, теория притязаний), позволяющих объяснить парадокс Истерлина, является теория относительного дохода (формализация психологических факторов и социального контекста как факторов формирования оценки собственного благополучия), против которой активно выступают приверженцы классического подхода в экономике. В результате ослабления позиций «классиков» больше не поднимался вопрос о целесообразности изучения субъективного благополучия, а противостояние теорий абсолютного и относительного дохода потеряло прежнюю значимость.

Стало понятно, что нет однозначного ответа на вопрос, какая позиция о характере взаимосвязи объективного и субъективного показателей благополучия является верной. В силу этого стратегия исследования изменилась. В фокусе современных работ — выявление источников расхождений в полученных результатах. Интерес представляют условия, которые способствуют тому или иному характеру взаимосвязи экономических показателей с их оценками.

На основе обзора ключевых источников по указанной тематике мы обнаружили несколько источников получения несогласованных результатов и определили соответствующие стратегии исследования, позволяющие в явном виде оценить значимость тех или иных факторов, объясняющих расхождения в результатах. Резюмируем выводы в приведённой таблице (см. табл. 1).

Таблица 1

Источники несогласованности результатов о характере взаимосвязи объективного и субъективного благополучия и соответствующие стратегии исследования

Источник несогласованности	Стратегия исследования
Зависимость взаимосвязи субъективного и объективного благополучием от страновых характеристик; социальная укоренённость субъективного благополучия	Поиск релевантных факторов-посредников взаимосвязи на страновом уровне (к примеру, ценности, социальный капитал)
Отсутствие единых критериев выделения референтных групп для тестирования теорий относительного дохода	Использование дополнительных инструментов, позволяющих объяснить, каким образом приписываются веса доходу других индивидов и своему доходу в предшествующие временны́е периоды: субъективное неравенство, типы потребления
Изменчивость индивидуальных траекторий субъективного благополучия в течение продолжительного временно́го периода	Изменение методологии эмпирического исследования и применение моделирования латентных кривых

Важно отметить, что обозначенные исследовательские стратегии направлены не на определение однозначной правоты сторонников той или позиции, но предоставляют возможность диагностировать, почему в разных странах и для разных временны́х периодов наблюдается неодинаковый характер взаимосвязи. Несхожие выводы оказываются справедливыми в зависимости от условий. Можно сказать, что такой подход, основанный на диагностике проблемы, позволяет смягчить противоречия, возникшие относительно характера взаимосвязи объективного и субъективного благополучия. Вполне вероятно, что этот подход в перспективе поможет найти консенсус первоначальным сторонникам и критикам парадокса Истерлина.

Литература

Горшков М. К. 2010. Российское общество: реакция на кризис и ожидания будущего. *Общество и экономика.* 2: 17–31.

Зудина А. А. 2017. Мобильность социального самочувствия россиян в 2000–2014 гг. В кн.: Капелюшников Р. И., Гимпельсон В. Е. *Мобильность и стабильность на российском рынке труда*. М.: Изд. дом ВШЭ: 447–489.

Магун В. С. 1983. *Потребности и психология социальной деятельности личности.* Под ред. В. А. Ядова. Ленинград: Наука.

Осеев А. А. 2014. Социальное неравенство как фактор социальной напряженности в российском обществе. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология.* 14 (2): 68–80.

Родионова Л. А. 2014. Парадокс Истерлина в России. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право.* 14 (2): 386–393.

Bayliss D., Olsen W., Walthery P. 2017. Well-Being During Recession in the UK. *Applied Research Quality Life.* 12 (2): 369–387.

Blanchflower D., Oswald A. 2004. Well-being Over Time in Britain and the USA. *Journal of Public Economics.* 88 (7): 1359–1386.

Bollen K., Curran P. 2006. *Latent Curve Models. A Structural Equation Perspective.* Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.

Brannan D. et al. 2013. Friends and Family: a Cross-Cultural Investigation of Social Support and Subjective Well-being among College Students. *The Journal of Positive Psychology.* 8 (1): 65–75.

Charles K., Hurst E., Roussanov N. 2009. Conspicuous Consumption and Race. *The Quarterly Journal of Economic.* 124 (2): 425–467.

Clark A., Frijters P., Shields M. 2008. Relative Income, Happiness, and Utility: An Explanation for the Easterlin Paradox and Other Puzzles. *Journal of Economic Literature.* 46 (1): 95–144.

Cojocaru A., Diagne M. 2015. How Reliable and Consistent are Subjective Measures of Welfare in Europe and Central Asia? Evidence from the Second Life in Transition Survey. *Economics of Transition.* 23 (1): 75–103.

Diener E. et al. 1993. The Relationship between Income and Subjective Well-being: Relative or Absolute? *Social Indicators Research.* 28 (3): 195–223.

Diener E. et al. 1999. Subjective Well-being: Three Decades of Progress. *Psychological Bulletin.* 125 (2): 276– 302.

Diener E. et al. 2000. Similarity of the Relations between Marital Status and Subjective Well-Being across Cultures. *Journal of Cross-Cultural Psychology.* 31 (4): 419–436.

Easterlin R. 1974. Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence. In: David P., Reder M. (eds). *Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramowitz.* NY; London: Academic Press; 89–125.

Easterlin R. 1995. Will Raising the Incomes of All Increase the Happiness of All? *Journal of Economic Behavior and Organization.* 27 (1): 35–47.

Easterlin R. 2001. Income and Happiness: Towards a Unified Theory. *The Economic Journal.* 111 (473): 465–484.

Easterlin R. et al. 2010. The Happiness-Income Paradox Revisited. *Proceedings of the National Academy of Sciences.* 107 (52): 22463–22468.

Ferrer-i-Carbonell A. 2005. Income and Well-Being: An Empirical Analysis of the Comparison Income Effect. *Journal of Public Economics.* 89 (5): 997–1019.

Festinger L. 1954. A Theory of Social Comparison Processes. *Human Relations.* 7 (2): 117–140.

Firebaugh G., Shroeder M. 2009. Does your Neighbor's Income Affect your Happiness? *American Journal of Sociology.* 115 (3): 805–831.

Gasper D. 2005. Subjective and Objective Well-Being in Relation to Economic Inputs: Puzzles and Responses. *Review of Social Economy.* 33 (2): 177–206.

Gimpelson V. E., Treisman D. 2015. Misperceiving Inequality. National Bureau of Economic Research. NBER Working Paper Series. *Working Paper*. No. 21174. Cambridge, MA: Natiomal Bureau of Economic Reasearch. URL: http://www.nber.org/papers/w21174.pdf

Graham C. 2016. Subjective Well-Being in Economics. In: Adler M., Fleurbaey M. (eds) *The Oxford Handbook of Well-being and Public Policy.* NY: Oxford University Press; 424–452.

Graham C., Chattopadhyay S., Picon M. 2010. The Easterlin and Other Paradoxes: Why Both Sides of the Debate May be Correct. In: Diener E., Helliwell J., Kahneman D. (eds) *International Differences in Well-Being.* NY: Oxford University Press; 247–288.

Graham C., Pettinato S. 2002. Frustrated Achievers: Winners, Losers and Subjective Well-Being in New Market Economies. *Journal of Development Studies.* 38 (4): 100–140.

Helliwell J. 2002. How's Life? Combining Individual and National Variables to Explain Subjective Well-Being. *Economic Modelling.* 20 (2): 331–360.

Kimball M., Willis R. 2006. Happiness and Utility. *Working Paper.* March 3. Ann Arbor: University of Michigan. URL: http://www-personal.umich.edu/~mkimball/pdf/uhap-3march6.pdf

McBride M. 2001. Relative-Income Effects on Subjective Well-being in the Cross-Section. *Journal of Economic Behavior and Organization.* 45 (3): 251–278.

Melzer S., Muffels R. 2012. Migrant's Pursuit of Happiness. The Impact of Adaption, Social Comparison and Relative Deprivation: Evidence from a Natural Experiment. *SOEPpapers on Multidisciplinary Panel Data Research.* No. 448. URL: http://www.diw.de/documents/publikationen/73/diw_01.c.400274.de/diw_sp0448.pdf

Oyserman D., Lee S. 2008. Does Culture Influence What and How We Think? Effects of Priming Individualism and Collectivism. *Psychological Bulletin*. 134 (2): 311–342.

Palley T. 2008. The Relative Income Theory of Consumption: A Synthetic Keynes-Duesenberry-Friedman Model. *Working Papers.* No. 170. Amherst: University of Massachusetts Amherst.

Pittau M., Zelli R., Gelman A. 2010. Economic Disparities and Life Satisfaction in European Regions. *Social Indicator Research.* 96: 339–361.

Rapley M. 2003. *Quality of Life Research.* London: Sage.

Ravallion M., Lokshin M. 2005. Who Cares about Relative Deprivation Effects. *Policy Research Working Paper Series*. No. 3782. Washington, DC: The World Bank.

Rousseau J-B. 2009. *Essays on the Economics of Happiness.* Ann Arbor: University of Michigan. URL: https://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/64721/jbgrou_1.pdf?sequence=1

Sechel C. 2014. *Subjective Well-Being across Countries: What is the Aggregate?* University of York. URL: http://conference.iza.org/conference_files/SUMS_2015/sechel_c21751.pdf

Seeman M. 1991. Alienation and Anomie. In: Robinson J., Shaver Ph., Lawrence W. (eds) *Measures of Personality and Social Psychological Attitudes.* San Diego: Academic Press; 291–372.

Stevenson B., Wolfers J. 2008. Economic Growth and Subjective Well-being: Reassessing the Easterlin Paradox. *Brookings Papers on Economic Activity.* 39 (1): 1–87.

Sumner W. 1996. *Welfare, Happiness, and Ethics.* Oxford: Claredon Press.

Swader C., Kosals L. 2013. Post-Socialist Anomie through the Lens of Economic Modernization and the Formalization of Social Control. *HSU Working Papers. Series: Sociology.* BRP 17/SOC/2013. URL: https://www.hse.ru/data/2013/03/02/1293260236/17SOC2013.pdf

Tov W., Diener E. 2013. Subjective Well-being. In: Keith K. (eds). *The Encyclopedia of Cross-Cultural Psychology.* Hoboken, NJ: John Wiley & Sons; 1239–1245.

Triandis H. 2001. Individualism-Collectivism and Personality. *Journal of Personality.* 69: 907–924.

Veenhoven R. 1991. Is Happiness Relative? *Social Indicators Research.* 24 (1): 1–34.

Veenhoven R. 2000. The Four Qualities of Life: Ordering Concepts and Measures of the Good Life. *Journal of Happiness Studies.* 1 (1): 1–39.

Veenhoven R. 2007. Measures of Gross National Happiness. *Presentation* at *OECD Conference on Measurability, Policy Relevance of Happiness.* Rome. April 2–-3. URL: http://www.oecd.org/site/worldforum06/38303257.pdf

Veenhoven R. 2008. Sociological Theories of Subjective Well-being. In: Eid M., Larsen R. (eds) *The Science of Subjective Well-Being: A Tribute to Ed Diener.* NY: Guilford Publications; 44–61.

PROFESSIONAL REVIEWS

Daria Salnikova

The Reasons for Conflicting Results on the Relationship between Objective and Subjective Well-Being

SALNIKOVA, Daria — Independent Department of Higher Mathematics, Postgraduate Student (School of Sociology) National Research University Higher School of Economics (NRU HSE). Address: 20 Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russian Federation.

Email: dsalnikova@hse.ru

Abstract

The results known in academic literature as the Easterlin paradox state that economic growth does not have any significant effect on happiness in a society in the long term (more than 10 years). These results became a trigger for the subsequent discussion about the gap between objective and subjective measures of well-being. In particular, there is still no consensus on the explanatory mechanism underlying the relationship between objective and subjective well-being. The analysis of transition economies and developing countries gives inconsistent and contradictory results. In this paper, I consider not only the original interpretation of the Easterlin paradox that is true only for the aggregated national level. This paper traces the discussion about the gap between objective and subjective well-being on both national and individual levels. This study aims to define relevant research strategies that explain why the inferences about the relationship between economic well-being and its perception are inconsistent.

At the beginning of the paper, I address the origins of the academic discussion on subjective well-being and explain why different disciplines study subjective well-being. The following part of the paper describes briefly the key stages of the discussion to expose the main arguments. The review of key studies allows me to find the obstacles to reaching the consensus on the type of relationship between objective and subjective well-being. In the final part, the author reflects on the research strategies that explain why the effect of economic indicators on subjective well-being varies in different studies.

Keywords: the Easterlin paradox; economic growth; subjective economic well-being; subjective inequality; relative income theory; social comparison theory.

References

Bayliss D., Olsen W., Walthery P. (2017) Well-Being During Recession in the UK. *Applied Research Quality Life*, vol. 12, no 2, pp. 369–387.

Blanchflower D., Oswald A. (2004) Well-being Over Time in Britain and the USA. *Journal of Public Economics*, vol. 88, no 7, pp. 1359–1386.

Bollen K., Curran P. (2006) *Latent Curve Models. A Structural Equation Perspective*, Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.

Brannan D., Biswas-Diener R., Mohr C., Mortazavi S., Stein N. (2013) Friends and Family: A Cross-Cultural Investigation of Social Support and Subjective Well-Being among College Students. *The Journal of Positive Psychology*, vol. 8, no 1, pp. 65–75.

Charles K., Hurst E., Roussanov N. (2009) Conspicuous Consumption and Race. *The Quarterly Journal of Economic*, vol. 124, no 2, pp. 425–467.

Clark A., Frijters P., Shields M. (2008) Relative Income, Happiness, and Utility: An Explanation for the Easterlin Paradox and Other Puzzles. *Journal of Economic Literature*, vol. 46, no 1, pp. 95–144.

Cojocaru A., Diagne M. (2015) How Reliable and Consistent are Subjective Measures of Welfare in Europe and Central Asia? Evidence from the Second Life in Transition Survey. *Economics of Transition*, vol. 23, no 1, pp. 75–103.

Diener E., Eunkook M., Lucas R., Smith H. (1999) Subjective Well-being: Three Decades of Progress. *Psychological Bulletin*, vol. 125, no 2, pp. 276–302.

Diener E., Gohm C., Suh E., Oishi S. (2000) Similarity of the Relations between Marital Status and Subjective Well-Being across Cultures. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, vol. 31, no 4, pp. 419–436.

Diener E., Sandvik E., Seidlitz L., Diener M. (1993) The Relationship between Income and Subjective Well-Being: Relative or Absolute? *Social Indicators Research*, vol. 28, no 3, pp. 195–223.

Easterlin R. (1974) Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence. *Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramowitz* (eds. P. David, M. Reder), NY; London: Academic Press, pp. 89–125.

Easterlin R. (1995) Will Raising the Incomes of All Increase the Happiness of All? *Journal of Economic Behavior and Organization*, vol. 27, no 1, pp. 35–47.

Easterlin R. (2001) Income and Happiness: Towards a Unified Theory. *The Economic Journal*, vol. 111, no 473, pp. 465–484.

Easterlin R., McVey L., Switek M., Sawangfa O., Zweig J. (2010) The Happiness-Income Paradox Revisited. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 107, no 52, pp. 22463–22468.

Ferrer-i-Carbonell A. (2005) Income and Well-Being: An Empirical Analysis of the Comparison Income Effect. *Journal of Public Economics*, vol. 89, no 5, pp. 997–1019.

Festinger L. (1954) A Theory of Social Comparison Processes. *Human Relations*, vol. 7, no 2, pp. 117–140.

Firebaugh G., Shroeder M. (2009) Does Your Neighbor's Income Affect Your Happiness? *American Journal of Sociology*, vol. 115, no 3, pp. 805–831.

Gasper D. (2005) Subjective and Objective Well-being in Relation to Economic Inputs: Puzzles and Responses. *Review of Social Economy*, vol. 33, no 2, pp. 177–206.

Gimpelson V. E., Treisman D. (2015) Misperceiving Inequality. NBER Working Paper Series. *Working Paper, n*o 21174 , Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. Available at: http://www.nber.org/papers/w21174.pdf (accessed 15 Septemner 2017).

Gorshkov M. K. (2010) Rossiyskoye obschestvo: reaktsiya na krizis i oszidaniya budushchego [Russian Society: Reaction to the Crisis and Expectations]. *Obschestvo i ekonomika*, no 2, pp. 17–31 (in Russian).

Graham C. (2016) Subjective Well-being in Economics. *The Oxford Handbook of Well-being and Public Policy (*eds. M. Adler, M. Fleurbaey), NY: Oxford University Press, pp. 424–452.

Graham C., Chattopadhyay S., Picon M. (2010) The Easterlin and Other Paradoxes: Why Both Sides of the Debate May be Correct. *International Differences in Well-being (*eds. *E.* Diener, J. Helliwell, D. Kahneman), NY: Oxford University Press, pp. 247–288.

Graham C., Pettinato S. (2002) Frustrated Achievers: Winners, Losers and Subjective Well-Being in New Market Economies. *Journal of Development Studies*, vol. 38, no 4, pp. 100–140.

Helliwell J. (2002) How's Life? Combining Individual and National Variables to Explain Subjective Well-Being. *Economic Modelling,* vol. 20, no 2, pp. 331–360.

Kimball M., Willis R. (2006) Happiness and Utility. *Working Paper*, March 3, Ann Arbor: University of Michigan. Available at: http://www-personal.umich.edu/~mkimball/pdf/uhap-3march6.pdf (accessed 15 September 2017).

Magun V. S. (1983) *Potrebnosti i psykhologiya sotsial'noy deyatel'nosti lichnosti* [The Needs and Psychology of Social Activity of the Individual], Leningrad: Science (in Russian).

McBride M. (2001) Relative-income Effects on Subjective Well-Being in the Cross-Section. *Journal of Economic Behavior and Organization*, vol. 45, no 3, pp. 251–278.

Melzer S., Muffels R. (2012) Migrant's Pursuit of Happiness. The Impact of Adaption, Social Comparison and Relative Deprivation: Evidence from a Natural Experiment. *SOEPpapers on Multidisciplinary Panel Data Research,* no 448. Available at: http://www.diw.de/documents/publikationen/73/diw_01.c.400274.de/diw_sp0448.pdf (accessed 15 September 2017).

Oseev A. A. (2014) Sotsial'noye neravenstvo kak factor sotsial'noy napryaszennosti v rossiyskom obshchestve [Social Inequality as a Factor of Social Tension in the Russian Society]. *Vestnik Moscovskogo universiteta. Sotsiologia i politologiya*, vol. 14, no 2, pp. 68–80 (in Russian).

Oyserman D., Lee S. (2008) Does Culture Influence What and How We Think? Effects of Priming Individualism and Collectivism. *Psychological Bulletin*, vol. 134, no 2, pp. 311–342.

Palley T. (2008) The Relative Income Theory of Consumption: A Synthetic Keynes-Duesenberry-Friedman Model. *Working Papers*, no 170, Amherst: University of Massachusetts Amherst.

Pittau M., Zelli R., Gelman A. (2010) Economic Disparities and Life Satisfaction in European Regions. *Social Indicator Research*, vol. 96, pp. 339–361.

Rapley M. (2003) *Quality of Life Research*, London: Sage.

Ravallion M., Lokshin M. (2005) Who Cares about Relative Deprivation Effects. *Policy Research Working Paper Series*, no 3782, Washington, DC: The World Bank.

Rodionova L. A. (2014) Paradoks Isterlina v Rossii. [The Easterlin Paradox in Russia]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya Seriya. Seriya: Ekonomika, Upravleniye, Pravo*, vol. 14, no 2, pp. 386–393 (in Russian).

Rousseau J-B. (2009) *Essays on the Economics of Happiness* (PhD Thesis), Ann Arbor: University of Michigan. Available at: https://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/64721/jbgrou_1.pdf?sequence=1 (accessed 16 September 2017).

Sechel C. (2014) *Subjective Well-Being across Countries: What is the Aggregate?* Available at: http://conference.iza.org/conference_files/SUMS_2015/sechel_c21751.pdf (accessed 16 September 2017)

Seeman M. (1991) Alienation and Anomie. *Measures of Personality and Social Psychological Attitudes (*eds. J. Robinson, Ph. Shaver, W. Lawrence), San Diego: Academic Press, pp. 291–372.

Stevenson B., Wolfers J. (2008) Economic Growth and Subjective Well-Being: Reassessing the Easterlin Paradox. *Brookings Papers on Economic Activity*, vol. 39, no 1, pp. 1–87.

Sumner W. (1996) *Welfare, Happiness, and Ethics*, Oxford: Claredon Press.

Swader C., Kosals L. (2013) Post-Socialist Anomie through the Lens of Economic Modernization and the Formalization of Social Control. HSE Working Papers. Series: Sociology, BRP 17/SOC/2013, Moscow: HSE Publishing House. Available at: https://www.hse.ru/data/2013/03/02/1293260236/17SOC2013.pdf (accessed 15 September 2017).

Tov W., Diener E. (2013) Subjective Well-Being. *The Encyclopedia of Cross-Cultural Psychology* (ed. K. Keith), Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, pp. 1239–1245.

Triandis H. (2001) Individualism-Collectivism and Personality. *Journal of Personality*, vol. 69, pp. 907–924.

Veenhoven R. (1991) Is Happiness Relative? *Social Indicators Research*, vol. 24, no 1, pp. 1–34.

Veenhoven R. (2000) The Four Qualities of Life: Ordering Concepts and Measures of the Good Life. *Journal of Happiness Studies*, vol. 1, no 1, pp. 1–39.

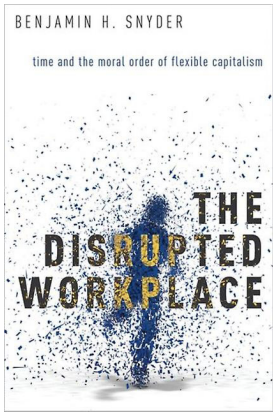
Veenhoven R. (2007) Measures of Gross National Happiness. *Presentation at OECD Conference on Measurability, Policy Relevance of Happiness*, Rome, April 2–3. Available at: http://www.oecd.org/site/worldforum06/38303257.pdf (accessed 15 September 2017).

Veenhoven R. (2008) Sociological Theories of Subjective Well-being. *The Science of Subjective Well-Being: A Tribute to Ed Diener* (eds. M. Eid, R. Larsen), NY: Guilford Publications, pp. 44–61.

Zudina A. A. 2017. Mobil'nost' sotsial'nogo samochuvstviya rossiyan v 2000–2014 gg. [Trajectories of Self-Evaluations in Russia in 2000–2014] *Mobil'nost' i stabil'nost' na rossiyskom rynke truda* [Mobility and Stability in the Russian Labour Market] (eds. R. I. Kapelyushnikov, V. E. Gimpel'son), Moscow: HSE Publishing House, pp. 447–489 (in Russian).

Received: April 18, 2017
Citation: Salnikova D. (2017) Istochniki nesoglasovannosti rezul'tatov issledovaniy vzaimosvyazi obektivnogo i subektivnogo blagopoluchiya [The Reasons for Conflicting Results on the Relationship between Objective and Subjective Well-Being]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 18, no 4, pp. 157–174. doi: 10.17323/1726-3247-2017-4-157-174 (in Russian).

НОВЫЕ КНИГИ



А. А. Поплавская

Дезорганизация трудового ритма жизни и непостоянство в работе как скрытые черты системы гибкого капитализма

Рецензия на книгу: Snyder B. H. 2016. *The Disrupted Workplace: Time and the Moral Order of Flexible Capitalism.* Oxford: Oxford University Press. 249 p.

ПОПЛАВСКАЯ Анита Андреевна — аспирант факультета социальных наук, аналитик Центра внутреннего мониторинга НИУ ВШЭ. Адрес: Россия, 101000, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: anitamoiseeva.a@gmail.com

Книга Бенджамина Снайдера «The Disrupted Workplace: Time and the Moral Order of Flexible Capitalism» («Дезорганизованное рабочее место: временной и моральный порядки гибкого капитализма») посвящена вопросу субъективного восприятия временных затрат на трудовую деятельность работниками современной системы гибкого капитализма. В книге автор описывает два противоположных типа восприятия времени: (1) количественное, выраженное в желании придерживаться чётких расписаний и планов, и (2) качественное, проявляющееся в умении быстро реагировать на внешние изменения и быть в постоянной готовности действовать. Первый тип остаётся для автора эталонным, однако всё реже встречающимся на рынке. Второй тип является современным и более распространённым среди работников, хотя имеет существенные недостатки. Интервью с тремя группами респондентов — финансовыми аналитиками, водителями-частниками и высококвалифицированными работниками, ставшими безработными, — подтверждают подобные выводы. Действительно, работа в США представляет собой неорганизованный, хаотичный, небезопасный, не подчиняющийся линейным законам мир, где работник пытается подстроиться под текущую ситуацию, не строит долгосрочных планов на будущее, не является стратегом, хотя отчасти верит в то, что его трудовой режим является гибким, а он сам становится свободнее и предприимчивее в подобных условиях. Ситуация, по мнению автора, обманчива: «игры с работой» заставляют работника жертвовать здоровьем, личной жизнью, порой даже своими правами на труд и достойный заработок. Безостановочно получая и выполняя различные задания (в случае с финансистами и водителями) или находясь в непрерывном поиске работы (в случае с безработными), человек не имеет возможности восстановить свои физические, моральные, психологические силы и критически осмыслить современную систему гибкого капитализма и своё место в ней. Оправдывая постоянные изменения и десинхронизованный жизненный ритм уходом от монотонности, скуки и рутинности труда на микроуровне, на макроуровне мы получаем новые формы неравенства, где высококвалифицированные специалисты подвергаются безработице наравне с низкоквалифицированными, а проблемы гарантий занятости усугубляются: работа становит-

ся нерегулярной и непредсказуемой, переработка и лояльность фирме и (или) профессии порой также не способствуют постоянной занятости.

Ключевые слова: рынок труда; капитализм; время; моральная экономика; режим труда; социология времени.

Введение

Словари предлагают множество вариантов перевода английского слова *disrupted*: разрушенный, дезорганизованный, нарушающий привычный образ жизни. В названии рецензируемой книги также есть слово *flexible*, означающее «гибкий», «свободный», «податливый», «уступчивый», «легко адаптирующийся к внешним условиям». В заглавии книги Бенджамина Снайдера — «The Disrupted Workplace: Time and the Moral Order of Flexible Capitalism» — сталкиваются эти два определения текущей системы рынка труда. Главное противоречие, рассматриваемое автором в книге, это несоответствие вывески «гибкий капитализм», подразумевающей возможную подстройку рыночной системы под интересы человека как во временно́м (гибкость рабочего графика), так и в моральном (удовлетворение от работы, осмысленность труда) планах, и реальной ситуации на рынке труда, а именно внутренней напряжённости, которую испытывают современные работники из различных профессиональных сфер.

Чтобы подвести читателя к данному выводу и показать реальную ситуацию на рынке труда автор проводит исследование в рамках такого направления, как социология времени. Будучи студентом департамента социологии в Университете Виргинии (США) Снайдер пишет диссертацию, которая в дальнейшем становится основой для рецензируемой книги. Структура книги следующая: сначала представлен экскурс в историю развития форм рабочего времени, проанализирована ситуация до и после Второй мировой войны, сделана попытка объяснить основные причины легитимации превалирующих в разное время режимов труда (фордизм, постфордизм, тейлоризм, современный гибкий капитализм и др.). Чтобы понять основы и проблемы текущего режима рабочего времени, автор знакомит читателя с результатами собственного этнографического исследования. Серии интервью с американскими финансовыми специалистами, водителями грузовиков, работающими по договору, а также с высококвалифицированными специалистами, оставшимися без работы (далее — безработные), помогают автору разобраться, в чём состоит дисфункция современной системы. Отсутствие укоренённости, постоянно меняющийся и хаотичный режим работы, небезопасное, сомнительное, неопределённое будущее — всё это черты, присущие режиму труда не одной профессиональной группы, а распространённые в разных слоях американского трудового общества, что в дальнейшем, по словам Снайдера, может привести к кризисной ситуации в жизни населения, как в экономической, так и в социальной сферах[1].

Настоящая рецензия содержит краткое изложение основных идей книги Снайдера и их критический анализ. Следуя за автором, мы начнём с определения двух противоположных способов восприятия времени. Далее опишем основные концепции временны́х режимов труда, обсудим историю зарождения гибкого капитализма и постараемся охарактеризовать изменившийся рынок труда. После этого обратимся к эмпирике, а именно к этнографическому исследованию трёх профессиональных миров (финансовые работники, водители и безработные). Следуя структуре рецензируемой книги, выделим

[1] В целом, подобные выводы отчасти напоминают основные тезисы книги социолога Гая Стэндинга, говорящего о тревожном распространении нового класса в британском обществе — «прекариата» (*precariat*), социально уязвимого слоя населения, незащищённого ввиду вовлечённости в частичную занятость, фриланс и другие краткосрочные формы трудоустройства (например, временные рабочие-мигранты, стажёры, фрилансеры, работники креативных индустрий и др.) [Standing 2011]. Работы Г. Стэндинга и Б. Снайдера различают акцент первого на частичных изменениях в структуре рынка труда и акцент второго — на более масштабных трансформациях, происходящих во всех слоях населения и профессиональных сферах.

основные проблемы системы гибкого капитализма. В заключение перенесём упомянутые автором проблемы на российскую действительность и постараемся предложить пути их исследования.

Виды субъективного восприятия времени

Бенджамин Снайдер определяет предметом своей книги субъективное восприятие времени. Следуя за авторами, работающими в рамках социологии времени (Барбара Эдам, Норберт Элиас, Энтони Гидденс, Эвиатар Зерумбавель и др.), он разделяет два его вида: (1) количественное и (2) качественное. Для удобства интерпретаций Б. Снайдер выбирает нетипичный для учёного способ введения понятий — опирается в своих описаниях на древнегреческую мифологию и связывает каждое понятие с языческим богом. Один из них, Хронос, отвечает за линейное течение жизни, последовательность событий, за правильный ритм, в совокупности составляющие количественное, или *хронологическое* время. Оно измеряется в часах, минутах, секундах. В сущности, хронологическое время представляет собою абстракцию, в рамках которой каждая минута равноценна другой, ни один день не важнее другого, а следовательно, единственными важными понятиями в рамках данной концепции являются «расписание» и «дисциплина», позволяющие установить рамки для течения жизни и достичь порядка в использовании времени и в собственном поведении.

С Кайросом Б. Снайдер связывает свою концепцию качественного восприятия времени. Время в данной парадигме неизмеримо, разные его промежутки могут быть более или менее наполнены важными и полезными для человека событиями, случаями, возможностями. Человек стремится к тому, чтобы использовать данные ему в определённое время шансы, уметь их различать и хвататься за них. Готовность действовать, наличие быстрой реакции, находчивость в критических ситуациях, импровизация, умение выстраивать стратегии на будущее — вот что понимается под качественным использованием времени. Количество времени уходит в данной парадигме на второй план, а непостоянство возможностей и необходимость действовать в определённые моменты жизни выступают на первый.

Далее Б. Снайдер говорит об актуальности разных видов времени в разные эпохи. Так, хронологическое время относится, скорее, к эре индустриального капитализма, где производительность труда измеряется в часах, проведённых работником на фабрике. А сам работник субъективно оценивает ценность своего труда в зарплате, которая измеряется в трудо-часах. Качественное время становится актуальным в эпоху постиндустриального капитализма. Здесь во многих профессиональных областях работнику платят не за время, проведённое на рабочем месте, а за задание, выполненное где угодно и когда угодно, но качественно и в срок. Не постоянство и регулярность, а гибкость и подстройка под внешние обстоятельства, характерные для всё время меняющегося современного капиталистического глобального рынка, — это преимущества работника в эпоху постиндустриального капитализма.

Безусловно, две концепции представляют собой лишь идеальные типы субъективного восприятия времени. В реальности они могут сосуществовать параллельно, проявляя себя в большей или меньшей степени в определённые исторические периоды. По словам Б. Снайдера, несмотря на то что мы живём в эпоху постиндустриального капитализма, современные работники находятся ровно между качественным и количественным временем, то есть в ситуации, когда их принуждают работать регулярно, встраиваться в определённые графики и соблюдать дедлайны, а реальные обстоятельства вынуждают импровизировать на месте, быть ловкими, быстро реагирующими на внешние изменения, способными менять свою стратегию здесь и сейчас, выходить на связь не только в офисе, но и в других, не связанных с офисом местах.

Главным выводом глав, определяющих понятие «рабочее время», является то, что привычные инструменты для измерения трудозатрат современного работника не актуальны (часы, проведённые на рабо-

те, бинарность офиса и дома, рабочего и личного времени). Рабочее время теперь следует измерять в интенсивности труда, в затратах энергии на выполнение заданий, порой возникающих не последовательно, друг за другом, а появляющихся одновременно и требующих равного внимания от работника. Отчасти подобные изменения связаны с новыми технологиями, стимулирующими работника. Теперь он должен быть всегда на связи и не привязывать работу к строго очерченному офисному пространству. Но отчасти это связано и с системными изменениями в насаждении и восприятии режимов рабочего времени.

История развития режимов рабочего времени

Вероятно, любой социолог, рассуждающий о капитализме и месте работника в системе труда, начинает свой анализ с противопоставления концепций двух классиков — К. Маркса и М. Вебера. Бенджамин Снайдер — не исключение, и он цитирует Эдварда Томсона, досконально описавшего позиции двух социологов в работе «Time Work Discipline and Industrial Capitalism» («Дисциплина почасовой работы и индустриальный капитализм») [Thompson 1967]. Так, для Маркса капиталистический строй с насаждением временны́х рамок для работника есть не что иное, как закрепощение рабочих и насаждение контроля над их трудом со стороны буржуазии. Для Вебера капиталистический строй легитимирован, если не обожествлён. Предсказуемый порядок жизни, рутинный труд, прилежная и аскетичная работа, сакрализация понятий о достижении успеха в своей профессиональной деятельности — вот то, к чему стремятся западные христиане и из чего исходит развитие протестантской культуры. Здесь также уместно вспоминается жизнь бенедиктинцев, самых организованных людей Средневековья, живущих по расписанию [Snyder 2016: 31]. Механические часы и будильники для достижения регулярности впервые были использованы именно ими в целях соблюдения божественного порядка на земле.

В целом интересна история распространения времени как уже не абстрактного, а более ощутимого и точно выраженного механизма упорядочивания жизни общества. Бенджамин Снайдер, безусловно, рассуждает только о европейской истории и исходит из предпосылки, что временны́е рамки, очерченные работой точных механических часов, появились на Западе именно в мире сакрализованном, церковном. В жизни мирян ощущение «хронологического времени» — часов, минут, секунд — возникло чуть позже, в XV веке, и предпосылкой к этому был звон колоколов. В XV веке появляются публичные механические часы и почасовая оплата. В целом жизнь по расписанию или «по часам» укореняется в европейском обществе в XIV–XVII веках. Следующим шагом становится «индивидуализация времени»: механические часы уменьшаются в размерах, появляются портативные, переносные их модели, некоторые горожане приобретают часы для личного пользования[2]. Люди получают возможности самостоятельно вырабатывать собственный режим, соотносить свои временны́е затраты с трудовыми. Все это приводит к тому, что в конце XVIII века работа на фабриках стандартизуется, оплата становится более упорядоченной (часы — удобное средство подсчёта стоимости труда рабочих), трудовая жизнь будто бы становится более чётко и справедливо устроенной.

Однако, несмотря на корректирование режимов трудового дня на массовых производствах, жизнь работников не облегчается. Дело в том, что ритм труда становится другим. Введение часов в качестве меры труда меняет отношение работодателя к тому, как должен проводить свой рабочий день его подчинённый. Начальник заинтересован в том, чтобы труд был наиболее производительным, то есть регулярным и интенсивным. Определяя длительность рабочего дня, отделяя рабочее время от времени на отдых, работодатель контролирует своих подчинённых.

[2] Механические часы долгое время были малодоступным предметом быта, на них копили деньги, ими дорожили и их могли передавать по наследству детям и внукам. В новелле американского писателя О`Генри «Дары волхвов» (1906) показано отношение к часам как к дорогостоящей, ценной вещи.

Отчасти тейлоризм и фордизм становятся ответом на изменившиеся режимы труда, а именно на уменьшение нормы трудовых часов. Фредерик Тейлор считается родоначальником научного менеджмента, целью которого является увеличение эффективности труда наёмных работников. С помощью теории Тейлора выводится известная формула: экономическая выгода фирмы зависит от того, насколько качественно и быстро выполняют работу её сотрудники. Именно поэтому в бизнесе важен контроль менеджеров за тем, насколько хорошо осуществляются те или иные этапы производства. Целью такого контроля является доведение каждого этапа производства до совершенства. Однако подобная процедура приводит к рутинности и монотонности труда. Каждый работник на практике отвечает лишь за отдельный этап производства и, работая так, не развивается в профессиональном плане, стагнирует. Форд также предлагает пути повышения эффективности труда в поточно-массовом производстве и разрабатывает методы стандартизации, типизации и конвейеризации процессов производства. Всё это позволяет сделать исходный продукт более доступным для среднестатистического потребителя. Однако рутинность и монотонность труда сохраняются, и путей развития у работника практически не остаётся.

После Второй мировой войны работники получают право подписания постоянных контрактов с фирмами, их занятость становится гарантированной и более безопасной. В ответ на суровость тейлоризма и фордизма в XX веке появляется понятие «карьера», предлагающее работнику рост, движение, профессиональное развитие. Карьера стимулирует работника оставаться приверженным и лояльным фирме, обеспечивает ему безопасное и предсказуемое будущее. Однако и карьера подвергается критике. Наиболее яркий образец такой критики даёт Уильям Уайт [Whyte 1965]. Он считает карьеру своего рода сделкой, где на кон ставятся индивидуальность и автономия рабочего, который в дальнейшем сталкивается с явным экзистенциальным противоречием: карьера воспринимается им уже не как средство достижения собственных целей, а как навязанная ему извне или надуманная им самим цель. В рамках карьерного пути, по словам Уайта, не хватает риска и индивидуализма. Только дисциплина и подчинение обеспечивают работнику повышение по службе, но не личностные качества и таланты, не его индивидуальность.

После 1960-х гг. меняется демографическая ситуация: на рынок активно выходят женщины, характер труда трансформируется, в семьях всё чаще работают оба супруга. В связи с этим появляется новая понятийная категория — «баланс между семьёй и работой». Становится необходимым введение гибкого графика. Более того, получают распространение цифровые технологии, позволяющие работникам интеллектуального труда трудиться удалённо. Интернет и цифровая революция стирают границы между работой и домом. Возникает неотейлоризм, теоретики которого говорят об увеличении важности научного менеджмента в производстве. Теперь становится возможным контроль за работником на расстоянии. Постфордизм также говорит об увеличении роли информационных технологий в контролировании процессов и результатов труда. Работник же, в свою очередь, теперь менее привязан к работодателю и к профессии: новые предпринимательские возможности делают человека ответственным за самоактуализацию, учат быть более гибким, постоянно совершенствовать своё образование, проходить курсы повышения или смены квалификации. В целом индустриально-бюрократическая система труда, получившая развитие после Второй мировой войны и включающая гарантии занятости, карьерный рост, лояльность фирме, в новую эпоху подвергается критике как скучная, монотонная, предсказуемая, не мотивирующая на личностный рост и развитие своих способностей. И в ответ на происходящие изменения во внешних условиях на сцену выходит гибкий капитализм.

Гибкий капитализм: основные черты и главные недостатки

За последние 40 лет в США происходило кардинальное реструктурирование рабочего времени. Автор рецензируемой книги считает, что термин «гибкий капитализм», используемый многими авторами (см.,

например: [Boltanski, Chiapello 2005, Kalleberg 2011, Standing 2011]), более всего подходит для описания происходящих изменений на рынке труда. Ключевой чертой гибкого капитализма является разрушение привычных способов производства и потребления, условий труда, восприятия труда работником, а также стратегий управления деятельностью наёмных сотрудников. Бенджамин Снайдер полагает, что подобный режим — это продукт деятельности экономических элит, то есть владельцев крупного бизнеса, политиков и экономистов, воспользовавшихся критикой индустриально-бюрократической системы труда (прежде всего — карьеры как гарантированного и безопасного, но монотонного и рутинного, трудового пути работника) и создавших новый, на первый взгляд — более свободный, трудовой постиндустриальный мир. В этом мире противопоставляются планирование и импровизация, постоянство и гибкость, конкретика и абстракция, рутинность и постоянный драйв и изменения. Кажется, что гибкий капитализм предоставляет работнику свободу действий и самоактуализации, предлагая массу вариантов для изменения позиции на рынке труда, разнообразие работодателей и сфер деятельности, свободу передвижения и возможность переехать в другие города и страны, работать дистанционно — из дома и практически из любой точки земного шара. Однако все эти плюсы системы гибкого капитализма подвергаются довольно весомой критике.

Во-первых, гибкий капитализм остаётся режимом неравенства: социальные меньшинства, низшие и средние классы продолжают пребывать на периферии рынка труда и не получают достойного заработка. Аутсорсинг, массовые сокращения работников, временные контракты — все это подрывает позиции низкоквалифицированных работников. Долгосрочные контракты отходят в прошлое, так как большой штат постоянных работников лишает современных работодателей возможности правильно подстраиваться под меняющийся рынок, увольнять неподходящих и нанимать нужных людей. Доступной оказывается лишь временная работа, поэтому в те периоды, когда работа есть, люди вынуждены перерабатывать, а в другие, когда работы нет, — недорабатывать, искать работу и быть всегда готовыми к тому. чтобы в любой момент снова окунуться в интенсивные трудовые будни. Получается, что гибкий график попросту превращается в небезопасное, скачкообразное трудоустройство. О регулярности заработка и предсказуемости графика приходится лишь мечтать.

Во-вторых, гибкий капитализм становится невыгодным для белых воротничков. Впервые в истории наиболее обеспеченный класс людей относится не к «праздному классу», о котором в XIX веке писал Торстейн Веблен, а к классу нанятых. Быстрое и чёткое выполнение заданий, соблюдение дедлайнов, высокие показатели труда — вот всё, что требуется от белых воротничков сегодня. Более того, место этих людей становится эфемерным: если ты показываешь свою приверженность фирме через постоянную переработку и включённость в дела компании, фирма в тебе заинтересована и инвестирует в тебя. Если ведёшь себя противоположным образом, тебя могут попросту заменить на другого квалифицированного сотрудника. Таким образом, и у белых воротничков появляются стимулы работать без отдыха, постоянно. Личное время на досуг сокращается, а вовлечённость в работу увеличивается. Более того, теперь работа измеряется не в трудовых часах, а в количестве заданий, которые удаётся сделать за рабочий день. Изменяется и сама природа рабочего дня: личные дедлайны, пересекающиеся задания, которые иногда приходится делать одновременно, постоянный поток сообщений и отсутствие чётких организационных стратегий. Преимущества заданий определяются довольно хаотично и меняются в течение рабочего дня в зависимости от внешних обстоятельств. Всё это вырабатывает личную ответственность за рабочие процессы, привычку к самоконтролю за собственными нормами выработки, но оставляет и значимую долю рисков, принуждая работника пребывать в постоянном стрессовом состоянии.

Через всю книгу автором проведена мысль о том, что риск теперь переходит от работодателей к самим работникам (о чём уже говорилось в работах известных социологов; см., например: [Kalleberg 2011; Standing 2011]), легитимируется культура дезорганизации привычного рабочего места, времени, оправдывается отсутствие гарантий на будущее.

Автор не прописывает гипотезу, объясняющую его наблюдения, однако, можно сказать, что ею является мысль о том, что сами работники подобных макроизменений не замечают или попросту не акцентируют на них своё внимание, «вливаясь в ритм» и воспринимая проживаемое непостоянство как должное и правильное.

Три группы рабочих как примеры «игроков» гибкого капитализма

Бенджамин Снайдер описывает результаты трёхлетнего исследования, главным объектом которого выступают три группы «игроков» гибкого капитализма: (1) финансовые работники, (2) водители грузовиков и (3) высококвалифицированные специалисты, потерявшие работу, или безработные. Несмотря на различия в уровне образования, зарплате и даже в рабочем статусе, в положении на рынке труда у этих людей есть схожие черты, которые и обнаруживает автор. Все эти люди находятся в ситуации неопределённости, постоянного движения и скачкообразной занятости, временами работая «на износ», а временами — оставаясь за рамками трудовых отношений. В целом читателю представлена двоякость системы гибкого капитализма: с одной стороны, мы видим людей перерабатывающих, вовлечённых в быстрый ритм; с другой стороны, перед нами недорабатывающие и совсем безработные респонденты, пытающиеся вырваться из омута безработицы и вернуться в мир постоянных перемен и хаотичной работы. Рассмотрим истории групп участников системы гибкого капитализма по отдельности.

Первая группа — это финансовые работники, погруженные в американскую культуру переработки. Ими движет неформальный стимул работать быстрее и больше, они всегда на связи и готовы действовать. Интервью с финансовыми работниками содержат много метафор, характеризующих их работу. Эти люди часто сравнивают свою работу с войной: то, что они имеют дело с деньгами, создаёт у них впечатление огромной важности результата их деятельности; заставляет их всегда быть в теме происходящих на рынке изменений. Ещё одна характеристика — иллюзорность: финансовый работник имеет дело с информацией, выраженной в абстракциях, в цифрах и стереотипах[3]. Наконец, они уподобляют свою работу бессоннице: каждый день им приходится обрабатывать огромное количество информации, в том числе «мусорной», и они тратят на это определённое количество часов и огромную энергию, истощаясь к концу дня, при этом человек постоянно испытывает чувство того, что он не спит и не бодрствует. При заключении сделки финансовый работник становится её частью, он должен постоянно находиться на связи. Его личное время зависит от этапов сделки, и у него возникает ощущение непрерывной вовлеченности в работу, своего рода фантасмагория времени и места, так как работать порой приходится с иностранными клиентами, находящимися в других часовых поясах. Дом и личная жизнь уходят на периферию. Однако финансовые аналитики мало жалуются на свою работу и режим дня, порой даже высказывают чувство удовлетворённости от подобного режима. Именно эта черта работы, внутреннее признание системы и желание работать на неё, несмотря ни на что, и является духом гибкого капитализма.

Вторая группа — это частные водители грузовиков, работающие по контракту с фирмами. Их график также дестабилизирован. Несмотря на сравнительно низкую плату, они, как и высококвалифицированные работники, вынуждены соблюдать строгие дедлайны и подстраиваться под клиента. Из-за этого приходится рисковать своим здоровьем (сбивчивый режим сна, отсутствие возможностей для отдыха и здорового питания) и преодолевать внешние препятствия (транспортные пробки, плохую погоду, отсутствие безопасных парковочных мест). На пределе своих физических возможностей они стараются успеть доставить груз к сроку, поддерживая бодрое состояние стимуляторами и аналептиками (кофеин,

3 Ещё Энтони Гидденс говорил о том, что финансиализация характеризуется двумя процессами — разукоренением (ориентация на глобальное, а не на локальное) и абстрагированием (ориентация на конструкции второго порядка, надстроенные над реальным миром и выраженные в цифрах, новостях, иной внешней информации, и восприятие их как правдивых и реальных) [Giddens 1990].

никотин и др.). Интересна история развития рынка независимых водителей-контрактников, описанная в книге. Впервые частники появляются в США в 1980-х гг., и с каждым годом ими интересуется все большее количество фирм, готовых перевести доставку товаров на аутсорсинг. Таким образом, бизнес отказывается от большой статьи расходов и переносит бóльшую долю рисков на самих водителей (плата за машину, страховка, бензин). Водитель, по сути, становится предпринимателем, самостоятельно рассчитывающим выгоды и издержки своей работы, что также приходится ему по душе. Однако со временем насаждаются правила, такие как контроль со стороны государства (в традициях тейлоризма появляется стандартизированный научный график, система контроля часов, затрачиваемых водителем на сон и на работу) и самой фирмы-нанимателя (диспетчеры, следящие за передвижением водителей с помощью систем GPS и побуждающие водителей действовать в рамках выработанной научной системы, что порой бывает и неудобно, и невыгодно для водителей-контрактников). В результате бизнес водителя становится менее прибыльным и более изматывающим, а гибкость и самостоятельность работы оказываются для работников этой сферы иллюзией.

Третья группа — это безработные высококвалифицированные специалисты, потерявшие работу. Данная группа интересна для анализа своим опытом временной занятости и нахождением между двумя мирами — безработных и работающих. Именно данная группа, по замыслу автора, должна ощущать на себе условия неопределённости (*precarious*) системы гибкого капитализма в полной мере. Б. Снайдер задаётся вопросами: как ненадёжность занятости воспринимается самими безработными? Насколько сильно они критикуют создавшуюся ситуацию? И здесь автор поднимает интереснейший вопрос смены поколений; он пишет о том, что старшие поколения, помнящие о временах гарантированной занятости, должны более критично относиться к текущей ситуации, к собственной безработице и хаотичности трудоустройств, а младшие, не имеющие такой памяти, могут воспринимать своё переменное положение на рынке труда и постоянную необходимость поиска работы более позитивно. Однако, озвучивая данную мысль, автор не приводит различий между мнениями представителей младшего и старшего поколений, и его соображение остаётся недоказанным, хотя и довольно важным и интересным для дальнейших исследований. Возможно, отсутствие подтверждения данной мысли связано с самим местом исследования: США — страна развитого индивидуализма, где не принято винить государство в собственных неудачах[4]. Результаты анализа проведённых интервью подтверждают, что многие американцы принимают и даже порой поддерживают отсутствие безопасного трудоустройства, так как опыт потери работы бывает интересным и захватывающим, позволяет поменять сферу своей деятельности, окружение, квалификацию и даже собственный характер. Более того, центры поддержки безработных внушают многим мысль о том, что «в современном обществе больше нет и не будет работы на всю жизнь» [Snyder 2016: 156]. Следовательно, постоянная работа над собой, самообразование, создание своего рода «я-корпорации», несмотря на любые кризисы и периоды безработицы, становятся идеологией для современного работника. Индивидуализм и позитивное отношение к переменам — то, чему учат, и то, чем оправдывают своё положение безработные.

Проблемы гибкого капитализма: моральные и временны́е порядки

Книга побуждает искать ответы на множество вопросов. Что есть хорошая и плохая работа? В чём состоит значимое различие между первым и вторым? Каким образом должно быть построено рабочее время и как режим работы нужно отделять от личного времени? Интересно, что ответы респондентов и мнение самого Б. Снайдера относительно данных вопросов расходятся. Автор подчёркивает, что проблема отсутствия «хорошей работы» в США существует и является актуальной, а основные проблемы современной системы рынка труда кроются в её «гибкости», являющейся иллюзорной. Под «хо-

[4] В книге приведено сравнение «индивидуалистичных и аполитичных» США с Израилем, где индивидуальная экономическая несостоятельность объясняется дисфункциями работы государственной системы, то есть неправильными действиями социальных институтов или элиты, находящейся у власти [Snyder 2016: 195].

рошей работой» автор понимает размеренную работу, гарантированную и долговременную занятость или возможность иметь последнюю. «Плохую работу», которая является временной и непостоянной, он сравнивает с играми — в индивидуальность, в перемены, которые помогают преодолевать скуку и рутинность жизни, но не дают уверенности в завтрашнем дне. И если раньше, в индустриальном капитализме, игра также была, но связывалась она с построением карьеры и увеличением собственной эффективности, конечной целью которой являлось достижение высокой позиции на своём предприятии. Теперь же игра становится довольно бесцельной; точнее, она имеет кратковременные задачи, но не долгосрочные цели и ориентиры. Так, финансовые аналитики говорят о том, что они не понимают, насколько качественно выполняют свою работу, не видят эталонов для ее выполнения, не понимают, к чему в итоге стремиться: одно задание попросту сменяется другим и работа, хотя и предлагает постоянные новые задания и новые проекты, по сути, остаётся довольно однообразной и слишком энергозатратной. Водители-частники имеют представление о целях своих поездок, однако — в долгосрочной перспективе — не видят для себя возможностей развития, повышения, трудоустройства на другие рабочие позиции. Безработные, уделяя поиску новой работы и рассылке резюме много времени и сил, в итоге не уверены, будут ли они лояльны следующей компании, поскольку, уже имея опыт увольнения, не верят в возможность постоянного трудоустройства, а следовательно, надеются лишь на краткосрочную работу. И несмотря на вышеперечисленные минусы положения представителей трёх групп работников, респонденты, в целом, не пытаются критиковать систему гибкого капитализма: не винят ни институты, ни государство, ни фирмы в их внутренних и внешних жизненных и моральных дилеммах. Все происходящее воспринимается ими как само собою разумеющееся, как должное. Их тревожит только текущее положение дел, необходимость успеть с наиболее актуальными заданиями и работой.

Почему так? Почему право на труд не защищается ни системой, ни её участниками? Почему гарантированная занятость теряет значимость, а перемены и нестабильность становятся привлекательными? Книга содержит несколько объяснений данного парадокса. Во-первых, между опытом занятости и ожиданиями от работы существует тесная взаимосвязь: работник, который за последние годы попросту привык к непостоянной занятости или хаотичности своего рабочего режима, с меньшей вероятностью будет критически оценивать устройство системы и своё положение в ней. Во-вторых, людям попросту может нравиться неопределённость и гибкость работы; в начале карьеры частые перемены и новизна способны привлекать человека, но в долгосрочной перспективе постоянство «непостоянства» может утомить и разочаровать, а также доставить множество неприятностей экономического и социально-психологического характера. Автор книги часто использует выражение «сделка с дьяволом» («*Faustian bargain*»). Это означает, что человек оправдывает нестабильность занятости, хаотичность рабочего графика, нехватку личного времени и непрекращающуюся гонку верой в будущие возможности и такие преимущества, как свободный режим труда, собственный путь в жизни, реализация предприимчивости и своего «я». Как показывает практика, данные надежды часто бывают обманчивыми и не сбываются.

Подводя итог, отметим, что ответ на феномен легитимности текущего режима труда кроется во временны́х и моральных порядках, в которые погружаются современные американские работники, порядках, которые укореняются в их сознании и впоследствии воспринимаются ими как правильные, должные, обыденные и неизменные. Интенсивные режимы труда и постоянная вовлечённость в работу, при наличии таковой, являются своего рода игрой с оплачиваемой занятостью, где важно лишь прохождение уровней этой игры, но её концовка становится совершенно непредсказуемой.

Полезна ли книга для понимания российского рынка труда?

Рецензируемая книга является хорошим примером качественно проведённого этнографического исследования. Интересны и подобранная автором литература, и выведенные из неё понятия, и методо-

логия исследования, и результаты анализа историй респондентов, и выводы, которые делает автор, исходя не только из высказываний респондентов, но и из своих личных наблюдений за процессами, происходящими на рынке труда, что не является типичным для современных социологов, стремящихся порой к простому описанию позиций объектов исследования, а не к раскрытию собственных интуиций и мнений относительно предмета исследования. Книга, безусловно, заслуживает внимания читателя и будет полезна тем, кто хочет понять изменения в системе современного капитализма.

Однако при использовании материалов книги и перенесении выводов на глобальный контекст следует помнить о двух ограничениях исследования, связанных со спецификой поля. Во-первых, респондентами являются представители только трёх профессиональных миров. Конечно, автор обосновывает выбор именно этих трёх групп респондентов как наиболее характерных игроков системы гибкого капитализма. Его внимание неслучайно привлекают высококвалифицированные работники финансового рынка, низкоквалифицированные водители-дальнобойщики и люди, находящихся на грани между работой и безработицей, лавирующие между низким и высоким заработками. Именно они способны отразить ситуацию в низкодоходных и высокодоходных профессиональных областях. Однако остальные группы работников (например, юристы, учёные, сантехники, официанты и т. п.) остаются за гранью настоящего исследования, и автор никак не стремится включить их в свой анализ, даже не предлагает путей дальнейшего исследования этих не вошедших в его исследование групп. Следовательно, выборка может быть смещённой, а результаты отражают лишь ситуацию на отдельных островках огромного рынка труда системы гибкого капитализма в США.

Во-вторых, поскольку исследование проведено только на американском материале, перенести его результаты и выводы на другие социокультурные контексты сложно. Не до конца прояснённым остаётся вопрос о том, существует ли в других странах — европейских, арабских, азиатских и проч. — система гибкого капитализма, как её понимает автор рецензируемой книги. Непонятно, как ведут себя три референтные профессиональные группы в других странах. Если, например, попробовать перенести выводы, сделанные автором, на российский контекст, то можно столкнуться со следующими противоречиями: российские водители-дальнобойщики встречаются с иными проблемами, нежели американские (другие работодатели, другие дороги, скоростные режимы, другие государственные ограничения — например, недавно введённая система «Платон», и т. п.). Отечественные финансисты тоже работают в других условиях и могут быть менее погружены в глобальные процессы (глобальные биржевые сделки все же относятся именно к американскому финансовому рынку, построенному на обороте американской национальной валюты — доллара, а история трейдеров с Уолл-стрита является уникальной и не столь типичной для остального мира). Безработные в России также находятся в иных условиях, нежели американские: не получают столь интенсивной поддержки от социальных центров, в меньшей степени пользуются электронной рассылкой резюме и др. В целом рынок труда и природа безработицы в России иные, нежели в Америке, и это оставляет существенное пространство для дальнейших исследований, поэтому было бы интересно методологически повторить исследование Б. Снайдера в другом социокультурном пространстве, то есть в России, и посмотреть, каким образом трудовые условия и мнения трёх референтных групп работников в нашей стране отличаются от американских, и как черты гибкого капитализма проявляются на отечественном рынке труда.

Автор указывает, где с большей вероятностью можно обнаружить отмеченные им черты: они вероятны не в структуре традиционных профессий, где линейное развитие в рамках одной профессии сохранено и режим дня часто остаётся чётко структурированным, а в сфере новых специальностей, где рабочие места все чаще занимают представители младших поколений, отличающиеся своими трудовыми установками от взрослых работников и выискивающие пути ухода от монотонности, однообразия и рутинности труда.

Литература

Boltanski L., Chiapello E. 2005. The New Spirit of Capitalism. *International Journal of Politics, Culture, and Society.* 18 (3–4): 161–188.

Giddens A. 1990. *The Consequences of Modernity*. Standford, CA: Standford University Press.

Kalleberg A. L. 2011. *Good Jobs, Bad Jobs: The Rise of Polarized and Precarious Employment Systems in the United States, 1970s to 2000s*. New York: Russel Sage Foundation.

Snyder B. H. 2016. *The Disrupted Workplace: Time and the Moral Order of Flexible Capitalism*. Oxford: Oxford University Press.

Standing G. 2011 . *The Precariat: The New Dangerous Class*. London: Bloomsbury Academic.

Thompson E. P. 1967. Time, Work-Discipline, and Industrial Capitalism. *Past & Present.* 38: 56–97.

Whyte W. H. 1965. *The Organization Man*. New York: Penguin.

NEW BOOKS

Anita Poplavskaya

Disruption of Labor Regime and Precarious Work as Hidden Features of Flexible Capitalism

Book Review: Snyder B. H. (2016) *The Disrupted Workplace: Time and the Moral Order of Flexible Capitalism*, Oxford: Oxford University Press. 249 p.

POPLAVSKAYA, Anita — PhD Student, Faculty of Social Sciences; Analyst in the Centre for Institutional Research. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow 101000, Russian Federation.

Email: anitamoiseeva.a@gmail.com

Abstract

Benjamin Snyder's book, "The Disrupted Workplace: Time and the Moral Order of Flexible Capitalism," is devoted to the subjective perception of time spent at work by the employees who work under the system of flexible capitalism. The author describes two types of time perception: quantitative, expressed in the desire to adhere to clear schedules and plans, and qualitative, marked by the ability to respond quickly to external changes and be constantly ready to act. The first type remains to be the reference for the classical worker and the most convenient one, but it is becoming rare in the labor market. The second type is modern and more universal among employees now, but it has significant shortcomings. The interviews conducted with three groups of respondents (financial professionals, truck drivers, and unemployed job seekers), showed which dilemmas, contradictions, and disorders flexible capitalism has. At the outset, the system seems to provide the employee with opportunities to work freely, be entrepreneurial, change his life for the better, and have flexible working hours. Then it becomes clear that the workers lose themselves in unstructured labor regimes, chaotic tasks, insecure working positions, and the absence of predictable future career paths, which deprives them of the opportunities to develop safely in the sphere of work and to plan their own futures. The situation, according to the author, is critical. "Games with work" forcing the workers to sacrifice their health, personal lives, and sometimes even rights to have a job and get a decent salary, stimulates them to be in a constant race to fulfil current tasks (in the case of financial professionals and drivers) or to search for a job (in the case of the unemployed). In such conditions, people have no opportunity to revitalize physically, morally, and psychologically. It becomes harder for them to critically estimate the modern system of flexible capitalism and their positions within this system. Justifying desynchronized life rhythm and constant change by the avoidance of monotony, boredom, and the routine of classic labor regimes at the micro level, society comes across new forms of inequality (highly skilled specialists are exposed to unemployment on par with low-skilled workers) and problems with job security (work becomes irregular and unpredictable for the majority of the population) at the macro level.

Keywords: labour market; capitalism; time; moral economy; labor regime; sociology of time.

References

Boltanski L., Chiapello E. (2005) The New Spirit of Capitalism. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, vol. 18, no 3–4, pp. 161–188.

Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*, Standford, CA: Standford University Press.

Kalleberg A. L. (2011) *Good Jobs, Bad Jobs: The Rise of Polarized and Precarious Employment Systems in the United States, 1970s to 2000s*, New York: Russel Sage Foundation.

Snyder B. H. (2016) *The Disrupted Workplace: Time and the Moral Order of Flexible Capitalism*, Oxford: Oxford University Press.

Standing G. (2011) *The Precariat: The New Dangerous Class*, London: Bloomsbury Academic.

Thompson E. P. (1967) Time, Work-Discipline, and Industrial Capitalism. *Past and Present*, no 38, pp. 56–97.

Whyte W. H. (1965) *The Organization Man*, New York: Penguin.

Received: August 28, 2017
Citation: Poplavskaya A. (2017) Dezorganizatsiya trudovogo ritma zhizni i nepostojanstvo v rabote kak skrytye cherty sistemy gibkogo kapitalizma. Retsenziya na knigu: Snyder B. H. (2016) *The Disrupted Workplace: Time and the Moral Order of Flexible Capitalism*, Oxford: Oxford University Press [Disruption of Labour Regime and Precarious Work as Hidden Features of Flexible Capitalism. Book Review on Snyder, B. H. (2016) *The Disrupted Workplace: Time and the Moral Order of Flexible Capitalism*, Oxford: Oxford University Press]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 18, no 4, pp. 175–187. doi: 10.17323/1726-3247-2017-4-175-187 (in Russian).

INTERVIEWS

Interview with Ashwini Deshpande: "Sticky Floors are Becoming Stickier for Women in the Indian Labor Market"

DESHPANDE, Ashwini — Professor, Department of Economics, Delhi School of Economics, Delhi University. Address: Delhi 110007, India.

Email: ashwini@econdse.org

Abstract

Ashwini Deshpande, professor at the Delhi School of Economics, University of Delhi, was interviewed at the XVIII April International Academic Conference on Economic and Social Development, which took place at the Higher School of Economics on April 11–14, 2017. Deshpande gave the honorary lecture "Glass Ceiling or Sticky Floor? Gender Discrimination in Labour Markets." The interview was prepared by Natalia Soboleva, research fellow of the Laboratory for Comparative Social Research at the Higher School of Economics.

Ashwini Deshpande expressed how she became interested in labor discrimination and discussed the specificity of labor market and gender discrimination in India. Speaking about regular wage-salaried workers, she emphasized the problem of "sticky floor," meaning higher wage gaps at the lower end of the wage distribution, which is a more acute term for developing countries than "glass ceiling." She also pinpointed the importance of differentiating explained and unexplained components of gender discrimination and explained decomposition methods. In her work "Bad Karma or Discrimination? Male–Female Wage Gaps among Salaried Workers in India," she demonstrated the growth of the unexplained component of gender discrimination between 1999–2000 and 2009–2010.

Furthermore, Ashwini Deshpande commented on the situation of self-employment. In her paper "Entrepreneurship or Survival? Caste and Gender of Small Business in India," she showed that female-owned enterprises grow faster than male-owned enterprises, which could be explained by the fact that self-employment is self-selected. Also, she described some other aspects of self-employment in India.

Finally, Ashwini Deshpande believes that concerted efforts targeted specifically towards reducing gender discrimination need to be made, both by the government and private industries.

Keywords: gender discrimination; Indian labor market; sticky floor; glass ceiling; regular wage-salaried workers; self-employment.

—Dear Ashwini, it is very nice to have you here. Could you please tell me why you decided to do research on gender discrimination?

—I work in the broad field called "economics of discrimination." The idea is to look at the effect of social identity on economic outcomes. My Ph.D. and early

publications were on the international debt crisis of the 1970s. When I went for a post-doctoral fellowship at the University of North Carolina at Chapel Hill, I started, for the first time, to look at data related to caste disparities in India. What started as a temporary diversion from my main research topic has now become the main focus of my research. Since then, I have been working on caste and gender disparities in India, the overlap between them, and on affirmative action issues.

—Are there any research centers where the main area of research is gender discrimination in India? Can you suggest some of the names or some of the papers you especially like? (Within the centers, or some Indian scholars?)

—There are several of them, yes. There are women's studies centers at almost all the universities in India. Within the departments, there are scholars who specialize in gender. Additionally, there are stand-alone centers that focus on gender studies, like the Indian Social Studies Trust (ISST) or the Centre for Women's Development Studies (CWDS) in New Delhi.

—I think this is because the topic is very important, and discrimination is quite widespread. How can you characterize the specifics of the Indian labor market in terms of gender discrimination and in general?

—One of the issues in the Indian labor market is the difference in men's and women's participation in the labor force. In 2009–2010, the labor force participation rates (LFPRs) were 85 and 32 percent for men and women, respectively. Over the decade, LFPRs declined for both men and women, with a greater decline for women. Gender disparities in labor force participation, in employment, and the gender wage gap are extremely critical issues.

I have a recent paper, along with two co-authors (Deepti Goel and Shantanu Khanna), that was published in the journal *World Development*. In that paper, we focus on the subset of workers that are called "Regular Wage / Salaried" (RWS) workers. They constitute about 17 percent of the Indian labor force. We calculated the gender wage gap for this category of workers and found that the average gender wage gap decreased from 1999–2000 to 2009–2010 from 55% to 49%, but this change is not statistically significant. In order to examine gender discrimination, it is important to differentiate between explained and unexplained components. An "explained component" is due to gender differences in wage earning qualifications (such as education, age, skills, and location), and the unexplained component is due to gender differences in the labor market returns on these qualifications. In both years, the bulk of the gender wage gap was unexplained, hence is possibly discriminatory. We also found that, over the decade, while the wage-earning qualifications of women improved relative to men, the discriminatory component of the gender wage gap also increased. Over the ten-year period, women's educational and occupational attainment improved relative to men, but in both years, average female wages were less than those of male workers with the same education level. This was true for most occupations and industries, and within types of work (i.e., public or private sector, permanent or temporary, unionized or not).

In fact, in 2009–2010, if women were "paid like men," they would have earned more than men, on account of their qualifications.

In both years, we see the existence of the "sticky floor," in that gender wage gaps are higher at the lower end of the wage distribution and steadily decline thereafter. Over the ten-year period, we found that the sticky floor became stickier for RWS women. In both years, women at the lower end of the wage distribution faced higher discriminatory gaps compared to women at the upper end.

—What are the reasons for the sticky floor?

—One explanation for the sticky floor might be statistical discrimination by employers. Another reason for the sticky floor could be that the natures of these jobs are very different at the two ends of the distribution. Women working at the upper end are more likely to be the urban educated elite working in managerial or other professional positions. These high-wage earning women are more likely to be aware of their rights and might be in a better position to take action against perceived discrimination. Employers would be aware of these possibilities themselves and hence, may not be able to discriminate a great deal between similarly qualified men and women at the upper end of the wage distribution. Moreover, the payment mechanisms used for jobs at the higher end are far more structured and rigidly defined. Women with no education typically work in elementary occupations, and it is easier for the employer to discriminate in those cases. Job segregation is also a known contributor to widening the gaps at the bottom, as men and women tend only to enter into exclusively "male" or "female" jobs. Low skilled jobs for women may pay less than other jobs that require intense physical labor, which men typically do.

—Why do you focus on RWS workers?

—The National Sample Survey (NSS), the data set that we have used for this study, defines RWS workers as those who worked in others' farm or non-farm enterprises and received a salary or wages on a regular basis (as opposed to the daily or periodic renewal of work contracts). We focus on RWS workers because, for the most part, they are in formal sector jobs that are presumed to be meritocratic. They are also governed by regulations that do not sanction discrimination. It is therefore more interesting (and troubling) if we find evidence of labor market discrimination among RWS workers. Furthermore, the link between qualifications such as education and wages is likely to be tenuous for casual laborers, given that they are mainly employed in unskilled manual work. Thus, wage decompositions for RWS workers are likely to give a more accurate picture of discrimination.

—What is the structure of the labor force in India? Is it different for men and women?

—The workforce data for India is broadly distinguished by four categories of workers, namely regular wage salaried workers, casual labor, the self-employed, and the unemployed. Then, of course, more fine tuned divisions can be made using sectoral and/or occupational categories. In 2009–10, 34% of the workforce were casual workers, 46% were self-employed, and 17% were regular wage salaried workers. Open unemployment in India is low, but there is a substantial amount of underemployment or disguised unemployment, where several workers are engaged in a job, contributing far less than their maximum productivity, and earning only a meager livelihood.

—What factors account for the gender wage gap?

—As I mentioned earlier, there are several factors that "explain" the gender wage gap, such as age, education, skills, location (rural or urban, state of residence), etc. However, the bulk of the gender wage gap is "unexplained", which means that even accounting for differences in the education level, say, of men and women, does not eliminate the gender wage gap. Similarly, accounting for differences in other wage earning qualifications does not eliminate the gender wage gap. Thus, we can conclude that the bulk of the gender wage gap is discriminatory. One change that we see over the decade is that, in 2009–2010, women's wage earning qualifications improved relative to men, such that in 2009–2010, if women were "paid like men" in the RWS sector, they would have earned higher wages. The fact that they did not suggests that it is gender discrimination that accounts for the gender wage gap.

—What problem is more important (acute)—very low female LFPR or discrimination against women in the labor market?

—Both are important; it is hard to say that it is one or the other. These are different stages of the labor market. First, women have to enter the market, and then they have to be paid in accordance with their qualifications. So, wage discrimination is important after they gain employment. But, the earlier requirement is that women have to enter the labor force, and then they have to get jobs. For this reason, you cannot say this or that is more important.

—How can you comment that sticky floors are more widespread than glass ceilings?

—This is a feature of many developing societies. These are two different aspects of the same phenomenon, gender discrimination. It is the question of where in the wage distribution gender wage gaps are higher. In some societies, the discrimination is more often at the top of the wage distribution, while in certain other societies, discrimination is more at the bottom. This is just wage discrimination, by the way. These glass ceilings and sticky floors measure just wage or occupational ladder kinds of discrimination. Women face other kinds of discrimination in the workplace, too—uneven access to essential facilities like toilets or health care, difficulties in commuting to work, sexual harassment, and so on. These aspects are over and above wage discrimination.

—GC and SF comprise only wages. They do not measure status, the position of the workers.

—Status follows from wages, so yes, status is related, but the primary indicator people look at will be wages.

—Which developing countries are very similar to India?

—China, Thailand, Sri Lanka, and Vietnam have a sticky floor. I suspect that, in many middle-income countries, there might also be a sticky floor, but this is really an empirical question. In Europe, Ireland, Italy, and Spain have sticky floors, but the effect in India is stronger.

—What do you think of the consequences of labor discrimination? Do you think it will grow in the future?

—It is hard to say, because gender discrimination in the labor market is the feature of almost all societies, from the richest country in the world to the poorest country in the world. It is not as if the country becomes richer and discrimination declines. It is hard to make predictions of global trends. My hope is that gender discrimination will decline in the future, but it is difficult to say exactly what will happen.

—Can you tell more about the methods you are using to calculate gender discrimination?

—It is a standard methodology called the Blinder Oaxaca decomposition methodology. The decomposition can be done at the mean, that is, the average. You take the average wages of men and women and calculate the gender wage gap at the mean. Then, the technique decomposes the wage gap into explained and unexplained parts. Similarly, there is another methodology (the Machado Mata Melly decomposition) that can be used to decompose the wage gaps across the entire distribution.

—What groups of women are most strongly discriminated against in India?

—The sticky floor means that women at the bottom of the wage distribution, the bottom 10% of wage earners, are the most strongly discriminated against.

—Can you comment on the situation in the sectors other than those with regularly paid workers?

—In another paper (co-authored with Smriti Sharma), I have looked at micro and small enterprises (self-employed men and women). We found that female-owned enterprises grow faster than male-owned ones. They might be smaller, but they have faster growth. This feature differs from elsewhere in the world, where female-owned enterprises grow slower than male-owned ones.

—How can you explain this?

—Self-employment is self-selected, so not everyone becomes an entrepreneur. Everybody does not start a business. Women who choose to start their own businesses are probably more motivated. That might be the reason why women-owned enterprises grow faster.

—What is the approximate level of self-employment of men and women in India? Could you please give us some interesting results concerning women in self-employment?

—According to the NSS, in 2009–10, about 45% of all women workers were self-employed. From the Micro, Medium and Small Enterprises (MSME) data, we know that, in 2006–7, about 12% of the registered MSME enterprises were female-owned.

—Is the classification the same in all countries, or is there a specific classification for India?

—I looked only at Indian data. There might be differences in classification compared to other countries, but I am not sure.

—Are there any data showing how earnings differ in self-employment?

—Earnings data on the self-employed are hard to get, but there are some surveys that have this information. We looked at the growth of output of male versus female owned enterprises, and we found that the latter grow faster.

—What are the differences of occupational segregation among men and women? What types of enterprises do men organize and what do women organize?

—About 48% of female-owned registered manufacturing MSME enterprises are in the apparel sector, that is, they have to do with the garment industry, compared to 12% for male-owned enterprises. Apparel and food are the top two sectors for female-owned enterprises, whereas for male-owned enterprises, food products and fabricated metal products are the top two sectors.

—You said that there are no normal statistics on informal workers.

—No. There are a lot of statistics, but there is a lot of missing data when we focus on their earnings.

—Can you comment a bit about Russia?

—All I know is that, in terms of labor force participation rate, gender equality in Russia is very good. But, the gender wage gap in Russia is high.

—In more developed countries, discrimination goes to another level. In more developed countries, they try to reduce gender discrimination, but it persists.

—As I said earlier, the relationship between the overall economic development of the country and gender discrimination is not straightforward, in the sense that it is not the case that greater economic development reduces gender discrimination. I believe that concerted efforts targeted specifically towards reducing gender discrimination need to be made, both by the governments and industry.

—Thank you very much for the interview!

By Natalia Soboleva,
April 13, 2017

References

Deshpande A., Goel D., Khanna S. (2017) Bad Karma or Discrimination? Male–Female Wage Gaps Among Salaried Workers in India. *World Development*, vol. xx, pp. xxx–xxx. doi.org/10.1016/j.worlddev.2017.07.012

Deshpande A., Sharma S. (2013) Entrepreneurship or Survival? Caste and Gender of Small Business in India. *Economic & Political Weekly*, vol. 48, no 28, pp. 38–49.

Received: July 26, 2017
Citation: Interview with Ashwini Deshpande: "Sticky Floors are Becoming Stickier for Women in the Indian Labor Market". (2017) *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 18, no 4, pp. 188–193. doi: 10.17323/1726-3247-2017-4-188-193 (in English).

CONFERENCES

Adriana Mica, Marta Olcoń-Kubicka, Katarzyna M. Wyrzykowska

Workshop Review: New Economic Sociology and Sociology: Where Do They Meet? Where Do They Diverge? Warsaw, May 22–23, 2017

MICA, Adriana — Assistant Professor, the Institute of Social Prevention and Resocialisation of the University of Warsaw. Address: 20 Podchorążych, 00-721 Warsaw, Poland.

Email: a.mica@uw.edu.pl

Abstract

This review presents the theoretical grounding and agenda of a series of works on new economic sociology that was launched in May 2017, in Warsaw, by the Polish Sociological Association's recently constituted Economic Sociology Section. The workshop series comprises three annual meetings held in the second part of May. The long-term plan is to explore the relationship between sociology and new economic sociology by considering specific theoretical problems and, eventually, research sites. The first meeting, which was held this year, was a general warm-up and an attempt to establish the nature of the borders between new economic sociology and the discipline of sociology, and, to a certain extent, even economics. The second meeting, scheduled for 2018, aims to investigate the modalities of reacting to organizational decline or economic crises that the new economic sociology may be considered to have highlighted in addition to Albert O. Hirschman's "Exit, Voice, and Loyalty." The third meeting, which will take place in 2019, is planned in relation to a concrete research site that has been explored in new economic sociology, sociology, and anthropology (e.g., consumption; economic practices concerned with work, entrepreneurship, health, and education; or even art and food).

Keywords: new economic sociology; Albert O. Hirschman; workshop; Warsaw; Polish Sociological Association.

The Polish Sociological Association's recently constituted Economic Sociology Section has launched a call for arguments and debate related to the place of the study of economic life within the broader sociological discipline. This topic is intended to be discussed over a few meetings, to be held annually, under the generic title "Bringing the New Economic Sociology Back into Sociological Analysis." As the title shows, this workshop series starts from the assumption that the new economic sociology, in its focus on 'correcting' the manner in which economics approaches economic life, runs the risk of becoming decoupled from sociological discourse. Thus, the workshop series was launched as a call—an alarm signal, to be more accurate—for new economic sociologists to try to use the findings of the new economic sociology in order to address the main assumptions and contradictions not only in economics but in sociology as well.

In this initiative, the Economic Sociology Section collaborates with academic centers affiliated with the Institute of Philosophy and Sociology (Polish Acad-

OLCOŃ-KUBICKA, Marta — Assistant Professor, the Institute of Philosophy and Sociology of the Polish Academy of Sciences. Address: 72 Nowy Swiat, 00-330 Warszawa, Poland.

Email: molcon-kubicka@ifispan.waw.pl

WYRZYKOWSKA, Katarzyna M. — Researcher, the Institute of Philosophy and Sociology of Polish Academy of Sciences. Address: 72 Nowy Swiat, 00-330 Warszawa, Poland.

Email: katarzyna@wyrzykowska.net

emy of Sciences) and the Institute of Social Prevention and Resocialisation and the Robert B. Zajonc Institute for Social Studies (University of Warsaw). This network does not exhaust the organizational footprint of the Polish sociologists associated with economic sociology. Yet it represents a stream of researchers which combines a culturally oriented economic sociology with a classical interest in class and power relations, as well as in the moral aspect of economic actions. In addition, it is serious about brokerage with other analytical streams, such as the sociology of unintended consequences, the sociology of failure, the sociology of time, and even the sociology of music. This stream, although currently under construction, has manifested itself quite vividly in recent years. Among its successes, one can count the materialization of the first Economic Sociology Section in the framework of the Polish Sociological Association, the initiation of international partnerships for the study of economy and society (such as the Max Planck Partner Group for the Sociology of Economic Life and the collaboration with the University of Naples Federico II), and the development of research projects funded by the mother institutions and the prestigious Polish National Science Center.

The workshop series comprises three annual meetings, held in the second part of May. The long-term plan is to explore the relationship between sociology and the new economic sociology by taking into account specific theoretical problems and, eventually, research sites. The first meeting—*New Economic Sociology and Sociology: Where Do They Meet? Where Do They Diverge?* (22-23 May 2017)—hosted this year, was a general warm-up and an attempt to establish the nature of the borders between the new economic sociology and the discipline of sociology – and, to a certain extent, even economics. The second meeting, scheduled for next year—*Exit, Voice and Loyalty: Alternative Economic Models and Responses to Decline in Contemporary Society* (21-22 May 2018) —aims to investigate the modalities of reacting to organizational decline or economic crises that the new economic sociology may be considered to have highlighted in addition to "Exit, Voice, and Loyalty" (the classical triad that was originally identified by Albert O. Hirschman in 1970 and which has continued to fascinate sociologists ever since). The third meeting, which is to take place in 2019, is planned in relation to a concrete research site that has been explored in the new economic sociology, sociology, and anthropology, for example: consumption; economic practices concerned with work, entrepreneurship, health, and education; or even art and food. This last workshop will also abstract from the initial findings and try to convey a general manifesto.

Thus the 2017 discussion on the relationship between the new economic sociology and sociological analysis was mainly the first in a series of debates that aims to explore this problem from various angles. It took place at the premises in Warsaw of the Polish Academy of Sciences, in the room named in honor of Maria Skłodowska-Curie, the intellectual muse of scientists in Poland and in Central and Eastern Europe. The workshop consisted of three parts, divided as follows: theory; research sites; and possible paths and overlooked issues. It involved ten panels in total, and each part was opened with a guest speech. The first two parts, on theory and research sites, were followed by a more general roundtable that summarized the conclusions of the first day of the workshop. The

third part, which focused on applied new economic sociology, concluded with an informal wrap-up session on challenges facing the discipline.

The first part, relating to theory, was opened by Andrzej Rychard's guest speech on the potential of economic sociology to illuminate some aspects and mechanisms of post-communist transformation. Rychard referred to processes of depoliticization in Polish society that have effected a decoupling in the rhetoric of political elites as well as a more general disengagement from the political sphere at the level of society. Next, the two panels on theoretical models, theoretical connections, and brokerages explored the status of distinct streams both within the new economic sociology and in relation to sociological analysis at large. Sandy Ross spoke about contemporary determined, but unclear, theoretical practices of blending the categories of economy, society, market, and culture, which do not really address the nature and characteristics of blending. Ewa Roszkowska and Ugo Corte (also speaking on behalf of Tom R. Burns and Nora Machado) revised Goffman's interaction theory from the point of view of game theory, bringing Goffman's theory back to game theoretical analysis (to paraphrase the title of the workshop). Andrzej Bukowski and Seweryn Rudnicki tackled the possibility of delivering a new, more integrative definition of innovation supported by practice theory. Gerhard Fuchs contributed a distributed paper on relational theory and the theory of fields.

The second part, related to research sites, began with Salvatore Babones's guest speech on power relations and globalization trends in contemporary society. Babones used a macro-sociological perspective embedded in systems theory to explain the dominant role of the United States in the contemporary developing global configuration. The succeeding two panels brought the focus toward a more qualitative sociology and the new economic sociology. Sebastian Giacovelli explored the applicability and potential of the notion of expectations in sociology and the new economic sociology. Seweryn Rudnicki took the bull by the horns and asked directly what sociology could learn from the new economic sociology. Joe Deville and José Ossandón (also speaking on behalf of Jeanne Lazarus and Mariana Luzzi) brought the discussion into the arena of financialization and domestic economic practices, introducing and theorizing an oikonomization approach. Marta Olcoń-Kubicka underlined the assumptions of a culturally oriented economic sociology and applied these to the study of household calculation practices and technologically sustained earmarking by young Polish middle-class couples.

The third part, regarding possible paths and overlooked issues, began with Patrik Aspers' guest speech on the challenges facing the new economic sociology, which was a theoretical tour de force. It explained the structure of the canon of the new economic sociology and the conditions that have lead to the institutionalization of some topics (such as performativity) and to the near-absence of others from its agenda (such as the relationship between production and consumption). When the floor was opened for questions, the issue of field versus movement was raised. Now that the new economic sociology has become more mature and grounded, should the "new" be dropped from "new economic sociology", or should it be kept in order to distinguish between the new economic sociologists and those who do research in economic sociology but do not consider themselves part of the movement?

The following panels—all six of them—engaged in an exploration of new possibilities of research in relation to worlds such as financial processes, economic life, and accountability. Mikołaj Lewicki discussed the correlation between differentiated credit and lending policies and social stratification. Aleksandra Herman made the archeology of the field of short-term lending in Poland reveal its trends and contradictions. On a more theoretical note, Maciej Kassner differentiated three analytical framings of 'embeddedness' that find their cues in the theory of Polanyi, and he indicated the state of light theoretical rivalry and suspicion between these. José Ossandón weighed up two possible approaches to the study of market-related activities: one that starts with an a priori concept of market and weighs what is found in the field against this definition, and another that lets the case study say what the market actually is. Next, Markéta Sedláčková initiated the theme of brokerage

between the new economic sociology and other arenas of research, pointing particularly to the issue of trust. Marcin Serafin and Mateusz Halawa took a definite step in the direction of an economic sociology of time and temporal orders. On a related topic, Dan Ryjav and Roman Hoffreiter's distributed paper attempted to bring the critically charged evaluation of economic transformation in the Czech Republic and Slovakia toward a more theoretical and abstract analysis. Then Vaike Radauva engaged with a topic that has attracted much attention recently, namely accounting practices, with her investigation of accountability in Estonian social work. Drago Čengić explored strategies of legitimation of entrepreneurship in Croatia. The topic of accounting was eventually linked with the phenomenon of interlocking directorates in the Polish system of two-tier corporate governance in the presentation authored by Joanna Szalacha-Jarmużek, and then linked with Islamic finance in the input delivered by Hideki Kitamura.

Hence, as can be inferred from this brief review, there was an evident theoretical and conceptual consistency in the presentations. The common background and research interests were also evidenced in the discussion that animated the workshop, wherein it was clear that the new economic sociologists speak the same language. But some contradictions, ambiguities, and even inconsistencies were revealed, especially during the two roundtables that summarized the state of the workshop at the end of each of the two full days of discussion. The first roundtable, on the relation between sociology and new economic sociology and hosted by Salvatore Babones and Katarzyna Wyrzykowska, would have evolved into a serious clash between two clearly divided parties had it not been for the conciliatory intervention of some of the more experienced new economic sociologists in the room. One party, a stubborn adherent of a system-theory approach related to North-American school of sociology, asked about the place and input of the new economic sociology in the modernization debate. The other party, taking a perspective that was more qualitative and friendlier to European new economic sociology, was reluctant to close the field in an old-school debate and preferred to envision a social movement instead. The second roundtable, a more informal wrap-up session led by Mateusz Halawa, revealed that some newcomers to the field discovered the new economic sociology by accident while conducting empirical research only loosely related to economic life. For this new blood coming into the new economic sociology, the theory has proved to be productive, as it offers analytical tools and concepts that are applicable to particular research projects, especially to those framed on a microscale. Yet, the discussion concluded, the development of the bigger picture is still pending, hence it is imperative to collaborate and to conduct comparative studies if these newcomers wish to move to the next level.

The first roundtable revealed that, despite being relatively open to new research sites and conceptual experiments, the new economic sociology—and, for that matter, any social movement—still cherishes certain modes of thought and framing, and it might put in motion exclusionary mechanisms if challenged on its own territory. The rejection of the North American-inspired system theory, for instance, signaled that at least the European-oriented economic sociologists do not engage in riddles about the place of the new economic sociology and, even if they do so, they prefer challenges from within their discipline. It also showed that the distinction between the North-American and European streams of the new economic sociology has finally begun to be visible not only in theory but also in the conference room and in the classroom.

The second roundtable indicated that the new economic sociology recruits fresh contributions not only from sociologists interested in economic behavior but also from sociologists who find the new economic sociology vocabulary and mode of thought more appealing. Though there is still room for discussion as to why sociologists who discover the new economic sociology by accident decide to stay and develop the field, suffice it here to note that these sociologists seem to be doing what this series of workshops aims to do—that is, to mobilize around bringing the new economic sociology back to sociology. However, as the discussions revealed, the relationship of mutual give-and-take has yet to be established. Some concepts are facing barriers when being incorporated into general sociology, while others, such as studies of finance, are more easily exported due to being linked with the everyday experience of uncertainty shared by the general public and academia. Thus,

irrespective of whether the desire to reorient the theoretical debate in the new economic sociology toward sociology will be fulfilled, the phenomenon of universalization of the new economic sociology is already under way. What remains unclear, however, is who the engine of this process will be: the established new economic sociologists or the new sociologists?

Received: June 12, 2017
Citation: Mica A., Olcoń-Kubicka M., Wyrzykowska K. M. (2017) Workshop Review: New Economic Sociology and Sociology: Where Do They Meet? Where Do They Diverge? Warsaw 22–23 May, 2017. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 18, no 4, pp. 194–198. doi: 10.17323/1726-3247-2017-4-194-198 (in English).

Polina Kozyreva, Elizaveta Blagodeteleva

The 3rd Russia Longitudinal Monitoring Survey of Higher School of Economics User Conference, May 19–20, 2017, Moscow, Higher School of Economics: Conference Report[1]

KOZYREVA, Polina — Doctor of Sciences in Sociology, Vice Director, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (IS RAS). Address: 24/35 Krzhizhanovskogo str., 117218, Moscow, Russian Federation.

Email: pkozyreva@isras.ru

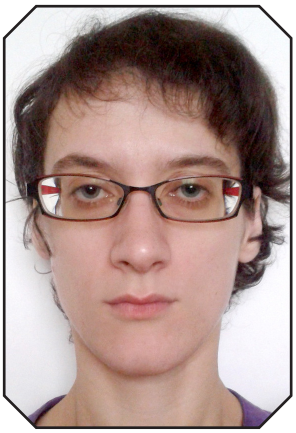
Abstract

The 3rd Russia Longitudinal Monitoring Survey of Higher School of Economics (RLMS-HSE) User Conference, held May 19–20, 2017, at the National Research University Higher School of Economics with the support of Research Center Demoscope, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences and University of North Carolina–Chapel Hill, aimed to provide a forum for the discussion of the research projects based on RLMS-HSE. It brought together nearly one hundred scholars from Russia, the United States, the United Kingdom, and the European Union, whose scientific interests spanned various fields of economics, demography, sociology, political sciences, public health, and psychology. The papers, presented at the plenary and parallel sessions, discussed multiple research problems pertaining to labor market and wages, education, retirement, health, ethnicity, migration, and subjective well-being and attitudes. Although an overwhelming majority of the research topics had been recurring themes at the RLMS-HSE events since the inception of the project, the papers did not fail to demonstrate the wealth of opportunities the RLMS-HSE data had to offer. What set this conference apart from previous ones was a pronounced interest in those sections of the RLMS-HSE data that contain detailed information about health. The sessions on this matter included many fruitful discussions concerning objective indicators of health status, a healthy lifestyle, and the use of healthcare services.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey of Higher School of Economics; RLMS-HSE; longitudinal studies; transition; household; labor market; consumption; health.

The 3rd RLMS-HSE User Conference, held on 19–20 May 2017, at the National Research University HSE with the support of Research Center "Demoscope," Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences and University of North Carolina—Chapel Hill, aimed to provide a forum for the discussion of the research projects based on RLMS-HSE. It brought together almost one hundred scholars from Russia, the USA, the United Kingdom, and the European Union whose scientific interests spanned various fields of economics, demography, sociology, political sciences, public health, and psychology.

[1] Support from the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics is gratefully acknowledged.



BLAGODETELEVA, Elizaveta — Candidate of Sciences (PhD) in History, Centre for Longitudinal Studies, Institute for Social Policy, National Research University "Higher School of Economics" (HSE). Address: 20 Myasnitskaya str, 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: eblagodeteleva@hse.ru (corresponding author)

RLMS-HSE is a series of nationally representative surveys launched by G7 countries in 1992 to collect objective information on health, economics, and social behavior of the Russian population during the period of political and economic transition[2]. The ongoing phase of the project (Phase II) spans the period between 1994 and 2016, with the exceptions of 1997 and 1999, which makes it one of the longest longitudinal surveys, along with the U.S. Panel Study of Income Dynamics (PSID), British Household Panel Survey (BHPS), German Socio-Economic Panel (SOEP), and Luxembourg Household Panel (PSELL). RLMS-HSE includes both a cross-sectional and longitudinal component. The cross-sectional component is based on the first nationally representative sample of households, designed under the supervision of Leslie Kish and Steve Heeringa, two prominent experts in survey methodology. Between 2000 and 2010, the sample was replenished several times to account for attrition and to increase the sample size. The longitudinal component of RLMS-HSE strives to follow households and individuals throughout Phase II, even if they moved out of the initial household units.

One of the salient features of RLMS-HSE is that it covers a wide range of topics, including household-level income, expenditures and service utilization, individual education, the history of employment, details of a working life and retirement, a health status and dietary intake. RLMS-HSE also contains detailed information on health, education, and the patterns of time use among minors living in the surveyed households. The data collected on the household and individual level is conveniently supplemented with the region-specific prices and community infrastructure data. Since the RLMS-HSE questionnaires were designed to match the best international practices, and to put the Russian experience of economic transition into a broad international context, it forms an essential part of the Cross National Equivalent File (CNEF), a project that brings together the data of various national longitudinal surveys, including surveys carried out in the USA, Canada, Great Britain, Germany, Switzerland, Australia, and South Korea, to promote and enhance comparative studies of national economies and societies across the world.

In 2010, the National Research University Higher School of Economics began to provide funding for the RLMS-HSE project. Since then the university has successfully hosted three international conferences for current and prospective RLMS-HSE users. Researchers from Russia, the USA, Great Britain, the Netherlands, Germany, Spain, Italy, Poland, Finland, and Japan came together to share their user experience and discuss the multiple applications of the RLMS-HSE data in the various fields of economics, sociology, and health studies. Presentations at the first and second conferences focused on labor market and wage inequality, economic returns on education, households' responses to economic shocks and poverty, self-assessed health and the demand for healthcare, and alcohol and tobacco consumption. An overwhelming majority of those presentations were subsequently developed into academic papers published in

2 "Russia Longitudinal Monitoring Survey of Higher School of Economics" (RLMS-HSE) is available for public use at: https://www.hse.ru/en/rlms/. For more information on the history of RLMS-HSE, survey methodology and attrition, please, see: [Gerry, Papadopoulos 2015; Kozyreva et al. 2016; Kozyreva, Sabirianova Peter 2015].

international peer-reviewed journals. Furthermore, in 2015, the journal *Economics in Transition* released a collection of the selected papers from the 1st RLMS-HSE User Conference as a special issue dedicated to the Russian economic transition. This issue not only gives a comprehensive overview of the ongoing economic trends, but also clearly demonstrates the wealth of opportunities that RLMS-HSE data presents to researchers worldwide.

The 3rd RLMS-HSE User Conference became the latest in a series of events dedicated to the RLMS-HSE project at HSE. It began with Maria Yudkevich, vice-rector of HSE, and Klara Sabirianova Peter, Associate Professor of Economics and Principal Investigator of the RLMS-HSE at Carolina Population Center, University of North Carolina at Chapel Hill, welcoming all the participants and briefly outlining the agenda for the upcoming conference sessions[3]. The plenary and the two streams of parallel sessions were organized around the following themes: labor market and wages, education, retirement, health, ethnicity and migration, and subjective well-being and attitudes.

Hartmut Lehmann (University of Bologna, Italy & IZA, Germany) opened the plenary session with a keynote address, discussing the wage gap between workers in formal and informal employment in Russia during the global recession of 2008 and 2009. Prof. Lehmann stressed the crucial role that the definition of informality plays in assessing the incidence and determinants of informal employment. To analyze informal employment in Russia, he suggested the use of a segmented model where an upper tier is constituted by voluntary informal employees and self-employed individuals, and a lower tier encompasses all the instances of involuntary informal employment. While the selection into an upper tier is contingent upon a university degree, involuntary informal employment is strongly associated with the previous history of immigration and lower levels of education. Being male, along with having a positive attitude toward risk-taking, generally increase the likelihood of informal employment. Both voluntary and involuntary informal employment result in a wage penalty, which is small for involuntary employees and almost negligible for those who entered the informal labor market out of their own volition. The only group that seems to derive any benefit from informality is self-employed (mostly male) individuals.

The participants continued to discuss the peculiarities of the Russian labor market in a stream of sessions, "Labor Market and Wages 1 & 2". The presentations, featured in the sessions, were primarily concerned with establishing causal relationships between the distribution of real wages and various socioeconomic and political phenomena, such as informality, gender inequality, discrimination against the disabled, job seniority, wage arrears, and recent changes in the tax code. Particularly noteworthy were the papers presented by Vladimir Gimpel'son, Rostislav Kapeliyshnikov, and Aleksey Oshchepkov (HSE, Russia), and Anna Demianova and Anna Lukiyanova (HSE, Russia).

The paper by Gimpel'son et al. discussed a wage premium awarded on the grounds of seniority. According to the results of the previous studies, seniority in general used to yield no wage premium in Russia until the late 2000s. Gimpel'son et al. show that the incidence, amount, and growth rate of a wage premium varied at the early stages of economic transition, depending on whether workers were employed in the state or private sector of the economy, and whether they started their careers in the Soviet times or later. The paper by Demianova and Lukiyanova analyzed the discrimination against the disabled at work. The presented findings suggested that while the effect of health limitations per se is rather small, people face a high level of discrimination on the basis of a legal disability status. Nonetheless, the authors were cautious to attribute a sizeable thirty-percent gap in employment between people with and without a disability status entirely to discriminating practices, since the data does not allow the researchers to thoroughly account for all work-related differences.

[3] The program of the 3rd RLMS-HSE User Conference is available at: https://www.hse.ru/en/rlms/conference2017/

The papers presented at the "Education and Labor Market" session dealt with issues such as the intergenerational transmission of educational attainment and earning capacity, the impact of the unified state exam on the choice of an academic major in non-metropolitan areas, the expansion of higher education in general and the relationship between this expansion, assortative mating and rising income inequality in particular. Klara Sabirianova Peter presented one of her latest papers, prepared in collaboration with Olga Belskaya (University of North Carolina at Chapel Hill, USA) and Christian Posso (Central Bank of Colombia, Colombia). The paper evaluated the socioeconomic consequences of a recent surge in the number of university campuses in Russia. It revealed that although newly opened campuses attract individuals with lower returns on higher education, the marginal individuals who are directly affected by the establishment of an additional campus gain considerable benefits in terms of a prospective wage. This effect is much more pronounced in smaller non-capital cities or municipalities that did not have institutions of higher education before the expansion. Compared to private institutions, the campuses of public universities have proven to be more effective in bringing in new students.

The "Work and Retirement" session focused on the sensitive issue of extending an active working life beyond the age of retirement. The participants discussed various socioeconomic factors that influence the decisions of the elderly to stay at or return to paid work after the age of retirement. At the beginning of the session, Irina Denisova (New Economic School, Russia) offered an exhaustive overview of the current "exit-to-inactivity patterns" that are characteristic of the Russian elderly. She demonstrated rather conclusively that gender does not affect the decision to exit the labor market directly, however, elderly men are more likely to stay at work if married, while elderly women are more likely to retire if there are children in the household (the latter obviously supports the common interpretation of 'babushka' as a primary caregiver in the Russian context). The likelihood of retirement also decreases if a person belongs to the top occupational groups according to the International Standard Classification of Occupations (ISCO) classification, works at a position that does not require a high level of skills, works as an entrepreneur or, conversely, in a public sector enterprise. The lower replacement rate also impacts the decision of high-earners to stay in the workforce. The paper by Loretta Platts (Stress Research Institute, Stockholm University, Sweden) and Karen Glaser (Institute of Gerontology, King's College London, the United Kingdom) made a valuable contribution to the discussion by analyzing the return to work after retirement, or "unretirement", in a comparative study of Russia, Germany, and the United Kingdom. The authors suggested that, unlike gender, age, education, health, and high income, financial concerns do not play a crucial role when people make a decision to return to work.

The "Consumption" session gathered researchers with a particular interest in the relationship between the consumption of goods and services and the financial behavior of Russian households. The participants discussed the impact of credit on disposable household income, the association between the returns on assets, indebtedness, and the growth of consumption. The session started with Vadim Radaev presenting the paper prepared in collaboration with Zoya Kotelnikova (Higher School of Economics, Russia). The paper outlined consumer strategies during four economic shocks the Russian population went through between 1994 and 2014. It describes a relatively stable pattern of consumer responses, which includes a decrease in all types of consumption, with food expenditures suffering fewer cuts compared to spendings on non-food goods and services. The authors also detected a temporary leveling effect that each economic shock had on the living standards of different income groups.

The stream of sessions dedicated to the topic of health reflected the growing interest in the RLMS-HSE among health researchers. The papers, presented at the sessions, made ample use of the RLMS-HSE data on chronic diseases, self-reported health, and the utilization of health services. Researchers from the Centre for Health Economics, Management and Policy (CHEMP), that is currently led by Christopher Gerry and resides at the HSE campus in St. Petersburg, appeared as major contributors to this conversation. Paul Kind, an international research advisor at CHEMP, (Institute for Health Sciences, University of Leeds, the United Kingdom) set the

tone by discussing the prospective use of the RLMS-HSE data for the purposes of adjusting an international standardized system "European Quality of life in five dimensions" (EQ-5D) to suit the needs of the Russian healthcare system. Prof. Kind argued that the indicators of various health statuses, obtained on the basis of the 2005 RLMS-HSE questionnaire, may well help to make the decisions about the allocation of national resources available to healthcare more efficient. Other topics explored were the influence of health shocks on labor market outcomes (both in terms of wages and working hours), the relationship between chronic diseases, self-reported health, and the demand for healthcare, moral hazard in a private insurance market. A promising research project by Margarita Gladkaya (HSE, Russia) and Diana Quirmbach (London School of Hygiene and Tropical Medicine, the United Kingdom) focused on the nutritional outcomes of the decrease in consumer choices resulting from the import ban in 2014. Other presentations particularly worth mentioning were by Natalia Permyakova (University of Southampton, the United Kingdom) who discussed her findings on the relationship between intergenerational living arrangements and men's health, and Yana Roshchina (HSE, Russia) outlining the determinants of a healthy lifestyle among Russian adults.

Anti-immigrant sentiments, ethnic tensions, and xenophobia were the central topics of the "Ethnicity and Migration" session. Participants explored the socioeconomic background and identity of those afflicted by such attitudes and sentiments to define the roots of the phenomenon. The papers presented mostly by the researchers from the Institute of Sociology, Russian Academy of Science (IS RAS) drew on the data of the 2015 RLMS-HSE round, which is only partially available for public use. In his presentation, Vladimir Mukomel (IS RAS, Russia) brought together the results of RLMS-HSE and a number of focus groups conducted by IS RAS in 2015 to show that intolerant individuals lag behind in terms of accumulated social and human capital; moreover, they are unwilling or ill-prepared to invest in these types of capital. Intolerant individuals demonstrate lower trust levels in hypothetical situations, presented to them by an interviewer, and are less likely to identify with the Russian citizens, residents of the same region or settlement, or people of their own ethnicity and religion.

At the last session of the conference, "Subjective Well-Being and Attitudes," participants addressed various questions pertaining to the studies of well-being, including how the subjective assessment of wealth, respect, and life satisfaction changes over time and what it tells the researchers about the reliability of such measurements, whether university education results in positive attitudes toward market economy, and what factors contribute to the higher levels of life satisfaction among entrepreneurs, compared to the population in general. At the beginning of the session, Francesca Dalla Pozza (European Bank for Reconstruction and Development [EBRD], the United Kingdom) presented the comparative study dedicated to the evaluation of the impact that political and economic transition had on objective and subjective well-being in different post-communist countries. The study was carried out by an impressive international team of researchers and used the RLMS-HSE data to corroborate the results of the Life in Transition Survey (LiTSIII), which was funded by the EBRD and the World Bank. The authors found that, although those who were born during the transition suffered significant socioeconomic deprivation, as measured in terms of height, these birth cohorts ended up better educated and more satisfied with their lives.

References

Gerry C. J., Papadopoulos G. (2015) Sample Attrition in the RLMS, 2001–2010. *Economics of Transition*, no 23, pp. 425–468. doi:10.1111/ecot.12063.

Kozyreva P., Kosolapov M., Popkin B. M. (2016) Data Resource Profile: The Russia Longitudinal Monitoring Survey-Higher School of Economics (RLMS-HSE) Phase II: Monitoring the Economic and Health Situation in Russia, 1994–2013. *International Journal of Epidemiology*, vol. 45, no 2, pp. 395–401. doi: 10.1093/ije/dyv357.

Kozyreva P., Sabirianova P. K. (2015) Economic Change in Russia: Twenty Years of the Russian Longitudinal Monitoring Survey. *Economics of Transition*, no 23, pp. 293–298. doi:10.1111/ecot.12071.

Received: August 24, 2017
Citation: Kozyreva P., Blagodeteleva E. (2017) The 3rd Russia Longitudinal Monitoring Survey of Higher School of Economics User Conference, May 19–20, 2017, Moscow, Higher School of Economics: Conference Report. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 18, no 4, pp. 199–204. doi: 10.17323/1726-3247-2017-4-199-204 (in English).

Экономическая социология
Т. 18. № 4.
Сентябрь 2017

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 20, комн. 406
тел.: (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Доступ к журналу

- Доступ ко всем номерам журнала — постоянный, свободный и бесплатный.
- Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).
- Если хотите, чтобы Вас оповещали о выходе очередного номера, пожалуйста, заполните форму подписки: https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html

Journal of Economic Sociology
Vol. 18. No 4.
September 2017

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

20 Myasnitskaya street,
room 406
101000 Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Open Access Policy

- All issues of the Journal of Economic Sociology are always open and free access.
- Each entire issue is downloadable as a single PDF file.
- If you wish to receive notification when new issues are published, please fill out the following form: https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html